

Уникальный роман-загадка.

STYLIST

СЕМЬ
СМЕРТЕЙ
ЭВЕЛИНЫ
ХАРДКАСА

СТЮАРТ ТЁРТОН

The Big Book

Стюарт Тёртон

Семь смертей Эвелины Хардкасл

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Тёртон С.

Семь смертей Эвелины Хардкасл / С. Тёртон — «Азбука-Аттикус», 2018 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-15864-1

Впервые на русском – «головоломная, и притом совершенно органичная, смесь „Аббатства Даунтон“ и „Дня сурка“, Агаты Кристи и сериалов типа „Квантовый скачок“» (Sunday Express). «Эта книга свела меня с ума», – пишет маститая Софи Ханна, и ей вторит автор «Женщины в окне» А. Дж. Финн: «Освежающе оригинально, нечеловечески хитроумно... Жаль, что не я сам это написал». Итак, на бале-маскараде в Блэкхит-хаусе, имении семейства Хардкасл, произойдет убийство: на пике праздника, под аккомпанемент величественного салюта, погибнет красавица Эвелина, единственная дочь и наследница Хардкаслов. Но умрет она не единожды: пока Айден Слоун, один из приглашенных на праздник гостей, не разрешит загадку ее убийства, этот день будет повторяться снова и снова, неизменно завершаясь роковым пистолетным выстрелом. Единственный способ разорвать этот порочный круг – установить личность убийцы. Но каждый раз, после каждой неудачной попытки, Айден приходит в себя в чужом теле – и каждый раз в разном...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15864-1

© Тёртон С., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

1	8
2	11
3	16
4	20
5	25
6	28
7	34
8	39
9	43
10	46
11	51
12	54
13	57
14	58
15	64
16	67
17	71
18	74
19	77
20	80
21	86
22	89
23	92
24	96
25	104
26	107
27	111
28	114
29	117
30	120
31	125
32	127
33	128
34	129
35	136
36	141
37	146
38	151
39	159
40	161
41	166
42	168
43	169
44	173
45	178
46	180

47	185
48	190
49	193
50	197
51	202
52	210
53	219
54	228
55	230
56	233
57	235
58	239
59	243
60	249
Благодарности	252

Стюарт Тёртон
Семь смертей Эвелины Хардкасл

Stuart Turton
The Seven Deaths of Evelyn Hardcastle

Copyright © Stuart Turton, 2018

Endpapers art © Emily Faccini, 2018

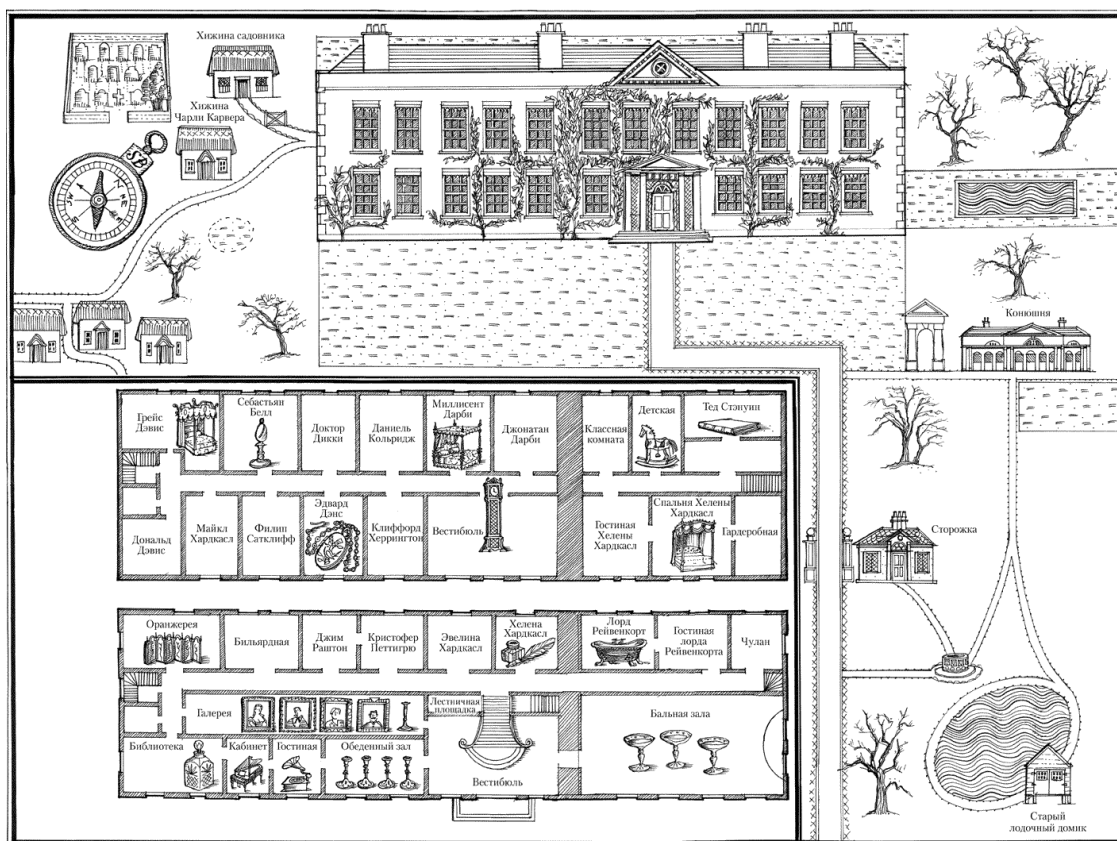
© А. Питчер, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моим родителям, которые дали мне все и не просили ничего.
Моей сестре, первому и самому взыскательному читателю, от
имелей и так далее.
И моей жене, чья любовь, поддержка и требования периодически
отрываются от клавиатуры сделали эту книгу тем, на что я и не смел
надеяться.

Приглашаем вас
на бал-маскарад

в Блэкхит-хаус, имение семейства Хардкасл,

*где вам окажут самый радушный прием
лорд Питер Хардкасл и леди Хелена Хардкасл,
а также
их сын Майкл Хардкасл,
их дочь Эвелина Хардкасл.*

В числе гостей:

*Эдвард Дэнс, Кристофер Петтигрю и Филип Сатклифф, адвокаты семейства,
Грейс Дэвис и ее брат Дональд Дэвис, светские особы,
капитан Клиффорд Харрингтон,
отставной офицер военно-морского флота,
Миллисент Дарби и ее сын Джонатан Дарби, светские особы,
Даниель Кольридж, профессиональный игрок,
лорд Сесил Рейвенкорт, банкир,
Джим Раитон, констебль,
доктор Ричард (Дикки) Эккер,
доктор Себастьян Белл,
Тед Стэнцин.*

Слуги:

*Роджер Коллинз, дворецкий,
миссис Драдж, повариха,
Люси Харпер, старшая горничная,
Альф Миллер, конюх,
Грегори Голд, художник-реставратор,
Чарльз Каннингем, камердинер лорда Рейвенкорта,
Мадлен Обэр, камеристка Эвелины Хардкасл.*

*Гостей просят воздержаться от разговоров
о Томасе Хардкасле и Чарли Карвере,
дабы не расстраивать хозяев
напоминанием о трагических событиях.*

1

День первый

Делаю шаг и тут же все забываю.

Выкрикиваю: «Анна!» – и удивленно закрываю рот.

В голове пусто. Не знаю, кто такая Анна и зачем я ее зову. Не знаю даже, как я сюда попал. Стою посреди леса, прикрывая глаза рукой от моросящего дождя. Сердце колотится, от меня несет потом, ноги дрожат. Наверное, я бежал, но не помню куда.

– Как... – Я осекаюсь, заметив свои руки. Костлявые, уродливые. Чужие. Я их совсем не узнаю.

Охваченный приступом внезапного страха, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь о себе: имена родных и близких, домашний адрес, свой возраст, да что угодно. Бесполезно. Не помню даже, как меня зовут. За миг все, что я знал, вылетело из головы.

Горло перехватывает, дышу прерывисто, хрипло. Лес кружит, перед глазами мелькают черные пятна.

«Успокойтесь».

– Не могу вдохнуть, – сиплю я, оседая на землю; пальцы впиваются в грунт, в ушах гудит.

«Можете. Для начала успокойтесь».

Внутренний голос звучит уверенно, подбадривает:

«Закройте глаза, слушайте лес. Возьмите себя в руки».

Повинуясь голосу, закрываю глаза, слышу только свое прерывистое дыхание. Оно заглушает все остальное, но я медленно, осторожно проделываю дырочку в страхе, подпускаю к себе посторонние звуки. По листьям стучат дождевые капли, над головой шелестят ветки. Справа от меня журчит ручей, в кронах деревьев кричат вороны, хлопают крыльями, взлетая в небеса. В траве что-то шуршит, где-то совсем рядом прыгает кролик. Я сплетаю нити воспоминаний, одно за другим, кутаюсь в пятиминутное полотно прошлого. Ненадолго отгоняю страх.

Неуклюже встаю, невольно удивляясь своему росту, – я такой высокий, земля так далеко. Пошатнувшись, стряхиваю с коленей мокрую листву, впервые замечаю, что на мне фрачная пара, белая сорочка перепачкана грязью, залита красным вином. Наверное, я был на званом ужине. В карманах пусто, я без пальто. Значит, ушел недалеко. Это хорошо.

Похоже, светает. По-видимому, я бродил здесь всю ночь. Фрачную пару не надевают те, кто собирается провести вечер в одиночестве, так что мое отсутствие наверняка уже заметили. Где-то там, за деревьями, скорее всего, стоит дом, его обитатели просыпаются, поднимают тревогу, отправляют людей на поиски. Я вглядываюсь в лесные заросли, смутно надеясь увидеть, как из-за кустов выходят друзья, хлопают меня по плечу и мы, перешучиваясь, возвращаемся домой. Увы, мечты не выведут из леса, бесполезно сидеть и ждать, пока меня отыщут. Меня пробирает дрожь, зубы стучат. Надо двигаться хотя бы для того, чтобы согреться, но вокруг одни деревья. Неизвестно, куда идти, в какой стороне меня ждет спасение.

В растерянности я обращаюсь к последнему действию того, кем я был:

– Анна!

Очевидно, именно из-за нее я оказался в лесу. Вот только я не в состоянии ее представить. Может, она моя жена? Или дочь? Нет, не похоже, но имя чем-то притягивает. Для меня она явно с чем-то связана.

– Анна! – отчаянно, безнадежно зову я.

– Помогите! – откликается женщина.

Я резко оборачиваюсь на голос. Перед глазами все плывет, но вдали за деревьями мелькает фигура женщины в черном. Спустя несколько секунд через кусты ломится ее преследователь.

– Эй, стой! – кричу я, но мой слабый голос еле слышен за топотом ног.

От неожиданности застываю на месте. Они почти скрываются из виду, и тут я бросаюсь следом с быстротой, поразительной для ноющего, усталого тела. Увы, я не могу их нагнать.

Обливаюсь потом, ноги не держат, подгибаются, вконец отказывают – и я шлепаюсь в грязь. Копошусь в палой листве, с трудом встаю и снова слышу, как по лесу разносится заполюшный крик. Его обрывает выстрел.

– Анна! – отчаянно зову я. – Анна!

В ответ звучит угасающее эхо пистолетного выстрела.

Тридцать секунд. Вот как долго я мешкал после того, как заметил ее в первый раз. Вот на каком расстоянии от нее находился. Тридцать секунд замешательства, тридцать секунд полного бездействия.

Замечаю под ногами толстый сук, поднимаю, замахииваюсь для пробы. Увесистый, с грубой корой, он придает мне уверенности. Разумеется, обломанная ветка, даже толстая, не защищает от пистолета, но все же лучше бродить по лесу с ней, чем с пустыми руками. Я все еще с трудом перевожу дух, все еще дрожу после недолгой пробежки, но чувство вины влечет меня туда, откуда слышался крик Анны. Я стараюсь не шуметь, осторожно отвожу низко нависшие ветви, ищу то, что видеть совсем не хочется.

Слева от меня хрустит ветка.

Затаив дыхание, я напряженно вслушиваюсь.

Хруст звучит снова, шуршит листва, трещит хворост под ногами. Меня обходят сзади.

Кровь застывает в жилах, я замираю. Боюсь оглянуться.

Шорох все ближе, за спиной дышат – ровно, неглубоко. У меня снова подгибаются ноги, сук падает на землю.

Я бы взмолился, но не помню слов.

Теплое дыхание щекошет шею. Пахнет спиртным, сигаретами, невымытым телом.

– На восток, – хрипло произносит мужской голос.

Неизвестный сует мне в карман что-то тяжелое.

И уходит. Шаги удаляются в чащу. Я обмякаю, прижав лоб к земле, вдыхаю запах прелой листвы и перегноя. По щекам катятся слезы.

Облегчение удручает, трусость угнетает. Я побоялся даже взглянуть на своего мучителя. Что я за человек такой?

Через несколько минут страх отпускает, ко мне возвращается способность двигаться, и я в полном изнеможении прислоняюсь к дереву. Подарок убийцы оттягивает карман. Дрожа от ужаса, я запускаю туда руку, вытаскиваю серебряный компас.

– Ой! – удивленно восклицаю я.

Стекло с трещиной, корпус в царапинах, на нем выгравирован вензель «СБ». Не знаю, что он означает, но слова убийцы становятся понятны. По компасу мне нужно на восток.

Я виновато гляжу на лес. Труп Анны где-то неподалеку, но, если я его отыщу, что сделает убийца? Мне страшно. Может быть, я остался в живых потому, что не обнаружил тела. Стоит ли и дальше полагаться на милосердие злодея?

«Если это и впрямь милосердие».

Я долго смотрю на подрагивающую стрелку компаса. Сейчас я мало в чем уверен, но твердо знаю, что убийцам милосердие несвойственно. Убийца ведет какую-то непонятную игру, его советам веры нет, но если я не последую этому совету, то... Я снова оглядываю лес. Куда ни посмотри, везде деревья, без конца и края, под небом, полным злобы.

«Это ж как надо заплутать, чтобы положиться на дьявола в поисках дороги домой?»

А вот так, решаю я. Так, как я заплутал.

Я отстраняюсь от ствола, кладу компас на раскрытую ладонь. Стрелка рвется на север. Я поворачиваюсь на восток, против ветра и холода, против целого мира.

Надежда меня оставила.

Я слепец в чистилище, куда меня привели незримые грехи.

2

Ветер воет, ливень усиливается, струи дождя хлещут деревья, отскакивают от земли, заливают лодыжки, а я иду по компасу.

В сумраке замечаю яркое пятно, бреду к нему. К дереву прибит красный носовой платок, след какой-то давней детской игры. Ищу еще один, нахожу через несколько шагов, а потом вижу и третий. В сумраке бреду от одного к другому и наконец выхожу из леса на опушку, точнее, к величественному георгианскому особняку из красного кирпича, увитому плющом. Судя по всему, особняк заброшен. Подъездная аллея заросла сорняками, прямоугольные лужайки по обе стороны превратились в топи, цветочные бордюры завяли.

Пытаюсь обнаружить хоть какие-то признаки жизни, оглядываю темные окна и наконец замечаю слабый отсвет на втором этаже. Мне чудится, что я наткнулся на какое-то спящее чудовище, огромное и ужасное, а мерцающий свет в окне – ровное биение его сердца. Может быть, убийца подарил мне компас для того, чтобы отправить меня прямо в зловещую пасть?

Вспоминаю об Анне, через силу делаю первый шаг. Она рассталась с жизнью из-за моего тридцатисекундного замешательства, а теперь я снова в нерешительности. Нервно сглатываю, смахиваю с лица дождинки, пересекаю лужайку, поднимаюсь по выщербленным ступенькам к входной двери. С детским нетерпением колочу в нее, трачу последние силы на стук. В лесу свершилось ужасающее злодеяние, но преступника еще можно изловить, если мне удастся разбудить обитателей особняка.

А у меня ничего не получается.

Бьюсь в дверь до изнеможения, но ее не открывают.

Приложив ладони к лицу, поочередно прижимаюсь носом к высоким окнам по обе стороны двери, но витражи покрыты слоем грязи, так что внутри можно разглядеть лишь желтоватые пятна. Стучу по стеклам ладонью, возвращаюсь к парадной двери, пытаюсь сообразить, как попасть в дом. И тут вижу ржавую цепочку дверного звонка, увитую плетью плюща. Выпутьываю цепь, дергаю изо всех сил и продолжаю дергать, пока не замечаю какое-то движение за окнами.

Дверь открывает заспанный тип наистраннейшей наружности, и несколько секунд мы стоим, ошеломленно разглядывая друг друга. Кособокий коротышка изуродован ожогами, жуткие шрамы покрывают половину лица. Просторная пижама болтается на нем как на вешалке, а на кривые плечи накинута ветхий бурый шлафрок. В этом создании почти нет ничего человеческого, словно он последний представитель какой-то исчезнувшей ветви нашего эволюционного древа.

– Ох, бога ради, помогите, – говорю я, приходя в себя.

Он смотрит на меня, разинув рот.

– У вас есть телефон? – спрашиваю я. – Надо позвонить в полицию.

Никакой реакции.

– Да не стойте же столбом! – кричу я, встряхиваю его за плечи, протискиваюсь в вестибюль и сам невольно раскрываю рот от изумления.

Здесь все блестит и сверкает, в шахматных плитках мраморного пола отражается хрустальная люстра с десятками свечей. По стенам развешаны зеркала в тяжелых рамах, широкая лестница с замысловатыми перилами ведет к галерее второго этажа, по ступеням стекает узкая ковровая дорожка, алая, как кровь убитого зверя.

В дальнем конце комнаты хлопает дверь, из глубины особняка появляется вереница слуг, человек пять или шесть, с охапками розовых и лиловых цветов, аромат которых перебивает запах растопленного воска. Оживленная болтовня стихает, как только слуги видят запыхав-

шийся кошмар у входа. Один за другим они поворачиваются ко мне, затаив дыхание. Воцарившуюся тишину нарушает только звук воды, льющейся с моей одежды на чистый пол.

Кап.

Кап.

Кап-кап.

– Себастьян?

Импозантный блондин в крикетном джемпере и льняных брюках сбегает по лестнице, перепрыгивая через две ступени за раз. Он чуть старше пятидесяти, но возраст делает его не усталым и изможденным, а лишь немного потрепанным – сказывается привычка к излишествам. Не вынимая рук из карманов, он устремляется ко мне. Перед ним поспешно расступаются слуги, но он их как будто не замечает, не сводит с меня глаз.

– Дружище, что с вами? – спрашивает он, участливо наморщив лоб. – Когда мы...

– Немедленно вызывайте полицию, – говорю я, хватая его за руку. – Анну убили.

Слуги взволнованно перешептываются.

Он недоуменно смотрит на меня, косится на слуг, которые потихоньку подходят ближе, негромко повторяет:

– Анну?

– Да, Анну. За ней гнались.

– Кто?

– Кто-то в черном. Надо вызвать полицию!

– Да-да, конечно. Но сначала давайте поднимемся к вам в комнату, – ласково предлагает он и подталкивает меня к лестнице.

Перед глазами все плывет, то ли из-за того, что в доме жарко натоплено, то ли от облегчения при виде дружелюбного лица; крепко держась за перила, я нетвердыми шагами поднимаюсь по ступенькам.

На лестничной площадке нас встречают высокие напольные часы; механизм проржавел насквозь, секунды осели пылью на маятнике. Оказывается, что утро уже далеко не раннее, почти половина одиннадцатого.

От лестницы коридор простирается в обе стороны, в противоположные крылья дома, но вход в восточное крыло перекрывает бархатная портьера, наскоро приколоченная к потолку; к портье пришпилено объявление «Ремонтные работы».

Мне не терпится рассказать об ужасном утреннем происшествии, и я снова завожу речь об Анне, но мой добрый самаритянин таинственно качает головой, требуя молчания.

– Проклятые слуги за полминуты разнесут по дому сплетни, – поясняет он сдавленно и глухо, будто сквозь стену. – Лучше поговорим наедине.

Он обгоняет меня на два шага, но я еле держусь на ногах и не поспеваю за ним.

– Дружище, да на вас лица нет! – восклицает он, заметив, что я отстаю.

Он приобнимает меня, ведет дальше, ладонь лежит на спине, пальцы касаются позвонков. В простом жесте ощущается настоящее нетерпение. Он подталкивает меня вперед, мы идем по сумрачному коридору со спальнями по обе стороны; в них прибираются горничные. От запаха краски слезятся глаза, – похоже, стены недавно красили – еще одно свидетельство поспешных ремонтных работ. Полы кое-где натерты мастикой, устланы коврами, чтобы приглушить скрип рассохшихся досок. Высокие спинки кресел прикрывают трещины в стенах, а картины и фарфоровые безделушки отвлекают взгляд от выщербленных лепных карнизов. Впрочем, все попытки скрыть разруху и запустение остаются безуспешными. Под коврами – руины.

– А вот и ваша спальня! – Мой спутник распахивает дверь в конце коридора.

Струя холодного воздуха ударяет в лицо, я немного прихожу в себя, но мой спутник решительно направляется к открытому окну, чтобы опустить створку. Я вхожу в уютную ком-

нату, где в самом центре красуется роскошная кровать с балдахином, царственное величие которой несколько портят обвисшие складки ветхого полога, расшитого облезлыми птицами. В левом углу комнаты стоит складная ширма, сквозь щели между створками виднеется чугунная ванна. Спальня обставлена скудно; из прочей мебели – прикроватная тумбочка, буфет и платяной шкаф у окна, все растрескавшиеся и обшарпанные. Из личных вещей здесь только зачитанная до дыр Библия короля Иакова в обтрепанном переплете; она лежит на прикроватной тумбочке.

Пока мой добрый самаритянин сражается с разбухшей оконной рамой, я подхожу к нему, выглядываю в окно, и мысли моментально путаются. Особняк стоит в густом лесу, в плотном зеленом покрове нет прорех – ни деревеньки, ни дороги. Без компаса, без милосердия убийцы я никогда не добрался бы до особняка, а сейчас не могу отделаться от ощущения, что меня заманили в западню. Если злодей убил Анну, а меня оставил в живых, значит у него есть какие-то далекоидущие планы. Но что ему от меня нужно? Почему он не расправился со мной в лесу?

Мой спутник наконец опускает створку окна, жестом приглашает меня сесть в кресло у зажженного камина, вручает мне белое полотенце из шкафа и, присев на краешек кровати, закидывает ногу на ногу.

– Ну, старина, а теперь рассказывайте обо всем по порядку, – просит он.

– Некогда! – Я сжимаю подлокотник кресла. – Я вам потом все расскажу, но сначала надо вызвать полицию и обыскать лес. Там прячется безумец.

Он окидывает меня любопытным взглядом, будто ищет правду в складках моей перепачканной одежды.

– К сожалению, вызвать полицию мы не сможем, телефонную связь сюда еще не провели, – отвечает он, потирая шею. – Разумеется, мы обыщем лес, а если что-то обнаружим, то пошлем кого-нибудь из слуг в деревню. Вы не хотите переодеться? А потом покажете, где это случилось.

– Видите ли... – Я нервно скручиваю полотенце. – Это затруднительно. Я заблудился и...

– Тогда опишите убийцу. – Он поддергивает штанину, открывая щиколотку в сером носке. – Как он выглядел?

– Я не видел его лица, только черное пальто.

– А Анна?

– Она тоже была в черном. – Я осознаю, что других сведений у меня нет, и щеки обжигает жаром. – И... в общем, мне известно только ее имя.

– Простите, Себастьян, я думал, вы с ней знакомы.

– Нет-нет... – бормочу я. – Ну, то есть, может быть. Я не уверен.

Мой добрый самаритянин, свесив руки с коленей, со смущенной улыбкой подается вперед:

– Погодите-ка, я что-то не пойму. Вы знаете, как ее зовут, но не уверены, что...

– Да у меня память отшибло, черт побери! – восклицаю я, сбрасывая с плеч тяжелый груз признания. – Даже своего имени не помню, и как зовут друзей – тоже не знаю.

Его глаза скептически поблескивают. Впрочем, ничего удивительного; для меня самого все это звучит нелепо.

– Но память не имеет отношения к тому, что я видел, – настаиваю я, цепляясь за обрывки правдоподобия. – Я видел, как за женщиной кто-то гнался, она закричала, но выстрел оборвал крик. Надо обыскать лес!

– Понятно, – вздыхает он, стряхивая пылинку со штанины; следующие слова он подбирает медленно, осторожно, как будто предлагает их мне: – А может быть, вы столкнулись с влюбленной парочкой? Вдруг они затеяли какую-то игру в лесу, а звуком выстрела мог быть треск обломанной ветки. Или стреляли из стартового пистолета? Из ракетницы?

– Нет, что вы, женщина звала на помощь. Она была напугана! – Я взволнованно вскакиваю с кресла, отбрасываю грязное полотенце.

– Да-да, разумеется, – успокаивает он, глядя, как я мечусь по комнате. – Я вам верю, дружище, но полиция во всем требует точности. Да и потом, полицейские любят выставлять на посмешище людей из светского общества.

Я беспомощно гляжу на него, чувствуя, что тону в море банальностей. Внезапно вспомнив о компасе, я вытаскиваю его из кармана; компас заляпан грязью, приходится стереть ее рукавом.

– Убийца дал мне вот это. Сзади на корпусе – вензель, – указываю я дрожащим пальцем. Сощурившись, он методично осматривает компас, крутит его в пальцах.

– «Эс Бэ», – медленно произносит он, глядя на меня.

– Да!

– Себастьян Белл. – Он умолкает, заметив мою растерянность. – Это ваши инициалы, Себастьян. Вас зовут Себастьян Белл. Это ваш компас.

Я открываю рот, но не издаю ни звука.

– Может быть, я его потерял. А убийца нашел.

– Все может быть, – кивает он.

Его доброта меня убивает. Он наверняка думает, что я полоумный пьяный дурак, который всю ночь плутал по лесу, а под утро заявился домой и теперь несет всякий бред. Самое страшное, что он меня ни в чем не упрекает, а наоборот, жалеет. Гневные упреки весомы и осязаемы, их можно опровергнуть, хотя бы и кулаками. А вот жалость – туман, в котором сразу теряешься.

Я падаю в кресло, сжимаю виски. По лесу бродит убийца, но я не могу убедить собеседника в грозящей нам опасности.

«Убийца, который показал вам дорогу домой».

– Я точно знаю, что именно я видел, – настаиваю я.

«Вы даже не знаете, кто вы такой».

– Разумеется, – произносит мой спутник, не понимая причины моего заявления.

Я смотрю в никуда, думаю о женщине по имени Анна, которую убили в лесу.

– Послушайте, вы пока отдохните. – Он встает. – А я пока узнаю, все ли на месте. Может быть, что-нибудь прояснится.

Он говорит благожелательно, но равнодушно. Доброта добротой, но мне он не верит, а значит, его расспросы ни к чему не приведут. Вот сейчас дверь за ним закроется, он для порядка обратится к прислуге, а тело несчастной Анны так и останется в лесу.

– Я видел, как убивают женщину. – Я устало поднимаюсь с кресла. – Я не смог ее спасти. Поэтому теперь обязан найти доказательства, даже если для этого придется обыскать весь лес.

Он пристально смотрит на меня, и моя неколебимая уверенность несколько развеивает его сомнения.

– И откуда вы собираетесь начать? – спрашивает он. – Вокруг тысячи гектаров леса, и даже из самых лучших побуждений у вас сейчас ничего не выйдет – вас ноги не держат. Все равно эта ваша Анна уже умерла, ее убийца бежал. Подождите часок, я подниму людей на поиски и спрошу прислугу. Кому-то должно быть известно, кто эта женщина и откуда взялась. Честное слово, мы ее отыщем, вот только сделать это надо без спешки, как полагается. – Он похлопывает меня по плечу. – Вы согласны? Подождете часок?

Я порываюсь возразить, но понимаю, что он прав. Мне надо отдохнуть, восстановить силы и, хотя смерть Анны тяжким грузом лежит на моей совести, одному возвращаться в лес не хочется. Я ведь и сам чудом спасся.

Я соглашаюсь, сокрушенно киваю.

– Спасибо, Себастьян, – говорит он. – Вам уже готовят ванну. Приведите себя в порядок, а я тем временем пошлю за врачом и велю своему камердинеру подобрать вам одежду. Отдохните, а к обеду встретимся в гостиной.

Надо бы узнать у него, что это за особняк и почему я здесь, но сейчас важнее другое: чем быстрее он всех расспросит, тем быстрее начнутся поиски. Однако же меня волнует кое-что еще, и, пока я подбираю слова, он уже открывает дверь.

– А здесь есть кто-нибудь из моих родственников? – спрашиваю я. – Наверное, они волнуются...

Он участливо глядит на меня с порога:

– Вы холостяк, старина. И родственников у вас нет, если не считать какой-то престарелой тетушки, которая обещалась отписать вам свое состояние. Друзей у вас много, вот я, например, но об этой Анне я никогда не слышал. Даже имя от вас узнал впервые.

Под моим разочарованным взглядом он смущенно отворачивается и исчезает в холодном коридоре; дверь хлопает, пламя в камине вздрагивает.

3

Холодный воздух из коридора не успевает рассеяться, как я вскакиваю с кресла, открываю ящики прикроватной тумбочки, ищу хоть какое-нибудь упоминание об Анне среди вещей: что угодно, лишь бы убедиться, что она – не порождение воспаленного ума. К сожалению, спальня упрямо молчит. Из личных вещей находится только портмоне с несколькими фунтовыми банкнотами и приглашение с золотым обрезом. На лицевой стороне – список гостей, на обороте – приписка от руки, изящным почерком:

Лорд и леди Хардкасл приглашают Вас на бал-маскарад в честь возвращения из Парижа их дочери Эвелины. Празднование состоится в имении Блэкхит-хаус, во второй уик-энд сентября. В связи с удаленностью имения экипажи будут ждать гостей в Абберли, ближайшей деревне.

Приглашение адресовано доктору Себастьяну Беллу. Лишь через несколько секунд я соображаю, что это мое имя. Действительно, мой добрый самаритянин так меня и называл, но имя на бумаге, да еще и с упоминанием моей профессии, ошеломляет еще больше. Я не ощущаю себя Себастьяном, а тем более – врачом.

Губы невольно кривятся в усмешке.

Интересно, что подумают обо мне пациенты, если я надену стетоскоп задом наперед.

Швырнув приглашение в ящик, беру в руки Библию, листаю зачитанные страницы с загнутыми уголками. Некоторые пассажи подчеркнуты, слова обведены красными чернилами, но я не могу понять почему. Я так надеялся отыскать здесь какую-нибудь зацепку, спрятанное письмо или посвящение, но никакой мудрости из Библии так и не почерпнул. Я сжимаю ее обеими руками, пытаюсь произнести молитву, проникнуться былой верой, но все напрасно. Само занятие кажется глупым и никчемным. Религия, как и все остальное, меня покинула.

Перехожу к платяному шкафу, проверяю карманы костюмов – ничего. Зато под грудой одеял обнаруживается дорожный сундук – великолепный, старинный, с потертой кожей, перетянутой почерневшими металлическими скобами. Внушительная защелка охраняет содержимое от посторонних глаз. На ярлычке написан лондонский адрес – наверное, мой домашний, но мне он совершенно незнаком.

Я снимаю фрак, стаскиваю сундук на пол. Внутри что-то громыкает. Облегченно вздохнув, нажимаю кнопку защелки, и у меня вырывается разочарованный стон – проклятый сундук заперт на замок. Дергаю крышку раз-другой – не открывается. Снова обыскиваю ящики тумбочки, ложусь на пол и заглядываю под кровать, но там пусто, только катышки крысиного яда и пыль.

Ключа нигде нет.

Неисследованным остается угол, где стоит ванна; я, будто одержимый, вбегаю за ширму и всем телом вздрагиваю от испуга – там прячется жуткий тип с безумными глазами.

Зеркало.

Неожиданное открытие заставляет типа с безумными глазами смущенно потупиться – вместе со мной.

Делаю осторожный шаг вперед, рассматриваю себя с ног до головы, разочарованно вздыхаю. Гляжу на дрожащего, испуганного человечка, понимая, что представлял себя иначе. Не важно, как именно – выше, ниже, стройнее, толще, – но уж явно не таким невзрачным созданием. Русые волосы, карие глаза, подбородок отсутствует, лицо неприметное – с ним легко затеряться в толпе; на мне Создатель решил отдохнуть.

Отражение мне быстро надоедает. Продолжаю искать ключ от сундука, но нахожу только туалетные принадлежности и кувшин с водой. Похоже, я прежний аккуратно удалил все следы того, кем был до исчезновения. Я готов взвыть от отчаяния, но тут раздается стук в дверь – по пяти уверенным ударам легко представить себе личность стучащего.

– Себастьян, вы здесь? – спрашивает грубоватый низкий голос. – Меня зовут Ричард Эккер, я врач. Меня попросили вас осмотреть.

Открываю дверь, первым делом вижу огромные седые усы. Потрясающее зрелище. Кончики загибаются у самых краев лица, на котором теоретически растут эти самые усы. За усами виднеется шестидесятилетний мужчина, совершенно лысый, с носом картошкой и покрасневшими глазами. От него пахнет бренди, очень весело, как будто каждый глоток радостно вливался в горло.

– Боже мой, краше в гроб кладут! – говорит он. – Это я вам как врач заявляю.

Воспользовавшись моим смятением, он переступает порог, швыряет на кровать черный саквояж и внимательно оглядывает комнату. Особенно его привлекает дорожный сундук.

– У меня тоже такой был, – вздыхает он, ласково поглаживая крышку. – Это ведь «Лаволей»? Я с ним весь Восток объездил, когда служил в армии. Говорят, французу веры нет, а вот дорожные сумки и чемоданы у них замечательные.

Он легонько пинает сундук, морщится, ударив ногу о твердую кожу.

– Вы что, кирпичи в нем таскаете? – Он вопросительно склоняет голову набок, будто ожидая ответа на свой нелепый вопрос.

– Он закрыт, – с запинкой говорю я.

– А, вы не можете найти ключ?

– Я... не могу. Доктор Эккер, я...

– Да вы не стесняйтесь, зовите меня Дикки, – предлагает он, выглядывая в окно. – Меня все так зовут. Поначалу мне не очень нравилось, а теперь уже привык. Даниель говорит, что с вами что-то стряслось.

– Даниель? – переспрашиваю я; надо же, ведь вроде бы поймал нить разговора, а она от меня снова ускользает.

– Кольридж. Это он вас утром нашел.

– Ах да, конечно.

Доктор Дикки лучезарно улыбается моему замешательству:

– Так, значит, память потеряли? Вы не волнуйтесь, на войне я часто с таким сталкивался. Через денек-другой все вернется, независимо от желания пациента.

Он жестом приглашает меня к сундуку, усаживает на крышку. Наклоняет мою голову к себе, с нежностью мясника ощупывает, хохочет, видя, что я морщусь.

– Ага, вот тут у нас замечательная шишка, – говорит он задумчиво. – Похоже, это вы вчера ночью где-то приложились. И скорее всего, из-за этого все и улетучилось, если так можно выразиться. А на что еще жалуетесь? Головная боль, тошнота, что-нибудь в этом роде?

– Голос, – с некоторым смущением признаюсь я.

– Голос?

– Да, у меня в голове. Кажется, мой собственный, только очень уверенный.

– Понятно, – тянет он. – И этот... голос, он что говорит?

– Иногда дает советы, иногда комментирует мои действия.

Дикки расхаживает у меня за спиной, дергает усы:

– А советы, как бы это сказать, полезные? Ничего из ряда вон выходящего? Он не склоняет вас к насилию? Или там к извращениям?

– Нет, что вы! – возмущаюсь я, задетый намеком.

– Вы его сейчас слышите?

– Нет.

– Травма, – внезапно заявляет он, воздев указательный палец. – Вот что это такое. Очень распространенное явление. Стоит человеку удариться головой, как начинаются странные вещи. Он видит запахи, ощущает вкус звуков или слышит голоса. Обычно все симптомы исчезают через пару дней, в крайнем случае – через месяц.

– Через месяц? – Я оборачиваюсь, гляжу на него. – И как мне целый месяц жить в таком состоянии? Может, лучше лечь в больницу?

– Ни в коем случае. Больницы ужасны! – восклицает он. – Там в каждом углу таится смертоносная зараза, а в каждой койке прячется страшная болезнь. Лучше послушайте моего совета, сходите на прогулку, переберите свои вещи, побеседуйте с друзьями. Помнится, вчера за ужином вы с Майклом Хардкаслем лихо распили бутылку на двоих, и даже не одну. Все говорят, что вечер удался. Так вот, Майкл наверняка поможет вам все вспомнить. И поверьте, как только память к вам вернется, голос исчезнет, это я вам обещаю. – Он на миг умолкает, сосредоточенно цокает языком. – А вот с рукой и правда непорядок.

Нас прерывает стук в дверь. Я не успеваю ничего сказать, а Дикки ее уже открывает. Камердинер Даниеля принес обещанную чистую одежду. Я робею, но Дикки решительно берет у него одежду, говорит, что больше ничего не нужно, и выкладывает костюм на кровать.

– Так, на чем мы остановились? – говорит он. – Ах да, рука.

Проследив за его взглядом, я замечаю кровавые разводы на рукаве сорочки. Дикки без предупреждения задирает мне рукав, открывая жуткие глубокие порезы. Кровь уже свернулась, но мои недавние метания разбредили раны.

Дикки по одному загибает мне напряженные пальцы, достает из саквояжа бутылочку коричневого стекла и бинты, промывает порезы и смазывает их йодом.

– Себастьян, это ножевые ранения, – озабоченно замечает он; веселье и бойкость голоса куда-то исчезают. – Свежие. Похоже, вы прикрывались рукой от нападения, вот так.

Он поднимает руку на уровень лица, машет перед ней стеклянной пипеткой, будто ножом. От этого зрелища у меня мурашки бегут по коже.

– Вы помните, что случилось вчера вечером? – спрашивает он, накладывая на руку повязку – так туго, что я шиплю от боли. – Хоть что-нибудь помните?

Я мысленно возвращаюсь к пропавшему времени. Когда я очнулся, то вообще ничего не помнил, но теперь понимаю, что это не совсем так. Какие-то воспоминания остались, но очень смутные. Дотянуться до них я не могу. У воспоминаний есть вес и форма, как у зачехленной мебели в темной комнате. А у меня нет фонаря, чтобы их осветить.

Я вздыхаю, мотаю головой:

– Нет, ничего не припоминаю. Но утром я видел...

– Как убили женщину, – прерывает меня доктор. – Да, Даниель мне говорил.

В его словах сквозит сомнение, но он не бросается меня разубеждать, а просто завершает перевязку.

– Как бы то ни было, надо срочно сообщить в полицию, – замечает он. – Судя по всему, на вас напали с дурными намерениями. – Он берет саквояж, неловко пожимает мне руку. – Вам, молодой человек, необходимо совершить стратегическое отступление. Поговорите с конюхом, он отвезет вас в деревню, а там уже можно вызвать полицию. А пока будьте настороже. На выходные в Блэкхит-хаус приехали двадцать человек, и еще тридцать приглашены на сегодняшней бал. И смею заметить, на такую пакость способны многие. Если вы кого-то чем-то задели, то... – Он качает головой. – В общем, будьте осторожны.

Он уходит. Я хватаю ключ с буфета и бросаюсь запирать дверь, но руки дрожат, и ключ не сразу попадает в замочную скважину.

Всего час назад я считал, что убийца со мной играет, измывается морально, но не физически. Здесь, среди людей, я чувствовал себя в безопасности, настаивал, что мы должны отправиться на поиски Анны и ее убийцы. Теперь все изменилось. Кто-то уже покушался на мою

жизнь, и я не намерен здесь задерживаться, чтобы дать злодею еще один шанс. Мертвецы не ждут, что живые возвратят им долг, так что перед Анной я повинюсь на расстоянии. Вот побеседую с добрым самаритянином в гостиную, а потом, следуя совету Дикки, поговорю с конюхом и уеду в деревню.

Мне пора домой.

4

Расплескивая воду через край ванны, быстро смываю с кожи слой грязи вперемешку с палой листвой. Внимательно разглядываю свое намытое розовое тело, ищу родинки, шрамы, что угодно, лишь бы что-то вспомнить. Через двадцать минут меня ждут на первом этаже, но об Анне я знаю не больше того, что мне было известно на ступенях крыльца Блэкхит-хауса. Биться о кирпичную стену разума – не самое приятное занятие, даже когда я считал, что это пойдет на благо поискам, но теперь мое невежество может все испортить.

Наконец я отмылся. Вода в ванне чернее черного. Я расстроено утираюсь полотенцем, осматриваю отглаженную одежду, которую принес камердинер. Костюм слишком строгий и чопорный, но, проверив содержимое платяного шкафа, я понимаю, что выбирать не из чего. В гардероб Белла – да, я все еще не сопоставляю его с собой – входит несколько одинаковых костюмов, две фрачные пары, охотничий костюм, две дюжины сорочек и несколько жилетов. Вся одежда либо серого, либо черного цвета, невзрачный мундир человека, ведущего ничем не примечательный образ жизни. Самое странное в сегодняшнем утреннем происшествии то, что этот человек подвиг кого-то на жестокий поступок.

Я быстро одеваюсь, но так нервничаю, что приходится уговаривать себя шагнуть к двери. На ходу протягиваю руку к буфету – какой-то инстинкт настаивает, что я должен положить что-то в карман, – но там пусто. Значит, на буфете обычно что-то лежало, только я не помню, что именно. Очевидно, меня преследуют старые привычки Белла, тень моей прошлой жизни. Сила рефлекса изумляет, даже странно, что в руке ничего нет. К сожалению, единственное, что я принес из леса, – проклятый компас, но теперь и он исчез. Наверное, его забрал мой добрый самаритянин, тот, кого доктор Дикки назвал Даниелем Кольриджем.

Охваченный тревогой, опасливо выхожу в коридор.

Помню только утренние события, да и те не могу удержать в памяти.

Кто-то из прислуги объясняет мне, как пройти в гостиную, которая находится за обеденным залом, в нескольких комнатах от мраморного вестибюля, куда я ворвался утром. Место очень неприятное, повсюду панели темного дерева и алые портьеры, что в общем напоминает огромный гроб; угли, горящие в камине, наполняют гостиную маслянистым чадом. Здесь уже собрались человек десять, и, хотя стол ломится от холодных закусок, гости сидят в кожаных креслах или стоят у окон, печально взирая сквозь свинцовые переплеты на мерзкую погоду; служанка в переднике, испачканном вареньем, снует между гостями, собирает грязную посуду и пустые стаканы на громадный поднос, с трудом удерживая его в руках. Толстяк в зеленом твидовом костюме сидит у фортепиано в углу и наигрывает скабрезный мотивчик, впрочем слух присутствующих больше оскорбляет неумелое исполнение. На пианиста никто не обращает внимания, хотя он старается изо всех сил.

Уже почти полдень, а Даниеля нет. Я изучаю графины с напитками на буфетной стойке, совершенно не понимая, где какой и что я обычно пью. В конце концов наливаю себе чего-то коричневого и поворачиваюсь к остальным, надеясь кого-то узнать. Если кто-то из гостей на меня напал, то вряд ли обрадуется, увидев, что я жив и здоров, и я его сразу замечу. А разум не станет скрывать от меня, кто это такой, если злодей сам себя выдаст. Разумеется, если разум сможет его отличить. Для меня сейчас все одинаковы: мужчины – краснолицые, буйные, напористые, в охотничьих твидовых костюмах, а женщины – скромные, в длинных юбках, льняных блузках и кардиганах. В отличие от громогласных мужей, жены ведут себя тихо и степенно, краем глаза поглядывая на меня. За мной наблюдают исподволь, как за редкой птицей. Это очень пугает, но причины такого поведения, в общем-то, понятны. Даниель, расспрашивая гостей и слуг, наверняка упомянул о моем состоянии. Так что волей-неволей я теперь тоже развлекаю гостей.

Не выпуская бокала из рук, пытаюсь отвлечься, прислушиваюсь к разговорам, но не могу отделаться от впечатления, что сунул голову в куст роз. Половина гостей жалуется, половина – выслушивает жалобы. Им не нравится жилье, еда, леность прислуги и даже то, что их сюда привезли, а не объяснили, как проехать самостоятельно (впрочем, неизвестно, добрались бы они в эту глушь или нет). Больше всего их раздражает холодный прием леди Хардкасл, которая еще не выходила к гостям, хотя многие прибыли в Блэкхит вчера вечером и расценивают ее отсутствие как личное оскорбление.

– Извините, Тед, – произносит служанка, протискиваясь мимо какого-то мужчины лет пятидесяти, широкоплечего и загорелого, с редкими рыжими волосами.

Охотничий костюм плотно облегает еще крепкое, но уже заплывшее жирком тело. На обветренном лице сверкают яркие голубые глаза.

– Тед? – злобно восклицает он, хватая ее за руку и сжимает запястье так сильно, что служанка ойкает и морщится. – Ты что о себе возомнила, а, Люси? Я тебе не Тед, а мистер Стэнуин. С вами, крысами подвальных, я больше не являюсь.

Она ошеломленно отшатывается, умоляюще смотрит на нас. Никто не двигается с места, даже фортепиано прикусывает язык. Внезапно до меня доходит, что этого человека все боятся. К стыду своему, и я тоже. Я цепенею, но кошусь на него из-под полуопущенных век, отчаянно надеясь, что вульгарный тип не обратит на меня внимания.

– Тед, оставьте ее в покое, – говорит Даниель Кольридж, появляясь в дверях.

Голос звучит резко, холодно. С намеком на угрозу.

Стэнуин сопит, щурит глаза, смотрит на Даниеля. Они – не равные противники. Кряжистый, массивный Стэнуин исходит ядом. Даниель стоит, сунув руки в карманы и чуть склонив голову к плечу, и что-то в его позе заставляет Стэнуина задуматься. Может быть, он боится, что его собьет поезд, которого, судя по всему, ждет Даниель.

Часы набираются смелости и громко тикают.

Стэнуин фыркает, выпускает запястье служанки, бормочет что-то неразборчивое и выходит, задев Даниеля в дверях.

По комнате проносится дружный вздох, снова бренчит фортепиано, отважные часы продолжают тикать как ни в чем не бывало.

Даниель оценивающе смотрит на каждого из нас по очереди.

Не в силах вынести его взгляд, я смотрю на свое отражение в окне. Лицо выражает безразличное отвращение к бесчисленным недостаткам моего характера. Сначала убийство в лесу, теперь вот это. Неужели я так и буду терпеть несправедливость? Неужели так и не наберусь смелости, не вмешаюсь?

Даниель подходит ко мне, призрачно отражается в стекле.

– Белл, – негромко говорит он, касаясь моего плеча, – можно вас на минутку?

Пристыженно иду за ним в кабинет, взгляды гостей буравят мне спину. В кабинете сумрачно, разросшийся плющ заплетает окна в свинцовых переплетах, потемневшие картины маслом впитывают сочащийся сквозь стекла свет. У окна с видом на газон стоит письменный стол, – похоже, еще недавно за ним кто-то сидел: под брошенной авторучкой на обрывке промокательной бумаги расплывается чернильное пятно, рядом лежит ножичек для вскрытия писем. Трудно представить, какие послания сочиняют в такой гнетущей атмосфере.

В противоположном углу комнаты, у второй двери, молодой человек в охотничьем костюме удивленно заглядывает в раструб граммофонного рожка, не понимая, почему пластинка беззвучно вращается на круге под иглой.

– Проучился семестр в Кембридже и возомнил себя Изамбардом Кингдомом Брюнелем¹, – говорит Даниель.

¹ Изамбард Кингдом Брюнель (1806–1859) – знаменитый английский инженер-проектировщик, разработчик и строитель

Молодой человек переводит взгляд на него. Юноша – на вид ему не больше двадцати четырех – темноволос и широколиц; черты его кажутся странно сплюснутыми, примятыми, словно он прижимает лицо к стеклу. При виде меня он широко улыбается, сквозь облик взрослого мужчины проступает мальчишеская физиономия, будто в окне.

– Белл, дурашка, вот вы где! – восклицает он, одновременно хватая меня за руку и хлопая по спине, сжимает в тисках дружеских объятий.

Он напряженно вглядывается в меня, щурит зеленые глаза, не понимая, почему я его не узнаю.

– Да вы и правда ничего не помните, – говорит он, косясь на Даниеля. – Вот счастливчик. Пойдем в бар, познакомлю вас с похмелем.

– Быстро же по Блэкхиту новости расходятся, – замечаю я.

– Скука – дорожка накатанная, – отвечает он. – Меня зовут Майкл Хардкасл. Мы с вами давние приятели, но теперь, наверное, лучше называть нас новыми знакомцами.

В его словах нет ни капли разочарования. Наоборот, ситуация его забавляет. Впрочем, даже при первой встрече очевидно, что Майкла Хардкасла забавляет почти все.

– Вчера за ужином Майкл был вашим соседом по столу, – говорит Даниель, который сменил Майкла у граммофона. – Может быть, вы поэтому и решили удариться головой, да посильнее.

– Белл, ну подыграйте же ему. Мы ждем не дождемся, что в один прекрасный день он все-таки вымучит из себя шутку, – говорит Майкл.

В беседе возникает пауза, которую должна заполнить моя реплика, и ее отсутствие нарушает ритм разговора. Впервые за сегодняшнее утро мне хочется вернуться к прежней жизни. Мне недостает знакомства с этими людьми. Недостает дружеской близости. Мое огорчение отражается на лицах собеседников, нас разделяет ров неловкого молчания. Надеюсь вернуть хотя бы малую толику бывшего доверия, я закатываю рукав, демонстрирую перевязанную руку, замечаю, что кровь уже просочилась сквозь бинты.

– Лучше бы я и впрямь головой ударился, – говорю я. – Доктор Дикки считает, что ночью на меня напали.

– Не может быть! – восклицает Даниель.

– Это все из-за той проклятой записки, – говорит Майкл.

– Вы о чем, Хардкасл? – Даниель удивленно приподнимает брови. – Вам что-то известно? Почему вы сразу не сказали?

– Так ведь и говорить нечего, – смущенно отвечает Майкл, ковыряя ковровый ворс носком туфли. – Когда мы распивали пятую бутылку, служанка принесла какую-то записку. Белл сразу вскочил, извинился и начал вспоминать, как обращаться с дверями. – Он пристыженно смотрит на меня. – Я хотел пойти с вами, но вы заявили, что пойдете один. Я решил, что у вас свидание, поэтому не стал настаивать. И после этого я вот только сейчас вас увидел.

– А что было в записке? – спрашиваю я.

– Понятия не имею, старина. Я ее не читал.

– А вы помните, как выглядела служанка? Может быть, Белл упоминал имя Анна? – спрашивает Даниель.

Майкл пожимает плечами, воспоминание скользит по лицу.

– Анна? Нет, не слышал. А служанка... – Он надувает щеки, шумно выдыхает. – Черное платье, белый передник. Вот и все. Да ну вас! Кольридж, вы же знаете, тут служанок немерено, всех лиц не упомнишь.

Он беспомощно глядит на нас. Даниель разочарованно качает головой:

– Не волнуйтесь, старина, мы во всем разберемся. – Он похлопывает меня по плечу. – И я даже знаю, как именно.

Он кивает на карту имения, висящую в раме на стене. Великолепный архитектурный эскиз, пожелтевший, с обтрепанными краями и в потеках воды, изображает особняк и его окрестности. Оказывается, Блэкхит – огромное имение; у западного крыла особняка находится фамильное кладбище, а у восточного крыла – конюшня; к озеру спускается тропка, а на берегу стоит лодочный домик. Все остальное – лес, который упрямо рассекает подъездная аллея, точнее, дорога, проложенная к деревне. Судя по виду из окон второго этажа, мы здесь одни в чаще.

Меня прошибает холодный пот.

Предполагалось, что я исчезну в зеленом просторе, как Анна сегодня утром. Я ищу свою могилу.

Даниель замечает мое волнение, косится на меня.

– Уединенные места, – шепчет он, вытряхивая сигарету из серебряного портсигара. Прихватывает ее губами, роется по карманам в поисках зажигалки.

– Отец перевез нас сюда, когда рухнула его политическая карьера. – Майкл подносит зажигалку к сигарете Даниеля и закуривает сам. – Решил заделаться сельским сквайром. Разумеется, ничего хорошего из этого не вышло.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

– Моего брата убил один из наших лесников, некий Чарли Карвер, – спокойно поясняет Майкл, будто зачитывает результаты скачек.

Я прихожу в ужас оттого, что совершенно не помню об этой жуткой истории, торопливо бормочу какие-то извинения:

– Простите... простите, какой кошмар...

– А, дело давнее, – нетерпеливо обрывает меня Майкл. – Это случилось девятнадцать лет назад. Мне тогда было всего пять. Если честно, я почти ничего не помню.

– В отличие от скандальных газет, – добавляет Даниель. – Карвер и его приятель упились в дым, поймали Томаса у озера. Начали топить, потом прикончили ножом. Семилетнего ребенка. На шум прибежал Тед Стэнуин, отогнал их выстрелами из ружья, но Томаса уже было не спасти.

– Стэнуин? – переспрашиваю я, стараясь не выказать изумления. – Этот грубиян в гостиной?

– Вслух его лучше так не называть, – предупреждает Даниель.

– Старина Стэнуин на хорошем счету у моих родителей, – добавляет Майкл. – Он был простым егерем, но за попытку спасения Томаса отец пожаловал ему одну из наших плантаций в Африке, и теперь этот проходимец разбогател.

– А что стало с убийцами?

– Карвера отправили на виселицу, – говорит Даниель, стряхивая пепел на ковер. – Нож нашли в подполе его дома вместе с десятком бутылок ворованного бренди. А соучастника так и не поймали. Стэнуин утверждает, что подбил его выстрелом из ружья, но в местную больницу никто не обращался, а Карвер сообщника не выдал. В тот уик-энд лорд и леди Хардкасл давали званый прием, так что вполне возможно, что сообщником был кто-то из гостей, однако все в один голос отрицают знакомство с Карвером.

– Да, славно все обставили, – ровным голосом произносит Майкл, с лицом мрачнее туч за окнами.

– Значит, сообщник все еще на свободе? – спрашиваю я.

По спине ползет холодок. Убийство девятнадцатилетней давности – и убийство сегодня утром. Вряд ли это совпадение.

– Непонятно, чем занимается полиция, – говорит Даниель и умолкает.

Я перевожу взгляд на Майкла, который пристально смотрит в гостиную. Мало-помалу гости переходят в вестибюль, не прерывая разговоров. Даже в кабинете слышен рой назойливых, оскорбительных замечаний обо всех и вся, от запустения в особняке до пьянства лорда Хардкасла и холодной спеси Эвелины Хардкасл. Бедный Майкл, как он выдерживает все эти неприкрытые насмешки над семьей, да еще и в родном доме?!

– Ну, сейчас не время обсуждать древнюю историю, – нарушает молчание Даниель. – Я расспросил всех об Анне. Увы, ничего хорошего сообщить не могу.

– Ее никто не знает?

– Ни среди гостей, ни среди прислуги женщины с таким именем нет, – отвечает Майкл. – Более того, из Блэкхита никто не пропал.

Я пытаюсь возразить, но Майкл предупредительно вскидывает ладонь:

– Дайте мне договорить, Белл. Отправить людей на поиски я не могу, но минут через десять начнется охота. Если вы хотя бы в общих чертах опишете место в лесу, где вы очнулись, то я поведу охотников в том направлении. Нас пятнадцать человек, так что есть шанс что-нибудь заметить.

Чувство благодарности сдавливает мне грудь.

– Спасибо, Майкл.

Он улыбается сквозь облако сигаретного дыма:

– Белл, вы никогда и ничего не приукрашиваете, так что я вам верю.

Я рассматриваю карту, горю желанием помочь, но совершенно не представляю, где именно заметил Анну. Убийца посоветовал мне идти на восток, из леса я вышел к парадной двери особняка, но остается только гадать, как долго я плутал по лесу и откуда начал свой путь. Я вздыхаю и, полагаясь на счастливую случайность, тычу пальцем в стекло. Даниель и Майкл нависают над моим плечом.

Майкл кивает, потирает подбородок:

– Значит, туда и пойдем. – Он оглядывает меня с головы до ног. – А вам лучше переодеться. Скоро выходим.

– Я с вами не пойду, – сгорая от стыда, лепечу я. – Мне надо... Я не могу...

Молодой человек неловко переминается:

– Да ладно вам...

– Майкл, о чем вы говорите! – вмешивается Даниель, опуская руку мне на плечо. – Вы же видите, в каком он состоянии. Он, бедняга, чудом выбрался живым из леса. Возвращаться туда ему незачем. – Он поворачивается ко мне, и в голосе звучат успокаивающие нотки: – Не волнуйтесь, Белл, найдется и ваша девушка, и тот, кто ее убил. Мы займемся этим сами. Вам сейчас лучше ни во что не ввязываться.

5

Я стою у окна в свинцовом переплете, полускрытый бархатными шторами. На подъездной аллее смеются и оживленно переговариваются Майкл и его спутники в тяжелых толстых куртках; из ртов поднимаются облачка пара, ружья зажаты в сгибе локтя. Гости вырвались из дома на свободу, предвкушая предстоящую бойню, и выглядят почти как люди.

Слова Даниеля утешают, но не даруют прощения. Я должен вместе с охотниками отправиться на поиски той, кого не смог спасти. А вместо этого я трусливо прячусь. С позором гляжу из своего укрытия, как охотники уходят без меня.

Под окнами охотничьи собаки рвутся с поводков, псаря с трудом удерживают свору. Две группы сливаются в одну, пересекают лужайку у леса, направляются туда, куда я указал Даниелю. Но моего приятеля среди них не видно. Наверное, он присоединится к ним позже.

Дождавшись, когда все охотники скроются в чаще, возвращаюсь к карте на стене. Если верить карте, конюшня совсем рядом с особняком. Конюх наверняка там. У него обязательно найдется экипаж, который доставит меня в деревню, а оттуда я поездом вернусь домой.

Я направляюсь к двери в гостиную, но путь мне преграждает огромная черная ворона.

Сердце чуть не выпрыгивает из груди. Я отшатываюсь, задеваю комод, с него падают семейные фотографии и какие-то безделушки.

– Не бойтесь, – произносит жуткое создание, выходя из сумрака.

Это не ворона. Это человек в костюме средневекового чумного Лекаря; вместо перьев – черный плащ, клювастая фарфоровая маска поблескивает в свете лампы. Судя по всему, это наряд для сегодняшнего бала-маскарада, хотя непонятно, зачем надевать это зловещее облачение средь бела дня.

– Вы меня напугали, – говорю я, потирая грудь и смущенно посмеиваясь.

Он склоняет голову набок, разглядывает меня, будто дикого зверька, невесть как очутившегося на ковре.

– Что вы помните? – спрашивает он.

– Простите?

– Вы очнулись с каким-то словом на губах. С каким именно?

– Простите, а мы с вами знакомы? – Я выглядываю в гостиную, надеясь, что там остался кто-то из гостей.

К сожалению, там никого нет. Мы с неизвестным наедине, чего он и добивался, с тревогой соображаю я.

– Я вас знаю, – говорит он. – Этого достаточно. С каким словом вы очнулись?

– Снимите маску, давайте побеседуем лицом к лицу, – предлагаю я.

– Пусть она вас не волнует, доктор Белл, – заявляет он. – Отвечайте на вопрос.

В его словах нет ничего угрожающего, но фарфоровая маска глушит голос, в каждом предложении слышится низкий звериный рык.

– Анна, – говорю я, хлопая себя по бедру, чтобы унять дрожь в ноге.

– Жаль, – вздыхает он.

– Вы знаете, кто она? – с надеждой спрашиваю я. – Здесь никто о ней не слышал.

– И неудивительно. – Он пренебрежительно взмахивает рукой в перчатке, достает из-под плаща золотые карманные часы, цокает языком, глядя на циферблат. – Нам предстоит многое сделать, но не сегодня. Сначала вам нужно прийти в себя. Мы еще поговорим, когда все немного прояснится. А пока советую вам поближе познакомиться с Блэкхитом и его обитателями. Отдыхайте и развлекайтесь, доктор, лакей вас скоро отыщет.

– Лакей? – переспрашиваю я; это слово почему-то вызывает во мне тревогу. – Это он убил Анну и искалечил мне руку?

– Сомневаюсь, – говорит Чумной Лекарь. – Лакею вашей руки будет маловато.

Громкий шум за спиной заставляет меня обернуться. По стеклу растекается кровавое пятно, в зарослях сорняков под окном бьется и трепещет умирающая птица. Наверное, влетела в стекло. Меня пронзает жалость, на глаза наворачиваются слезы при виде бессмысленной смерти. Первым делом надо похоронить птицу. Я поворачиваюсь к таинственному собеседнику, но его уже нет.

Удивленно гляжу на руки. Кулаки сжаты так сильно, что ногти впиваются в ладони.

– Лакей, – повторяю я.

Самое обычное слово вызывает у меня необъяснимое чувство ужаса. Я почему-то до смерти боюсь этого человека.

Страх подгоняет меня к письменному столу, где лежит ножичек для вскрытия писем. Он маленький, но острый; кончик до крови прокалывает мне большой палец. Посасывая ранку, прячу ножичек в карман. Теперь можно не запираяться в кабинете.

Набравшись смелости, я возвращаюсь к себе в спальню. Без гостей обстановка Блэкхита и впрямь навевает тоску. За исключением великолепного вестибюля, все остальные комнаты пришли в запустение, в них пахнет плесенью и гнилью. По углам рассыпаны катышки крысиного яда, пыль лежит толстым слоем там, куда не дотягивается рука служанки. Ветхие ковры, исцарапанная мебель, почерневшие серебряные сервизы за мутными стеклами сервантов. Гости Блэкхита – не самая приятная компания, но сейчас мне не хватает гула их голосов. Они наполняют особняк жизнью, изгоняют отсюда мрачную тишину. Блэкхит – дом, которому нужны обитатели, иначе он превращается в унылые развалины, в руины, которые давно пора снести.

В спальне я надеваю пальто, беру зонтик и выхожу в сад, где по земле хлещет дождь, а в воздухе удушающе пахнет палой листвой. Не знаю, в какое окно ударилась птица, поэтому медленно иду вдоль цветочного бордюра. Отыскав крохотный трупик, рою могилу ножом для бумаг и хороню птицу. Мои перчатки промокают насквозь.

Дрожа от холода, размышляю, куда идти дальше. Вымощенная булыжником дорожка тянется по дальнему краю лужайки к конюшне. Можно пройти по траве, но тогда промокнут и туфли. Я отправляюсь кружным путем, по подъездной аллее, от которой влево сворачивает еще одна мощеная тропа. Как и следует ожидать, тоже в ужасном состоянии. Корни деревьев выворачивают камни из земли, над дорожкой нависают корявые пальцы ветвей. Встреча с незнакомцем в наряде чумного лекаря меня напугала. Я крепче сжимаю ножичек и иду медленно и осторожно, боясь оскользнуться и упасть, опасаясь, что кто-то выскочит из-за кустов. Не знаю, зачем таинственный незнакомец нацепил на себя зловеющий наряд, но не могу забыть его пугающих предупреждений.

Кто-то убил Анну и вручил мне компас. Маловероятно, что один и тот же человек напал на меня ночью и спас утром. А теперь появился еще и какой-то лакей. Да кто же я такой? Откуда у меня столько врагов?

Дорожка ведет к высокой кирпичной арке, в которую вделаны часы; стекло циферблата разбито. За аркой виднеется двор, конюшни, какие-то сарайчики и пристройки. В кормушки насыпан овес; бок о бок стоят экипажи, накрытые зеленым брезентом от дождя.

Вот только лошадей нет.

Все стояла пусты.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – неуверенно спрашиваю я.

Голос разносится по двору, но ответа я не слышу.

Над одной из хижин из трубы поднимается черный дымок. Дверь не заперта, я выкрикиваю приветствие и вхожу. Как ни странно, хозяев нет дома, хотя в очаге горит огонь, на столе стоит миска овсянки и тарелка поджаренного хлеба. Я снимаю мокрые перчатки, вешаю их на перекладину над огнем, чтобы на обратном пути было не так зябко.

Кончиком пальца дотрагиваюсь до еды. Она еще теплая, оставлена недавно. На стуле лежит седло и кусок кожи, – видно, кого-то неожиданно оторвали от работы. Могу лишь предположить, что обитатель дома отлучился по срочному делу. Может быть, стоит дожидаться его возвращения. Во всяком случае, здесь тепло и сухо, хотя уголь нещадно дымит, а в доме сильно пахнет конским волосом и какой-то смазкой. Хуже другое: дом стоит на отшибе. Пока я не выясню, кто напал на меня вчера ночью, все обитатели Блэкхита находятся под подозрением, включая конюха. По возможности я не стану встречаться с ним один на один.

На гвозде у двери висит расписание работ, рядом с ним болтается карандаш на веревочке. Я снимаю листок, переворачиваю его, чтобы оставить записку с просьбой отвезти меня в деревню, но там уже что-то написано.

Не уезжайте из Блэкхита. От Вас зависит не только Ваша жизнь, но и жизни многих других. Сегодня вечером, в 10:20, приходите к склепу на фамильном кладбище, я Вам все объясню. Кстати, не забудьте про перчатки, они вот-вот сгорят.

С любовью, Анна.

Дым щекочет ноздри. Оборачиваюсь к очагу: и правда, перчатки вот-вот загорятся. Я срываю их с перекладины над огнем, затапываю угли. Сердце колотится. Таращу глаза, оглядываю дом, пытаюсь понять, что это за фокус.

«Вечером встретитесь с Анной, у нее и спросите».

– Я же видел, как она умерла! – выкрикиваю я в пустоту и пристыженно умолкаю.

Успокаиваюсь, перечитываю записку еще раз, но это мало что объясняет. Если Анна жива, то с ее стороны было бы слишком жестоко так измываться надо мной. Скорее всего, когда все в особняке узнали о ночном происшествии, кто-то решил подшутить надо мной и нарочно выбрал мрачное место и время для встречи.

«Этот кто-то, наверное, ясновидящий».

– Погода сегодня ненастная, кто угодно мог предположить, что мне захочется высушить перчатки.

Дом вежливо слушает, но мне самому такое объяснение кажется слишком надуманным. Как и желание объявить записку чьей-то глупой шуткой. Увы, очевидно, что в моем характере слишком много безнадежных изъязнов: вместо того чтобы питать хоть какую-то надежду на то, что Анна все-таки жива, мне проще считать ее мертвой, чтобы самому с чистой совестью побыстрее отсюда сбежать.

Терзаясь сомнениями, я натягиваю подпаленные перчатки. Надо все обдумать, и лучше делать это на ходу.

Отправляюсь в обход конюшни, мимо конского выгула, заросшего высокой травой по пояс; столбы ограды прогнили напрочь, еле держатся. В дальнем конце выгула виднеются две фигуры под одним зонтиком. Наверное, там пролегает какая-то тайная тропа, потому что они идут слаженно, рука об руку. Бог знает как они меня заметили, но одна из фигур приветственно машет мне. Охваченный мимолетным дружеским порывом, я повторяю жест, и парочка скрывается в сумрачном лесу.

Опускаю руку. Все решено.

Я убедил себя, что ничем не обязан убитой и поэтому вправе уехать из Блэкхита. Это довод труса, типичный, но в чем-то правдивый.

Однако же если Анна жива, то он неприменим.

Утром я ее предал, а потом только об этом и думал. А теперь у меня появился шанс, и упускать его я не намерен. Ей грозит опасность, а значит, я обязан ей помочь. И помогу. Если это не удержит меня в Блэкхите, то я не достоин жизни, с которой опасаюсь расстаться. Во что бы то ни стало сегодня ночью, в двадцать минут одиннадцатого, я приду на кладбище.

6

– Кто-то жаждет моей смерти.

Странно произносить это вслух, словно бы испытывая судьбу, но для того, чтобы дожить до вечера, надо перебороть страх. Я больше не намерен сидеть взаперти в спальне. Надо найти ответы на множество вопросов.

Возвращаясь к особняку, не сжову глаз с леса, перебираю в памяти все, что случилось утром. Снова и снова задумываюсь о порезах на руке, о человеке в костюме чумного лекаря, о лакее и о загадочной Анне, которая теперь вполне себе жива и даже пишет мне таинственные записки.

Как ей удалось уцелеть?

Если она написала записку на рассвете, еще до того, как на нее напали, то откуда ей было известно, что я приду в дом у конюшни и повешу перчатки сушиться над очагом? Я ни с кем не делился своими планами. Может быть, я говорил вслух? Может быть, она за мной следила?

Мотаю головой, не желаю лезть в эту кроличью нору.

Я забегаю вперед, вместо того чтобы вспоминать прошлое. Майкл сказал, что вчера за ужином служанка принесла мне какую-то записку и что после этого он меня больше не видел.

Вот с чего все началось.

«Отыщите служанку, которая принесла записку».

Вхожу в особняк и тут же слышу голоса в гостиной. Никого из гостей там нет, только две служанки собирают остатки обеда на два громадных подноса. Девушки работают бок о бок, склонив головы и перешептываясь, поэтому не замечают моего появления.

– ...Генриетта сказала, мол, она совсем свихнулась, – заявляет одна, с каштановыми кудряшками, выбившимися из белого чепца.

– Бет, нельзя такое говорить про леди Хелену, – укоризненно замечает другая. – Она к нам хорошо относится, по справедливости.

Но для Бет сплетни гораздо важнее непреложных фактов.

– Генриетта сказала, что она вся аж зашлась, – продолжает она. – На лорда Питера криком кричала. Вроде как из-за того, что в Блэкхит приехали, где с мастером Томасом беда случилась. Мол, из-за этого люди умом трогаются.

– Генриетта сильна языком молоть – что правда, то правда. На твоём месте я бы и слушать не стала. Они ж не в первый раз ругаются. Было б что серьезное, леди Хелена сказала бы миссис Драдж. Она всегда ей все рассказывает.

– А миссис Драдж не знает, куда та подевалась, – торжествующе приводит Бет главный, неоспоримый довод против леди Хелены. – Она все утро ее не видела...

Я вхожу, и разговор обрывается, служанки приседают в неловких книксенах, путаются в сплетении рук и ног, краснеют. Не обращая внимания на их смущение, я спрашиваю, кто прислуживал вчера за ужином, но они непонимающе глядят на меня и невнятно лепечут какие-то извинения. Я уже не надеюсь добиться хоть какого-то вразумительного ответа, как вдруг Бет заявляет, что Эвелина Хардкасл сейчас принимает дам в оранжерее, на задах особняка, уж ей-то известно что и как.

После недолгих объяснений одна из служанок ведет меня в кабинет, где сегодня утром я беседовал с Даниелем и Майклом, а оттуда в соседнюю с ним библиотеку, которую мы быстро пересекаем и попадаем в сумрачный коридор. Там нас приветствует темнота: из-под телефонной тумбочки выбирается черный кот, обмахивает хвостом пыльные половицы, на мягких лапах крадется по коридору и проскальзывает в приоткрытую дверь слева. В щель сочится теплый золотистый свет, изнутри доносятся голоса и музыка.

– Мисс Эвелина у себя, сэр, – произносит служанка.

Ее тон, далекий от почтительного, не оставляет никаких сомнений в ее отношении и к помещению, и к его хозяйке.

Отрясаю пренебрежение прислуги, распахиваю дверь, и мне в лицо ударяет зной. Спертый воздух, пропитанный сладким ароматом духов, едва колыхнется от хриплых звуков музыки, которые взмывают, скользят и бьются о стены. Огромные окна в свинцовых переплетах выходят в сад за домом; над башенкой собираются серые тучи. У камина теснятся кресла и шезлонги, к ним увядшими орхидеями льнут молодые женщины, курят, пьют коктейли. Здесь царит не праздничная, а какая-то напряженная атмосфера. Единственное оживление в нее вносит портрет на дальней стене – старуха с угольками глаз вершит суд над гостями, презрительное выражение лица воспринимается как безжалостный приговор.

– Моя бабушка Хизер Хардкасл, – звучит женский голос у меня за спиной. – Портрет ей не льстит, она презирала лесть во всех ее проявлениях.

Я оборачиваюсь навстречу голосу, краснею, заметив, что на меня с любопытством уставились десятки пар скушающих глаз. Мое имя по кругу обегает комнату, вслед ему роем потревоженных пчел несутся возбужденные перешептывания.

За шахматным столиком сидит женщина, предположительно Эвелина Хардкасл, а напротив нее – пожилой толстяк в слишком тесном костюме. Очень странная парочка. Эвелине около тридцати; светлые волосы зачесаны назад, открывая лицо с острыми скулами; сама она, худая и угловатая, чем-то напоминает осколок стекла. На ней зеленое платье, сшитое по последней моде и перехваченное поясом на талии; строгие, резкие линии кроя подчеркивают надменное выражение лица.

Толстяку не меньше шестидесяти пяти; невозможно представить, как он втиснул свою тушу за крохотный столик, да и жесткое кресло ему мало. Он сидит с мученическим видом, лоб покрыт испариной, в руке зажат насквозь промокший платок – свидетельство продолжительных страданий. Взгляд, обращенный на меня, исполнен странной смеси любопытства и благодарности.

– Прошу прощения, – говорю я. – Мне...

Эвелина не отрывает глаз от шахматной доски, переставляет пешку. Толстяк вспоминает об игре, подносит пухлый палец к коню.

Я не могу сдержать разочарованный стон при виде элементарной ошибки.

– Вы шахматист? – спрашивает Эвелина, по-прежнему не отводя глаз от доски.

– Очевидно, да, – отвечаю я.

– Может быть, сыграете со мной после лорда Рейвенкорта?

Рейвенкорт, не обращая внимания на предупреждение, отправляет коня в подстроенную Эвелиной западню, где его тут же сбивает затаившаяся ладья. Стремительные ходы Эвелины ставят противника в тупик. Рейвенкорт паникует, теряет терпение, и через четыре хода игра окончена.

– Спасибо за увлекательную партию, лорд Рейвенкорт, – говорит Эвелина, глядя, как он щелчком сбивает своего короля набок. – Вы, кажется, упоминали, что у вас много срочных дел.

Понимая, что его без обиняков выставляют за дверь, Рейвенкорт неловко кланяется, с трудом выбирается из-за стола, коротко кивает мне и тяжело шествует к выходу.

Неприязнь Эвелины провожает его до самого порога, однако исчезает, как только меня приглашают занять место напротив.

– Прошу вас, – произносит Эвелина.

– Увы, не могу. Я ищу служанку, которая вчера за ужином доставила мне записку. К сожалению, служанку я не запомнил. Но очень надеюсь на вашу помощь.

– А лучше – на помощь нашего дворецкого. – Она восстанавливает порядок в нарушенных рядах ее армии; каждая фигура занимает самую середину поля, строго лицом к противнику. Очевидно, трусливым и малодушным на этой доске места нет. – Как утверждает мистер

Коллинз, ему известен каждый шаг любого из слуг в особняке, – продолжает она. – К сожалению, сегодня утром его избили. Доктор Дикки на время поселил его в сторожке у ворот, чтобы его никто не тревожил. Я и сама собиралась его навестить, так что с удовольствием провожу вас.

Я медлю, оценивая возможную опасность. Наверное, если бы Эвелина Хардкасл замышляла дурное, то не стала бы во всеуслышание объявлять о предстоящей совместной прогулке.

– Очень любезно с вашей стороны, – отвечаю я, заслужив тень улыбки.

Эвелина встает, то ли не замечая, то ли просто не обращая внимания на любопытные взгляды.

Высокие двойные двери оранжереи выходят в сад, но мы возвращаемся коридором, чтобы забрать пальто и шляпы из спален, и встречаемся в вестибюле у главного входа. Эвелина на ходу надевает пальто, и с парадного крыльца Блэкхита мы попадаем в ненастный, промозглый день.

– А позвольте узнать, что случилось с мистером Коллинзом? – спрашиваю я, подозревая, что его избиение как-то связано с нападением на меня.

– На него набросился один из наших гостей, художник Грегори Голд. – Она обматывает шею толстым шарфом. – Как говорят, без всякого повода. И прежде чем их успели разнять, задал бедняге хорошую трепку. Честно говоря, доктор, мистеру Коллинзу дали серьезную дозу успокоительного, поэтому я не уверена, что вам удастся его расспросить.

Мы идем по подъездной аллее, усыпанной гравием, и я в который раз задумываюсь о своем странном состоянии. Несколько дней назад я ехал в Блэкхит по этой самой аллее – может быть, счастливый, в прекрасном расположении духа, а может быть, разочарованный дальней дорогой и уединением. Знал ли я о грозящей мне опасности? Или о ней стало известно лишь позже? Большая часть меня утрачена, воспоминания развеяны, как палая листва, и все-таки я возрожден. Интересно, понравился бы Себастьяну Беллу тот, кем я стал? Подружились бы мы с ним?

Не говоря ни слова, Эвелина берет меня под руку. Ласковая улыбка преобразует ее лицо, в глазах вспыхивает живой огонек, разгорается, изгоняет скрытность и суровость.

– Ах, как хорошо выбраться из дому! – восклицает она, подставляя лицо дождю. – Как вы вовремя заглянули, доктор. Честное слово, еще минута – и я бы сунула голову в камин.

– Я и впрямь удачно зашел, – бормочу я, ошеломленный ее внезапной сменой настроения.

Эвелина, заметив мою растерянность, негромко смеется:

– Не обращайтесь внимания. Я не люблю заводить знакомства, поэтому с теми, кто мне по нраву, я сразу обращаюсь как со старыми друзьями. Это очень экономит время.

– Да, действительно, – киваю я. – А позвольте узнать, чем я пришелся вам по нраву?

– Позволю, если вас устроит прямой и честный ответ.

– А сейчас вы кривите душой?

– Нет, сейчас я стараюсь вести себя вежливо. Однако вы правы, в этом споре мне не победить, – с притворным сожалением вздыхает она. – Что ж, если честно, то мне очень нравится ваш печальный, задумчивый вид, доктор. Вы производите впечатление человека, которому не терпится уехать отсюда, и я от всего сердца разделяю это чувство.

– То есть вы не рады возвращению домой?

– Мой дом давно не здесь, – говорит она, перепрыгивая через лужу. – После убийства брата вот уже девятнадцать лет я живу в Париже.

– А как же гости в оранжерее? Разве они вам не друзья?

– Они приехали сегодня утром, и, по правде говоря, я не узнала ни одну из старых приятельниц. Дети выросли, сменили кожу и проползли в приличное общество. Я здесь всем чужая, как и вы.

– Во всяком случае, *себе* вы не чужая, мисс Хардкасл, – замечаю я. – Разве вас это не утешает?

– Отнюдь нет. – Она пристально смотрит на меня. – По-моему, ненадолго расстаться с собой – великолепная затея. Я вам завидую.

– Завидуете?

– Да, конечно. – Эвелина утирает с лица дождевые капли. – Ваша душа сейчас чиста, доктор. Нет ни сожалений, ни страданий, ни лжи, с которой начинают день все остальные, глядясь в зеркало. Вы... – Она закусывает губу, подыскивая слово. – Вы честны.

– Иными словами, я всем открыт.

– То есть вы не рады *вашему* возвращению домой? – Уголок ее губ странно изгибается, отчего улыбка становится почти презрительной, хотя производит впечатление заговорщицкой.

– Увы, я совсем не тот, кем надеялся стать, – негромко заявляю я, внезапно осмелев.

В обществе этой женщины мне отчего-то легко, вот только я никак не пойму отчего.

– Как это?

– Я трус, мисс Хардкасл, – вздыхаю я. – Сорок лет воспоминаний исчезли из моей памяти, и все, что мне осталось, – это трусость.

– О, прошу вас, зовите меня Эвелиной, а я буду звать вас Себастьяном. Вам не следует так расстраиваться из-за своих недостатков. Они есть у каждого. Хотя если бы я только что появилась на свет, то, наверное, тоже опасалась бы всех подряд. – Она легонько сжимает мне пальцы.

– Спасибо на добром слове, но в моем случае это какое-то глубокое, инстинктивное состояние.

– Ну и что с того? Бывают люди и похуже трусишек. Вы ведь не подлец и не злодей. Вдобавок теперь у вас есть выбор. Вместо того чтобы составлять характер наобум, как все мы, – ну знаете, просыпаетесь в один прекрасный день и совершенно не понимаете, как стал *вот таким* человеком, – вы сможете присмотреться к миру, к своему окружению и выбрать те черты характера, которые вас привлекают. К примеру, честность, как у этого мужчины, жизнерадостность, как у этой женщины. Словно пришли к портному на Сэвил-роу и заказываете себе костюм...

– По-вашему, выходит, что потеря памяти – это дар? – говорю я, чувствуя, как мое уныние развеивается.

– А как же иначе? Вам выпал редкий шанс, – кивает она. – Если вам не нравится, кем вы были раньше, то станьте другим. Вам ведь теперь ничего не мешает. Поэтому я вам и завидую. А нам, всем остальным, приходится жить с ошибками прошлого.

На это мне нечего ответить, да ответа и не требуется. Мы подходим к воротам, где на двух гигантских столбах выщербленные ангелы вздымают к небу безмолвные трубы. Сторожка стоит чуть поодаль, в купе деревьев слева; сквозь зеленые кроны проглядывает красная черепичная крыша. Неприметная тропка ведет к облупленной зеленой двери, разбухшей и растрескавшейся от времени. Однако же Эвелина направляется не туда, а, взяв меня за руку, сворачивает на зады сторожки, пробирается между высокими кустами, льнущими к осыпающейся кирпичной кладке.

Задняя дверь закрыта на задвижку снаружи. Эвелина распахивает дверь, впускает меня в промозглую кухню, где все покрыто толстым слоем пыли, а на плите стоят медные кастрюли. Потом замирает и напряженно прислушивается.

– Эвелина? – окликаю я.

Она жестом просит меня молчать, делает шаг к коридору. Такая осторожность вызывает у меня внезапную тревогу.

– Простите, Себастьян, – с тихим смешком произносит Эвелина. – Я думала, что услышу отца.

– Отца? – недоуменно переспрашиваю я.

– Он временно обосновался здесь, – поясняет она. – Должен был уйти со всеми на охоту, но мог и задержаться, а мне не хотелось бы с ним видаться. Мы не очень ладим.

Не дожидаясь дальнейших расспросов, она уводит меня в коридор, вымощенный плиткой, и мы поднимаемся по узкой лестнице; деревянные ступени громко скрипят под ногами. Я не отстаю ни на шаг, то и дело оглядываюсь. Сторожка тесная, какая-то перекошенная, все двери кренятся в разные стороны, как кривые зубы во рту. Ветер со свистом врывается в окна, приносит запах дождя, сотрясает весь дом до самого фундамента. Все здесь внушает страх.

– А зачем сюда отправили дворецкого? – спрашиваю я у Эвелины, которая раздумывает, в какую дверь войти – справа или слева от нас. – Неужели не нашлось места поудобнее?

– В доме свободных комнат не осталось, а доктор Дикки сказал, что пациенту требуется тишина, покой и тепло. Как ни странно, здесь ему лучше всего. Наверное, нам сюда, – говорит она, легонько стучит в дверь и, не дождавшись ответа, распахивает ее.

Высокий мужчина в перемазанной углем рубаше подвешен за связанные руки на потолочный крюк и едва касается носками пола. Он без сознания, голова безвольно поникла, темные кудри закрывают окровавленное лицо.

– Нет, не сюда. В соседнюю комнату, – равнодушно произносит Эвелина.

– Что за чертовщина?! – восклицаю я, в страхе отступая на шаг. – Кто это?

– Грегори Голд, тот самый, кто поколотил дворецкого, – говорит Эвелина, разглядывая его, как бабочку, припиленную к пробковой дощечке. – На войне дворецкий был отцовским денщиком. Судя по всему, отец воспринял нанесенные ему побои как личное оскорбление.

– Как личное оскорбление? Да беднягу вздернули, как свиную тушу на бойне!

– Ну, отец никогда не отличался ни хорошими манерами, ни большим умом. – Она пожимает плечами. – Подозреваю, что одного без другого не бывает.

Впервые после того, как я пришел в себя, во мне вскипает возмущение. Какие бы преступления ни совершил этот человек, справедливое наказание вряд ли подразумевает веревки и запертую комнату.

– Нельзя это так оставлять, – настаиваю я. – Это бесчеловечно.

– Он сам поступил бесчеловечно, – холодно замечает Эвелина. – Мать пригласила Голда, чтобы он отреставрировал несколько фамильных портретов. Он с дворецким незнаком, но сегодня утром набросился на него с кочергой и избил до полусмерти. Честное слово, Себастьян, он заслуживает большей кары.

– И что с ним будет?

– Приедет констебль из деревни. – Эвелина выталкивает меня из комнатушки, закрывает за собой дверь и с прежним дружелюбием поясняет: – Отец разгневался и решил преподать Голду урок, только и всего. Вот, нам сюда.

Она открывает дверь напротив, и мы входим в небольшую комнату с белеными стенами и единственным, давно не мытым окном. Здесь нет сквозняков, а в очаге горит огонь; рядом аккуратно сложены дрова. В углу стоит железная кровать, под серым одеялом виднеются бесформенные очертания дворецкого. Я его узнаю: это тот самый человек с обожженным лицом, который утром впустил меня в особняк.

Эвелина сказала правду, он жестоко избит. Лицо покрыто жуткими синяками и ссадинами, на подушке пятна засохшей крови. Я бы принял его за труп, только он что-то бессвязно бормочет в забыты.

В деревянном кресле у кровати сидит служанка с открытой книгой на коленях. Ей года двадцать три, не больше, а сама она крохотная, какого-то карманного размера; из-под белого чепца выбиваются светлые пряди. Она замечает нас, захлопывает книгу и торопливо вскакивает с кресла, разглаживая белый передник.

– Мисс Эвелина, – лепечет она, потупившись, – мы вас не ждали.

– Моему другу надо поговорить с мистером Коллинзом, – объясняет Эвелина.

Служанка мимолетно обращает ко мне карие глаза и тут же их опускает.

– Прошу прощения, мисс, он все утро лежит пластом, – говорит служанка. – Доктор дал ему какое-то снотворное.

– А можно его разбудить?

– Я не пробовала, мисс, но вот когда вы по лестнице поднимались, ступеньки очень громко скрипели, только он даже не шелохнулся. Хотя этот скрип и мертвого разбудит, а его вот никак.

Служанка опять глядит на меня, и на этот раз в карих глазах сквозит какое-то узнавание, впрочем она тут же возвращается к изучению половиц.

– Простите, мы с вами знакомы? – спрашиваю я.

– Нет, сэр, что вы! Просто... Я вам вчера за ужином прислуживала.

– Это вы принесли мне записку? – обрадованно говорю я.

– Нет, сэр, не я. Мадлен.

– Мадлен?

– Моя камеристка, – поясняет Эвелина. – Слуг не хватает, поэтому вчера я отправила ее помогать на кухне. – Взглянув на свои наручные часы, она добавляет: – Как раз сейчас она понесла обед охотникам, к трем пополудни вернется, и тогда мы ее вместе расспросим.

Я снова обращаюсь к служанке:

– А вы еще что-нибудь знаете о записке? Например, что в ней говорилось?

Служанка мотает головой, до боли сжимает руки. Похоже, бедняжке неловко, и мне становится ее жаль. Я благодарю ее и прощаюсь.

7

Мы идем по подъездной аллее к деревне, с каждым шагом деревья смыкаются все ближе. В моем воображении аллея представлялась совсем другой. На карте в кабинете она выглядела плодом великих трудов, широким проспектом, прорубленным сквозь чащу леса. На самом деле аллея – грунтовая дорога, изрытая колдобинами и усыпанная ветками и сучьями. Судя по всему, Хардкаслы вели долгие переговоры с непокоренным лесом, но выторговали у упрямого соседа лишь мелкие уступки.

Не знаю, куда именно мы идем и где Эвелина надеется встретить Мадлен, которая возвращается из леса. Я втайне подозреваю, что ей просто хочется подольше побыть вне дома. Вообще-то, ей незачем притворяться. За час, проведенный в обществе Эвелины, я впервые ощутил себя полноправной личностью, а не жалкими остатками таковой. Здесь, под ветром и дождем, бок о бок с другом, впервые за весь день я счастлив.

– И что, по-вашему, Мадлен вам расскажет? – Эвелина поднимает с дороги ветку, швыряет ее в лес.

– Вчера вечером она передала мне записку, я ее прочел и отправился в лес, где на меня напали, – объясняю я.

– На вас напали? – взволнованно спрашивает Эвелина. – Кто? Почему?

– Не знаю. Надеюсь, что Мадлен скажет, кто вручил ей записку. Может быть, она ее прочитала.

– Никаких «может быть», – говорит Эвелина. – Мадлен – парижская камеристка. Очень верная, мне с ней весело, но служанка она ужасная. Она наверняка считает, что чтение чужих писем входит в ее обязанности.

– Вы к ней очень снисходительны, – замечаю я.

– Увы, иначе нельзя, ведь я плачу ей скромное жалованье, – поясняет она. – И если она перескажет содержание записки, что с того?

– Обращусь в полицию. Они во всем разберутся.

У покосившегося указателя мы сворачиваем налево, углубляемся в лес, петляем по хитросплетениям узких, еле заметных тропок, и вскоре я перестаю понимать, как вернуться к особняку.

– А вы знаете, куда идти? – озабоченно спрашиваю я, отводя от лица низко нависшую ветку; последняя прогулка по лесу лишила меня памяти.

– По меткам. – Она дергает желтый лоскут, прибитый к стволу; такие же лоскуты, только красные, утром вывели меня к Блэкхиту, и напоминание об этом меня пугает. – Лесники помечают ими лесные тропы, чтобы не заблудиться. Не волнуйтесь, я не заведу вас в глухомань.

С этими словами она выводит меня на поляну, посреди которой виднеется каменный колодец. Деревянный навес давным-давно обвалился, чугунная рукоять колодезного ворота, некогда поднимавшего ведро, ржавеет в грязи под грудой палой листвы. Эвелина радостно хлопает в ладоши, ласково трогает замшелые камни, явно надеясь, что я не замечу, как ее рука прикрывает клочок бумаги, воткнутый в щель кладки. Не желая разрушать дружеские отношения, я притворяюсь, что ничего такого не вижу, и под ее пристальным взглядом поспешно отвожу взгляд. Наверное, среди гостей у нее есть поклонник, и, к стыду своему, я завидую и тайной переписке, и самим корреспондентам.

– Вот, прошу любить и жаловать. – Эвелина театрально взмахивает рукой. – На обратном пути Мадлен обязательно пройдет через эту поляну. Здесь мы ее и подождем. Ей нужно вернуться к трем пополудни, чтобы помочь с убранством бальной залы.

– А что здесь? – спрашиваю я, оглядываясь вокруг.

– Колодец желаний, – объясняет она, заглядывая в черную пустоту колодца. – В детстве мы с Майклом часто сюда приходили и загадывали желания, бросая камешки на дно.

– И какие же желания загадывала юная Эвелина Хардкасл?

Она озадаченно морщит лоб:

– Знаете, а ведь я совершенно не помню. Что нужно ребенку, у которого все есть?

«Ему нужно все – и больше, чем все, как и всем остальным».

– А я, даже если бы помнил, все равно не смог бы ответить на такой вопрос, – улыбаюсь я.

Эвелина отряхивает перепачканные ладони, вопросительно смотрит на меня. Видно, что ее снедает любопытство, переполняет радость от встречи с неизвестным и неожиданным там, где еще недавно все было знакомо. Я с разочарованием осознаю, что для нее я – всего лишь новое развлечение.

– А вы не задумывались, что с вами будет, если к вам не вернется память? – осторожно спрашивает она, стараясь не задеть меня слишком личным вопросом.

Теперь озадачен я.

Справившись с первоначальной растерянностью, я старался не думать о своем состоянии. По большей части потеря памяти создавала определенные неудобства, но не была трагедией. Раздражала только неспособность вспомнить, кто такая Анна. В ходе попыток возродить Себастьяна Белла я обрел двух друзей, Библию с пометками на полях и сундук, запертый на замок. Маловато для сорока лет жизни. Нет ни жены, безутешно оплакивающей потерянное время, ни ребенка, огорченного утратой любимого отца. С этой точки зрения жизнь Себастьяна Белла легко отринуть и трудно оплакивать.

Где-то в лесу трещат ветви.

– Лакей, – говорит Эвелина.

Я тут же вспоминаю слова Чумного Лекаря, и кровь стынет в жилах.

– Что-что? – спрашиваю я, лихорадочно оглядывая заросли.

– Слышите треск? Это лакеи собирают хворост, – поясняет она. – Стыд и позор. В особняке не хватает прислуги, некому растапливать камин, поэтому гостям приходится отправлять за хворостом своих лакеев и камердинеров.

– А сколько их там?

– В каждом из приглашенных семейств – по одному, но еще не все приехали, – говорит она. – Пока в особняке семь или восемь лакеев.

– Восемь? – сдавленно переспрашиваю я.

– Ах, милый Себастьян, что с вами? – встревоженно говорит Эвелина.

В иных обстоятельствах мне бы польстило ее ласковое участие, но сейчас оно меня смущает. Мне стыдно признаваться, что какой-то странный тип в наряде чумного лекаря посоветовал опасаться некоего лакея – и что даже при звуке этого слова меня охватывает безумный страх.

– Простите, – говорю я, помрачнев. – Я вам все объясню, только не здесь и не сейчас.

Не в силах выдержать ее недоуменный взгляд, я озираюсь, пытаюсь сменить тему. Замечаю пересечение трех тропинок, убегающих в лес; одна из них ведет прямо к берегу озера.

– А там...

– Да, это озеро, – говорит Эвелина, глядя в ту сторону. – То самое, на берегу которого Чарли Карвер убил моего брата.

Нас разделяет трепетная тишина.

– Простите, – неловко повторяю я, смущенный скудостью выраженного чувства.

– Не подумайте обо мне дурно, но за давностью лет все это кажется кошмарным сном, – вздыхает она. – Я даже лица Томаса не помню.

– Майкл говорит то же самое, – замечаю я.

– Оно и неудивительно, ведь он младше меня на пять лет. – Она приобнимает себя за плечи, отстраненно произносит: – В тот день я должна была присматривать за Томасом, но мне больше хотелось покататься верхом, а он ходил за мной по пятам. Поэтому я придумала для малышей игру, отправила их на поиски сокровищ. Если бы я не оставила их одних, то Томас не забрел бы к озеру и не попал бы к Карверу в лапы. Вы даже не представляете, как эти мысли терзали меня все детство и юность. Я мучилась бессонницей, отказывалась от еды. Не испытывала никаких эмоций, кроме бессильной злости и вины. Я злилась на всех, кто пытался меня хоть как-то утешить.

– И как же вы с этим совладали?

– С помощью Майкла, – печально улыбается она. – Как только я над ним не измывалась! И вообще, я вела себя ужасно, но он всегда оставался рядом. Он видел, что я страдаю, хотя и не понимал почему, и очень мне сочувствовал. Без него я совсем сошла бы с ума.

– Вы потому и уехали в Париж, подальше отсюда?

– Нет, тут у меня не было особого выбора. Через несколько месяцев после случившегося родители отправили меня в Париж, – отвечает она, закусив губу. – Они не могли меня простить, и мне самой этого бы не позволили, если бы я осталась. Изгнание было своего рода наказанием, но в итоге пошло мне на пользу.

– Однако же вы вернулись?

– Повторяю, у меня не было выбора, – с горечью произносит она, кутаясь в шарф, потому что на поляну врывается резкий порыв холодного ветра. – Родители настаивали на моем возвращении, грозили лишить меня пособия. А когда это не сработало, то заявили, что лишат наследства Майкла. Поэтому я и приехала.

– Но чем объяснить их ужасное поведение? И желание устроить бал-маскарад в вашу честь?

– В мою честь? О господи, да вы и впрямь не понимаете, что здесь происходит!

– Может быть, вы...

– Себастьян, завтра исполняется девятнадцать лет со дня убийства моего брата. Не знаю почему, но родители решили отметить годовщину трагедии в том самом имении, где это произошло, и пригласили всех, кто гостил в доме в этот день девятнадцать лет тому назад.

Голос ее звенит от сдержанного гнева, дрожит от скрытой боли, которую мне хочется как-то унять. Эвелина, сверкнув голубыми глазами, оборачивается к озеру.

– Они устраивают поминки, объявляя их торжеством якобы в мою честь, и, как я предполагаю, меня ждет какой-то жуткий сюрприз, – продолжает она. – Это не праздник, а наказание, свидетелями которого станут пятьдесят гостей, разодетых в пух и прах.

– Неужели ваши родители так злопамятны? – ошеломленно спрашиваю я; меня бушуют чувства, сходные с теми, которые я испытал при виде птицы, разбившейся об оконное стекло, – смесь глубокого сожаления и горечи оттого, что жизнь жестока и несправедлива.

– Сегодня утром мать пригласила меня на прогулку у озера, – говорит она. – А сама не пришла. Наверное, и не собиралась. Ей просто хотелось, чтобы я постояла в одиночестве, вспоминая о случившемся. Вам все ясно?

– Эвелина, я... У меня нет слов.

– А они и не нужны, Себастьян. Богатство отравляет душу, а мои родители уже очень давно богаты – как и большинство гостей, приглашенных на торжество, – вздыхает Эвелина. – Не забывайте, что учтивые манеры – всего лишь маска.

Я страдальчески морщусь, она улыбается, берет меня за руку. Пальцы холодные, а взгляд теплый, участливый. В нем сквозит хрупкая отвага узника, всходящего на эшафот.

– Не бойтесь, милый, – говорит она. – Моих бессонных ночей с лихвой хватает на двоих, вам ни к чему мучиться бессонницей. Лучше, если хотите, загадайте за меня желание. Или за

себя самого, – по-моему, вам оно нужнее. – Она достает из кармана монетку, протягивает ее мне. – Вот, возьмите. От камешков толку мало.

Монетка летит долго, на самом дне ударяется не о воду, а о камень. Вопреки совету Эвелины, никаких желаний для себя я не загадываю, лишь молю всех богов, чтобы помогли ей уехать отсюда навсегда, жить счастливо и свободно, независимо от родителей. Я по-детски зажимаюсь, надеюсь, что как только открою глаза, все вокруг изменится и сила моего желания сделает невозможное возможным.

– Вы очень изменились, – шепчет Эвелина с едва заметной гримаской, внезапно осознав, что говорить этого не следовало.

– Мы с вами давно знакомы? – удивленно спрашиваю я; прежде мне это не приходило в голову.

– Напрасно я это сказала, – вздыхает она, отходя от меня.

– Эвелина, я провел с вами целый час, так что теперь вы мой лучший друг. Прошу вас, скажите честно, кто я такой.

Она пристально смотрит мне в лицо:

– Об этом вам лучше спросить не у меня. Мы с вами впервые увиделись всего два дня назад, да и то мельком. Все, что мне о вас известно, – это слухи и сплетни.

– Знаете, тот, кто сидит за пустым столом, обрадуется любым крошкам.

Она напряженно сжимает губы, неловко одергивает рукава. Была бы у нее лопата, она бы уже прорыла себе подземный ход. О хорошем человеке рассказывают с большей готовностью, и я заранее страшусь ее слов. Но все-таки настаиваю:

– Прошу вас, объясните. Недавно вы сами говорили, что если мне не нравится, кем я был раньше, то я могу стать другим. Но я не в состоянии этого сделать, если не знаю, кем я был прежде.

Похоже, мои мольбы убеждают ее нарушить молчание. Она глядит на меня из-под ресниц:

– Вы действительно хотите это узнать? Правда бывает жестокой.

– Мне все равно. Главное – понять, что я потерял.

– Не так уж и много. – Она сжимает мою руку в ладонях. – Вы приторговываете наркотиками, Себастьян. И если судить по вашей приемной на Харли-стрит, сколотили приличное состояние, поставляя богатым бездельникам лекарство от скуки.

– Я...

– Вы приторговываете наркотиками, – повторяет она. – Говорят, сейчас в моде лауданум, но, в общем-то, у вас имеются лекарства на любой вкус.

Я обреченно сникаю. Даже не верится, что прошлое может так жестоко ранить. Известие о том, чем я занимался, пронзает меня насквозь. Да, во мне много изъянов и недостатков, но я гордился тем, что я доктор. Это благородная и честная профессия. Увы, Себастьян Белл запятнал ее, приспособил к своим низменным нуждам, лишил и ее, и себя всего лучшего.

Недаром Эвелина сказала, что правда бывает жестокой. Несправедливо, когда человек познает свою сущность вот так, будто наталкивается в кромешной тьме на заброшенную хижину.

– На вашем месте я бы не расстраивалась. – Эвелина наклоняет голову, пытается поймать мой потупленный взгляд. – Вы сейчас ничуть не похожи на того мерзкого типа.

– Поэтому меня и пригласили? – спрашиваю я. – Чтобы я обеспечивал всех своими гнусными снадобьями?

– Боюсь, что да, – сочувственно улыбается она.

Я цепенею, мысли путаются. Значит, вот чем объясняются странные взгляды, перешептывания, взволнованные вздохи при моем появлении. Я-то думал, что гости мне сочувство-

вали, а оказывается, они просто нетерпеливо дожидались, когда же я открою свой волшебный сундук...

Какой же я болван!

– Мне...

Не договорив, я срываюсь с места, ноги сами несут меня по лесу, не разбирая дороги. Я выбегаю на подъездную аллею, Эвелина еле поспевает за мной. Она пытается меня остановить, напоминает о Мадлен, но я ее не слушаю, пылая ненавистью к тому, кем был. Я готов смириться с его недостатками и изъясными, но это – подлое предательство. Он наделал гадостей и сбежал, а я остался на пепелище его жизни.

Дверь Блэкхита распахнута настежь. Я так быстро взбегаю по лестнице в спальню, что приношу с собой запах сырой земли. Тяжело дыша, склоняюсь над сундуком. Неужели из-за этого вчера ночью я ушел в лес? Неужели из-за этого пролилась моя кровь? Что ж, я его уничтожу, а вместе с ним и все, что связывает меня с прошлым.

Я лихорадочно ищу что-нибудь тяжелое, чтобы сломать защелку. Тут в комнату входит Эвелина, сразу понимает, в чем дело, и приносит из коридора увесистый бюст какого-то римского императора.

– Вы просто сокровище! – говорю я и колочу по защелке бюстом.

Утром я с трудом выволок тяжеленный сундук из шкафа, но сейчас он скользит по половицам после каждого удара. Эвелина снова приходит мне на помощь и садится на крышку сундука, удерживая его на месте. Три сильных удара – и защелка с грохотом летит на пол.

Я швыряю бюст на кровать, поднимаю тяжелую крышку.

В сундуке пусто.

Почти пусто.

В уголке лежит шахматная фигура, на ее основании вырезано имя «Анна».

– По-моему, сейчас вам самое время все рассказать, – говорит Эвелина.

8

Мрак жмется к окну моей спальни, дышит холодом на стекла, оставляет на них морозные узоры. На него злобно шипит огонь в камине, колышущиеся языки пламени освещают комнату. За закрытой дверью, в коридоре, слышны торопливые шаги и голоса гостей, спешащих на бал. Издалека доносятся робкие звуки скрипки.

Я вытягиваю ноги к огню, дожидаясь полной тишины. Эвелина попросила меня прийти и на ужин, и на бал, но мне противно общество людей, которые знают, кто я, и ожидают от меня только одного. Мне противен этот дом, противны эти игры. В двадцать минут одиннадцатого я встречу с Анной на кладбище, а потом попрошу конюха отвезти нас в деревню, подальше от этого безумия.

Снова рассматриваю шахматную фигуру, найденную в сундуке, подношу ее к свету, надеясь пробудить еще какие-то воспоминания. Увы, ничего такого не пробуждается, а сама фигура тоже никаких зацепок не дает. Это резной слон ручной работы, покрытый остатками белой краски. Он совершенно не похож на дорогие шахматы из слоновой кости, которые я видел в особняке. И все же... что-то в нем есть. С ним связаны не столько воспоминания, сколько какое-то теплое чувство. Он словно бы придает мне храбрости.

В дверь стучат. Я сжимаю фигурку в руке, встаю с кресла. Чем меньше времени остается до свидания на кладбище, тем больше я нервничаю, чуть ли не выпрыгиваю в окно всякий раз, когда в камине трещат поленья.

– Белл, вы у себя? – спрашивает Майкл Хардкасл из-за двери.

И снова стучит. Настойчиво. Как вежливый таран.

Я ставлю шахматного слона на каминную полку, распаиваю дверь. По коридору идут гости в маскарадных нарядах. Майкл, в ярко-оранжевом костюме, теребит завязки громадной маски в виде солнца.

– Ну наконец-то, – говорит он и недоуменно морщит лоб. – А почему вы еще не одеты?

– Я никуда не пойду, – отвечаю я и неопределенно повожу рукой у виска. – Мне...

Майкл превратно истолковывает мой язык жестов:

– Вам плохо? Позвать Дикки? Я только что его видел...

Хватаю Майкла за руку, чтобы он не бросился на поиски врача.

– Нет-нет, просто я слишком устал, – объясняю я.

– Может, передумаете? Там будет фейерверк, а родители весь день готовили какой-то сюрприз. Не жалко пропускать такое зрелище?

– Нет, я, пожалуй, обойдусь.

– Ну, как вам будет угодно, – произносит он разочарованным тоном; не меньшее разочарование написано и на лице. – Я вам очень сочувствую, Белл, денек выдался тот еще. Надеюсь, завтра все уладится. И никаких недоразумений больше не будет.

– Каких недоразумений?

– Ну, с убитой женщиной, – с улыбкой напоминает он. – Даниель мне сам сказал, что это недоразумение. А я, как дурак, отправил людей на поиски, пришлось отзывать. Ну, ничего страшного.

«Даниель? А откуда он узнал, что Анна жива?»

– Это ведь недоразумение, правда? – уточняет он, видя мое замешательство.

– Да-да, безусловно, – киваю я. – Ужасная ошибка. Простите за беспокойство.

– Ничего страшного, – с некоторым сомнением повторяет он. – Не принимайте близко к сердцу.

Слова его растягиваются, как резина. Он сомневается не только в моих заверениях, но и в том, кто перед ним. В конце концов, я уже не тот, с кем он был знаком, и, по-моему, он

начинает подозревать, что я больше не желаю быть тем человеком. Еще утром я был на все готов, чтобы восстановить связь между нами, но Себастьян Белл, трус и торговец наркотиками, якшался с аспидами. Если Майкл был его приятелем, то как он может стать моим другом?

– Ну, я пойду, – говорит он, кашлянув. – Набирайтесь сил, старина.

Он еще раз стучит по дверной раме, отворачивается и присоединяется к потоку гостей.

Я смотрю ему вслед, обдумываю услышанное. Я почти забыл о том, как сегодня утром Анна бежала через лес, потому что предстоящая встреча на кладбище ужасает меня больше этого воспоминания. Однако же явно произошло что-то важное, сколько бы Даниель ни утверждал, что ничего не случилось. За Анной гнался некто в черном – наверное, тот самый лакей. Она каким-то образом осталась жива, как и я после вчерашнего нападения. Может быть, именно об этом она и хочет со мной поговорить? Обсудить нашего общего врага? Выяснить, почему он жаждет нашей смерти? Может быть, это из-за наркотиков? Ведь это очень дорогое удовольствие. Может быть, Анна – моя помощница и это она забрала их из сундука, чтобы не достались злодею. Заодно это объяснило бы и шахматную фигуру. А вдруг это какой-то условный знак?

Достаю из шкафа пальто, наматываю вокруг шеи длинный шарф, надеваю пару теплых перчаток, кладу в карман нож для писем и шахматную фигуру и выхожу из спальни. Ночь морозная, студеная. Глаза привыкают к темноте. Вдыхаю свежий воздух, все еще влажный от недавнего дождя, иду по дорожке вокруг дома к кладбищу.

По плечам разливается напряжение, под ложечкой сосет.

Лес меня пугает, но свидание на кладбище пугает еще больше.

Когда я пришел в себя, то хотел лишь узнать, кто я такой, а теперь вчерашнее кажется не трагедией, а благословением. Потеря памяти дала мне шанс начать жизнь заново. Может быть, встреча с Анной вернет мне память? Уцелеет ли моя новообретенная, наскоро сконструированная личность в потоке воспоминаний о прошлом?

Или он меня сметет?

Мысль давит мне на плечи, заставляет вернуться, но я не могу побороть того, кем я был, если просто сбегу из созданной им жизни. Надо быть твердо уверенным в том, кем именно я хочу стать.

Сжав зубы, иду по тропинке между деревьями, мимо хижины садовника. Окна домика темны. К стене прислонилась Эвелина, курит сигарету; у ног стоит зажженный фонарь. На ней длинное бежевое пальто и резиновые сапоги, что странно контрастирует с синим вечерним платьем и бриллиантовой диадемой в волосах. Вообще-то, Эвелина очень красива, но почему-то стесняется своей красоты.

Она замечает, что я это замечаю.

– Не было времени переодеться после ужина, – смущенно поясняет она, отбрасывая сигарету.

– Что вы здесь делаете? – спрашиваю я. – Вас же ждут на балу.

– Я сбежала. Не хочу пропускать самое интересное. – Она затаптывает сигарету.

– Это опасно.

– Тогда тем более глупо идти на кладбище в одиночку. А у меня найдется чем помочь.

Она достает из сумочки черный револьвер.

– Откуда это у вас? – ошеломленно и несколько виновато спрашиваю я, отгоняя предательские мысли о том, что мои неприятности заставили Эвелину взять в руки оружие; лучше бы ей оставаться в тепле, под защитой стен Блэкхита, а не мерзнуть здесь, перед лицом грозящей опасности.

– Позаимствовала у матери, так что лучше спросите, откуда это у нее.

– Эвелина, вам не...

– Себастьян, в этом жутком месте вы у меня единственный друг, и я не позволю вам разгуливать по кладбищу в одиночку, не зная, что вас там ждет. Вас уже пытались убить. Второй попытки я не допущу.

Я чуть не задыхаюсь от благодарности:

– Спасибо.

– Вот еще глупости какие. Это я вас должна благодарить, иначе мне пришлось бы остаться на балу, где меня бы все разглядывали, – заявляет она, поднимая фонарь. – Ну что, пойдём? А то мне не поздоровится, если я не вернусь к тому времени, когда начнут произносить речи.

Над кладбищем тяжело нависла мгла, гнет чугунную ограду, клонит деревья над покосившимися надгробиями. Могилы задыхаются под грудами гниющей листвы, могильные плиты растрескиваются, имена покойников крошатся и исчезают.

– Я расспросила Мадлен о вчерашней записке. – Эвелина открывает скрипучую калитку и входит на кладбище. – Надеюсь, вы на меня не обидитесь.

– Нет, конечно. – Я опасливо озираюсь. – Если честно, я об этом совсем забыл. И что она сказала?

– Записку дала ей миссис Драдж, наша повариха. Я с ней отдельно побеседовала. Она говорит, что кто-то оставил записку на кухне. Кто – неизвестно. Вчера там было настоящее столпотворение.

– А Мадлен ее прочла? – спрашиваю я.

– Разумеется, – с усмешкой отвечает Эвелина. – Сразу призналась, даже не покраснела. Послание было коротким: приходите немедленно на условленное место.

– И все? Без подписи?

– Да. Простите, Себастьян. Я так хотела узнать побольше.

Мы подходим к склепу в дальнем конце кладбища. Громадный мраморный склеп охраняют два разбитых ангела. С манящей руки одного свисает фонарь, мерцает в темноте, но освещать ему нечего. Кладбище пустынно.

– Может быть, Анна опаздывает? – говорит Эвелина.

– А кто тогда оставил зажженный фонарь?

С отчаянно колотящимся сердцем я бреду по щиколотку в палой листве, насквозь промочив манжеты брюк. Наручные часики Эвелины подтверждают, что назначенное время настало, но Анны нигде нет. Только проклятый фонарь с протяжным скрипом раскачивается на ветру. Минут пятнадцать мы стоим, окутанные светом, выглядываем Анну в скольжении теней и в шорохе листьев, в шелесте ветвей, склоненных до земли. Мы с Эвелиной то и дело касаемся друг друга, привлекая внимание то к внезапному шуму, то к вспугнутому зверьку в густых зарослях.

Чем дольше мы ждем, тем труднее сдерживать пугающие мысли. Доктор Дикки утверждал, что мои раны получены в попытке увернуться от ножа. А что, если Анна – не друг, а враг? Может быть, поэтому я запомнил ее имя? Вдруг она написала и ту записку, из-за которой я ушел в лес вчера, и записку, которой меня заманили на кладбище сегодня, чтобы здесь прикончить.

Под напором этих мыслей моя и без того хрупкая отвага надламывается, пустоту под ней заполняет страх. Без Эвелины у меня бы уже давным-давно подкосились ноги, но ее храбрость помогает мне устоять.

– По-моему, она не придет, – говорит Эвелина.

– Да, похоже на то, – шепчу я, старательно скрывая облегчение. – Пожалуй, пора возвращаться.

– Конечно, – соглашается она. – Я вам очень сочувствую, милый.

Дрожащими пальцами беру фонарь из ангельской руки и следую за Эвелиной к калитке. Через пару шагов Эвелина хватается за руку и подносит свой фонарь к земле. Свет озаряет

груды палой листвы, залитые кровью. Я опускаюсь на колени, растираю клейкую кровь большим и указательным пальцем.

– И вот здесь, – негромко произносит Эвелина.

Следы крови ведут к соседнему надгробью, где под листьями что-то поблескивает. Я разгребаю листву, нахожу компас, который утром вывел меня из леса. Он перемазан кровью, стекло разбито, но стрелка упрямо показывает на север.

– Это тот самый компас, который вам дал убийца? – приглушенно шепчет Эвелина.

– Да, – говорю я, взвешивая его на ладони. – Даниель Кольридж сегодня утром унес компас с собой.

– А теперь кто-то отобрал компас у него.

Опасность, о которой, возможно, хотела предупредить меня Анна, очевидно, постигла ее саму, и каким-то образом в этом замешан Даниель Кольридж.

– Пожалуй, вам лучше уехать из Блэкхита, – продолжает Эвелина. – Идите к себе, а я пришло за вами экипаж.

– Надо найти Даниеля, – неохотно возражаю я. – И Анну.

– Здесь творится что-то ужасное, – шипит она. – Ваши раны, наркотики, Анна, а теперь еще и компас. Все это части какой-то игры, правила которой нам неизвестны. Прошу вас, Себастьян, ради меня, уезжайте! Пусть с этим разбирается полиция.

Я киваю. У меня нет сил спорить. Я задержался здесь только из-за Анны, потому что жалким остаткам моей храбрости удалось убедить меня в том, что согласиться на таинственную встречу – дело чести. Кроме этого, меня здесь ничто не удерживает.

В молчании мы возвращаемся в Блэкхит. Эвелина идет впереди, наставив револьвер во тьму. Я тихо плетусь позади, как верный пес. Вскоре, попрощавшись с Эвелиной, я распахиваю дверь спальни.

В комнате кое-что изменилось.

На кровати лежит коробка, обвязанная красной лентой. Я срываю ее, сдвигаю крышку, и желудок болезненно сжимается, желчь подступает к горлу. В коробке –дохлый кролик, пронзенный кухонным ножом. Свернувшаяся кровь, размазанная по дну коробки и по шерсти кролика, наполовину скрывает записку, приколотую к уху:

*Ваш друг,
Лакей.*

Тьма застит мне глаза.
И я теряю сознание.

9

День второй

Я подскакиваю в кровати от оглушительного грохота, зажимаю уши руками. Морщусь, озираюсь в поисках источника шума и понимаю, что ночью меня куда-то переселили. Вместо просторной спальни с ванной и камином я оказался в тесной комнатухе с белеными стенами и узкой железной кроватью; в оконце струится тусклый свет. У противоположной стены стоит комод, с крючка на двери свисает ветхий бурый шлафрок.

Я сажусь на кровати, ноги касаются холодного каменного пола, по спине пробегает озноб. Очевидно, лакею мало было дохлого кролика, и он решил подстроить мне еще какую-то пакость. Непрекращающийся грохот мешает думать.

Я накидываю на плечи шлафрок, от которого тошнотворно разит дешевым одеколоном, и выглядываю в коридор. Пол покрыт растрескавшейся плиткой, штукатурка на стенах отсырела, вздулась пузырями. Окон нет, только лампы отбрасывают дрожащие пятна тусклого желтого света. Здесь гроыхание слышно намного громче. Закрыв уши, иду на звук, дохожу до хлипкой деревянной лестницы, которая ведет наверх, в господский дом. Доска на стене увешана большими жестяными колокольчиками, под каждой табличка с названием комнат и помещений. Колокольчик входной двери дергается так яростно, что чуть ли не сотрясает фундамент особняка.

Не отрывая рук от ушей, смотрю на колокольчик, но прекратить трезвон можно, только сорвав его со стены – или открыв входную дверь. Потуже завязываю пояс шлафрока, избегаю по ступенькам и оказываюсь в дальнем конце вестибюля. Здесь намного тише, слуги с охапками цветов и прочими украшениями чинной вереницей пересекают вестибюль. Все заняты уборкой зала после вчерашнего ужина и вряд ли слышат звон.

Раздраженно встряхиваю головой, открываю дверь. Передо мной стоит доктор Себастьян Белл.

С безумно вытаращенными глазами, промокший до нитки и дрожащий от холода.

– Ох, бога ради, помогите, – испуганно восклицает он.

Мой мир исчезает.

– У вас есть телефон? – продолжает он; в глазах плещется отчаяние. – Надо позвонить в полицию.

Не может быть.

– Да не стойте же столбом! – кричит он, трясет меня за плечи, и холод его замерзших пальцев пробирает меня даже через пижаму.

Не дожидаясь ответа, он протискивается мимо меня в вестибюль и лихорадочно оглядывается.

Я пытаюсь осознать, что происходит.

Это я.

Это я вчера.

Со мной заговаривают, дергают за рукав, но я не в состоянии сосредоточиться ни на чем, кроме самозванца, с которого вода ручьями льется на пол.

На верхней площадке лестницы появляется Даниэль Кольридж.

– Себастьян? – Он кладет руку на перила.

Я смотрю на него, ожидая какой-то подвох, притворство или шутку, но он, как и вчера, легко, чуть ли не вприпрыжку сбегает по ступенькам, такой же самоуверенный, такой же всеобщий любимец.

Меня снова дергают за рукав. Передо мной стоит служанка, озабоченно глядит на меня, шевелит губами.

Я сконфуженно моргаю и перевожу взгляд на нее, вслушиваясь в ее слова:

– ...мистер Коллинз, что с вами, мистер Коллинз?

Ее лицо мне знакомо, но я не могу понять откуда.

Смотрю поверх ее головы на лестницу, по которой Даниель уже ведет Белла в спальню. Все происходит в точности как вчера.

Отшатнувшись от служанки, бросаюсь к зеркалу на стене. Глаза б мои не глядели... Обожженное лицо, складки и пятна шрамов, кожа загрубелая, как шкурка плода, проявленного жарким солнцем. Я знаю, кто это. Каким-то образом я проснулся дворецким.

С бешено колотящимся сердцем я поворачиваюсь к служанке.

– Что со мной? – хриплю я, сжимаю горло, из которого рвется грубый говор северянина.

– Сэр?

– Как это...

Нет, ее бесполезно расспрашивать. Ответ, заляпанный грязью, поднимается по лестнице к спальне Даниеля.

Я подхватываю полы шлафрока и направляюсь к лестнице, следуя цепочке палых листьев и грязных лужиц дождевой воды. Служанка меня окликает. Поднимаюсь до половины лестничного пролета, но тут она подбегает ко мне и преграждает дорогу, упирая мне в грудь раскрытые ладони.

– Вам туда нельзя, мистер Коллинз, – говорит она. – Вот увидит леди Хелена, как вы в одном исподнем гуляете по господской половине, так вам не поздоровится.

Я пытаюсь ее обойти, но она делает шаг в сторону, снова перекрывая путь.

– Прочь с дороги, девчонка! – восклицаю я, внутренне содрогаясь от того, как резко и требовательно это звучит; так я никогда не разговариваю.

– Мистер Коллинз, ничего страшного, у вас опять приступ, – говорит она. – Пойдемте на кухню, я напою вас чаем.

Голубые серьезные глаза служанки глядят куда-то мне за спину. Я оборачиваюсь, замечаю слуг, собравшихся у лестницы в вестибюле. Они смотрят на нас, сжимая охапки цветов.

– Приступ? – спрашиваю я; сомнение разевает пасть и глотает меня целиком.

– Ну, который из-за ожогов, мистер Коллинз, – тихонько напоминает она. – Вам же иногда чудится всякое. А как выпьете чаю, так и успокаиваетесь, и все хорошо.

Ее теплое участие давит на меня тяжелым грузом. Вспоминаю, как вчера Даниель меня уговаривал, как деликатно подбирал слова, словно я такой хрупкий, что разобьюсь, если на меня надавить. Так же как и эта служанка, он думал, что у меня помутился рассудок. Хотя если со мной такое происходит, если мне *кажется*, что это со мной происходит, то вполне возможно, что они и правы.

Я беспомощно смотрю на нее. Она берет меня за руку, помогает спуститься по ступенькам. Слуги расступаются перед нами.

– Выпьте чайку, мистер Коллинз, – подбадривает она, – и все будет хорошо.

Она ведет меня за руку, будто потерявшегося малыша, мягкое пожатие загрубевшей, мозолистой ладони успокаивает так же, как ласковый девичий голос. Мы выходим из вестибюля, спускаемся по черной лестнице и сумрачным коридором возвращаемся в кухню.

Лоб покрывается испариной. Духовки и плиты пышут жаром, в кастрюлях на огне кипит и булькает какое-то варево. Пахнет подливой, жареным мясом, пирожными, сахаром и потом. Слишком много гостей, слишком мало духовок. Ужин приходится готовить с раннего утра, чтобы успеть в срок.

Откуда я все это знаю?

Нет, я совершенно уверен, что все так и есть, но знать об этом я могу только в том случае, если я и есть дворецкий.

Служанки торопливо несут серебряные подносы с завтраком: яичница-болтунья, копченая селедка. Широкобедрая краснощекая старуха стоит у плиты, громко отдает какие-то распоряжения; обсыпанный мукой передник похож на генеральский мундир, увешанный наградами. Она каким-то чудом замечает нас в кухонной суете, пронзает стальным взглядом сначала служанку, потом меня.

Вытирает руки о передник и шагает к нам.

– Люси, тебя дела заждались, – сурово говорит она.

Служанка мешкает, раздумывая, стоит ли возражать.

– Да, миссис Драдж.

Разжимает ладонь, выпускает мою руку, пальцы оставляют на ней заплатку пустоты. Служанка участливо улыбается и уходит, затерявшись среди шума.

– Садитесь, Роджер, – говорит миссис Драдж почти ласково. У нее разбита губа, у рта наливается синяк. Похоже, ее кто-то ударил. Шевеля губами, она морщится.

На середине кухни стоит деревянный стол, уставленный блюдами с ветчиной, языком и жареными курами. Запахавшиеся повара, румяные, будто их тоже запекли в печи, добавляют все новые и новые блюда к супам и жарким, к подносам лаково блестящих овощей.

Я отодвигаю стул, сажусь.

Миссис Драдж вытаскивает из духовки противень сдобных плюшек, перекладывает одну на тарелку, добавляет завиток сливочного масла. Ставит тарелку передо мной, касается меня рукой, твердой и загрубелой, как старая кожа.

Долго смотрит на меня, участие сквозит во взгляде, колком, как чертополох. Она отворачивается, прикрикивает на повара.

Плюшка очень вкусная, растопленное масло течет по пальцам. Прожевывая первый кусок, я снова замечая Люси и наконец вспоминаю, где ее видел. Это служанка, которая в обед будет убирать посуду в гостиной, потом ее грубо отругает Тед Стэнвин, а Даниэль Кольридж защитит. Она очень хорошенькая, веснушчатая, голубоглазая, рыжие пряди выбиваются из-под чепчика. Она пытается открыть банку варенья, морщит личико от напряжения.

«Ее передник был перепачкан вареньем».

Все происходит словно бы замедленно, банка выскальзывает из рук, падает на пол, осколки разлетаются по всей кухне, варенье заляпывает передник.

– Да чтоб тебя, Люси Харпер! – раздраженно кричит кто-то.

Опрокинув стул, я выбегаю из кухни, мчусь к лестнице, выскакиваю на первый этаж, сворачиваю за угол в гостевой коридор и сталкиваюсь с худощавым типом в белой рубашке, покрытой угольными разводами; растрепанные черные кудри лезут в глаза. Я извиняюсь, гляжу ему в лицо. Передо мной Грегори Голд, облаченный в ярость, как в костюм. Глаза сверкают безумием, сам он дрожит от гнева, и я слишком поздно вспоминаю, что последует дальше и как выглядел дворецкий после того, как над ним надругалось это чудовище.

Я пячусь, но он длинными пальцами хватается меня за шлафрок:

– Не стоит...

В глазах темнеет, мир превращается в разноцветный мазок, потом во вспышку боли. Я ударяюсь о стену, падаю на пол. Из разбитой головы льется кровь. Он стоит надо мной, сжимая в руке кочергу.

– Умоляю... – шепчу я, стараясь отползти в сторону. – Я не...

Он пинает меня в бок, вышибает воздух из груди.

Бессильно тяну к нему руку, пытаюсь что-то сказать, но он свирепеет еще больше, осыпает меня пинками. Я беспомощно сворачиваюсь в клубок, а он продолжает изливать на меня свой гнев.

Я едва дышу, ничего не вижу. Рыдаю, погребенный в боли.

И теряю сознание.

10

День третий

Темно, тюль на окне трепещет от дыхания безлунной ночи. Простыни мягкие, кровать удобная, под балдахин.

Я сжимаю пуховое одеяло, улыбаюсь.

Мне приснился кошмар, только и всего.

Медленно, удар за ударом, сердце успокаивается. Вкус крови во рту исчезает вместе с остатками сна. Пару секунд я вспоминаю, где нахожусь, еще через пару секунд замечая смутные очертания человека в углу комнаты.

Дыхание перехватывает.

Высовываю руку из-под одеяла, тянусь к прикроватной тумбочке за спичками, но коробок ускользает из пальцев.

– Кто здесь? – спрашиваю темноту, не в силах сдержать дрожь в голосе.

– Друг.

Голос мужской, глухой и глубокий.

– Друзья в темноте по углам не прячутся, – возражаю я.

– А я не говорил, что я ваш друг, мистер Дэвис.

Вслепую шарю по тумбочке, едва не сбиваю на пол керосиновую лампу. Неловко придерживаю ее и нащупываю спичечный коробок, который прячется за лампой.

– Не зажигайте свет, – вещает темнота. – Он вам не поможет.

Дрожащими пальцами сжимаю спичку, подношу огонек к лампе. За стеклом вспыхивает пламя, разгоняет тени по углам, освещает моего ночного гостя. Того самого незнакомца в наряде чумного лекаря, с которым я уже встречался. Он кутается в тяжелый обтрепанный плащ; цилиндр и фарфоровая маска с длинным клювом скрывают лицо, оставляя на виду одни глаза. Руки в перчатках сжимают черную трость с инкрустированной серебром надписью по всей длине; шрифт слишком мелкий, издали не разобрать.

– Хорошо, что вы наблюдательны, – замечает Чумной Лекарь.

Где-то в доме слышны шаги; у меня мелькает мысль, что даже разыгравшееся воображение вряд ли способно создать такой замысловатый сон.

– Какого черта вы забрались ко мне в спальню? – возмущенно спрашиваю я и сам удивляюсь своей неожиданной храбрости.

Человек в клювастой маске перестает разглядывать комнату, снова обращает взор на меня.

– У нас много дел, – говорит он. – Есть загадка, которая требует решения.

– По-моему, вы меня с кем-то путаете, – сердито заявляю я. – Я врач.

– Вы были врачом, – кивает он. – Потом дворецким. Сейчас вы – богатый бездельник, а завтра будете банкиром. Но никто из них не имеет отношения к вашему истинному облику, к вашей индивидуальности. Как только вы приехали в Блэкхит, вас лишили и лица, и личности. Впрочем, когда вы покинете имение, вам их вернут. – Он достает из кармана зеркальце, швыряет его на кровать. – Вот, убедитесь сами.

Зеркало, дрожащее в моей руке, отражает молодого человека с ярко-голубыми глазами, в которых нет ни одной мысли. Лицо в зеркале – не Себастьян Белл и не обожженный дворецкий.

– Его зовут Дональд Дэвис, – объясняет Чумной Лекарь. – У него есть сестра Грейс и лучший друг Джим. А еще он не любит арахиса. Этот день вы проведете в облике Дэвиса, а завтра, когда проснетесь, станете кем-то еще. Вот так все и устроено.

Значит, это был не сон. Все произошло на самом деле. Я дважды прожил один и тот же день в телах двух разных людей. Я сам с собой разговаривал, укорял и глядел на себя чужими глазами.

– Я схожу с ума? – спрашиваю я, глядя на незнакомца поверх зеркала.

– Нет, конечно, – отвечает Чумной Лекарь надтреснутым, чуть дрожащим голосом. – Безумие стало бы избавлением, но в Блэкхите заслужить избавление можно только одним способом. Поэтому я и здесь. Хочу вам кое-что предложить.

– С какой стати вы так со мной обращаетесь? – возмущаюсь я.

– Мне льстит подобное предположение, но то, что происходит с вами, – не моих рук дело.

И то, что происходит в Блэкхите, – тоже.

– А чьих же тогда?

– Тех, с кем вам не стоит встречаться, да и надобности в том нет. – Он пренебрежительно взмахивает рукой, словно отменяя саму мысль об этом. – Так вот, возвращаясь к тому, что я хочу вам предложить...

– Мне нужно объясниться, – говорю я.

– С кем?

– С тем, кто доставил меня сюда. С тем, кто сможет меня освободить, – цежу я сквозь зубы, стараясь не дать воли гневу.

– Ну, первого уже давно нет, а второй – перед вами, – говорит он, обеими руками ударяя себя в грудь; маскарадный костюм придает жесту некую театральность, заученность.

Внезапно я ощущаю себя актером в пьесе, где все, кроме меня, знают текст своих ролей.

– Только я знаю, как вы сможете покинуть Блэкхит, – произносит он.

– Это связано с тем, что вы хотите мне предложить? – недоверчиво уточняю я.

– Совершенно верно. Это даже не предложение, а загадка. – Он вытаскивает из кармана часы, смотрит на циферблат. – Сегодня на балу кого-то убьют. Убийство будет подстроено как несчастный случай, поэтому убийцу искать не станут. Восстановите справедливость, и я объясню, как вам отсюда выбраться.

Я напряженно стискиваю простыню.

– Если в вашей власти меня освободить, то почему вы этого сразу не сделаете, черт бы вас побрал! – восклицаю я. – Зачем все эти игры?

– Затем, что вечность – скучная штука, – отвечает он. – Или потому, что в игре главное – игра. Поразмышляйте над этим на досуге, только не затягивайте, мистер Дэвис. Сегодняшний день повторится восемь раз, и вы проживете его в облике восьми разных людей. Белл – ваше первое обличье, дворецкий – второе, мистер Дэвис – третье. Вам осталось еще пятеро. На вашем месте я бы поторопился. Когда найдете ответ и доказательства, приходите к озеру в одиннадцать часов вечера. Я буду ждать.

– Не желаю играть в дурацкие игры ради вашего удовольствия! – рычу я, наклоняясь к нему.

– Ну и не играйте, только знайте одно: если к концу дня пребывания в последнем, восьмом обличье вы не отыщете разгадки, вас лишат памяти, вернут в облик доктора Белла, и все начнется сначала. – Он снова смотрит на часы, кладет их в карман, сокрушенно цокает языком. – Надо же, как летит время. Если вы готовы к совместной работе, то в нашу следующую встречу я отвечу вам еще на несколько вопросов.

В окно врывается порыв ветра, гасит лампу, обволакивает нас темнотой. Я снова нахожу спички, зажигаю лампу, но Чумного Лекаря уже нет.

Напуганный и недоумевающий, я как ужаленный спрыгиваю с кровати, распахиваю дверь и выглядываю в холодный коридор. За дверью темнота. Может быть, незнакомец стоит в пяти шагах от меня, только я его не вижу.

Захлопываю дверь, подбегаю к шкафу, поспешно натягиваю на себя что попадается под руку. Тот, в чьем обличье я сейчас нахожусь, – человек невысокого роста, стройный и предпочитает одежду ярких цветов. Поэтому в итоге мой наряд выглядит так: лиловые брюки, оранжевая сорочка и желтый жилет. Из глубины шкафа достаю пальто и шарф, надеваю, выхожу из спальни. Утром убийство, вечером маскарад, загадочные записки и обожженные дворецкие – что бы здесь ни происходило, я не намерен быть чьей-то марионеткой.

Мне надо отсюда сбежать.

На лестничной площадке обе стрелки на циферблате укоризненно тикающих напольных часов устало тычутся чуть ниже цифры 3. Семнадцать минут четвертого. Жаль, что придется будить конюха в такую рань, но другого выхода у меня нет. Иначе я отсюда не уеду. Сбегаю по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, спотыкаюсь на ходу – у этого расфуфыренного павлина до смешного крошечные ступни.

Ни в Белле, ни в дворецком я ничего подобного не ощущал, а в этом теле мне тесно, я распираю его изнутри, оно трещит по швам. Двигаюсь неуклюже, будто пьяный.

Открываю парадную дверь. В вестибюль залетают палые листья. Дует сильный ветер, льет дождь, лес качается и скрипит. Мерзкая ночь цвета взбаламученной сажки. Мне нужен какой-нибудь фонарь, иначе я упаду по дороге и сверну себе шею.

Возвращаюсь, иду к черной лестнице в дальнем конце вестибюля. Перила шершавые, ступени шаткие. К счастью, лампы все еще струят прогорклый свет, крошечные огоньки возмущенно трепещут. Коридор длиннее, чем мне помнится, беленые стены сочатся влагой, сквозь штукатурку прорывается запах земли. Все отсырело, прогнило. Я и раньше замечал запущенные уголки Блэкхита, но здесь просто какая-то целеустремленная разруха. Удивительно, что в особняке еще остались слуги, ведь хозяева о них совершенно не заботятся.

На кухне я лихорадочно обыскиваю полки, нахожу керосиновый фонарь и спичечный коробок. Дважды чиркаю спичкой, зажигаю фонарь и, взбежав по лестнице, выхожу из вестибюля в грозу.

Свет фонаря когтем царапает тьму, дождь жалит глаза.

С подъездной аллеи сворачиваю на мощеную дорожку, ведущую к конюшне; вокруг тяжело вздыхает лес. Оskalзываясь на неровной брусчатке, шую глаза, озираюсь в поисках домика конюха, но яркий свет фонаря не столько освещает, сколько скрывает округу. Как и прежде, во дворе теснятся экипажи, накрытые брезентовыми полотнищами, хлопающими на ветру. В стойлах появились лошади, всхрапывают во сне.

Отряхиваю с ботинок навоз, подбегаю к дому, колочу по притолоке дверным молотком. Спустя несколько минут в окне вспыхивает огонек, дверь чуть приоткрывается, в щелочку выглядывает заспанное старческое лицо. На пороге стоит конюх, в рубахе и кальсонах.

– Мне надо уехать, – говорю я.

– Прямо сейчас, сэр? – недоуменно спрашивает он, трет глаза, смотрит в черное небо. – В такую непогоду только за смертью посылать.

– Дело срочное.

Он вздыхает, глядит на меня и, распахнув дверь, приглашает войти. Надевает штаны, вздергивает подтяжки на плечи, движется медленно, будто в полудреме, как тот, кого неожиданно оторвали ото сна. Берет куртку с гвоздя и выходит, делая мне знак остаться.

Честно говоря, я и сам рад остаться. В домике тепло и уютно, приятно пахнет кожей и мылом. Мне очень хочется проверить расписание работ, посмотреть, есть ли там записка от Анны, но, как только я протягиваю руку к листку бумаги, раздается страшный шум, и глаза слепит резкий свет за окном. Выхожу под дождь. Старый конюх сидит в зеленом автомобиле, который чихает и трясется, будто больной в горячке.

– Вот, сэр, – говорит конюх, выходя из авто. – Я для вас мотор завел.

– Но...

Я растерянню гляжу на хитроумную штуковину.

– А обычного экипажа нет? – спрашиваю я.

– Есть, но лошади боятся грома, сэр. – Конюх лезет под рубаху, почесывает подмышку. – Как понесут, не приведи господь, можно и не справиться.

– Я не справлюсь с этой тарактелкой, – с ужасом бормочу я, рассматривая жуткое механическое чудовище. Капли звонко стучат по металлическому корпусу, ветровое стекло превращается в лужу.

– Легче легкого, сэр, – говорит конюх. – Беретесь за руль, направляете, куда вам надо, и вжимаете ножную педаль в пол. Вот и вся наука.

Его уверенность, будто чья-то рука, вталкивает меня в авто, дверца с тихим щелчком закрывается.

– Доедете до конца по мощеной дороге, там будет левый поворот на грунтовку, – объясняет он, указывая куда-то в темноту. – Она вас выведет к самой деревне. Дорога длинная и прямая, только с колдобинами. Минут за сорок доберетесь, а может, и за час, если ехать осторожно. И не волнуйтесь, мимо деревни не проедете, сэр. А там просто оставьте автомобиль на приметном месте, я утром за ним кого-нибудь пришлю.

С этими словами он уходит в дом, со стуком захлопывает дверь.

Вцепившись в руль, я разглядываю рычаги и циферблаты, пытаюсь отыскать в них какое-то подобие логики. Легонько жму на педаль, проклятая штуковина дергается вперед. Надавливаю посильнее. Автомобиль послушно проезжает под аркой и, подпрыгивая на булыжниках, катит по мощеной дороге до левого поворота на грунтовку, о котором говорил конюх.

Дождь застит ветровое стекло, то и дело приходится выглядывать в окно, проверять, куда я еду. Фары освещают грунтовую дорогу, усыпанную жухлыми листьями и сорванными ветвями; по ней струятся потоки воды. Невзирая на опасность, я жму на педаль акселератора, робость сменяется возбуждением. Наконец-то я покинул Блэкхит и с каждой пройденной милей удаляюсь все дальше и дальше от царящего там безумия.

Занимается заря, серым мазком не столько освещает, сколько пятнает окрестности; к счастью, дождь прекращается. Дорога убегает вперед, лес бесконечен. Где-то в чаще Белл приходит в сознание и видит убийство девушки. Убийца оставит его в живых и вручит ему серебряный компас, указывающий на место, в котором происходит нечто необъяснимое, а Белл, как дурак, решит, что чудом спасся. Но как можно одновременно быть и в чаще, и в автомобиле – а в промежутке еще и дворецким? Руки сильнее сжимают руль. Если вчера я, будучи Себастьяном Беллом, беседовал с дворецким, значит тот, кем я буду завтра, уже находится в Блэкхите. Может быть, я с ним даже встречался. И не только завтра, но и послезавтра, и послепослезавтра. Но в таком случае кто я? Или они? Осколки одной и той же души, виноватые в грехах друг друга, или совершенно разные люди, бледные копии какого-то давно забытого оригинала?

Стрелка топливного бака приближается к красной черте; из-за деревьев на дорогу выплывает густой туман. Недавнее триумфальное возбуждение рассеивается. Я давным-давно должен был бы приехать в деревню, но вдали не видно дыма из труб, да и лес все не кончается.

Автомобиль вздрагивает, с лязгом и скрежетом испускает последний вздох и останавливается в нескольких шагах от Чумного Лекаря, черный плащ которого четко вырисовывается в белом тумане. У меня затекли ноги, спина ноет, но ярость выталкивает меня из авто.

– Не надоело еще валять дурака? – спрашивает Чумной Лекарь, обеими руками опираясь на трость. – Вместо того чтобы добиться в этом обличье кое-чего полезного, вы попусту теряете время на бесплодные попытки уехать. Блэкхит вас не отпустит, как бы вы ни рвались с поводка. А между тем ваши соперники без усталости занимаются расследованием.

– Значит, у меня есть соперники? – презрительно спрашиваю я. – Судя по всему, у вас в запасе еще много всяких фокусов. Сначала выясняется, что сбежать отсюда нельзя, а теперь оказывается, что за право освободиться устроено целое соревнование. – Я подступаю к нему,

собираясь силой выбить из него свободу. – Вам все еще непонятно? Меня не интересуют правила вашей игры, потому что я не намерен принимать в ней участие. Если меня не выпустят, то вы об этом горько пожалеете.

Мне остается два шага до незнакомца, и тут он наставляет на меня трость. Ее конец висит в дюйме от моей груди, и это почему-то выглядит ужаснее, чем дуло заряженной пушки. Серебристая вязь слов ритмично мерцает, сама трость испускает слабое сияние, испепеляющее туман. Тело обдает жаром. Я совершенно уверен, что, захоти он этого, трость прожжет меня насквозь.

– Дональд Дэвис всегда ведет себя как мальчишка, – укоризненно замечает незнакомец, глядя, как я поспешно отступаю на шаг. – У вас нет времени потакать его капризам. Кроме вас, в особняке есть еще два узника. Они, как и вы, тоже принимают обличье гостей либо слуг. Покинуть Блэкхит может только один из вас, и это будет тот, кто первым сообщит мне ответ. Теперь-то вам ясно? К освобождению ведет не грунтовая дорога, а я. Если вам невмоготу, попробуйте сбежать, бегите, пока ноги не отнимутся. И пока будете раз за разом просыпаться в Блэкхите, затвердите крепко-накрепко, что здесь нет ничего случайного, ничего произвольного. Вы останетесь здесь до тех пор, пока я не соблаговолю вас отпустить. – Он опускает трость, вытаскивает карманные часы, смотрит на циферблат. – А с вами мы еще побеседуем, когда вы успокоитесь. Мой вам совет: используйте обличья с умом. Ваши соперники очень ловки, они не разбрасываются отведенным им временем.

Мне очень хочется налететь на него с кулаками, но теперь, когда красная пелена перед глазами рассеялась, я осознаю, что это глупая затея. Несмотря на просторное одеяние незнакомца, понятно, что он достаточно крепок и запросто со мной справится. Поэтому я огибаю его – он шествует в Блэкхит – и устремляюсь вперед, в туманную дымку. Может быть, дорога и впрямь бесконечна, а никакой деревни и вовсе нет, но я должен в этом убедиться сам.

По своей воле я не намерен участвовать в игре безумца.

11

День четвертый

Просыпаюсь с хриплым стоном, раздавленный монументальной машиной – брюхом моего нового тела. Помню только, как в изнеможении упал на дорогу, по которой шел много часов, воя от ярости, но так и не обнаружил деревни. Чумной Лекарь сказал правду. Из Блэкхита не сбежать.

Дорожные часы на прикроватном столике показывают половину одиннадцатого. Хочу встать, но тут из двери в соседнюю комнату появляется какой-то человек, подходит к серванту и опускает на него серебряный поднос. Незнакомцу с виду лет тридцать; он высок, темноволос и гладковыбрит. Внешность у него приятная, но в целом ничем не примечательная. На крохотном носу сидят очки, глаза устремлены к окну. Он молча пересекает спальню, распахивает шторы и открывает окно, из которого видны сад и лес.

Я в изумлении слежу за ним.

Его движения до странности точны и четки. Он действует быстро и слаженно, не тратя лишних усилий, словно экономит силы для каких-то великих трудов.

С минуту он стоит у окна, повернувшись ко мне спиной. Холодный воздух врывается в комнату. Создается впечатление, будто от меня чего-то ждут, что эта пауза выдерживается ради меня, но я понятия не имею, что делать. Чувствуя мое замешательство, он прерывает свои бдения, подходит к кровати, берет меня под мышки и приподнимает в сидячее положение.

За его помощь я расплачиваюсь стыдом.

Шелковая пижама насквозь пропитана потом, а вонь немытого тела вызывает резь в глазах. Не обращая внимания на мое смущение, мой помощник берет поднос, осторожно опускает мне на колени и снимает с него крышку. На подносе красуются тарелки со свинными отбивными и огромной порцией яичницы с беконом, а также чайник и кувшин молока. Обычно такое обилие еды меня бы напугало, но сейчас, умирая от голода, я набрасываюсь на нее, как дикий зверь; высокий человек – судя по всему, мой камердинер – скрывается за китайской ширмой, откуда слышен звук льющейся воды.

Перевожу дух и озираюсь. В отличие от скромно обставленной спальни Белла, эти покои купаются в роскоши. Красные бархатные шторы струятся по окнам, алыми лужицами застывают на синем ковре. На стенах – яркие пятна картин, лакированная мебель красного дерева отполирована до зеркального блеска. Очевидно, тот, в чьем теле я нахожусь, пользуется большим уважением в семействе Хардкасл.

Камердинер возвращается и видит, как я, обжевшись, с тяжелым вздохом утираю салфеткой жирные губы. Наверное, ему противно. Мне тоже противно. Чувствую себя боровом у кормушки. Как бы то ни было, камердинер невозмутимо убирает поднос и подставляет плечо под мою руку, помогая подняться с кровати. Бог знает как часто он проделявает этот ритуал или сколько ему за это платят, но мне и одного раза хватает. Почти волоком, как раненого с поля боя, он ведет меня за ширму, к ванне с горячей водой.

И там начинает меня раздевать.

Несомненно, все это часть утренних процедур, но я сгораю от стыда. Мне претит это чужое тело, при ходьбе обвислые складки плоти на ляжках мерзко трутся друг о друга.

Я безуспешно пытаюсь отогнать помощника.

– Милорд, вы не смо... – Он осекается, тщательно подбирает слова: – Вам будет неудобно принимать ванну самому.

Хочу послать его подальше, пусть удавится, лишь бы оставил меня в покое, но понимаю, что он прав.

Закрываю глаза и покоряюсь.

Уверенными движениями он расстегивает на мне пижамную рубашу, стягивает с меня штаны, по одной поднимает мне ноги, чтобы я не запутался в пижаме. Через несколько секунд я остаюсь нагишом, и мой помощник почтительно отступает на шаг.

Открываю глаза, вижу свое отражение в большом зеркале на стене. Я похож на гротескное изображение человека: кожа желтушная, вздувшаяся, из гнезда волос в паху выглядывает вялый пенис.

От стыда и отвращения я невольно всхлипываю, исторгая глубокий стон.

На лице камердинера возникает удивленное выражение, на миг сменяется насмешливым. Впрочем, это открытое проявление чувств мимолетно.

Он торопливо подходит ко мне, помогает забраться в ванну.

Помню, с каким наслаждением я принимал горячую ванну в теле Белла, но теперь радости не испытываю. Мой огромный вес превращает удовольствие от купания в унизительную процедуру – из ванны придется как-то выбираться.

– Можно приступить к утренним докладам, лорд Рейвенкорт? – спрашивает камердинер.

Скованно сидя в ванне, я мотаю головой – надеюсь, что он все-таки выйдет из спальни.

– Сегодняшние развлечения включают охоту и прогулку по лесу. Позвольте осведомиться, что...

Я снова мотаю головой, гляжу на воду. Как долго мне все это терпеть?

– В таком случае остаются визиты.

– Отменить, – тихо говорю я. – Все отменить.

– Даже встречу с леди Хардкасл, милорд?

Первый раз смотрю в зеленые глаза. Чумной Лекарь настаивает, что для того, чтобы покинуть особняк, я должен найти убийцу; наверняка владелица имения поможет мне разобраться в тайнах Блэкхита.

– Нет, этот визит не отменяйте, – говорю я. – А где мы с ней встречаемся?

– В ваших покоях, милорд, если вам так будет угодно.

– Да, вполне приемлемо.

– Будет исполнено, милорд.

Исчерпав этим список дел, мой помощник коротко кланяется и оставляет меня наедине с моими несчастьями.

Я закрываю глаза и опускаю голову на край ванны, пытаюсь разобраться в происходящем. Душа, оторванная от тела, для многих означает смерть, но глубоко внутри я понимаю, что это не потусторонний мир. В аду было бы уютнее, да и прислуги меньше; вдобавок трудно судить человека, лишенного грехов.

Нет, я вполне себе жив, только в каком-то неведомом состоянии. Оно коварнее смерти, и я в нем не одинок. Чумной Лекарь утверждал, что за право покинуть Блэкхит соревнуются трое. Может быть, лакей, приславший мне дохлого кролика, попал в ту же западню, что и я? Возможно, этим объясняются его попытки меня запугать. Трудно выиграть гонку, если боишься финиша. Может быть, Чумной Лекарь развлекается, натравливая нас друг на друга, как голодных псов на собачьих боях.

«А может быть, к его словам стоит прислушаться».

– О, травма заговорила, – бормочу я внутреннему голосу. – Она же осталась в Белле.

И сразу же осознаю фальшь своего заявления. Моя связь с внутренним голосом имеет ту же природу, что и связь с Чумным лекарем и лакеем. Нас объединяет какая-то таинственная история, хотя я ее не помню. Все они – часть того, что со мной происходит, кусочки головоломки, которую я пытаюсь сложить. Неизвестно, друзья они или враги, но, чем бы в действительности ни был этот голос, он меня еще ни разу не подвел.

Однако же более чем наивно полагаться на своего тюремщика. Нелепо даже думать, что все это закончится, как только я обнаружу убийцу. Истинные намерения Чумного Лекаря

таятся под маской в полуночной темноте. Он скрывается от посторонних глаз, так что угроза сорвать маску может на него подействовать.

Смотрю на часы, обдумываю свои дальнейшие действия.

Мне известно, что он явится в кабинет для беседы с Себастьяном Беллом – то, что Белл был моим предыдущим обличем, все еще не укладывается у меня в голове, – после чего гости пойдут на охоту, и это предоставит мне отличную возможность его перехватить. Я готов исполнить его требование и отыскать убийцу, но, кроме этого, мне надо сделать кое-что еще. Чтобы получить свободу, я должен узнать, кто именно похитил мою личность, а для этого требуется помощь.

По словам Чумного Лекаря, я уже впустую потратил три из отпущенных мне восьми дней – в облике Себастьяна Белла, дворецкого и Дональда Дэвиса. Значит, у меня остается пять обличей, включая свое собственное, и, судя по встрече Белла с дворецким, все они сейчас в Блэкхите.

Целая армия помощников.

Теперь бы еще узнать, кто из них кто.

12

Вода давно остыла, я посинел от холода, меня бьет дрожь. Исключительно из тщеславия я содрогаюсь при мысли о том, что камердинеру Рейвенкорта придется вытаскивать меня из ванны, будто подмокший мешок картошки.

Почтительный стук в дверь избавляет меня от принятия дальнейших решений.

– Милорд, у вас все хорошо? – спрашивает камердинер, входя в спальню.

– Да, вполне, – отвечаю я, хотя руки немеют.

Он заглядывает за ширму, смотрит на меня. Потом, не дожидаясь распоряжений, закатывает рукава и поднимает меня из воды; под обманчивой худобой кроется завидная сила.

На этот раз я не возражаю. Гордость меня покинула.

Он помогает мне выбраться из ванны. Из-под рукава сорочки виднеется край выцветшей татуировки. Рисунок зеленоватый, подробностей не разобрать. Видя, что я заметил наколку, камердинер поспешно одергивает рукав.

– Грехи юности, милорд, – объясняет он.

Минут десять я испытываю муки унижения, пока он вытирает меня насухо и заботливо облачает в костюм: сначала одна нога, потом другая, сперва одна рука, потом другая. Все сшито великолепно, из шелка, но наряд безжалостно жмет, сдавливает и тянет во всех местах, будто целая орава любящих тетюшек. Вся одежда на размер меньше, чтобы потрафить хозяйскому самолюбию. Наконец камердинер меня причесывает, втирает в пухлые щеки кокосовое масло и вручает мне зеркало, чтобы я мог оценить результаты его трудов. Зеркало отражает человека лет шестидесяти, с подозрительно черными волосами и карими глазами цвета спитого чая. Пытаюсь отыскать во взгляде хоть какой-то намек на себя, на того, кто сейчас управляет Рейвенкортом-марионеткой, но так ничего и не нахожу. Впервые задумываюсь, кем же все-таки я был раньше, до того, как приехал в Блэкхит, и какие действия привели меня в эту западню.

Эти размышления, сами по себе довольно занимательные, невероятно раздражают.

Разглядываю отражение Рейвенкорта, а по коже пробегает озноб, как и вчера, когда я увидел отражение Белла. Очевидно, в какой-то части сознания сохранилась память о моем настоящем облике, и я всякий раз недоумеваю, когда зеркало отражает незнакомые черты.

Отдаю зеркало камердинеру.

– Нам нужно в библиотеку, – говорю я.

– Я знаю, где она, милорд, – отвечает он. – Принести вам книгу?

– Я пойду с вами.

Камердинер умолкает, задумчиво морщит лоб. Потом произносит с сомнением в голосе – слова звучат осторожно, будто на цыпочках пробираются по зыбкой почве:

– Библиотека далеко, милорд. Боюсь, прогулка покажется вам... утомительной.

– Как-нибудь справлюсь. Небольшая разминка мне не повредит.

Он стискивает зубы, удерживая череду возражений, приносит трость, берет портфель и выводит меня в темный коридор, где керосиновые лампы заливают стены теплыми лужицами света.

Мы идем медленно, камердинер швыряет мне под ноги крохи новостей, но мой ум занят размышлениями о тяжеловесности тела, которое я упрямо толкаю вперед. Похоже, что какой-то злодей за ночь перестроил особняк, растянул помещения, сгустил воздух. Доковыляв до неожиданно яркого вестибюля, я с удивлением замечаю невероятную крутизну лестницы. В облике Дональда Дэвиса я стремглав сбегал по ступенькам, а сегодня утром по ним не подняться без альпенштока. Теперь понятно, отчего лорд и леди Хардкасл отвели Рейвенкорта покои в первом этаже. Для того чтобы попасть в спальню Белла, мне понадобятся подъемник и два силача, которые к тому же запросят плату за день работы.

Я часто останавливаюсь, перевожу дух, что позволяет мне наблюдать за гостями, разгуливающими по особняку. С первого взгляда ясно, что особого веселья никто не испытывает. Из углов доносятся нервные перешептывания и отголоски напряженных споров, в коридорах звучат разговоры на повышенных тонах, хлопают двери, обрывая диалог на полуслове. Супруги ссорятся, крепко сжимают бокалы, багровеют от еле сдерживаемой злобы. Каждая реплика щетинится шипами, в колючем воздухе разлита угроза. Может быть, это просто нервическое состояние или обманчиво мудрое предчувствие, но Блэкхит полнится ожиданием трагедии.

До библиотеки я добираюсь на дрожащих ногах, спина ноет, утомленная вертикальным положением. К сожалению, награды за перенесенные страдания я не получаю. Пыльные полки гнутся под тяжестью книг, замшелый красный ковер льнет к половицам. Холодные головешки в камине чернеют древними костями, напротив стоит небольшой стол и неудобное деревянное кресло.

Мой спутник выражает свои чувства, сокрушенно прищелкнув языком:

– Прошу прощения, милорд, я сейчас принесу кресло из гостиной.

Оно мне действительно понадобится. Набалдашник трости до боли натер левую ладонь, ноги подкашиваются. Сорочка взмокла от пота, все тело зудит. Прогулка по особняку превратила меня в развалину; добраться до озера раньше соперников я смогу только в ином облике, желательно в теле того, кому под силу одолеть лестницу.

Камердинер приносит большое кресло, ставит его передо мной. Берет меня под руку, усаживает на зеленые подушки.

– Позвольте осведомиться о цели нашего визита в библиотеку, милорд?

– Если повезет, мы встретимся с друзьями, – отвечаю я, утирая лицо носовым платком. – У вас найдется бумага?

– Да, конечно, милорд.

Он вытаскивает из портфеля стопку листов и авторучку, готовится записывать. Я собираюсь сказать, что не нуждаюсь в его услугах, но гляжу на потную натертую ладонь и решаю, что в данном случае гордость – бедная родственница разборчивости.

С минуту подбираю слова, потом начинаю диктовать:

– Логично предположить, что многие из вас гостят здесь дольше меня и обладают более пространными сведениями об особняке, о Чумном Лекаре и о том, зачем мы ему понадобились.

Я умолкаю, слушаю шорох пера по бумаге.

– Вы меня не искали. Полагаю, для этого существует веская причина, но я предлагаю вам всем сегодня в обед собраться в библиотеке и помочь мне задержать того, кто нас отсюда не выпускает. Если ваше присутствие невозможно, прошу вас, изложите на этом листе все, что вам удалось узнать. Любые сведения, даже самые незначительные, могут принести огромную пользу и ускорить наш отъезд. Как говорят, одна голова хорошо, а две лучше, но в нашем случае вполне можно обойтись одной, зато совместной.

Дожидаюсь, пока камердинер закончит писать, смотрю ему в лицо. Он озадачен и изумлен. Он вообще весьма любопытный тип, совсем не так прост, как кажется.

– Куда отправить письмо, милорд? – спрашивает он.

– Вот сюда, – говорю я, указывая на книжную полку. – Вложите его между страницами первого тома Британской энциклопедии, адресаты его там найдут.

Он смотрит на меня, переводит взгляд на послание, а потом выполняет мое распоряжение. Страница аккуратно проскальзывает в энциклопедию. По-моему, ей там самое место.

– Когда ждать ответа, милорд?

– Через несколько минут – или через несколько часов. Придется проверять регулярно.

– И что теперь делать? – Он достает носовой платок, вытирает руки от пыли.

– Поговорите с прислугой. Узнайте, у кого из гостей есть маскарадный костюм средневекового чумного лекаря.

– Какой именно, милорд?

– Фарфоровая маска с клювом, черный плащ и тому подобное, – говорю я. – А я пока вздремну.

– Здесь, милорд?

– Да.

Он недоуменно смотрит на меня, пытаюсь собрать воедино крупички рассыпанной перед ним информации.

– Разжечь камин? – спрашивает он.

– Нет, мне и так хорошо, – отвечаю я.

– Как вам будет угодно, милорд, – говорит он, но не уходит.

Не знаю, чего он дожидается. Наконец он снова глядит на меня и направляется к двери; смятение тихонько крадется следом.

Я кладу руки на живот, закрываю глаза. Всякий раз, когда я засыпаю, то пробуждаюсь в ином облике. Безусловно, я рискую, покидая обличье Рейвенкорта, но понимаю, что мало чего добьюсь, пребывая в этом воплощении. Если повезет, то я проснусь и обнаружу, что прочие обличья нашли мое послание в энциклопедии, а значит, мы все встретимся.

13

День второй (продолжение)

Мучительная боль.

Я вскрикиваю, ощущаю вкус крови во рту.

– Ох, конечно же, вам очень больно, – произносит женский голос.

Щипок, укол иглы в шею. Тепло растапливает боль.

Дышать тяжело, двигаться невозможно. Не могу открыть глаза. Слышу шум колес, цокот копыт по булыжникам. Чувствую, что кто-то возникает рядом со мной.

– Мне... – начинаю я и надсадно кашляю.

– Ш-ш-ш, молчите. Вы снова дворецкий, – торопливо шепчет женщина, легонько касаясь моей руки. – Голд напал на вас минут пятнадцать назад, сейчас вас везут в сторожку.

– Кто вы... – хриплю я.

– Друг. Это пока не имеет значения. Выслушайте меня. Да, вы сейчас соображаете с трудом, но, поймите, это очень важно. В игре есть определенные правила. Менять обличья так, как это делаете вы, нет никакого смысла. Необходимо провести в одном обличье целый день, то есть с момента пробуждения до полуночи. Ясно вам?

Я едва не проваливаюсь в забытие.

– Поэтому вы сейчас и стали дворецким, – продолжает незнакомка. – Если вы уснете среди бела дня в любом другом воплощении, то вернетесь в тело дворецкого, в его теперешнем состоянии. Когда дворецкий засыпает или теряет сознание, вы возвращаетесь в новое обличье. Если тот, в чьем теле вы находитесь, продолжает спать после полуночи или если он умирает, то вы принимаете новое обличье.

Слышу еще один голос. Грубый. Где-то впереди.

– Подъезжаем к сторожке.

Моего лба касается женская ладонь.

– Удачи вам.

Вконец обессилив, я проваливаюсь в темноту.

14

День четвертый (продолжение)

Чья-то рука трясет меня за плечо.

Открываю глаза, моргаю и оказываюсь в библиотеке. По-прежнему в обличье Рейвенкорта. Облегченно вздыхаю. Как я ошибался, решив, что ничего хуже этой туши быть не может! В теле дворецкого я трепыхался, будто в мешке битого стекла. Лучше всю жизнь прожить Рейвенкортом, чем еще раз испытать такие мучения. Увы, похоже, выбора у меня нет. Если верить словам незнакомки, меня снова затянет в избитое тело.

Сквозь клубы желтоватого дыма на меня глядит Даниель Кольридж. На нем тот же поношенный охотничий костюм, в котором он беседовал с Себастьяном Беллом в кабинете. С губы свисает сигарета, в руках бокал. Кошусь на часы: до обеда еще двадцать минут. Наверное, сейчас Кольридж и направляется на встречу с Беллом.

Он вручает мне бокал, присаживается на краешек стола, на котором лежит раскрытый том энциклопедии.

– Судя по всему, вы меня искали. – Даниель выпускает струйку дыма из уголка губ.

С Рейвенкортом Кольридж говорит иначе, напускное участие исчезает из голоса, осыпается змеиной чешуей. Не дожидаясь моего ответа, он читает вслух:

– «Логично предположить, что многие из вас гостят здесь дольше меня и обладают более пространными сведениями об особняке, о Чумном Лекаре и о том, зачем мы ему понадобились». – Он закрывает том. – Я откликнулся на ваш призыв.

Я встречаю его пристальный взгляд, говорю:

– Вы такой же, как и я.

– Я – это вы, через четыре дня. – Он умолкает, давая мне возможность сообразить, что это значит. – Даниель Кольридж – ваше последнее воплощение. Точнее, наша душа занимает его тело, если так можно выразиться. И не только тело, но и ум. – Указательным пальцем он стучит себе по лбу. – А значит, мы с вами думаем по-разному. – Он берет в руки энциклопедию, снова опускает ее на стол. – К примеру, вот это. Кольридж ни за что не стал бы обращаться за помощью к другим. Хотя это прекрасная мысль. Очень логично, очень по-рейвенкортовски.

В сумраке вспыхивает огонек сигареты, освещает скупую улыбку. Этот Даниель ни капли не похож на себя вчерашнего. Он смотрит холоднее, жестче, словно бы старается пронзить меня насквозь, заглянуть в самое нутро. Когда я был Беллом, то ничего такого за ним не заметил. Зато Тед Стэнуин это сразу понял, поэтому и пошел на попятную. Похоже, этот грубиян неплохо соображает.

– Значит, вы уже были мной... то есть Рейвенкортом? – спрашиваю я.

– Да, и теми, кто будет после него, – отвечает он. – Вот с ними вы еще намучаетесь, не то что с Рейвенкортом.

– Вы потому и решили со мной встретиться, чтобы предупредить?

Его чем-то забавляет такое предположение, по губам скользит легкая улыбка, развеивается вместе с сигаретным дымом.

– Нет, потому что вспомнил себя на вашем месте. Вспомнил, как выслушивал то, что сейчас скажу вам.

– Что?

Он тянется к пепельнице в дальнем конце стола, придвигает ее к себе.

– Чумной Лекарь потребовал, чтобы вы отыскали убийцу, но не упомянул имя жертвы. Сегодня на балу погибнет Эвелина Хардкасл, – говорит он, стряхивая пепел.

– Эвелина?

Я вздрагиваю, расплескиваю на колени содержимое забытого бокала; меня охватывает паника, я волнуюсь о страшной участи моего друга, женщины, которая, несмотря на жестокое родительское обращение, сохранила человеческую теплоту и участие.

– Ее надо предупредить! – восклицаю я.

– Зачем? – спрашивает Даниель, и его спокойствие немного развеивает мои страхи. – Если убийства не будет, то убийцы нам не отыскать, а без разгадки преступления нам отсюда не выбраться.

– И вы не остановите злодея? – шепчу я, ошеломленный его бессердечием.

– Я восемь раз переживал этот день, и, что бы ни делал, результат всегда один: Эвелина погибает. – Он водит пальцем по краю столешницы. – Все, что случилось вчера, произойдет и завтра, и послезавтра. Поверьте, любое ваше вмешательство будет лишь повторением прошлого и ни к чему не приведет.

– Даниель, она мне друг, – с горячностью заявляю я, изумленный глубиной своего чувства.

– И мне тоже. – Он склоняется поближе. – Однако же, как бы я ни старался изменить ход сегодняшних событий, всякий раз становлюсь виновником тех несчастий, которые пытаюсь предотвратить. Эвелина обречена, так что не тратьте времени даром. Я попал сюда из-за обстоятельств непреодолимой силы, а вскоре на моем месте окажетесь и вы и точно так же будете все это объяснять и страдать из-за того, что не можете, в отличие от Рейвенкорга, питать бесплодные надежды на лучшее. Друг мой, наше будущее не расплывчато, а неизбежно, и мы не в силах его изменить. Так уж устроена западня, в которой мы оказались.

Он встает, дергает ржавую ручку окна, с усилием распахивает створку и глядит куда-то вдаль, где его ждет то, чего мне не понять еще четыре дня. Его совершенно не интересуют ни я, ни мои страхи, ни мои ожидания. Я – всего лишь часть давно прискучившего ему повествования.

– Но это же бессмысленно, – возражаю я, надеясь напомнить ему о достоинствах Эвелины. – Эвелина добрая и отзывчивая, ее здесь не было девятнадцать лет. Кому понадобилось ее убивать?

И тут у меня закрадывается подозрение. Вчера в лесу Эвелина рассказывала, как родители не простили ей того, что она оставила Томаса без присмотра. Она и сама винила себя за смерть брата от руки Карвера, но родители, по ее словам, возненавидели дочь с такой силой, что собирались подстроить какую-то подлость на балу. Неужели они и в самом деле пойдут на убийство собственной дочери? В таком случае очень кстати, что я должен встретиться с Хеленой Хардкасл.

– Не знаю, – раздраженно отвечает Даниель. – Здесь столько всяких тайн, и найти среди них нужную очень непросто. Однако же настоятельно советую вам немедленно заняться поисками Анны. На первый взгляд кажется, что восемь облиций – это много, но, будь их даже вдвое больше, с этой задачей им все равно не справиться. Нам нужна помощь.

– Анна! – восклицаю я, вспомнив о незнакомке, которая сопровождала избитого дворецкого. – Это знакомая Белла?

Он глубоко затягивается сигаретой, щурит глаза, пристально глядит на меня, словно оценивая, что именно рассказать мне о будущем.

– Она, как и мы, не может отсюда выбраться, – наконец произносит он. – В данной ситуации ее можно считать другом. Анну нужно отыскать прежде, чем ее отыщет лакей. Он охотится на нас обоих.

– Вчера вечером он подбросил дохлого кролика мне в спальню, то есть в спальню Белла.

– Это пустяки, – говорит он. – Сперва он подстраивает всякие гадости, а потом пытается убить.

Меня мутит, кровь стынет в жилах. Все это я подозревал, и тем не менее равнодушное упоминание об убийстве звучит жутко. Я закрываю глаза, делаю долгий выдох через нос, стараясь избавиться от страха, – Рейвенкортова привычка, так он успокаивается, хотя я не знаю, откуда мне об этом известно.

Открываю глаза. Волнение исчезает.

– Кто он? – спрашиваю я с неожиданным упорством.

– Понятия не имею, – отвечает Даниель, выдувая дым в окно. – Будь я в самой обычной преисподней, назвал бы его дьяволом. Он поочередно избавляется от нас, его соперников, чтобы первым дать ответ Чумному Лекарю.

– У него тоже разные обличья?

– Как ни странно, нет, – вздыхает он. – Судя по всему, они ему не нужны. Все наши обличья ему известны, он нападает именно в минуты нашей слабости. К примеру, все мои ошибки он успешно обратил на пользу себе.

– Как остановить того, кому известны все наши дальнейшие действия?

– Знай я это, не беседовал бы с вами, – раздраженно произносит Даниель. – Будьте осторожны. Он блуждает по особняку, как призрак, алчущий возмездия, а если застанет вас одного... Короче, постарайтесь не встречаться с ним наедине.

Даниель мрачнеет, в голосе сквозят жутковатые нотки. Похоже, будущий я оказался во власти неведомого лакея, и это страшит больше любых предупреждений об опасности. Нетрудно понять почему. Чумной Лекарь дал мне восемь дней, чтобы найти убийцу Эвелины, и восемь обличий. Себастьян Белл проспал полночь, и теперь в его тело я больше не попаду.

Остается семь дней и семь воплощений.

Второй и третий облики – дворецкий и Дональд Дэвис. Незнакомка не упомянула Дэвиса, что весьма странно, но, очевидно, к нему применимы те же правила, что и к дворецкому. У обоих много времени до полуночи, но один жестоко избит, а другой спит где-то на дороге к Блэкхиту. Значит, на них полагаться бесполезно. Равно как и на второй, и на третий день.

В день четвертый я – Рейвенкорт, хотя от него тоже толку мало. Не знаю, чего ждать от оставшихся четверых. Даниель, безусловно, человек способный, но все равно создается впечатление, что Чумной Лекарь играет краплеными картами. Если лакею действительно известны все мои слабости, то Бог мне в помощь, потому что слабостей у меня хватает.

– Расскажите, пожалуйста, все, что вы узнали о гибели Эвелины, – прошу я. – Может быть, вдвоем мы сможем вычислить убийцу прежде, чем лакей подстроит нам очередную пакость.

– Каждый раз она погибает ровно в одиннадцать часов вечера, – отвечает он.

– Это все, что вам известно?

– Нет, но мне не хочется рисковать, рассказывая вам обо всем. – Он с сомнением косится на меня. – Мои планы основаны на ваших дальнейших действиях. Если вы узнаете, что я собираюсь предпринять, то поступите иначе, и все остальное пойдет насмарку. Вы либо помешаете развитию событий, которые должны закончиться в мою пользу, либо окажетесь не там, где должны быть, чтобы отвлечь внимание человека, спальню которого я должен обыскать. Одно невпадение произнесенное слово разрушит тщательно подготовленную затею. А нам обоим надо добиться, чтобы день шел своим чередом. – Он усталым жестом утирает лоб. – Простите, Рейвенкорт, но вам лучше всего проводить свое расследование без посторонней помощи.

– Ну, если вы настаиваете... – вздыхаю я, надеясь не выказать своего разочарования, что само по себе глупо, ведь он – это я, и ему известно, что я чувствую. – Однако же ваш совет найти убийцу свидетельствует о том, что вы доверяете Чумному Лекарю. Вы знаете, кто это?

– Пока нет, – говорит он. – И нет, я ему не доверяю. Мне точно известно, что он преследует какие-то свои цели, и я не вижу иного выхода, кроме как согласиться на его требования.

– А он вам не объяснил, из-за чего все это с нами происходит? – спрашиваю я.

Из коридора доносится какой-то шум. Мы оба поворачиваем голову. В дверях появляется камердинер Рейвенкорта, на ходу снимает пальто, пытается высвободиться из хватки фиолетового кашне. Он тяжело дышит, щеки припухли от холода, волосы растрепаны ветром.

– Вы за мной посылали, милорд? – спрашивает он, срывая кашне с шеи.

– Каюсь, старина, это я расстарался. – Даниель ловко входит в роль. – У вас очень много дел, вот я и подумал, что без Каннингема вам не обойтись. Кстати, и меня дела заждались. В полдень я встречаюсь с Себастьяном Беллом.

– Я не брошу Эвелину на произвол судьбы, – замечаю я.

– И я ее не бросал. – Он щелчком отправляет сигарету в сад, закрывает окно. – Только от судьбы не уйти. Будьте к этому готовы.

Широко шагая, он направляется к двери в кабинет, распахивает ее, впускает в библиотеку гомон голосов и звон посуды, проходит в гостиную. Там уже сервирован обед, а значит, Стэнуин вот-вот нагрубит служанке Люси Харпер, а Себастьян Белл будет следить за гадкой сценой, стоя у окна и чувствуя себя ничтожеством. Потом гости отправятся на охоту, Эвелина найдет записку в колодезной кладке, и чья-то кровь прольется на кладбище, где два друга будут ждать женщину, которая не придет. Если Даниель прав, то я ничем не смогу нарушить установленный распорядок, но смириться с этим я не собираюсь. Смерть Эвелины надо предотвратить, даже если ответ на загадку Чумного Лекаря – единственный залог моего освобождения. Я должен спасти Эвелину любой ценой.

– Что вам угодно, милорд?

– Ручку, чернила и бумагу. Мне нужно кое-что записать.

Он достает все из портфеля:

– Прошу вас, милорд.

Пальцы не слушаются, почерк далек от безукоризненного изящества, но послание выходит вполне разборчивым, хотя строки смазаны и покрыты кляксами.

Смотрю на часы: четыре минуты до полудня. Время поджимает.

Помахав листком, чтобы просохли чернила, я складываю письмо и вручаю его Каннингему.

– Вот, возьмите, – говорю я и замечаю следы чернил, въевшиеся в подушечки его пальцев; сами руки покраснели – видно, что он пытался их отмыть.

Он поспешно берет письмо и прячет руки за спину.

– Ступайте в гостиную, где уже собрались обедающие, – велю я. – Проследите, что там происходит, затем прочтите письмо и вернитесь ко мне.

Он недоуменно смотрит на меня:

– Милорд?

– Каннингем, нам предстоит очень необычный день, поверьте мне на слово. – Не слушая дальнейших возражений, я жестом прошу его помочь мне подняться. Встаю, невольно застонав, и продолжаю: – Исполните мое поручение, возвращайтесь в библиотеку и ждите меня.

Каннингем уходит в гостиную, а я беру трость и отправляюсь в оранжерею в поисках Эвелины.

Еще рано, гостей в оранжерее немного, дамы подходят к бару за коктейлями, млеют в креслах и на диванах в полном изнеможении, будто молодость – тяжелая обуза, а живость и резвость безмерно утомительны. Все перешептываются, обсуждают Эвелину, гаденько посмеиваются, косятся в угол, где она сидит за шахматной доской. В одиночестве, играет сама с собой, не обращая ни малейшего внимания на тех, кто пытается ее смутить.

Я, тяжело переваливаясь, подхожу к ней и прошу:

– Эвелина, нам нужно поговорить.

Она медленно поднимает голову, непонимающе смотрит на меня. Как и вчера, светлые волосы стянуты в тугой хвост на затылке, отчего лицо приобретает мрачное, суровое выражение. Однако сегодня при виде меня оно не смягчается.

– Отнюдь нет, лорд Рейвенкорт. – Она снова переводит взгляд на шахматную доску. – Сегодня мне и без вас хватает неприятностей.

Сдавленный смех превращает мою кровь в прах, внутри все переворачивается.

– Прошу вас, Эвелина...

– Для вас – мисс Хардкасл, лорд Рейвенкорт, – холодно произносит она. – О человеке судят по его манерам, а не по его банковскому счету.

У меня внутри все сжимается от унижения. Вот чего больше всего боится Рейвенкорт. Стою посреди комнаты под десятками любопытных взглядов и чувствую себя христианином, которого вот-вот побьют камнями.

Эвелина задумчиво смотрит на меня. Я трепещу, обливаюсь потом. Она чуть щурится, сверкает глазами:

– Знаете что, а давайте-ка сыграем. – Она постукивает пальцем по шахматной доске. – Если выиграете вы, то мы с вами побеседуем; если выиграю я, то вы оставите меня в покое. Вас устраивает?

Я чувствую подвох, но иного выбора у меня нет. Утираю пот со лба, втискиваюсь в крошечное креслице за столиком, на радость присутствующим дамам. Пожалуй, гильотина и та удобнее. Мои тела свисают с краев кресла, низкая спинка такая хлипкая, что я дрожу от напряжения, стараясь на нее не опираться.

Эвелина, не снисходя к моим мучениям, протягивает руку к доске и передвигает пешку. Я делаю ход ладьей, вспоминаю комбинации миттельшпиля. Мы примерно равны в силах, но мне неловко и неудобно, я не могу сосредоточиться, допускаю тактические промахи. Понимая, что выиграть не смогу, изо всех сил стараюсь затянуть партию. Впрочем, после получаса разнообразных, но безуспешных маневров я не выдерживаю и говорю:

– Ваша жизнь в опасности.

Пальцы Эвелины касаются пешки и едва заметно вздрагивают, но для меня это громче колокольного звона. Она пристально смотрит на меня, переводит взгляд на дам у нас за спиной, проверяет, не слышал ли кто моих слов. Дамы озабочены лишь тем, чтобы поскорее забыть увиденное.

«Ей это уже известно».

– Помнится, лорд Рейвенкорт, мы с вами уговаривались совсем иначе, – резко обрывает она меня.

– Но...

– Вы предпочитаете, чтобы я удалилась? – Она гневным взглядом пресекает мои дальнейшие попытки заговорить.

Я продолжаю делать ходы, но так ошеломлен ее поведением, что совсем не думаю об игре. Судя по всему, Эвелине известно, что именно произойдет сегодня вечером, вот только она почему-то боится, что об этом узнает еще кто-нибудь. Я совершенно не понимаю, в чем дело. Очевидно, она не намерена довериться Рейвенкورتу. Он ей противен, а значит, спасти ее я смогу либо в обличье человека, который ей приятен, либо придется обойтись без посторонней помощи. Такого поворота событий я не ожидал и теперь отчаянно пытаюсь как-нибудь иначе предупредить Эвелину об опасности, но тут в оранжерею входит Себастьян Белл, и у меня возникает чрезвычайно странное ощущение. Спору нет, этот человек – я, но, глядя, как он опасно, будто мышь по плинтусу, семенит по комнате, я не могу в это поверить. Он сутулится, прижимает руки к бокам, то и дело боязливо озирается, не поднимая головы, будто вокруг него – одни острые углы.

– Моя бабушка Хизер Хардкасл, – произносит Эвелина, заметив, что он разглядывает картину на стене. – Портрет ей не льстит, она презирала лесть во всех ее проявлениях.

– Простите, я не... – лепечет Белл.

Их разговор проходит точно так же, как вчера; ее интерес к этому убогому созданию вызывает у меня мимолетный приступ ревности, но дело совсем не в этом. Белл в точности повторяет мой день, однако же, как и я, считает, что действует по своей воле. А значит, я сейчас безвольно следую плану, разработанному Даниелем, что делает меня... Чем – отзвуком, воспоминанием или щепкой, плывущей по течению?

«Скиньте шахматную доску со стола, измените ход развития событий. Докажите свою неповторимость».

Протягиваю руку к доске, но мысли о презрении Эвелины и о смехе присутствующих дам просто невыносимы. Сгорая от унижения, резко отдергиваю руку. Ничего страшного, возможность наверняка еще представится, и тогда я ее не упущу.

Огорченный неминуемым поражением, я рассеянно делаю несколько последних ходов, с непристойной поспешностью подставляю короля под карающий меч и торопливо покидаю оранжерею. Голос Себастьяна Белла затихает у меня за спиной.

15

Как было велено, Каннингем дожидается меня в библиотеке. Он сидит на краешке кресла, в руке зажат чуть подрагивающий лист бумаги – написанное мной послание. Завидев меня, он встает. Торопясь уйти из оранжереи, я переоценил силу своих легких и теперь задыхаюсь; воздух с хриплым свистом вырывается из натруженной груди.

Камердинер не бросается мне на помощь.

– Как вы узнали, что произойдет в гостиной? – спрашивает он.

Я пытаюсь ответить, но горло пропускает либо слова, либо воздух, но не то и другое одновременно. Выбираю воздух, глотаю его полной грудью, с жадностью, как все, что делает Рейвенкорт, и смотрю в приоткрытую дверь кабинета. Я надеялся увидеть, как Чумной Лекарь беседует с Беллом, но безуспешная попытка предупредить Эвелину о грозящей ей опасности отняла слишком много времени.

Что ж, удивляться не приходится.

Еще по дороге в деревню я сообразил, что Чумному Лекарю заранее известно, где и когда со мной можно встретиться наедине, поэтому он наверняка появляется лишь там, где я не смогу застать его врасплох.

– Все случилось именно так, как вы описали, – продолжает Каннингем, изумленно глядя на листок бумаги. – Тед Стэнуин грубо обошелся со служанкой, а Даниель Кольридж его отчитал. Именно теми словами, которые вы привели. В точности теми же словами.

Я пока ничего не объясняю – он еще не прочел самую невероятную часть письма. Доковыляв до кресла, я неуклюже опускаюсь на подушки. Ноги благодарно ноют и жалобно подрагивают.

– Тут какой-то подвох, – говорит камердинер.

– Никакого подвоха.

– Даже в последней строке? Там, где вы утверждаете, что...

– Совершенно верно.

– ...что вы не лорд Рейвенкорт?

– Я не лорд Рейвенкорт.

– А кто же?

– Я не лорд Рейвенкорт. А что это вы так побледнели? Вам плохо? Налейте себе чего-нибудь.

Он покорно исполняет мое распоряжение, – очевидно, привычка повиноваться слишком сильна. Берет бокал, садится, подносит его к губам, не отводя глаз от меня. Плечи никнут, колени плотно сжаты.

Я рассказываю ему все с самого начала – от убийства в лесу и моего первого дня в обличье Белла до бесконечной дороги и недавнего разговора с Даниелем. Всякий раз, как камердинера терзают сомнения, он недоверчиво смотрит на послание. Мне почти жаль Каннингема.

– Выпейте еще, – предлагаю я, кивая на его полупустой бокал.

– Если вы не лорд Рейвенкорт, то где же он?

– Не знаю.

– Он жив? – спрашивает камердинер, боясь взглянуть на меня.

– А вам этого не хочется?

– Лорд Рейвенкорт меня не обижает, – сердито говорит он.

«Это не ответ на заданный вопрос».

Я снова смотрю на Каннингема. Потупленные глаза, перепачканные чернилами пальцы, выцветшая татуировка из темного прошлого. Меня поражает внезапная догадка: он боится, но

не того, что я ему рассказал. Он боится того, что может быть известно человеку, который уже прожил этот день. Он что-то скрывает, в этом я уверен.

– Каннингом, мне нужна ваша помощь, – говорю я. – Дел очень много, но в обличе Рейвенкорта я не в состоянии выполнить все необходимое.

Он одним глотком опустошает бокал, встает. От выпитого на щеках вспыхивают пятна румянца, а в голосе неожиданно прорезается смелость.

– Сейчас я вас покину, до завтра, когда лорд Рейвенкорт... – он умолкает, подыскивая слово, – вернется.

С коротким поклоном он направляется к двери.

– По-вашему, он не откажет вам от места, когда узнает, что вы хотите от него утаить? – резко спрашиваю я; неожиданная мысль будоражит мне ум, как камень, брошенный в пруд. Если я прав и Каннингом действительно скрывает что-то постыдное, это можно и нужно обратить себе на пользу.

Он останавливается у кресла, сжимает кулаки, спрашивает, глядя поверх меня:

– О чем вы?

– Проверьте сиденье вашего кресла, – говорю я, стараясь не выказать волнения. Я действую, опираясь на вполне логичные предположения, но это еще не означает, что они оправдаются.

Он смотрит на кресло, оборачивается ко мне, безмолвно приподнимает подушку кресла, находит под ней белый конверт. Я кривлю губы в торжествующей улыбке. Он распечатывает конверт, читает записку, понуро опускает плечи.

– Откуда вы узнали? – хрипло произносит он.

– Пока мне ничего не известно, но в своем следующем облике я твердо намерен разузнать ваш секрет. А потом вернусь в библиотеку и спрячу записку с этими сведениями там, где вы ее и нашли. Если наша беседа завершится неудовлетворительно, то конверт будет спрятан там, где его обнаружат другие.

Он фыркает с таким презрением, будто собирается дать мне пощечину:

– Может быть, вы и не Рейвенкорт, но рассуждаете вы совсем как он.

Осмыслив это заявление, я на миг умолкаю. До сих пор я считал, что моя личность – какая ни на есть – перемещается в новое обличье, как горсть мелочи в карман. А что, если это не так?

В предыдущих воплощениях мне бы не пришло в голову ни угрожать Каннингему шантажом, ни тем более привести угрозу в исполнение. В поведении Себастьяна Белла, Роджера Коллинза, Дональда Дэвиса и Рейвенкорта нет ничего общего. Может быть, я не подчиняю их своей воле, а, наоборот, подчиняюсь их желаниям? В таком случае мне надо действовать с превеликой осторожностью. Одно дело – занимать тела этих людей, и совсем другое – повиноваться любой их прихоти.

Каннингом, сбивая меня с мысли, подносит огонек зажигалки к листу бумаги.

– Что вам от меня нужно? – резко спрашивает он, швыряя горящую записку на каминную решетку.

– Покамест у меня для вас есть четыре поручения. – Я начинаю загибать пухлые пальцы. – Во-первых, у дороги в деревню есть старый колодец. В расщелину каменной кладки вложена записка. Прочтите ее, но оставьте на месте, а по возвращении перескажите мне содержание. Это надо сделать быстро, потому что через час записки уже не будет. Во-вторых, необходимо отыскать маскарадный костюм чумного лекаря. В-третьих, общаясь с обитателями Блэкхита, словно бы невзначай упоминайте имя Анна. Дайте понять, что ее разыскивает лорд Рейвенкорт. И в-четвертых, познакомьтесь с Себастьяном Беллом.

– С доктором Себастьяном Беллом?

– Да, с ним.

– Для чего?

– Я помню, как был Себастьяном Беллом, но не помню, что встречался с вами, – поясняю я. – Если это можно изменить, значит сегодня можно изменить и кое-что еще.

– Гибель Эвелины Хардкасл?

– Совершенно верно.

Каннингем тяжело вздыхает и оборачивается ко мне. Он выглядит каким-то изможденным, будто не беседовал со мной, а целую неделю скитался по пустыне.

– Если я все это исполню, то содержание вашей записки останется в тайне? – спрашивает он с отчаянной надеждой в голосе.

– Да, даю вам слово. – Я протягиваю ему липкую от пота ладонь.

– Тогда у меня нет выбора. – Он твердо, почти без брезгливости, пожимает мне руку и уходит – торопливо, словно убегая от дальнейших поручений.

Влажный воздух обволакивает меня, пропитывает одежду, просачивается до мозга костей. В библиотеке веет унынием, и я, тяжело опираясь на трость, встаю с кресла.

Выхожу в кабинет и оттуда отправляюсь в апартаменты Рейвенкорта, чтобы подготовиться к встрече с Хеленой Хардкасл. Если она собирается убить Эвелину, то, Бог мне свидетель, я у нее это выпытаю.

В доме тихо, мужчины ушли на охоту, женщины собрались в оранжерее. Даже слуги исчезли где-то в подсобных помещениях, готовят все необходимое для сегодняшнего бала. Безмолвие нарушает только дождь – он стучится в окна, требует, чтобы его впустили в дом. Беллу не хватало шума, но Рейвенкорт всегда замечает пороки окружающих, и тишина его успокаивает. Освежает, как свежий воздух, ворвавшийся в затхлую комнату.

Мои размышления прерывает звук шагов, медленных и решительных. Я пока добрал только до обеденного зала, где по стенам над длинным дубовым столом красуются древние охотничьи трофеи – пыльные звериные головы с выцветшим мехом. Эхо шагов разносится по пустой комнате, издевательски подражая моей шаркающей походке.

Обливаясь потом, я замираю.

Шаги смолкают.

Утираю испарину со лба, нервно озираюсь, жалея, что у меня нет хотя бы ножа для бумаги. Неповоротливое тело Рейвенкорта тянет меня ко дну, как огромный якорь. Я не могу ни убежать, ни дать отпор – а даже если и мог бы, то дрался бы с воздухом. Обеденный зал пуст.

Помедлив, снова трогаюсь с места, опять слышу за спиной призрачные шаги. Резко останавливаюсь – и шаги утихают. Из-за стены доносится зловеющий смешок. Сердце колотится, по коже бегут мурашки. Объятый ужасом, я неуклюже бросаюсь к двери в гостиную, через которую виден вестибюль. Шаги больше не подражают моей походке, они приплясывают, смех раздается со всех сторон.

Я ковыляю к дверям, задыхаясь от страха, едва не спотыкаясь о трость. Пот заливает глаза. Добираюсь до вестибюля. Смех обрывается, вслед мне несется шепот:

– До скорой встречи, кролик!

16

Шепот давно стих, но десять минут спустя меня все еще не отпускает ужас. Пугают не сами слова, а звучащее в них злое удовольствие, обещание крови и боли. Только глупец усомнится в том, что это проделки лакея.

Поднимаю руку, проверяя, дрожит ли она, решаю, что несколько успокоился, и бреду дальше, в свои апартаменты. Через пару шагов слышу тихие всхлипы где-то в темном коридоре, в глубине вестибюля. Почти минуту вглядываюсь и вслушиваюсь в темноту, опасаясь подвоха. Нет, на лакея не похоже – вряд ли он способен исторгнуть такие жалобные, печальные стоны.

Движимый сочувствием, делаю робкий шаг вперед, попадаю в узкую галерею, где по стенам развешаны портреты семейства Хардкасл. Представители давно ушедших поколений чахнут в глубине галереи, у самых дверей красуются изображения нынешних владельцев. Леди Хелена Хардкасл величественно восседает в кресле, рядом стоит ее супруг, оба темноволосые, темноглазые, оба донельзя надменные. Бок о бок с ними – портреты детей. Эвелина у окна тербит краешек занавески, кого-то ждет. Майкл сидит в кресле, закинув ногу на подлокотник, на полу валяется книга; ему скучно читать, его переполняет юношеский задор. В углу каждого портрета виднеется размашистая подпись: «Грегори Голд». Я слишком хорошо помню, как художник избивал дворецкого; до боли сжимаю набалдашник трости, ощущаю вкус крови во рту. По словам Эвелины, Голда пригласили в Блэкхит отреставрировать какие-то портреты, и теперь я понимаю почему – этот безумец очень талантлив.

Из дальнего угла доносится очередной всхлип.

В галерее нет окон, ее освещают только тусклые керосиновые лампы. Я щурюсь, вглядываюсь в полумрак, наконец замечаю среди теней служанку. Она корчится в уголке, рыдает в мокрый платочек. Подойти к ней беззвучно я не в состоянии – туша Рейвенкорта для этого не приспособлена. Трость стучит по полу, шумное дыхание издали объявляет о моем приближении. Завидев меня, служанка вскакивает, чепец слетает с рыжих кудрей.

Я ее сразу узнаю: Люси Харпер, та самая, с которой за обедом так грубо обошелся Тед Стэнуин. Та самая, которая помогла мне спуститься на кухню, когда я проснулся в теле дворецкого. Память о ее участии вызывает во мне сочувственный отклик, и я говорю:

– Прошу прощения, Люси, я не собирался тебя пугать.

– Что вы, сэр, я не... Вам не следует... – лепечет она, все больше и больше смущаясь таким явным нарушением этикета.

– Я услышал, что ты плачешь... – Я пытаюсь изобразить ободряющую улыбку, но чужие губы плохо слушаются, толстые щеки не поддаются.

– Нет-нет, сэр... Я сама виновата. За обедом промашка вышла... – шепчет она, утирая слезы.

– Тед Стэнуин очень дурно с тобой обошелся, – говорю я и с изумлением замечаю, что она испуганно смотрит на меня.

– Нет-нет, сэр, не говорите так, – протестует она, едва не срываясь на визг. – Тед, то есть мистер Стэнуин, он к слугам всегда хорошо относится. Просто... он ведь теперь тоже вроде как из господ, джентльмен, не дело, чтобы с ним... – сбивчиво объясняет она, чуть не плача.

– Понятно, – торопливо говорю я. – Не следует, чтобы остальные гости обращались с ним как с прислугой.

По ее лицу расползается улыбка.

– Ваша правда, сэр. То-то и оно, что без Теда Чарли Карвера так и не поймали бы. А гости все одно считают его за прислужника. Хотя вот лорд Хардкасл всегда обращается к нему «мистер Стэнуин», уважительно, и все такое.

– Ты только не плачь, – говорю я, удивленный гордостью, звучащей в ее словах.

– А я и не плачу, сэр, – отвечает она и, переборов робость, поднимает чепец с пола. – Ой, мне пора, сэр, меня уж, наверное, хватились.

Она делает шаг к выходу, но я останавливаю ее вопросом:

– Люси, ты не знаешь такую Анну? По-моему, она из слуг.

– Анну? – Она напряженно задумывается, вкладывая все силы в работу мысли. – Нет, сэр, не знаю.

– А как себя слуги ведут? Ты ничего странного не заметила?

– Ой, сэр, вот вы не поверите, а меня уже три раза сегодня об этом спрашивали! – отвечает она, теребя рыжий локон.

– Три раза?

– Да, сэр. Час назад на кухню пришла миссис Дарби, ровно то же самое спросила. Так нас всех перепугала. Представляете, высокородная леди на кухне? Да такого в жизни не бывало!

Я сжимаю набалдашник трости. Неведомая миссис Дарби сама ведет себя странно и задает те же вопросы, что и я. Может быть, она – моя соперница?

«Или еще одно воплощение».

При мысли об этом я краснею. Знакомство Рейвенкорта с женщинами ограничивается признанием их права на существование. Вообразить, что он может очутиться в женском теле, для него так же невозможно, как дышать водой.

– А что это за миссис Дарби?

– Ну такая пожилая дама. Языкатая, – отвечает Люси. – Но справедливая. А еще лакей приходил, следом за миссис Дарби, тоже спрашивал, как себя слуги ведут.

Я еще сильнее стискиваю набалдашник, прикусываю язык, чтобы не выругаться вслух.

– Лакей? А какой он из себя?

– Такой высокий, светловолосый, но... – Она взволнованно оглядывается. – Ну, чванливый, прям сил нет. Видно, у благородных служит, заносчивых манер нахватался. А, и еще нос у него разбит, прям весь синий, как слива. Вроде как подрался, и совсем недавно. Наверное, еще кому-то не по нраву пришелся.

– И что ты ему сказала?

– С ним миссис Дрэдж разговаривала, кухарка. Вот она ему сказала то же самое, что и миссис Дарби, мол, со слугами все в порядке, это господа не... – Она мучительно краснеет. – Ой, прошу прощения, сэр, я не хотела...

– Ничего страшного, Люси, я и сам невысокого мнения о гостях. И что же они такого странного вытворяют?

Она улыбается, застенчиво отводит глаза, а потом говорит тихо-тихо, так, что слышно, как поскрипывают половицы:

– Сегодня утром мисс Хардкасл ходила гулять в лес со своей камеристкой. Она вся такая француженка, только и слышать от нее *кель* то, *кель* сё. Так вот, неподалеку от хижины Чарли Карвера на них кто-то напал. Видать, один из гостей, только ни мисс Хардкасл, ни камеристка не признаются, кто именно.

– Вот прямо так и напали? – Я вспоминаю, как глазами Белла видел беглянку в лесу; тогда я решил, что это Анна, но, может быть, это не так? Может быть, это всего лишь очередное неверное предположение с моей стороны?

– Ну, они так говорят, – лепечет Люси, смущенная моей настойчивостью.

– Да, пожалуй, мне стоит побеседовать с этой камеристкой. Как ее зовут?

– Мадлен Обэр. Только прошу вас, сэр, не говорите ей, что это я вам рассказала. Потому что это вроде как секрет.

Мадлен Обэр, та самая камеристка, которая передала Беллу записку за ужином. В суматохе недавних происшествий я совсем забыл о ранах на руке Белла.

– Я никому не скажу ни слова, Люси, – киваю я. – Мне обязательно нужно поговорить с этой француженкой. Передай ей, что я хочу ее видеть. Не объясняй почему, но, если она придет ко мне в апартаменты, я вас обеих щедро награжу.

После недолгого замешательства она соглашается, а затем убегает, пока я не потребовал от нее еще каких-нибудь обещаний.

Из коридора я выхожу чуть ли не вприпрыжку – впрочем Рейвенкорт на это не способен. Хотя Эвелина и питает к нему непонятную неприязнь, она мой друг, и я хочу ее спасти. Тот, кто утром напал на нее в лесу, скорее всего, примет непосредственное участие в убийстве. Надо сделать все возможное, чтобы этого не допустить. Надеюсь, Мадлен Обэр мне в этом поможет. Кто знает, может, завтра мне станет известно имя злодея. Если Чумной Лекарь сдержит свое обещание, я смогу покинуть Блэкхит и больше не менять обличий.

Чем дальше я удаляюсь от ярко освещенного вестибюля, тем быстрее улетучивается приподнятое настроение, я даже перестаю насвистывать какой-то веселый мотивчик. Присутствие лакея преображает Блэкхит, мое воображение населяет тени по углам и сумрачные тупики сотнями образов ужасной кончины от руки злодея. Сердце замирает от малейшего шороха. Наконец я вхожу в апартаменты; пот льется ручьями, грудь сдавило.

Плотно захлопываю дверь, глубоко, прерывисто вздыхаю. Если так будет продолжаться и дальше, то я умру от разрыва сердца прежде, чем до меня доберется лакей.

Гостиная в моих апартаментах роскошно, со вкусом, обставлена: под люстрой, сверкающей отраженным светом огня в камине, стоит диван и кресло. На серванте выстроились бутылки с напитками всех сортов, тарелки с нарезанными фруктами и ведро подтаявшего льда. Рядом на блюде висит гора сэндвичей с ростбифом, истекающих горчицей. Брюхо требует еды, но тело не слушается.

Мне нужно отдохнуть.

Кресло протестующе стонет под моим весом, ножки гнутся от тяжести. Дождь стучит в окна, небо мрачно лиловет, как синяк. Интересно, это те же самые капли из тех же самых туч, что и вчера? Роют ли кролики те же самые норы, вспугивают тех же самых насекомых? Летают ли те же самые птицы, бьются в те же самые стекла? Если все это – западня, то на какого зверя?

– Да, выпить сейчас не помешает, – бормочу я, потирая ноющие виски.

– Вот, пожалуйста, – произносит женский голос у меня за спиной; худая рука с костлявыми огрубелыми пальцами протягивает мне бокал из-за плеча.

Пытаюсь повернуться, но Рейвенкорта слишком много, а кресла слишком мало.

Женщина нетерпеливо покачивает бокал, в нем тонко звенят льдинки.

– Пейте скорее, пока лед не растаял, – говорит она.

– Надеюсь, вы извините мою излишнюю недоверчивость, но не в моих привычках принимать угощение от незнакомцев, – замечаю я.

Она наклоняется к моему уху, обдаёт его теплым дыханием.

– А мы с вами знакомы, – шепчет она. – Я была в повозке вместе с дворецким. Меня зовут Анна.

– Анна! – восклицаю я, пробуя привстать.

Ее рука, тяжелая, как наковальня, давит мне на плечо, вталкивает в кресло.

– Не утруждайте себя понапрасну, я здесь ненадолго, – говорит она. – Мы с вами скоро встретимся, а пока, прошу вас, не ищите меня.

– Но почему?

– Потому что меня ищите не вы один, – объясняет она, отступив на шаг. – Лакей тоже меня разыскивает. Ему известно о нашем сотрудничестве. Если вы продолжите поиски, то выведете его на мой след. Пока меня не обнаружат, я в относительной безопасности. Так что отзовите ваших ищек.

Легкими шагами она медленно отходит к дальней двери.

– Погодите! – прошу я. – Вы знаете, кто я? Почему мы здесь оказались? Вам же наверняка хоть что-то известно.

Она молчит, обдумывает услышанное.

– После пробуждения моя память сохранила одно-единственное имя, – наконец произносит она. – По-моему, оно ваше.

Я стискиваю подлокотники кресла:

– Какое имя?

– Айден Слоун, – говорит она. – Вот, я выполнила вашу просьбу. Выполните же и вы мою. Не ищите меня больше.

17

– Айден Слоун, – произношу я, смакуя гласные. – Айден... Слоун. Айден. Айден. Айден.

Вот уже полчаса я на разные лады выговариваю имя, надеясь вызвать в своем строптивом разуме хоть какое-то подобие узнавания. Увы, за это время у меня всего-навсего пересохло во рту. Такое времяпровождение очень раздражает, но ничего другого мне не остается. Хелена Хардкасл так и не явилась на встречу, назначенную в половине второго. Я отправил к ней служанку узнать, в чем дело, и выяснилось, что хозяйку Блэкхита не видели с самого утра. Она куда-то исчезла.

Хуже другое: ни Каннингем, ни Мадлен Обэр ко мне не приходили. Разумеется, я не особо надеялся, что камеристка Эвелины явится ко мне по первому зову, но Каннингема не было уже несколько часов. Не знаю, что его задерживает, теряю терпение. Нам надо сделать многое, а времени в обрез.

– Сесил, вы у себя? – произносит сиплый голос. – А Хелена еще с вами? Мне сказали, что у вас с ней встреча.

В дверях стоит старуха в широком красном салопе; на голове шляпка, на ногах – перепачканные грязью резиновые сапоги почти до колена, на щеках играет румянец, на лице застыла недовольная гримаса.

– Нет, мы с ней еще не виделись, – отвечаю я. – Вот, до сих пор жду.

– И вы тоже? Мы договорились встретиться с ней сегодня утром в саду, так я ее напрасно прождала целый час, только промерзла до костей, – говорит старуха, подходя поближе к огню.

Она так тщательно укутана, что малейшая искра из камина устроит здесь церемониальное погребение викинга.

– Интересно, куда эта вертихвостка подевалась? – ворчит она, стягивает перчатки и швыряет их на кресло рядом со мной. – В Блэкхите особых развлечений нет. Выпить не желаете?

– Вот только приступил, – говорю я, демонстрируя ей полупустой бокал.

– Разумное занятие. А мне взбрело в голову прогуляться, потом вернулась – а дверь не открывают. Полчаса стучала в окна, все слуги куда-то запропастились. Можно подумать, мы в Америке.

Графинная пробка тихонько скрежещет, бокал со стуком опускается на столешницу, лед звенит о стекло, потрескивает под струей напитка. Что-то шипит, булькает, а затем отчетливо слышится глоток и довольный долгий вздох.

– Хорошо-то как! – произносит старуха; последующий звон бокала свидетельствует о том, что первый был всего лишь для разминки. – Я Хелене говорила, что все эти празднества – дурацкая затея, но она меня слушать не стала, и вот пожалуйста: Питер не выходит из сторожки, Майкл развлекает гостей как умеет, а Эвелина устраивает маскарад. Вот увидите, все закончится катастрофой.

Не выпуская бокала из рук, она возвращается к камину и, освобожденная от салопы, словно бы усыхает, превращается в крохотную розовощекую старушку с красными от холода руками и встрепанной копной седых волос.

– А это еще что? – Она берет с каминной полки белую карточку. – Сесил, вы собирались мне писать?

– Простите, что вы сказали?

Она протягивает мне карточку, где написано всего несколько слов:

Встретиться с Миллисент Дарби.

А.

Разумеется, это Анна постаралась.

Сначала – подпаленные перчатки, теперь вот неожиданное знакомство. Странно, конечно, что мне весь день оставляют подсказки, однако приятно сознавать, что у меня все-таки есть друг. Вдобавок можно расстаться с мыслью о том, что миссис Дарби – одна из моих соперников или мое воплощение. Эта старая дама – такая колоритная особа, что просто не вместит кого-то еще.

«А зачем тогда она явилась на кухню, чтобы расспросить слуг о странном поведении гостей?»

– Я велел Каннингему пригласить вас ко мне на коктейль. – Я смакую виски. – Он записал поручение, но, похоже, отвлекся на что-то еще.

– Вот так всегда и происходит, если поручать важные дела людям из низов, – фыркает Миллисент, усаживаясь в кресло. – Попомните мои слова, Сесил, в один прекрасный день он обчистит все ваши банковские счета и сбежит с какой-нибудь служанкой. Сами видите, что стало с проклятым Тедом Стэнуином. Пока был егерем, ходил по струнке, тише воды ниже травы, а теперь можно подумать, что он и есть владелец имения. Наглости хоть отбавляй.

– Да, Стэнуин – неприятный тип, а вот слуги здесь все-таки неплохие, – говорю я. – Они обо мне заботятся. Кстати, я слышал, вы на кухню заходили, так что, похоже, и вам жаловаться не на что.

Она небрежно отмахивается от моих возражений, окропляет их виски.

– Ну, это... – Она подносит бокал к губам, обдумывает ответ. – У меня кое-что пропало, вот я и решила, что, может быть, какая-нибудь служанка... Никогда ведь не знаешь, с кем имеешь дело. Помните моего мужа?

– Смутно, – говорю я, восхищаясь тем, с какой ловкостью она меняет тему; вряд ли на кухню она явилась жаловаться на слуг.

– Вот и с ним так же, – презрительно фыркает она. – Все-таки отсутствие породы сказывается. Впрочем, убогое происхождение и воспитание не помешали ему завести больше сорока ткацких мануфактур и при этом остаться совершеннейшим чурбаном. Мы прожили вместе пятьдесят лет, а я впервые улыбнулась в день его похорон и с тех пор не перестаю веселиться.

В коридоре скрипят половицы, повизгивают дверные петли.

– Наверное, это Хелена, – говорит Миллисент, вставая с кресла. – Ее апартаменты чуть дальше по коридору.

– А я думал, что Хардкаслы обосновались в сторожке.

– Нет, там только Питер, – отвечает она, презрительно вздергивая бровь. – А Хелена осталась здесь, в особняке. Их брак и прежде был непрочен, а теперь почти совсем развалился. Вот увидите, Сесил, все кончится громким скандалом.

Старуха выходит в коридор, окликает Хелену, внезапно умолкает и чуть слышно бормочет:

– Это еще что за...

Затем снова заглядывает ко мне.

– Вставайте, Сесил, – испуганно говорит она. – Тут происходит что-то странное.

Обеспокоенно поднимаясь с кресла, ковыляю в коридор, где приоткрытая дверь в апартаменты Хелены со скрипом покачивается под сквозняком. Замок выдран с мясом, под ногами хрустят щепки.

– Кто-то взломал дверь, – шипит Миллисент у меня за спиной.

Я медленно толкаю дверь тростью, и мы заглядываем в апартаменты.

Комната пуста. Судя по всему, здесь давно никого не было. Шторы все еще задернуты, спальню освещает лишь тусклое сияние керосиновых ламп в коридоре. Кровать под балдахинном не разобрана, на туалетном столике теснятся всевозможные кремы, пудра и прочие притирания.

Миллисент, удостоверившись, что ей ничего не грозит, протискивается в комнату, окинув меня неприязненным взглядом, в котором, однако же, сквозит неохотное извинение, и направляется мимо кровати к окну, чтобы с трудом откинуть тяжелые шторы и разогнать сумрак.

Потревожен только секретер каштанового дерева. Крышка его откинута, ящики выдвинуты. На столешнице среди бутылочек чернил, конвертов и ленточек стоит большая лакированная шкатулка с двумя углублениями в форме револьверов. Самих револьверов нет, хотя я подозреваю, что один из них прихватила Эвелина, отправившись на кладбище. Она еще тогда сказала, что взяла его у матери.

– Что ж, ясно, ради чего сюда забрался злоумышленник, – говорит Миллисент, касаясь шкатулки. – Вот только непонятно, зачем он это сделал. На конюшне полно охотничьих ружей, их оттуда легче украсть. Никто бы и не заметил.

Отодвинув шкатулку, Миллисент берет со стола дневник в замшевом переплете и начинает его листать, то и дело останавливая палец на заметках о встречах и вечеринках, просматривая записи на полях и вложенные в книжку листки. Все это свидетельствовало бы всего лишь о праздной и скучной жизни, самой обычной, если бы не вырванная страница.

– Странно, что выдрана именно сегодняшняя страница... – Досада в голосе Миллисент сменяется недоумением. – С чего бы это Хелена ее уничтожила?

– По-вашему, это ее рук дело? – спрашиваю я.

– А кому еще это нужно? – говорит Миллисент. – Попомните мои слова, Хелена намерена сделать какую-то глупость и не хочет, чтобы о ней узнали заранее. Прошу прощения, Сесил, но я пойду ее искать. А как найду, попробую отговорить. Ну, как обычно.

Она швыряет дневник на кровать и выходит из спальни в коридор. Я почти не замечаю ее ухода. Меня больше волнуют черные смазанные пятна на страницах – отпечатки пальцев. Здесь был мой камердинер. Очевидно, ему тоже понадобилось увидеться с Хеленой Хардкасл.

18

Мир за окнами съезживается, темнеет по краям, чернеет в середине. Из леса появляются охотники, бредут по газону, как птицы-переростки. Мне прискучило ждать возвращения Каннингема, и я ухожу из апартаментов в библиотеку, проверить записку в энциклопедии.

И сразу же сожалею о своем опрометчивом решении.

Прогулки по особняку лишили меня сил, неповоротливое тело становится еще тяжелее. Вдобавок в доме царит суета, служанки взбивают диванные подушки, расставляют букеты цветов, мельтешат косяками испуганных рыбешек. Я пристыжен их бойкостью, подавлен легкостью их движений.

Добираюсь до вестибюля, а там уже полным-полно охотников. Они стряхивают с одежды капли дождя, на полу собираются лужицы. Кажется, что ливень вымыл все признаки жизни из этих промокших, сизых от холода людей. Судя по всему, их день прошел ужасно.

Опустив глаза, боязливо прохожу мимо, надеясь, что среди гримасничающих бедолаг нет лакея. Если верить Люси Харпер, то у него расквашен нос, то есть в иных обличьях я способен ему противостоять, а к тому же теперь его легко отличить от других.

Разбитых носов ни у кого не обнаруживается, и ко мне возвращается уверенность. Охотники расступаются, дают мне пройти. Ковыляю в библиотеку, где тяжелые шторы уже задернуты, в камине горит огонь, в воздухе витает тонкий аромат. Толстые свечи в подсвечниках испещряют темноту дрожащими мазками теплого сияния, освещают трех женщин, которые, раскрыв книги на коленях, уютно устроились в креслах.

Бреду к шкафу с энциклопедией, в сумраке ощупываю полку. Пусто. Беру свечу с ближайшего столика, подношу к полке – энциклопедии нет. Вздыхаю тяжело, протяжно, будто сдуваются мехи какого-то жуткого приспособления. Только сейчас осознаю, как надеялся и на затею с энциклопедией, и на возможную встречу с теми, чей облик приму в будущем. Мне нужны не только их знания. Я хочу изучить их, как свое отражение в зеркале, обнаружить какую-то повторяющуюся, неизменную черту характера, оставшуюся в сохранности, не принадлежащую другим. Без этого мне трудно определить границы своей личности, черту, отделяющую меня от той или иной ипостаси. Ведь сейчас разница между мной и лакеем заключается лишь в разуме, который я занимаю.

Под гнетом долгого дня я устало опускаюсь в кресло напротив камина. Там весело потрескивают дрова, над ними колыхнется мерцающий жар.

Внезапно горло перехватывает. Мне нечем дышать.

В языках пламени виднеется энциклопедия – она прогорела дотла, пока еще сохранила форму, но вот-вот рассыплется в золу.

«Это дело рук лакея».

Вздрагиваю, как от удара, – именно этого и добивался злодей. Он повсюду, опережает меня на шаг. Ему мало простой победы, он хочет, чтобы я об этом знал. Он меня запугивает. Он жаждет моих мучений.

Потрясенный дерзким злодеянием, я рассеянно смотрю в огонь, швыряю на костер все свои дурные предчувствия, но тут меня окликает Каннингем:

– Лорд Рейвенкорт?

– Где вас черти носят? – сердито отзываюсь я, не в силах справиться с раздражением.

Он обходит мое кресло, становится поближе к огню, греет руки. Похоже, он долго бродил под дождем, и, хотя успел переодеться в сухое, влажные волосы еще растрепаны после полотенца.

– Хорошо, что сварливость Рейвенкурта никуда не исчезла, – невозмутимо говорит он. – А то я бы растерялся, если бы меня каждый день не отчитывали.

– Вот только не надо изображать из себя неповинную жертву, – грожу я пальцем. – Вас очень долго не было.

– Хорошо и быстро не бывает, – говорит он и швыряет мне на колени какую-то вещицу.

Я подношу ее к свету, гляжу в пустые глазницы фарфоровой маски с клювом. Мое раздражение немедленно испаряется. Покосившись на женщину, которая с любопытством смотрит на нас, Каннингем понижает голос:

– Маска принадлежит типу по имени Филип Сатклифф. Служанка заметила ее в гардеробе, а я дождался, пока все уйдут на охоту, и украдкой проверил его спальню. Там же обнаружился и цилиндр, и широкий длинный плащ, а еще записка, подтверждающая встречу с лордом Хардкаслем на балу. По-моему, нам надо с ним поговорить.

Я хлопаю рукой по колену, ухмыляюсь во весь рот:

– Отлично сработано, Каннингем!

– Я так и думал, что вас это обрадует. К сожалению, хорошие новости этим и ограничиваются. Записка в колодезной кладке, адресованная мисс Хардкасл, оказалась весьма... весьма странной.

– Как это? – спрашиваю я, прикладывая маску к лицу. Фарфор какой-то липкий, неприятно холодит кожу, но в целом маска мне подходит.

– Ее подмочил дождь, но я смог разобрать слова «Держитесь подальше от Миллисент Дарби», а под ними – примитивное изображение крепости. Больше ничего.

– Да, странное предупреждение.

– Предупреждение? По-моему, больше похоже на угрозу, – возражает Каннингем.

Я вопросительно изгибаю бровь:

– По-вашему, Миллисент Дарби заколет Эвелину вязальной спицей?

– Не сбрасывайте старую даму со счетов. – Он ворошит кочергой угли в камине. – Было время, когда ее боялись многие обитатели Блэкхита. Она способна разузнать любой секрет и не гнушается воспользоваться самыми низкими методами. По сравнению с ней Тед Стэнуин просто дилетант.

– Вам доводилось иметь с ней дело?

– Не мне, а Рейвенкورتу. Он ей не доверяет. Он, конечно, сволочь та еще, но далеко не дурак.

– Я приму это к сведению. А с Себастьяном Беллом вы виделись?

– Пока нет, но вечером обязательно встречу. И о загадочной Анне я ничего не выяснил.

– Ничего страшного, она сама меня отыскала. – Я рассеянно ковыряю трещину в кожаной обивке кресла.

– И что ей понадобилось?

– Неизвестно.

– А откуда она вас знает?

– Это мы тоже не обсуждали.

– Она вам друг?

– Возможно.

– Значит, встреча прошла успешно? – с усмешкой спрашивает он, откладывая кочергу. – Кстати, вам пора бы принять ванну. Ужин в восемь, а от вас, простите, пованивает. Не будем создавать лишние проблемы, к вам и без того относятся без особой приязни.

Он делает шаг ко мне, но я отмахиваюсь:

– Нет, вам предстоит весь вечер следить за Эвелиной. – Я неуклюже пытаюсь преодолеть силу земного притяжения, но она отчаянно сопротивляется.

– Зачем? – недоуменно хмурится он.

– Затем, что кто-то хочет ее убить.

– Но ведь убийцей могу быть и я, – замечает он как бы между прочим, словно ненароком упоминает о своей любви к мюзик-холлу.

Ошеломленный этим замечанием, я падаю в кресло. Сиденье подо мной трещит. Рейвенкорт полностью доверяет Каннингему, и я не усомнился в этой доверии, хотя знал, что у камердинера есть какая-то зловещая тайна. Иными словами, он тоже входит в круг подозреваемых.

Каннингем многозначительно касается носа:

– Вот именно, поразмыслите над этим. – Он закидывает мою руку себе на плечи. – Пока вы будете принимать ванну, я разыщу Белла, но, по-моему, вам самому лучше проследить за Эвелиной. А я от вас не отойду ни на шаг, так что подозревать меня незачем. Мне и без того хватает неприятностей, а тут еще вы ввосемьмером начнете гоняться за мной по дому и обвинять меня в убийстве.

– Как вы все складно излагаете! – говорю я, краем глаза наблюдая за Каннингемом.

– Ну, я же не всю жизнь служил камердинером.

– А кем еще вы служили?

– Рассказ о моей жизни в наш уговор не входит. – Он с усилием поднимает меня из кресла.

– Тогда расскажите, что вы делали в спальне Хелены Хардкасл, – предлагаю я. – Вы листали ее дневник и смазали в нем записи. Сегодня утром у вас все пальцы были в чернилах, я заметил.

Он удивленно присвистывает:

– Надо же, какой наблюдательный! – Голос его становится тверже. – Странно, что вам неизвестно о моих порочных связях с Хардкаслами. Что ж, в таком случае вас ждет сюрприз. Вы поспрашивайте, вам с удовольствием обо всем расскажут, хотя особого секрета в этом нет.

– Это вы взломали дверь, Каннингем? – спрашиваю я. – Украли два револьвера и выдрали страницу из дневника?

– Нет, я ничего не взламывал, меня пригласили войти, – отвечает он. – О револьверах я ничего не знаю, а дневник был цел. Я его своими глазами видел. Конечно, я бы и сам объяснил, чем именно я там занимался и почему меня незачем подозревать, но на вашем месте не поверил бы ни единому моему слову. Короче говоря, разузнайте все это сами, тогда будете уверены, что все это правда.

Каннингем помогает мне, обливающемуся потом, подняться на ноги, утирает испарину с моего лба, вручает трость.

– А скажите-ка, Каннингем, с какой стати вы подались в камердинеры?

Он замирает, невозмутимое лицо мрачнеет.

– Иногда образ жизни выбирать не приходится, – хмуро произносит он. – Ну, пойдемте, нас ждет убийство.

19

Канделябры озаряют обеденный стол; под мерцающим светом раскинулось кладбище куриных костей, рыбьих хребтов, панцирей омаров и свиного жира. Шторы не задернуты, и за темными окнами смутно виднеется лес, деревья клонятся под напором бури.

Зубы с хрустом перемалывают еду, я жадно жую и глотаю. Подлива бежит по складкам подбородка, жир обволакивает губы мерзкой блестящей пеленой. Мой аппетит неудержим, я постанываю, набивая рот. Салфетка похожа на поле боя. На меня косятся соседи по столу, из вежливости притворяются, что не замечают, как мои челюсти крошат остатки правил приличия. Откуда берется это всепоглощающее чувство голода? Какую бездонную яму старается заполнить Рейвенкорт?

Слева от меня сидит Майкл Хардкасл. За ужином мы еще не обменялись ни словом. Все это время они с Эвелиной перешептываются, склонив друг к другу головы и словно бы забыв о присутствующих. Она ничем не показывает, что ей известно о грозящей опасности.

«Может быть, она считает, что ее защитят».

– Вы бывали на Востоке, лорд Рейвенкорт?

Ах, если бы сосед справа тоже не замечал моего присутствия. Капитан Клиффорд Харрингтон, плешивый отставной моряк в мундире, увешанном свидетельствами доблести и отваги. Вот уже час я провел в его обществе, но не могу представить, что этот человек способен на какие-то подвиги. Наверное, в этом виноваты мягкий подбородок, опущенный взгляд, подобострастная манера разговора. А может быть, плешущийся в глазах виски.

Весь вечер Харрингтон рассказывает какие-то скучные истории, даже не пытаюсь их приукрасить, и теперь беседа переносится на азиатское побережье. Я отпиваю вино, пытаюсь скрыть свое раздражение, и недоуменно морщусь – у вина очень резкий вкус. Харрингтон заговорщицки склоняется ко мне.

– Я тоже это заметил, – говорит он, обдавая меня теплыми винными парами. – Поинтересовался у служанки, какого оно года, но с тем же успехом мог бы спросить у бокала.

Канделябры придают лицу капитана землистый оттенок; затуманенный выпивкой взор противен до чрезвычайности. Я опускаю бокал, рассеянно оглядываюсь. За столом сидит человек пятнадцать, чинно беседуют, пересыпают пресную болтовню французскими, испанскими и немецкими фразами, что придает ей некоторую пикантность. Все в несколько подавленном настроении, переговариваются глухо и напряженно, с десятков мест пустует. Странное, несколько трагическое зрелище, однако к отсутствию гостей стараются не привлекать внимания, – может быть, так принято в фешенебельном обществе, а может быть, я упустил какое-то объяснение.

Ищу знакомые лица, но Каннингем ушел на встречу с Беллом, а за столом нет ни Миллисент Дарби, ни доктора Дикки, ни даже гнусного Теда Стэнуина. Кроме Эвелины и Майкла, я знаю только Даниеля Кольриджа, который сидит в дальнем конце стола, рядом с каким-то сухопарым типом. Оба разглядывают гостей сквозь бокалы с вином. Симпатичная физиономия Даниеля явно кому-то не понравилась, и теперь ее украшает разбитая губа и припухший глаз, под которым завтра образуется солидный синяк, если завтра, конечно, наступит. Кольриджа это ничуть не смущает, а вот меня расстраивает. До сих пор я полагал, что местные странности на него не влияют хотя бы потому, что знание будущих событий позволит ему избежать несчастий. А теперь я гляжу на него, как на карты, ненароком выпавшие из рукава фокусника.

Его собеседник хлопает по столу, смеется какой-то шутке, чем привлекает мое внимание. Мне кажется, что я его откуда-то знаю.

«Наверное, он – одно из будущих облиций».

Надеюсь, что нет. Невзрачный тощий тип с набриолиненными волосами и бледным узким лицом заискивает перед всеми гостями. Не знаю почему, но мне кажется, что он очень изворотлив и жесток.

– У них такие необычные лекарства, – произносит над ухом Клиффорд Харрингтон.

Я отвлекаюсь, недоуменно моргаю.

– У азиатов, лорд Рейвенкорт, – поясняет он с дружелюбной улыбкой.

– Ах да, конечно. Нет, не бывал.

– Невероятный край. Просто невероятный. Там есть такие лечебницы...

Поднимаю руку, подзывая слугу. Если от соседа никуда не деться, то надо бы заменить вино. Может быть, одно благодеяние повлечет за собой другое.

– Вчера мы с доктором Беллом обсуждали опиумные настойки... – продолжает капитан.

«Ох, поскорее бы все кончилось...»

– Как вам ужин, лорд Рейвенкорт? – спрашивает Майкл Хардкасл, ловко вступая в разговор.

Я благодарно оборачиваюсь к нему.

К губам поднесен бокал красного вина, зеленые глаза искрятся весельем. В отличие от Эвелины, чей взгляд наждаком обдирает мне кожу. На Эвелине синее вечернее платье и диадема, светлые волосы завиты и уложены в замысловатую прическу, шею обвивает роскошное бриллиантовое ожерелье. Чуть позже именно в этом наряде (плюс пальто и резиновые сапоги) она с Себастьяном Беллом отправится на кладбище.

Я утираю губы салфеткой, наклоняю голову.

– Превосходно. Жаль только, что гостей недобор. Я так хотел познакомиться с мистером Сатклиффом, – говорю я, указывая на пустые места за столом, и про себя добавляю: «И его маскарадным костюмом чумного лекаря».

– В таком случае вам повезло, – вмешивается Клиффорд Харрингтон. – Мы с Сатклиффом давние приятели, на балу я вас познакомлю.

– Если Сатклифф будет в состоянии держаться на ногах, – говорит Майкл. – Они с моим отцом сейчас опустошают винный погреб. А мать не может их оттуда извлечь.

– А леди Хардкасл будет на балу? – спрашиваю я. – Ее с утра никто не видел.

– Ей очень тяжело в Блэкхите, – доверительно понизив голос, отвечает Майкл. – Она сегодня целый день пытается развеять гнетущие воспоминания. Но на балу она будет обязательно, я вам это обещаю.

К нему подходит слуга, почтительно склоняется, что-то шепчет на ухо. Майкл хмурится и, дождавшись ухода слуги, поворачивается к сестре, пересказывает ей услышанное. Она тоже мрачнеет. Они глядят друг другу в глаза,жимают руки, а потом Майкл стучит вилок по бокалу и поднимается на ноги. Вставая, он словно бы вырастает куда-то под сумрачный потолок, за пределы тусклого света канделябров, и оттуда, с мглистой высоты, собирается что-то изречь.

Все умолкают, смотрят на него.

– Мне очень хотелось, чтобы вместо меня этот тост произнес кто-то из родителей, – заявляет он. – Однако же они решили прийти сразу на бал, и, смею вас заверить, их появление будет впечатляющим.

На сдержанные смешки он отвечает застенчивой улыбкой.

Я скольжу взглядом по лицам гостей, замечаю в глазах Даниеля насмешливые искорки. Он подносит к губам салфетку, скашивает глаза на Майкла, словно бы намекая, мол, не пропусти.

«Он знает, что сейчас будет».

– Отец очень признателен вам всем за то, что вы приняли наше приглашение, – говорит Майкл. – Впрочем, чуть позже он сам вам об этом скажет. – Голос его едва заметно дрожит

от смущения. – А пока от его имени позвольте поблагодарить всех вас за то, что вы приехали чествовать мою сестру Эвелину, которая недавно вернулась домой из Парижа.

Ее лицо отражает его обожание, они обмениваются задушевными улыбками, не предназначенными для собравшихся. Все поднимают бокалы, отовсюду слышны ответные изъявления благодарности и приветственные восклицания.

Дождавшись, когда все утихнут, Майкл продолжает:

– А теперь в ее жизни настает новый знаменательный этап... – Он выдерживает паузу, обводит глазами гостей. – Она выходит замуж за лорда Сесила Рейвенкорта.

Воцаряется тишина. Все гости смотрят на меня. Шок сменяется замешательством, затем отвращением. На лицах отражается смятение моих собственных чувств. Между Рейвенкортом и Эвелиной тридцать лет разницы, тысячи обедов и ужинов. Теперь мне понятно, отчего она так неприязненно ко мне отнеслась сегодня утром. Если лорд и леди Хардкасл действительно обвиняют дочь в смерти Томаса, то они измыслили ей жесточайшее наказание. Ее лишат всех тех лет, которых она лишила Томаса.

Я гляжу на Эвелину. Она, закусив губу, тербит салфетку и не поднимает глаз; настроение у нее испорчено. По лбу Майкла сползает капля пота, вино подрагивает в бокале. Майкл боится взглянуть на сестру, а она вообще не в силах ни на кого смотреть. Сам я с необычайным интересом изучаю скатерть.

– Лорд Рейвенкорт – давний друг нашего семейства, – механически провозглашает Майкл, лишь бы прервать молчание. – Лучшего мужа моей сестре и желать нельзя. – Он смотрит на Эвелину, встречает ее взгляд, в котором блестят слезы. – Ты, кажется, хотела что-то сказать?

Она кивает, сминает салфетку.

Все, затаив дыхание, смотрят на нее. Таращатся даже слуги, замирают на ходу, держа подносы с грязной посудой или бутылки вина. Наконец Эвелина обводит взглядом любопытствующие лица. Глаза отчаянные, как у загнанного зверя. Она забывает все подготовленные фразы, сдавленно всхлипывает и выбегает из обеденного зала. Майкл бросается следом.

Гости поворачиваются ко мне, а я обращаю взор к Даниелю. Недавнее веселье исчезло, он сосредоточенно смотрит в окно. Интересно, сколько раз он видел, как краска стыда медленно заливает мне лицо? Помнит ли он это ощущение? Может быть, поэтому он сейчас и не может встретиться со мной взглядом? И что сделаю я в свой черед?

Я сижу в самом конце стола. Больше всего мне хочется сбежать, как поступили Эвелина с Майклом, но с тем же успехом можно мечтать о полете на Луну. Нарушая затянувшееся молчание, Клиффорд Харрингтон, озаренный блеском медалей и орденов, встает и поднимает бокал.

– Желаю вам долгих и счастливых лет супружеской жизни! – без всякой иронии заявляет он.

Все вразнобой поднимают бокалы, нараспев глухо повторяют тост.

С дальнего конца стола мне подмигивает Даниель.

20

Гости давным-давно покинули обеденный зал, слуги уже убрали со стола, и ко мне наконец подходит Каннингем. Вот уже больше часа он стоял в дверях, но я запретил ему приближаться. За ужином я испытал такой мучительный стыд, что не вынес бы дальнейшего позора, если бы камердинер поднимал меня из кресла при свидетелях. Сейчас он с ухмылкой направляется ко мне. Слухи о моем унижении наверняка уже разлетаются по особняку: старый толстяк Рейвенкорт и его сбежавшая невеста.

– Почему вы меня не предупредили о предстоящей свадьбе? – резко спрашиваю я.

Он останавливается и отвечает:

– Чтобы над вами поиздеваться.

Под его взглядом я цепенею, щеки заливаются краской.

Глаза у него зеленые, зрачки неровные, как кляксы. Люди, настолько убежденные в своей правоте, увлекают за собой армии и разрушают храмы. Если в один прекрасный день ему надоест прислуживать, то Рейвенкорту не поздоровится.

– Рейвенкорт очень тщеславен, его легко задеть, – невозмутимо продолжает Каннингем. – Я заметил, что вы унаследовали эту черту его характера, и решил на ней сыграть.

– Но почему? – спрашиваю я, ошеломленный его прямоотой.

Он пожимает плечами:

– Вы пытались меня шантажировать. Неужели вы решили, что вам это сойдет с рук?

Я озадаченно моргаю, а потом начинаю хохотать. Смех громкий, утробный, складки жира на тучном теле одобрительно трясутся. Мне нравится его дерзость. Я его унизил, а он отплатил мне той же монетой, не приложив к этому ни малейших усилий – одно терпение. Такой поступок заслуживает похвалы.

Каннингем недоуменно сводит брови:

– Вы не сердитесь?

– Сержусь я или нет, вас, по-видимому, нисколько не волнует, – говорю я, утирая слезы из глаз. – Как бы то ни было, я первым бросил камешек в ваш огород. А значит, сам виноват, что в ответ мне прилетел здоровенный булыжник.

Мой собеседник не в силах сдержать улыбки.

– Оказывается, вы и правда не такой, как лорд Рейвенкорт, – говорит он медленно, взвешивая каждое слово.

– Начнем с того, что меня зовут иначе, – заявляю я, протягивая руку. – Айден Слоун, рад знакомству.

Он крепко пожимает мне руку, широко улыбается:

– Очень приятно, Айден. Меня зовут Чарльз.

– Что ж, Чарльз, простите, что я грозился разгласить ваш секрет. Я не собираюсь этого делать. Я всего лишь хочу спасти Эвелину Хардкасл и выбраться из Блэкхита, но времени у меня в обрез. Мне нужен друг.

– Да, и не один, – кивает он, вытирая стекла очков о рукав. – По правде сказать, вся эта история так необычна, что хочется узнать, чем все закончится. Так что я бы отсюда не ушел, даже если бы мог.

– Тогда нам пора. Даниель предупреждал, что Эвелину убьют на балу, в одиннадцать часов. Если мы хотим ее спасти, то должны успеть.

Бальная зала находится по другую сторону вестибюля. Мы направляемся туда, Каннингем поддерживает меня под локоть. Из деревни приезжают экипажи, выстраиваются на подъездной аллее. Лошади фыркают, лакеи распахивают двери, гости в маскарадных костюмах снуют туда-сюда, как канарейки, выпущенные из клетки.

– А почему Эвелина согласилась выйти замуж за Рейвенкорта? – шепотом спрашиваю я.

– Из-за денег, – отвечает Каннингем. – Лорд Хардкасл знаменит как умением неудачно вкладывать деньги, так и отсутствием ума, способного признать свои ошибки. По слухам, он уже почти обанкротил семью. За право взять в жены Эвелину Рейвенкорт пообещал не только выплатить лорду и леди Хардкасл щедрое вознаграждение, но и через пару лет купить имение Блэкхит за немалые деньги.

– Вот оно что, – говорю я. – Обнищав, Хардкаслы решили, что легче продать дочь, а не фамильные драгоценности.

Мысленно возвращаюсь в утро, к шахматной партии, к улыбке Эвелины, провожавшей меня к выходу из оранжереи. Рейвенкорт покупает не жену, а неиссякаемый источник презрения. Интересно, догадывается ли старый дурак, на что он себя обрекает?

Затем я вспоминаю о поручении, данном Каннингему:

– Кстати, как там Себастьян Белл? Вы с ним встретились?

– Увы, нет. Я заглянул к нему, но бедняга лежал без сознания посреди комнаты, – с неподдельным сожалением говорит он. – Да, я видел там дохлого кролика. Похоже, у вашего зловещего лакея извращенное чувство юмора. Я вызвал доктора и оставил его разбираться. Так что ваши эксперименты придется провести в другой раз.

Мое разочарование растворяется в музыке, бьющей в закрытые двери бальной залы. Слуги распахивают перед нами дверные створки, и звуки вырываются в вестибюль. Человек пятьдесят кружат под люстрой, увенчанной свечами. На подмостках у дальней стены наяривает оркестр, подбадривая танцующих: арлекины заигрывают с египетскими королевами и ухмыляющимися чертями, среди них скачут шуты, сбивают пудренные парики, вырывают из рук золоченые маски. По полу шуршат кринолины и шлейфы, развеваются плащи и монашеские рясы. Мельтешение толпы сбивает с толку. Единственное свободное место – рядом с Майклом Хардкаслем; лучи его сияющей маски-солнца так длинны и остры, что приближаться к нему небезопасно.

На все это мы взираем с галереи, откуда вниз ведет узкая лесенка. Я невольно барабаню пальцами по перилам в такт музыке. Какой-то частью чужого сознания я вспоминаю, что Рейвенкорт любит эту мелодию и ему очень хочется ее наиграть.

– Рейвенкорт обучен музыке? – спрашиваю я Каннингема.

– В детстве он прекрасно играл на скрипке, но потом сломал руку, катаясь верхом, и о виртуозной игре пришлось забыть. По-моему, он до сих пор об этом жалеет.

– И правда, жалеет, – вздыхаю я, пораженный глубиной чувств Рейвенкорта.

Сейчас не время об этом думать. Надо сообразить, как в этой толчее отыскать Сатклиффа.

«Или лакея».

Я обмираю. Этого я не предусмотрел. Здесь, в толпе, среди шума и гама, удар ножа будет совершенно незаметен.

От одной этой мысли Белл сбежал бы к себе в спальню, но Рейвенкорт не настолько труслив. Если покушение на Эвелину произойдет здесь, то здесь я и останусь, а там будь что будет. Чарльз помогает мне сойти по лестнице, а в бальной зале мы стараемся держаться неосвещенных уголков.

Клоуны хлопают меня по плечу, женщины кружатся в танце, прикрывая лица масками-бабочками. Не обращая ни на кого внимания, я проталкиваюсь к диванам у дверей в сад, чтобы дать отдых усталым ногам.

До сегодняшнего вечера мне встречались лишь небольшие группы гостей, источавших завуалированную неприязнь к хозяевам особняка. А теперь они собрались все вместе, и чем теснее меня обступает толпа, тем гуще становится злоба. Мужчины весь день пьянствовали и сейчас не танцуют, а бродят пошатываясь, огрызаются и глазеют на окружающих – в общем,

ведут себя как дикари. Девицы нарочито запрокидывают голову и звонко хохочут, волосы рас-трепаны, макияж смазан, а они переходят от одного партнера к другому и колко подшучивают над замужними женщинами, которые сгрудились тесным кружком, испуганно глядя на разнузданную, обезумевшую толпу.

«Маска лучшее всего открывает подлинную натуру человека».

Чарльз нервно напрягается, с каждым шагом все крепче сжимает пальцы на моем локте. Во всем ощущается какая-то неправильность. Веселье слишком натужное. Это празднество за миг до разрушения Гоморры.

Наконец мы подходим к дивану. Чарльз усаживает меня на подушки. В толпе снуют служанки, разносят напитки, но из нашего укромного уголка позвать прислугу невозможно. Разговаривать в такой гаме тоже трудно, поэтому Каннингем указывает на стойку с шампанским, окруженную гостями. Я киваю, утираю пот со лба. Шампанское поможет мне успокоиться. Чарльз уходит за бутылкой, а я чувствую легкий сквозняк: кто-то распахнул двери в сад, чтобы было легче дышать. За окнами темно, но в саду зажгли жаровни, цепочка трепещущих огней убегает к пруду, окруженному деревьями. Темнота вихрится, принимает форму, уплотняется, приближаясь; сияние свечей озаряет бледное лицо.

Не лицо, а маску.

Белую фарфоровую маску с клювом.

Я ишу взглядом Чарльза, надеюсь, что он где-то рядом, что сможет задержать таинственного незнакомца, но Чарльз затерялся в толпе. Снова смотрю на распахнутые двери: Чумной Лекарь, выдвинув плечо вперед, пробирается между танцующими.

Опираюсь на трость, тяжело встаю. Даже затонувшие корабли поднимают со дна океана с меньшими усилиями. Ковыляю к морю маскарадных костюмов, поглотившему Чумного Лекаря. Вижу промельки – блеск маски, взмах плаща, – но его самого, как туман в лесу, ухватить невозможно.

Он скрывается из виду в дальнем углу.

Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь его снова отыскать, но тут на меня кто-то наталкивается. Взревев от ярости, я оборачиваюсь: из-под белой фарфоровой маски с клювом на меня смотрят два карих глаза. Сердце вздрагивает, и я тоже. Незнакомец испуганно срывает маску, обнажая узкое мальчишеское лицо.

– Ой, простите, я не... – говорит он.

– Рочестер, мы здесь! – кричат ему из толпы.

Мы одновременно оборачиваемся. К нам приближается еще кто-то в наряде чумного лекаря, за ним следует другой, еще трое мелькают среди гостей. Обладатели одинаковых маскарадных костюмов множатся, но ни один из них не мог быть моим таинственным собеседником: то слишком высок, то слишком коренаст, то слишком сухопар или не вышел ростом – несовершенные копии подлинника, все с изъянами. Они пытаются оттащить своего приятеля от меня, но я хватаю чью-то руку – не важно чью, они все похожи.

– Откуда у вас эти костюмы? – спрашиваю я.

Парень ухмыляется, таращит серые, налитые кровью глаза – невыразительные, тусклые, пустые, как дверные проемы; в них нет мысли. Он вырывается, тычет меня в грудь, пьяно бормочет:

– Эй, повежливее!

Видно, что у него чешутся кулаки. Я взмахиваю тяжелой тростью, изо всех сил ударяю его по ноге. Он падает на колени, и с губ его срывается брань. Он пытается подняться, упирает ладонь в пол, а я концом трости пригвождаю ему руку к паркету.

– Откуда у вас эти костюмы? – повторяю я, срываясь на крик.

– С чердака, – отвечает он; побелевшее лицо выглядит фарфоровой маской. – Там их много, все одинаковые.

Он хочет высвободить ладонь, но я лишь сильнее нажимаю на трость, впрочем не наваливаясь всем весом; гримаса боли искажает юношеское лицо.

– Как вы о них узнали? – спрашиваю я, чуть отпуская трость.

– Вчера вечером какой-то слуга рассказал, – говорит он сквозь слезы. – Он уже был при полном параде, в маске и в цилиндре. А у нас не было маскарадных костюмов, вот он и повел нас на чердак. И всех остальных позвал, человек двадцать, честное слово.

«Похоже, Чумной Лекарь не желает, чтобы его обнаружили».

Несколько секунд я смотрю, как он корчится на полу, взвешиваю искренность его объяснения и силу причиненной боли, нахожу их примерно равными и приподнимаю трость. Он торопливо отходит, сжимая поврежденную руку. Как только он пропадает из виду, Майкл, заметив меня в толчее, решительно направляется в мою сторону. Он чем-то встревожен, на щеках алеют пятна. Губы двигаются, но музыка и смех заглушают слова.

Я делаю знак, что не понимаю. Он подходит ближе, выкрикивает:

– Вы видели мою сестру?

Я озабоченно мотаю головой. Мне страшно. По глазам Майкла понятно, что происходит что-то неладное, но я не успеваю его расспросить – он снова ныряет в толпу танцоров. Мне жарко, кружится голова, а вдобавок не отпускает дурное предчувствие. Я пробиваюсь к дивану, распускаю галстук-бабочку, расстегиваю воротничок сорочки. Мимо проносятся люди в масках, испарина блестит на обнаженных руках.

Меня мутит, и праздник не доставляет мне ни малейшего удовольствия. Раздумываю, не присоединиться ли к поискам Эвелины, но тут Каннингем приносит бутылку шампанского в серебряном ведре со льдом и два бокала на длинных ножках. Серебро отпотевает, Каннингем тоже обливается потом. Я совсем забыл, куда и зачем он уходил, поэтому кричу ему в ухо:

– Где вы были?!

– Показалось... Сатклифф... – орет он, но музыка заглушает половину слов. – ...Маскарадный костюм.

Судя по всему, Каннингем видел то же, что и я.

Я понимающе киваю, мы усаживаемся на диван и молча пьем шампанское, не переставая выглядывать в толпе Эвелину. Я все больше волнуюсь. Надо обыскать дом, расспросить гостей, но Рейвенкорт не способен на такие подвиги. В бальной зале слишком много гостей, Рейвенкорт слишком устал. Он расчетливый наблюдатель, а не герой; значит, чтобы помочь Эвелине, надо воспользоваться его сильными чертами характера. Может быть, завтра я буду энергичной и деятельной личностью, но сегодня могу лишь наблюдать. Все, что здесь происходит, надо запомнить до мельчайших подробностей, чтобы не допустить непоправимого.

Шампанское и впрямь меня успокаивает, но я отставляю бокал, не желая туманить сознание. И внезапно замечаю Майкла на ступенях лестницы, ведущей к галерее бальной залы.

Оркестр умолкает, смех и гомон стихают, и все поворачиваются к Майклу.

– Простите, что прерываю веселье, – говорит он, сжимая перила галереи. – У меня к вам странный вопрос: кто-нибудь видел мою сестру?

По толпе пролетают шепотки, гости недоуменно переговариваются. Через минуту становится ясно, что в бальной зале Эвелины нет.

Первым ее замечает Каннингем.

Он трогает меня за плечо, указывает в сад, где Эвелина, пьяно пошатываясь, бредет вдоль горящих жаровен к пруду. Она уже в глубине сада, то освещена пламенем, то скрывается в тени. В руке серебристо поблескивает пистолет.

– Позовите Майкла! – восклицаю я.

Каннингем проталкивается сквозь толпу, я тяжело встаю, бросаюсь к окну. Кроме нас с Чарльзом, ее пока никто не замечает. Гости весело гомонят, забыв о просьбе Майкла, музыканты настраивают скрипки, стрелки часов показывают одиннадцать.

До дверей в сад я добираюсь как раз тогда, когда Эвелина подходит к пруду.
Она дрожит и нетвердо держится на ногах.

За ней невозмутимо следит Чумной Лекарь, скрытый купой деревьев неподалеку; фарфоровая маска поблескивает, отражая пламя жаровни.

Эвелина подносит серебристый пистолет к животу, выстрел пронзает голоса и музыку.
Долгое мгновение ничего не происходит.

Эвелина все еще стоит на берегу пруда, будто любуется своим отражением. Потом ноги у нее подгибаются, пистолет выпадает из руки, а она ничком валится в воду. Чумной Лекарь склоняет голову и исчезает во мгле среди деревьев.

Я смутно слышу крики, мимо меня выбегают на газон какие-то люди, а в небесах рассыпаются искры обещанного фейерверка, окрашивая пруд в яркие цвета. Майкл мчится в темноту, к сестре, которую уже не спасти. Он выкрикивает ее имя, но разрывы петард заглушают его голос. Он забредает в черную воду, к телу сестры, оскальзывается, спотыкается, тащит ее на берег и, вконец обессиленный, падает, сжимая Эвелину в объятьях. Он покрывает ее поцелуями, умоляет открыть глаза, но все напрасно. Она играла в прятки со смертью, и смерть ее нашла, отобрав все самое ценное.

Майкл рыдает, уткнувшись в мокрые волосы сестры.

Он не замечает, как вокруг собирается толпа, как его отрывают от недвижимого тела, как труп кладут на траву, чтобы доктор Дикки его осмотрел и сделал заключение о причине смерти. Особых умений для этого не требуется, о причине смерти красноречиво свидетельствуют рана в животе и серебристый пистолет. Доктор, опустившись на колени, прижимает пальцы к шее Эвелины, проверяет пульс, а потом заботливо стирает илистые разводы с ее лица.

Не вставая с колен, он жестом просит Майкла подойти поближе, берет его за руку, склоняет голову и неслышно произносит какую-то молитву.

Я благодарен ему за такое почтительное обращение.

Женщины всхлипывают, бросаются в объятья своих спутников, но их поведение слишком манерно, нарочито, как будто бал еще не кончился. Гости все еще танцуют, просто танцевальные па изменились. Эвелина не должна становиться развлечением для тех, кого презирала. Судя по всему, доктор это тоже понимает, и каждое его действие словно бы возвращает ей какую-то частицу достоинства.

С минуту помолвившись, он накрывает лицо Эвелины своим пиджаком, будто ее немигающий взгляд оскорбляет больше, чем кровавое пятно на ее платье.

На щеке доктора блестит слезинка. Он встает, обнимает Майкла за плечи и уводит его в особняк. Они удаляются, внезапно постаревшие, согбенные и медлительные, будто раздавленные тяжким грузом горя.

Они входят в дом, который уже полнится всевозможными слухами. Вызвана полиция, обнаружена предсмертная записка, дух Чарли Карвера погубил еще одного отпрыска рода Хардкасл. Гости обсуждают случившееся, приукрашивают его домыслами и выдумками, так что моих ушей достигает рассказ, обросший всевозможными достоверными подробностями и готовый к распространению в приличном обществе.

Ищу Каннингема, но его нигде нет. Не представляю, куда он пропал. Впрочем, глаз у него зоркий, а руки ловкие, так что он наверняка нашел чем заняться. В отличие от меня. Выстрел меня ошеломил.

В одиночестве возвращаюсь в пустеющую бальную залу, падаю на диван и, все еще дрожа от нервного потрясения, начинаю размышлять.

Да, мне известно, что завтра Эвелина будет жива, но это не изменяет ни того, что произошло, ни того, что я ощутил, став непосредственным свидетелем трагического события.

Я виноват в том, что Эвелина наложила на себя руки. Брак с Рейвенкортом стал для нее жестоким наказанием, она не вынесла унижения, и в этом отчасти моя вина. Она ненавидела меня в обличье Рейвенкорта, из-за моего присутствия схватила пистолет и убежала к пруду.

А что же Чумной Лекарь? Он обещал мне свободу в обмен на расследование убийства, которое не выглядит убийством. Однако же я своими глазами видел, как Эвелина застрелилась, после того как в отчаянии сбежала с ужина. Ни в ее поступках, ни в их причинах не может быть никаких сомнений, и это заставляет меня сомневаться в истинных побуждениях моего тюремщика. Может быть, его предложение было частью жестокого издевательства, должно было внушить напрасную, сводящую с ума надежду?

«А как же кладбище? Револьвер?»

Допустим, Эвелина и впрямь отчаялась. Почему же тогда спустя два часа после ужина она в прекрасном расположении духа отправилась с Беллом на кладбище? И взяла с собой оружие – большой черный револьвер, который едва поместился в ее сумочку. А застрелилась она из серебристого пистолета. Почему она сменила оружие?

Я долго сижу, обдумывая все это; гости радостно обсуждают трагическое происшествие, а полицейские так и не приезжают.

Наконец все начинают расходиться. Свечи догорают, веселье гаснет.

Я погружаюсь в дремоту, перед тускнеющим мысленным взором проносится яркий образ: Майкл Хардкасл стоит на коленях посреди лужайки и обнимает бездыханное тело сестры, с которого ручьями стекает вода.

21

День второй (продолжение)

Просыпаюсь от боли, больно даже дышать. Смаргиваю остатки сна, вижу белую стену, белые простыни, лепестки засохшей крови на подушке. Ладонь под щекой, пленка высохшей слюны приклеивает верхнюю губу к костяшкам пальцев.

Этот момент я помню. Я видел его глазами Белла.

Я сменил облик. Теперь я дворецкий, после того как его перевезли в сторожку.

У кровати кто-то расхаживает; судя по черному платью и белому переднику – служанка. Она держит в руках какую-то большую книгу, лихорадочно перелистывает страницы. Голова у меня неподъемная, я не могу взглянуть на служанку, поэтому испускаю стон, чтобы привлечь ее внимание.

– Ах, вы проснулись, – говорит она, останавливаясь. – Когда Рейвенкорта можно застать одного? Вы не записали, а этот болван послал камердинера что-то вынюхивать на кухне...

– Кто вы... – хриплю я сквозь сгустки крови в горле.

На буфете стоит кувшин с водой; служанка торопливо откладывает книгу, наливает мне воды, подносит стакан к губам. Я чуть поворачиваю голову, стараюсь взглянуть ей в лицо, но перед глазами все мельтешит.

– Помолчите пока. – Краем передника она утирает мне капли воды с подбородка и, помедлив, добавляет: – Расскажите потом, когда вам будет лучше. – Поразмыслив, она произносит: – Вообще-то, мне очень нужен ваш ответ на вопрос о Рейвенкорте, пока меня не убили из-за этого глупца.

– Кто вы?

– Неужели этот скот вас... погодите. – Она склоняется ко мне, пристально глядит на меня карими глазами. У нее припухшие бледные щеки, из-под чепца выбиваются светлые пряди.

Внезапно я вспоминаю, что это та самая служанка, которая приглядывала за дворецким, когда Белл с Эвелиной пришли его навестить.

– Сколько обличий вы уже сменили? – спрашивает она.

– Не зна...

– Сколько обличий? Сколько воплощений вы пережили? – настаивает она, садясь на краешек кровати.

– Вы – Анна. – Я поворачиваю к ней голову, и боль в шейных позвонках пронзает меня насквозь.

Служанка ласково останавливает меня, легонько вжимает в матрас.

– Да, я Анна, – терпеливо подтверждает она. – Сколько обличий?

Глаза наполняются слезами радости, меня захлестывает теплое чувство. Я совершенно не помню эту девушку, но понимаю, что мы дружны много лет, и испытываю к ней почти инстинктивное доверие. Более того, я неимоверно счастлив, что мы снова вместе. Странно говорить такое о том, кого не помнишь, но я осознаю, что соскучился по ней.

Чувства, отразившиеся на моем лице, вызывают у нее ответные слезы. Анна наклоняется и ласково обнимает меня.

– Я тоже по вас соскучилась. – Немного погодя она всхлипывает, утирает слезы и, кашлянув, говорит: – Ну, хватит. Слезami горю не поможешь. Если вы не расскажете мне о ваших обличьях, то потом точно слез не оберемся.

– Я... – К горлу подступает ком, я сглатываю. – Я очнулся Беллом, потом дворецким, потом Дональдом Дэвисом, снова дворецким, Рейвенкортом и вот опять...

– Дворецким, – задумчиво кивает она. – Три – волшебное число. – Она приглаживает прядь волос у меня на лбу, наклоняется ближе. – Нас с вами еще не познакомили, то есть вас

со мной не познакомили. Меня зовут Анна, а вы – Айден Слоун. Или с этим мы уже разобрались? Ваши появления почему-то происходят в неправильном порядке, трудно понять, на каком этапе мы находимся.

– С другими моими обличьями вы уже встречались?

– Мельком. – Она оглядывается на дверь; в коридоре слышны голоса. – Они вечно меня о чем-то просят.

– А ваши обличьа?

– У меня их нет. Я – это я. И с Чумным Лекарем я не встречаюсь, и других дней тоже не проживаю. На завтра я все это забуду, что в целом неплохо, потому как сегодняшний день не задался.

– Но вы знаете, что происходит? Вам известно о самоубийстве Эвелины?

– Это убийство. Я очнулась, точно зная об этом. – Она разглаживает одеяло. – Я не помнила своего имени, но знала ваше, а еще знала, что выбраться отсюда невозможно, пока мы не найдем убийцу и не доставим на берег озера неоспоримые доказательства его вины к одиннадцати вечера. Все это – как правила игры, они въелись мне в мозг, я не в состоянии их забыть.

– А я пришел в себя, ничего не помня, – отвечаю я, стараясь понять причины таких различий между нами. – Только ваше имя. Обо всем остальном мне рассказал Чумной Лекарь.

– Разумеется, вы же у него особенный. – Она поправляет мне подушку. – Можно сказать, любимчик. До меня ему нет дела. Он со мной целый день не разговаривает. А вот от вас не отстанет. Странно, что сейчас под кроватью не прячется.

– Он предупредил меня, что выбраться отсюда сможет только один из нас.

– Совершенно верно. Очевидно, ему хочется, чтобы этим счастливымчиком стали вы, – беззлобно говорит она и качает головой. – Простите, во всем этом, конечно же, нет вашей вины, но я не могу отделаться от ощущения, что он что-то задумал. Подозрительно это все.

– Да, я понимаю, о чем вы. Но если освободиться сможет только один, то...

– Почему мы друг другу помогаем? – завершает она мою мысль. – А потому, что у вас есть план, как выбраться нам обоим.

– Правда?

– Ну, раньше вы о нем упоминали.

Впервые за все время она теряет уверенность, озабоченно хмурится. Прежде чем я успеваю спросить, в чем дело, раздается скрип половицы, на лестнице слышен топот. Кажется, что от него трясется весь дом.

– Минуточку, – говорит она и берет отложенную книгу.

Только сейчас я вижу, что это альбом с рисунками; в коричневый кожаный переплет вложены разрозненные листы, наскоро скрепленные суровой ниткой. Анна прячет альбом под кровать, вытаскивает оттуда охотничье ружье и, уперев приклад в плечо, подходит к двери и приоткрывает ее, прислушиваясь к шуму в доме.

– Вот черт! – говорит Анна, закрывая дверь ногой. – Врач пришел, принес вам снотворное. Быстрее, скажите, когда Рейвенкорт будет один? Я должна предупредить его, что меня не следует искать.

– А почему?

– Айден, у нас нет времени, – обрывает она меня, засовывая ружье под кровать. – В следующий раз, как вы очнетесь, я буду здесь, и мы с вами обо всем поговорим. А теперь расскажите мне про Рейвенкорта, только подробно, ничего не упускайте.

Она склоняется надо мной, с умоляющим видом сжимает мне руку.

– В четверть второго он будет в своих апартаментах, – говорю я. – Вы подадите ему виски, немного побеседуете, а потом придет Миллисент Дарби. Вы оставите Рейвенкорта карточку с ее именем.

Она жмурится, одними губами повторяет время и имя, чтобы лучше запомнить. Только сейчас, когда лицо ее сосредоточенно напряжено, я осознаю, как она молода – ей не больше девятнадцати, хотя годы тяжелого труда и наложили на ее черты свой отпечаток.

– И еще одно, – шепчет она, прикладывая ладонь к моей щеке; ее лицо так близко, что видны янтарные крапинки в карих радужках. – Если вы меня увидите где-нибудь, притворитесь, что мы с вами незнакомы. И по возможности не приближайтесь. Там есть такой лакей... Я вам потом о нем расскажу, рано или поздно. В общем, нельзя, чтобы нас видели вместе. Разговаривать мы можем только здесь.

Она легонько целует меня в лоб, оглядывает комнату, проверяя, все ли в порядке.

Из коридора уже доносятся шаги и два голоса. Я узнаю голос доктора Дикки, но второй, глубокий, настойчивый мне незнаком. Слов разобрать невозможно.

– Кто это с Дикки? – спрашиваю я.

– Наверное, лорд Хардкасл, – отвечает она. – Он все утро справляется о вашем состоянии.

Это вполне объяснимо. Эвелина мельком упоминала, что на фронте дворецкий был денщиком лорда Хардкасла. Поэтому Грегори Голд и заперт в комнате напротив.

– А это всегда так происходит: сначала объяснения, а потом вопросы?

– Не знаю. – Она встает, разглаживает передник. – Вот уже часа два мне только приказывают.

Доктор Дикки распахивает дверь. Его нелепые усы производят на меня то же впечатление, что и в первый раз. Он окидывает взглядом меня и Анну, пытается связать воедино обрывки нашего прерванного разговора. Так ни до чего и не догадавшись, он ставит черный саквояж на комод и подходит ко мне.

– Так, мы проснулись. – Он засовывает пальцы в жилетные карманы, перекатывается с пятки на носок, говорит Анне: – Ты пока свободна.

Она делает книксен, косится на меня и выходит из комнаты.

– Ну, как самочувствие? – спрашивает он. – В повозке не сильно потрясло?

– Нет... – начинаю я.

Он откидывает с меня одеяло, приподнимает мне руку, щупает пульс.

От легкого прикосновения меня пронзает острая боль, и я невольно морщусь, проглатывая ответ.

– Ага, побаливает, – замечает он, осторожно выпуская мою руку. – Ну, это неудивительно, после таких побоев. И чего от вас хотел Грегори Голд?

– Не знаю. Наверное, он меня с кем-то спутал, сэр.

«Сэр» добавляю не я, а дворецкий, по глубоко укоренившейся привычке. Удивительно, как легко это словечко слетает у меня с языка.

Доктор сосредоточенно обдумывает мое объяснение, будто рассматривает его на просвет, пытается отыскать в нем изъяны. Глядит на меня с натянутой улыбкой, как на сообщника, не то подбадривая, не то угрожая. Похоже, о происшествии в коридоре притворно добродушному доктору Дикки известно гораздо больше, чем мне.

Он со щелчком открывает саквояж, вытаскивает коричневый пузырек и шприц. Не сводя с меня глаз, прокалывает иглой залитую воском крышечку, наполняет шприц прозрачной жидкостью.

Я стискиваю простыни, говорю:

– Не надо, доктор, мне уже лучше.

– Это меня и беспокоит, – говорит он, втыкая иглу мне в шею.

Теплая влага струится по жилам, растворяет мысли. Доктор оплывает, в темноте вспыхивают и угасают яркие пятна.

– Спите, Роджер, – говорит он. – Я разберусь с мистером Голдом.

22

День пятый

Выкашливаю из легких сигарный дым, открываю новые глаза, выясняю, что лежу на полу, почти одетый, рука победно касается неразобранной постели. Брюки приспущены, к животу прижата бутылка бренди. Вчерашняя попытка раздеться явно не удалась тому, в чьем обличье я пребываю сегодня; изо рта несет прокисшим пивом.

Со стоном заползаю на кровать, но в голове с такой силой пульсирует боль, что я едва не падаю на пол.

Спальня напоминает ту, в которую поселили Белла; из камина подмигивают тусклые угли. Шторы распахнуты, вислое небо струит утренний свет.

«Эвелина в лесу, ее нужно найти».

Натягиваю брюки, пошатываясь, иду к зеркалу взглянуть на свой новый облик.

И едва не наталкиваюсь на отражение.

После дня, проведенного в теле Рейвенкорта, сегодняшний тип кажется невесомым, как лист на ветру. Что, в общем-то, понятно, если посмотреть на отражение. Молодой человек лет двадцати, невысокого роста, худощавый, голубоглазый, с давно не стриженными темно-русыми волосами и аккуратной бородкой. Пробую улыбнуться, обнажаю белые, но не очень ровные зубы.

Лицо гуляки.

На прикроватном столике грудой свалены какие-то безделушки, прикрыты приглашением, адресованным Джонатану Дарби. Теперь я знаю, кого проклинать за раннее похмелье. Кончиком пальца ворошу вещицы: перочинный нож, потертая фляжка, наручные часы (время без семнадцати минут девять) и три пузырька коричневого стекла с пробками и без ярлыков. Вытаскиваю пробку, нюхаю содержимое; от приторного запаха начинает мутить.

Наверное, это лауданум, которым торгует Белл.

Мне не требуется объяснений, почему это зелье пользуется такой популярностью: от одной понюшки у меня в голове вспыхивают яркие огни.

В углу стоит умывальник и кувшин холодной воды. Я раздеваюсь догола, смываю вчерашнюю грязь с тела, обнажаю истинную личность. Отправляю в рот остатки воды из кувшина, пью до тех пор, пока в животе не начинает булькать. К сожалению, попытки утопить похмелье безуспешны, я его только разбавляю, и теперь ноют все кости и мышцы.

Утро ненастное, поэтому я одеваюсь потеплее, в твидовый охотничий костюм и тяжелое черное пальто, длинное, до самого пола. Выхожу из спальни.

Несмотря на ранний час, на площадке лестницы скандалят подвыпившие супруги. Они еще в вечерних туалетах, сжимают в руках полупустые бокалы, громко переругиваются, оживленно жестикулируют. Обхожу их стороной. Отголоски ссоры несутся за мной до самого вестибюля, где заметны следы вчерашних гуляний. С люстры свисают галстуки-бабочки, мраморный пол истоптан грязью, усеян листвой и осколками разбитого графина. Две служанки торопливо наводят чистоту, и мне становится любопытно, что же здесь творилось до их прихода.

Спрашиваю у них, как найти хижину Чарли Карвера, но они тупо молчат, как овцы, отводят глаза и мотают головой в ответ на все мои расспросы.

Молчание просто бесит.

Если верить словам Люси Харпер, то нападение на Эвелину произойдет где-то неподалеку от хижины Карвера. Может быть, мне удастся узнать, кто угрожает Эвелине, тогда я смогу ее спасти и выберусь отсюда. Непонятно, правда, как освободить Анну. Она отказалась от своих замыслов ради того, чтобы помочь мне, полагая, что у меня есть какой-то план. Однако сейчас

все мои планы сводятся лишь к пустым обещаниям, и по озабоченному лицу Анны ясно, что она это тоже заподозрила.

Все свои надежды я возлагаю лишь на то, что мои последующие воплощения гораздо умнее предыдущих.

Чем больше я расспрашиваю служанок, тем упрямее они отмалчиваются. Похоже, помощи от них не дождешься. В комнатах по обе стороны вестибюля стоит гробовая тишина, особняк еще не пришел в себя после вчерашнего празднества. Осторожно переступая через разбитое стекло, я иду к черной лестнице, на кухню.

Подвальный коридор грязнее, чем помнится; меня мутит от звона посуды и запаха жареного мяса. Слуги проходят мимо, удивленно смотрят на меня, отворачиваются, как только я пытаюсь задать им вопрос. Они явно считают, что мне здесь не место, но не знают, как от меня отделаться. Здесь их царство, подземная река сплетен, слухов и неприукрашенных суждений. Мое присутствие ее загрязняет.

Во мне копится раздражение, в ушах шумит кровь, наждачная бумага усталости обдирает тело.

– Что вам угодно, сэр? – Слова тяжелым комком ударяют мне в спину.

Оборачиваюсь. Повариха миссис Драддж, подбоченившись, с вызовом смотрит на меня. Сегодня она видится мне глиняной фигуркой, вылепленной ребенком: крошечная голова на бесформенном теле, грубые черты лица смазаны неловкими пальцами. Она сурова и непреклонна, совсем не похожа на женщину, которая спустя несколько часов накормит дворецкого горячими сдобными булочками.

– Я ищу Эвелину Хардкасл, – заявляю я, глядя в сердитые глаза. – Она ушла на прогулку со своей камеристкой Мадлен Обэр.

– А вам зачем?

Вопрос задан так грубо, что я едва не отшатываюсь. Сжимаю кулаки, пытаюсь сдержать раздражение. Слуги на ходу косятся на нас: их развлекает представление, но пугают актеры.

– Ей грозит опасность, – цежу я, сцепив зубы. – Объясните мне, как пройти к хижине Чарли Карвера. Мне нужно предупредить Эвелину.

– Так же, как вчера вы пытались предупредить Мадлен? Поэтому у нее блузка разорвана? Поэтому бедняжка всю ночь рыдала?

На виске поварихи бьется жилка, каждое слово пышет праведным гневом. Она подступает ко мне, тычет пальцем в грудь:

– Я знаю, что...

Из меня вырывается раскаленная добела ярость. Не раздумывая, я ударяю повариху по лицу и, оттолкнув, набрасываюсь на нее, как дьявол из преисподней.

– Отвечай немедленно, куда они пошли? – ору я, брызжа слюной.

Миссис Драддж плотно сжимает окровавленные губы, пронзает меня взглядом.

Руки сжимаются в кулаки.

«Уходите».

Уходите немедленно».

Неимоверным усилием воли я заставляю себя отвернуться и выхожу из кухни в темный, неожиданно притихший коридор. При виде меня слуги испуганно разбегаются, но ярость меня не оставляет.

Поворачиваю за угол, обессиленно прислоняюсь к стене, тяжело вздыхаю. Руки дрожат, туман в голове рассеивается. На несколько мгновений Дарби полностью вышел из-под моего контроля. Его язвительные слова срываются с моих губ, его желчная злоба течет в моих жилах. Я до сих пор это ощущаю. Гадливость на коже, ломота в костях, неудержимое желание сделать что-то ужасное. Что бы сегодня ни случилось, мне надо сдерживать свой нрав, иначе это мерзкое создание ускользнет от меня и напакостит.

Но страшнее всего другое.
Те, чей облик я принимаю, сопротивляются.

23

К ботинкам липнет грязь. Я торопливо вхожу в лесной сумрак, отчаяние тянет меня туда, как на поводке. Так ничего и не разузнав у слуг, надеюсь повстречать Эвелину в лесу, на одной из размеченных тропинок. Когда ожидания не оправдываются, надо положиться на случай. И даже если все усилия окажутся безуспешны, Дарби лучше держаться подальше от соблазнов Блэкхита.

Красные флажки выводят меня к ручью, у валуна журчит вода. В грязи валяется разбитая бутылка, рядом с ней брошено черное пальто, из кармана вывалился серебряный компас Белла. Поднимаю компас, переворачиваю его на ладони, так же, как первым утром, обвожу пальцем выгравированную на крышке монограмму «СБ». Инициалы Себастьяна Белла. Каким же глупцом я себя почувствовал, когда Даниель мне это объяснил! Земля усыпана окурками, – очевидно, Белл здесь кого-то ждал. Наверное, именно сюда он пришел после того, как за ужином получил записку. И все же непонятно, что заставило его ненастной ночью отправиться в лес. Обыскиваю пальто, но ничего примечательного не нахожу, только в одном из карманов обнаруживаю серебряный ключ, видимо от сундука.

Не желая терять времени, забираю ключ с компасом и отправляюсь на поиски следующего красного флажка. Постоянно проверяю, не увязался ли за мной лакей: здесь, в глуши, очень легко подстроить нападение.

Через какое-то время подхожу к развалинам хижины Чарли Карвера. Тут был пожар, пламя уничтожило крышу, оставив только четыре закопченных стены. Обломки трещат под ногами. Вхожу в хижину, вспугиваю кроликов, перепачканных пеплом; они в страхе разбегаются. В углу хижины виднеется остов старой кровати, на полу валяется ножка стола – свидетельства прерванной жизни. Эвелина говорила, что хижина сгорела в тот самый день, когда Карвера повесили.

Скорее всего, лорд и леди Хардкасл устроили огненное погребение своим воспоминаниям.

Кто сможет обвинить скорбящих родителей? Карвер погубил их сына, и они дотла выжгли все следы его существования.

Заброшенный сад на задворках обнесен полусгнившей изгородью; за годы без присмотра она обвалилась. Сад зарос кустами лиловых и желтых цветов, столбики изгороди увиты колючими плетями с красными ягодами.

Наклоняюсь завязать шнурок, и тут из леса выходит камеристка.

Лицо ее искажает неимоверный ужас.

Она смертельно бледнеет, роняет корзинку, грибы рассыпаются по траве.

– Вы Мадлен? – спрашиваю я.

Она отступает, испуганно озирается.

– Не бойтесь, я вас не обижу. Мне нужно...

Я не успеваю договорить, как она убегает в чащу. Путаясь в сорняках, я бросаюсь за ней, спотыкаюсь об изгородь, падаю.

Поднимаюсь и вижу, как ее черное платье мелькает между стволами. Надо же, какая она проворная. Окликаю ее, но звук моего голоса лишь подстегивает ее. Ничего страшного, я быстрее и сильнее. Не хочу ее пугать, но нельзя упускать ее из виду, иначе с Эвелиной случится непоправимое.

– Анна! – раздается голос Белла где-то поблизости.

– Помогите! – испуганно кричит Мадлен, всхлипывает от страха.

Она так близко. Протягиваю руку, надеюсь ухватить камеристку за локоть, но пальцы бессильно скользят по складкам платья. Не удержавшись на ногах, я снова падаю.

Пригнувшись, она пробегает под веткой, натывается на пенек. Я хватаю ее за подол, она опять вскрикивает, и тут мне в лицо гремит выстрел. Пуля ударяет в дерево за спиной.

От неожиданности я разжимаю пальцы, Мадлен бросается к Эвелине, выходящей из леса. У Эвелины в руках черный револьвер, тот самый, который она принесет на кладбище, но страшнее всего ее гнев. По выражению ее лица ясно, что она готова меня пристрелить за малейший промах.

– Я не... Позвольте, я вам все объясню... – прерывисто говорю я, упираясь ладонями в колени.

– У таких, как вы, всегда готово объяснение, – произносит Эвелина, приобнимая испуганную камеристку свободной рукой.

Мадлен рыдает, дрожит всем телом. Я осознаю, что Дарби наслаждается этим зрелищем. Чужой страх его возбуждает. Он испытывал его неоднократно.

– Простите... умоляю... это недоразумение, – лепечу я, делая шаг вперед.

– Не подходите, Джонатан, – предупреждает Эвелина, сжимая револьвер обеими руками. – Оставьте в покое девушку. И вообще, всех девушек.

– Я не...

– Ваша мать – давний друг семьи, и только по этой причине вам все сходит с рук, – обрывает его Эвелина. – Если я еще раз увижу или услышу, что вы пристаёте к служанкам, то я вас пристрелю. – Не отводя от меня дула револьвера, она снимает пальто, накидывает его на дрожащие плечи Мадлен, шепчет испуганной камеристке: – Пойдемте. Я никому не позволю вас обидеть.

Они скрываются в чаще, а я остаюсь в лесу. Запрокидываю голову, жадно глотаю холодный воздух, надеюсь, что струи дождя охладят мое раздражение. Я пришел сюда, чтобы защитить Эвелину от нападения, надеясь опознать преступника, но, оказывается, злодей – это я. Я гоняюсь сам за собой, да еще и до смерти напугал ни в чем не повинную девушку. Может быть, Даниель прав, и будущее изменить невозможно?

– Вы теряете время, – говорит Чумной Лекарь у меня за спиной.

Едва различимый в сумраке, он стоит на противоположном краю опушки. На таком расстоянии его не рассмотреть, но разговаривать можно.

– Я хотел помочь, – огорченно объясняю я.

– Вот и помогайте. Себастьян Белл заблудился в лесу.

Вот оно что. Значит, я здесь не ради Эвелины, а ради Белла, чтобы еще раз начать круговорот событий. Судьба водит меня за нос.

Вытаскиваю из кармана компас, держу его на ладони, вспоминаю, как в то, первое утро недоверчиво следовал указаниям его дрожащей стрелки. Без компаса Белл не выйдет из леса.

Швыряю компас в грязь, к ногам Чумного Лекаря, отворачиваюсь, заявляю через плечо:

– Нет, теперь все будет иначе. Выручайте его сами.

– Я здесь не для этого, – резко отвечает он. – Если Себастьян Белл не выйдет из леса, то никогда не встретится с Эвелиной Хардкасл и никогда не завяжет с ней дружбу, которую вы так высоко цените. Если вы ему не поможете, то ее участь будет вам безразлична.

– То есть я ее забуду? – встревоженно спрашиваю я.

– Я просто предупреждаю вас о последствиях неосмотрительного выбора. Если вы не поможете Беллу, то не поможете и Эвелине. Но по-моему, вы не из тех, кто способен на такой неоправданно жестокий поступок.

Впервые в его тоне сквозит какая-то теплота. Она сбивает меня с толку, я снова поворачиваюсь к нему.

– Мне нужно как-то изменить этот день, – с отчаянием в голосе говорю я. – Поверить в то, что изменения возможны.

– Ваше нетерпение вполне объяснимо, но пожар в доме не потушить, если просто переставить мебель в комнатах.

Он наклоняется, поднимает компас, стирает с него грязь. Медлительные движения и невольный стон выдают в нем человека в возрасте. Он бросает мне компас, я ловлю мокрую серебряную вещицу, которая норовит выскользнуть из моих пальцев.

– Выясните, кто убил Эвелину.

– Это самоубийство, я сам видел.

– Если вы действительно так думаете, то ваши дела плохи.

– А вы чересчур жестоки, – сердито заявляю я. – Если вам известно, что здесь происходит, почему вы не положите этому конец? К чему эти дурацкие игры? Отправьте убийцу на виселицу.

– Отличное предложение. Проблема в том, что я не знаю, кто убийца.

– Не может быть! – озадаченно восклицаю я. – Вам заранее известен каждый мой шаг, так отчего же вы не знаете самого важного?

– Мне этого не дано. Я слежу за вами, а вы следите за Эвелиной Хардкасл – таковы наши роли.

– В таком случае я могу объявить убийцей кого угодно! – Я возмущенно развожу руками. – Убийца – Хелена Хардкасл. Ну, выпускайте меня отсюда, и поскорее.

– Не забывайте, что мне требуются доказательства, а не просто ваше слово.

– А что будет, если я спасу Эвелину от смерти?

– Вряд ли это возможно, и все ваши попытки только мешают расследованию. Как бы то ни было, мое предложение остается в силе. Эвелину убили – и вчера ночью, и каждой ночью до этого. Даже если сегодня вам удастся ее спасти, это ничего не изменит. Назовите мне имя того, кто убьет Эвелину или замышляет ее убийство, и я вас освобожу.

Вот уже второй раз за время моего пребывания в Блэкхите я держу в руках компас и размышляю над словами человека, которому не доверяю. Поступить так, как требует Чумной Лекарь, – значит смириться с тем, что в этот день Эвелина погибнет. Любые попытки что-нибудь изменить только ухудшают положение дел. Допустим, он не лжет. Значит, если я не спасу того, чье обличье принял первым, то и вовсе не сумею помочь Эвелине.

– Вы сомневаетесь в моих намерениях? – спрашивает он, видя мое замешательство.

– Естественно. Вы прячетесь за маской, вы говорите загадками, и я не верю, что вы заманили меня сюда, чтобы я раскрыл тайну Блэкхита. Вы что-то скрываете.

– По-вашему, если снять с меня маску, то это станет явным? – язвительно замечает он. – Лицо – та же маска, вам это известно. Впрочем, вы правы, я действительно что-то скрываю. Только не от вас. Удовольствуйтесь этим. А если вам все же удастся сорвать с меня маску, то меня заменят, а ваша задача останется. Решайте сами, стоит ли все это лишних трудов. Что касается вашего присутствия в Блэкхите, то ради того, чтобы развеять ваши сомнения, я готов назвать вам имя человека, который вас сюда доставил.

– И кто же это?

– Айден Слоун, – отвечает он. – В отличие от ваших соперников, вы приехали в Блэкхит по своей воле. Все, что сегодня происходит, отчасти происходит из-за вас.

В его голосе звучит сожаление, но безликая фарфоровая маска придает словам зловещий оттенок, пародирует сочувствие.

– Не может быть, – упрямо говорю я. – Ради чего мне было ехать сюда по своей воле? Кому в здравом уме захочется испытать подобное?

– Ваша жизнь до Блэкхита меня не касается, мистер Слоун. Когда вы раскроете убийство Эвелины Хардкасл, то обретете все нужные вам ответы. А пока что Беллу необходима ваша помощь. – Чумной Лекарь показывает мне за спину. – Он вон там.

Затем он уходит в чащу, и сумрак поглощает его целиком. У меня в голове роятся сотни вопросов, но в лесу они бесполезны. Отложив их на будущее, я отправляюсь на поиски Белла и нахожу его, запыхавшегося, дрожащего от усталости. Он цепенеет, услышав треск хвороста под моими шагами.

Его боязливость внушает мне отвращение.

Даже у испуганной Мадлен хватило ума пуститься наутек.

Захожу за спину своему бывшему обличью, чтобы не показываться ему на глаза. Конечно, можно бы и объяснить, что происходит, но трусливый кролик – плохой союзник, особенно тот, кто уже считает тебя убийцей.

Сейчас важно только одно: Белл должен уцелеть.

Делаю еще два шага, наклоняюсь к самому уху. Он обливается потом, воняет, как мокрая тряпка. Меня мутит.

– На восток, – выдавливаю я и сую компас ему в карман.

Ухожу в лес, к развалинам сожженной хижины Карвера. Белл еще час будет блуждать в чаще, и мне хватит времени по флажкам вернуться в особняк.

Несмотря на все мои усилия, все происходит именно так, как я помню.

24

Мрачная громада Блэкхита проглядывает среди деревьев. Задворки особняка в плачевном состоянии, гораздо хуже, чем парадный подъезд. Разбитые окна, выщербленная кладка. Замшелый обломок каменной балюстрады, упавший с крыши, лежит посреди двора. Хардкаслы привели в порядок только помещения, отведенные гостям, что неудивительно для обнищавшего семейства.

С тем же смутным предчувствием беды, что и в первое утро, я иду через сад. Если я приехал сюда по своей воле, значит тому была причина, но, как ни стараюсь, вспомнить ее не могу.

Хочется верить, что я – порядочный человек, который приехал помочь, но если это так, то пока что я только все порчу. Сегодня, как и каждый вечер, Эвелина расстанется с жизнью, и, если судить по тому, как складывается утро, мои попытки предотвратить трагедию лишь приближают нас к ней. Кто знает, может быть, все мои дурацкие поступки лишь подталкивают Эвелину к серебристому пистолету в руке и к берегу пруда.

Бреду, погруженный в раздумья, и едва не налетаю на Миллисент Дарби. Она, обняв себя за плечи, зябко ежится на кованной садовой скамье. С ног до головы Миллисент укутана в три бесформенных салоп, шея и лицо обмотаны толстым шарфом, над которым блестят глаза. Она посинела от холода, шляпа натянута на самые уши. Услышав мои шаги, старуха оборачивается, на морщинистом лице написано изумление.

– Боже мой, ну что за вид! – говорит она, высвобождая рот из шарфа.

– И вам доброго утра, Миллисент, – отвечаю я, удивленный внезапным приливом нежности к старой даме.

– Миллисент? – Она недовольно поджимает губы. – Какое новомодное обращение. Ты же знаешь, я предпочитаю «матушка», а то люди подумают, будто ты приемыш с улицы. Хотя, может, и лучше было бы сиротку взять на попечение.

У меня отвисает челюсть. Я и не предполагал, что между Джонатаном Дарби и Миллисент Дарби существует родственная связь. Наверное, потому, что такие, как Джонатан, – порождения казней египетских.

– Извините, матушка. – Засовываю руки в карманы, сажусь рядом с ней.

Она вопросительно приподнимает бровь, в умных серых глазах пляшут смешинки.

– Ох, ты не заболел? И встал ни свет ни заря, и извиняешься перед матерью...

– Целительное влияние свежего воздуха, – отвечаю я. – А вы почему здесь в такую рань? Погода отвратительная.

Она хмыкает, крепче обхватывает плечи.

– Хелена обещала со мной прогуляться, но ее все нет и нет. Опять, наверное, все перепутала. Вместо того чтобы утром встретиться со мной, а днем – с Сесилом Рейвенкортом, она наверняка сначала отправилась к нему.

– Рейвенкорт еще спит, – говорю я.

Миллисент с любопытством смотрит на меня.

– Мне сказал его камердинер Каннингем, – поясняю я.

– Вы знакомы?

– Не то чтобы близко.

– Держись от него подальше, – укоризненно произносит она. – Я знаю, что ты предпочитаешь проводить время в сомнительной компании, но, памятуя о том, что мне рассказывал Сесил, это крайне неподходящее знакомство.

Ее слова разжигают мое любопытство. Камердинер мне нравится, однако он согласился помочь лишь после того, как я пригрозил ему шантажом. Я не смогу полностью довериться Каннингему, пока не узнаю его секрет, который, судя по всему, известен Миллисент.

– Почему это? – спрашиваю я.

– Точно не знаю, – небрежно отмахивается она. – Сесил вечно раскапывает чужие тайны и хоронит их в своих жировых складках. По слухам, он взял Каннингема к себе в камердинеры по просьбе Хелены, а теперь, узнав, что с ним дело нечисто, собирается его уволить.

– С ним дело нечисто?

– Ну, это Сесил так выразился, никаких подробностей от него не выведешь. Чертов толстяк остер на язык, но не выносит скандалов. А принимая во внимание происхождение Каннингема, тема и впрямь пикантная. Очень хочется узнать побольше.

– А при чем тут его происхождение? – спрашиваю я.

– Он якобы сын поварихи, воспитывался в Блэкхите.

– И что в этом такого?

Старуха хихикает, хитро глядит на меня:

– Опять же по слухам, было время, когда досточтимый лорд Питер Хардкасл ездил развлекаться в Лондон. В один прекрасный день его пассия явилась в Блэкхит с младенцем на руках. Девушка имела наглость утверждать, что это ребенок лорда Хардкасла. Питер хотел было отправить младенца в церковный приют, но вмешалась Хелена, и мальчика оставили в имении.

– Почему?

– Ради пущего унижения. – Миллисент хлюпает носом, отворачивается от студеного ветра. – Не питая теплых чувств к мужу, она не захотела упускать прекрасную возможность ежедневно тыкать его носом в прошлые прегрешения. Так что вот уже тридцать три года Питер, бедняжка, еженощно орошает подушку горькими слезами. Короче говоря, младенца отдали на воспитание поварихе миссис Драдж, а Хелена неустанно всем напоминала, чей это ребенок.

– И Каннингем об этом знает?

– Разумеется. Это секрет Полишинеля, – хмыкает старуха, достает из рукава платочек, вытирает нос. – Раз вы с ним такие закадычные приятели, ты его сам и спроси. Ну что, пойдем? Незачем здесь мерзнуть, Хелена все равно не появится.

Не дожидаясь моего ответа, она встает, топает ногами, согревает дыханием руки в перчатках. Погода и впрямь ненастная, серое небо плюется дождем, копит силы для бури.

– А почему вы с леди Хардкасл уговорились встретиться в саду? – спрашиваю я, с хрустом подминаю гравий дорожки, выходящей вокруг дома. – Внутри гораздо теплее.

– Там слишком много людей, с которыми мне не хочется встречаться.

«Зачем она утром приходила на кухню?»

– Кстати, о людях. Говорят, вы сегодня на кухню заглядывали, – замечаю я.

– Кто говорит? – настороженно спрашивает она.

– Ну...

– Ни на какую кухню я не заглядывала, – продолжает она. – Там грязь и вонь, потом неделю не отмоешься.

Судя по ее раздраженному тону, она и впрямь еще не была на кухне. Внезапно она добродушно толкает меня в бок локтем и спрашивает:

– А ты слыхал про Дональда Дэвиса? Он в ночи сел в автомобиль и уехал в Лондон. Конюх рассказывал, что, мол, появился на конюшню в проливной дождь, да еще и в нелепом попугайском наряде.

Я задумываюсь. Вообще-то, мне уже полагается принять обличье Дональда Дэвиса, сразу после дворцового. Дэвис – моя третья ипостась, и Анна мне объяснила, что я должен прожить в каждом обличье полный день, независимо от того, хочется мне этого или нет. Он уснул посреди дороги рано утром. Почему я его до сих пор не видел?

«Вы оставили его в одиночестве и без защиты».

Ощущаю укол совести. Что, если Дэвиса обнаружил лакей?

– Ты меня слушаешь? – раздраженно спрашивает Миллисент. – Дональд Дэвис уехал в автомобиле, представляешь? Ну и семейка, все как один ненормальные, даже доктор так считает.

– Вы разговаривали с Дикки? – рассеянно спрашиваю я, все еще думая о Дэвисе.

– Точнее, это он со мной разговаривал, – фыркает она. – Я полчаса изо всех сил старалась не смотреть на эти его усы. И как они только звуки пропускают!

Я смеюсь:

– Матушка, вам хоть кто-нибудь в Блэкхите нравится?

– Так сразу и не припомню, но это, наверное, от зависти. Светское общество – это танец, а я уже стара танцевать. А, вот и шарманщик появился.

Проследив за ее взглядом, замечаю Даниеля, идущего нам навстречу. Несмотря на холод, он одет легко, в крикетный джемпер и льняные брюки, – в том же виде он встретит Белла в вестибюле. Смотрю на часы: Белл вот-вот должен выйти из леса.

– Мистер Кольридж! – восклицает Миллисент с напускным дружелюбием.

– Миссис Дарби, вы, как обычно, с раннего утра разбиваете сердца, – откликается Даниель.

– Увы, при виде меня сердца больше не трепещут, мистер Кольридж, – произносит она с опаской, будто ступает на хлипкий мостик. – А вы, как обычно, с раннего утра уже проворачиваете какое-то сомнительное дельце?

– Вот, хотел попросить вашего сына о небольшом одолжении. Ничего сомнительного, уверяю вас.

– Какая жалость.

– Да, для нас обоих. – Он переводит взгляд на меня. – Дарби, можно вас на минутку?

Мы отходим в сторону. Миллисент усиленно делает вид, что ей ничуть не интересно, но подозрительно косится на нас из-под шарфа.

– В чем дело? – спрашиваю я.

– Я пытаюсь поймать лакея, – говорит Даниель; на симпатичном лице отражается не то страх, не то восторг.

– Как? – спрашиваю я, потому что замысел мне нравится.

– Примерно в час дня в обеденном зале он начнет издеваться над Рейвенкортом, – объясняет Даниель. – Там мы этого наглеца и подстережем.

Вспоминаю призрачные шаги и злобный смех, по коже бегут мурашки, а руки так и чешутся от желания изловить гада. Впрочем, с такой же яростью Дарби гонялся по лесу за камеристкой, поэтому я тут же настораживаюсь: истинного хозяина этого тела нельзя выпускать из-под контроля.

– И что же вы задумали? – спрашиваю я, умерив возбуждение. – Я там был один и понятия не имею, где он прятался.

– И я тоже, но вчера за ужином я разговаривал со старым знакомцем Хардкаслов, – говорит Даниель, отводя меня в сторону от Миллисент, которая упрямо подкрадывается поближе, чтобы подслушать, о чем мы беседуем. – Оказывается, в особняке есть целая система потайных ходов. Там лакей и прятался, там мы его и поймаем.

– Но как?

– Мой новый приятель утверждает, что попасть в потайной ход можно через библиотеку, гостиную или галерею – в них есть скрытые двери. Надо подкараулить лакея у одного из выходов, и дело с концом.

– Прекрасная мысль, – говорю я, с трудом сдерживая горячечные порывы Дарби. – Я возьму на себя библиотеку, вы – гостиную. А кто будет следить за галереей?

– Попросите Анну, – предлагает он. – Но в одиночку никто из нас не справится с лакеем. Давайте вы с Анной постережете в библиотеке, а я попрошу кого-нибудь из остальных ипостасей помочь мне в гостиной и в галерее.

– Великолепно, – улыбаюсь я.

Если б я хоть на секунду дал волю Дарби, он уже схватил бы фонарь и нож и стремглав помчался бы к потайным ходам.

– Отлично! – Даниель так дружелюбно улыбается в ответ, что у меня появляется неко любимая уверенность в успехе нашего плана. – Будьте на месте чуть раньше часа дня. Если повезет, то к ужину все закончится.

Он собирается уходить, но я хватаю его за локоть:

– Вы пообещали Анне придумать, как освободить нас обоих? В обмен на ее помощь?

Даниель пристально смотрит на меня, и я отдергиваю руку.

– Да, – кивает он.

– Вы солгали? Ведь покинуть Блэкхит сможет только один из нас.

– Давайте назовем это потенциальной ложью. Я все-таки надеюсь выполнить свое обещание.

– Вы – мое последнее воплощение. Насколько реальны ваши надежды?

– Не то чтобы очень, – чуть мягче отвечает он. – Я знаю, она вам дорога. Поверьте, я не забыл этого чувства, но без ее помощи нам не обойтись. Мы не сможем покинуть особняк, если целый день будем опасаться и лакея, и Анны.

– Я обязан сказать ей правду, – настаиваю я, ошеломленный пренебрежительной черствостью Даниеля.

Он заметно напрягается.

– Если она узнает правду, то возненавидит вас, – цедит он сквозь зубы, оглядываясь, не подслушивают ли нас. – И тогда помощи от нее не дождешься. – Он шумно выдыхает, надувая щеки, ерошит волосы и снова улыбается мне; напряжение покидает его, и он сдувается, как воздушный шарик. – Что ж, поступайте, как считаете нужным. Только давайте сначала изловим лакея. – Он смотрит на часы. – Потерпите всего три часа.

Наши взгляды встречаются: в моем сквозит сомнение, в его – мольба. Я сдаюсь, говорю:

– Ладно.

– Вы не пожалеете.

Он хлопает меня по плечу, весело машет Миллисент и отправляется в особняк уверенным шагом, как человек, у которого появилась цель.

Я поворачиваюсь к Миллисент, которая, поджав губы, смотрит на меня.

– Какие пройдохи у тебя в друзьях, – хмыкает она.

– А я и сам пройдоха, – отвечаю я, не отводя глаз.

Она качает головой и идет дальше, чуть замедляет шаг, дожидаясь, пока я ее догоню. Мы подходим к теплице. Стекла в ней разбиты или выдавлены напором разросшейся зелени. Миллисент заглядывает внутрь, но сквозь густую листву ничего не рассмотреть. Она жестом манит меня за собой, мы направляемся в дальний конец, к дверям, но они стянуты цепью и заперты на висячий замок.

– Ах, какая жалость, – вздыхает Миллисент, дергая цепь. – Я в молодости часто сюда заглядывала.

– Вы и раньше бывали в Блэкхите?

– В юности я проводила здесь каждое лето. Мы все сюда приезжали: Сесил Рейвенкорт, близнецы Кертисы, Питер Хардкасл и Хелена – они тут и познакомились. А когда я вышла замуж, то привезла сюда твоих брата с сестрой. Их детство прошло в обществе Эвелины, Майкла и Томаса. – Она берет меня под руку, и мы идем дальше. – Здесь было так весело! Хелена всегда мне завидовала, потому что твоя сестра – красавица, а Эвелина – простушка. Да

и у Майкла внешность подкачала, лицо какое-то мятое. А вот Томас был очень хорошеньким, но погиб. Жаль, конечно, что на долю бедной Хелены выпал двойной удар судьбы. Ну а ты, мой мальчик, самый красивый из всех, – говорит она и гладит меня по щеке.

– Эвелина прекрасно выглядит, – возражаю я. – Она восхитительна.

– Неужели? – изумляется Миллисент. – Ну, не знаю, может быть, Париж пошел ей на пользу. Она меня избегает. Видно, вся в мать. Зато понятно, почему Сесил за ней волочит. Он кого хочешь перещеголяет своим тщеславием, даже твоего отца, с которым я прожила полвека.

– Хардкаслы ее ненавидят. В смысле Эвелину.

– С чего ты взял? – Миллисент хватается за руку, трясет ногой, пытаюсь стряхнуть с ботинка налипшую грязь. – Майкл ее обожает. Он почти каждый месяц ездил к ней в Париж, а как она вернулась, они просто неразлучны. Питер к ней равнодушен, а вот Хелена... Ну, после гибели Томаса она так и не оправилась. Приезжает сюда каждый год, в годовщину его смерти, гуляет у озера, иногда даже разговаривает с покойным сыном, я сама слышала.

Дорожка выводит нас к пруду – к тому самому, на берегу которого Эвелина сегодня застрелится. Как и все в Блэкхите, пруд красив только издали. Из бальной залы он выглядит длинным зеркалом, отражающим величие особняка, а вблизи заметно, что это давно не чищенный бассейн со стоячей водой и растрескавшимися плитками облицовки, покрытыми толстым ковром мха.

«Почему она решила застрелиться здесь, а не у себя в спальне или в вестибюле?»

– Что с тобой, мой мальчик? – спрашивает Миллисент. – Ты какой-то бледный.

– Жалею, что здесь все так запущено, – отвечаю я с натянутой улыбкой.

– Да, но тут уж ничего не поделаешь, – вздыхает она, поправляя шарф. – После смерти сына жить здесь Хардкаслы не могли, а покупателей на имение не нашлось, особенно после такой трагической истории. Как по мне, надо было его вообще забросить, пусть бы здесь все лесом заросло.

Подобные рассуждения навевают уныние, но Джонатан Дарби не способен на долгие размышления, и вскоре меня занимает уже только подготовка к сегодняшней вечеринке. За окнами бальной залы суетятся слуги, начищают полы, подкрашивают стены, а горничные с метелочками для пыли взбираются на высокие шаткие лесенки. В дальнем конце залы скучающие музыканты лениво настраивают инструменты, а в центре залы Эвелина Хардкасл руководит расстановкой мебели и украшений. Она подходит к работникам и прислуге, ласково с ними разговаривает, лучится доброй заботой, и я с тоской вспоминаю день, проведенный в ее обществе.

Смеющиеся Мадлен Обэр и Люси Харпер – та самая служанка, которой нагрубил Стэнунин и с которой подружился Рейвенкорт, – устанавливают диван у сцены. Я рад, что эти невинные души нашли друг друга, но это не уменьшает моей вины за утреннее происшествие.

– Я тебя предупреждала, что больше не буду покрывать твои прегрешения, – напряженно произносит Миллисент, заметив, как я смотрю на служанок.

Любовь к сыну, смешанная с отвращением, туманит ей взор, и в этом тумане я различаю очертания секретов Дарби. То, что я смутно подозревал раньше, становится очевидным. Дарби – насильник. Во взгляде Миллисент отражаются все те женщины, над которыми Дарби надругался, чьи жизни он разрушил. Она помнит и знает обо всех. Миллисент заботливо лелеет зло, заключенное в сыне.

– Тебя всегда тянет к самым беззащитным, – говорит она. – К самым кротким, к тем, кто не... – Она вдруг умолкает, раскрыв рот, будто слова застыли у нее на губах. – Мне пора. – Она легонько сжимает мне пальцы. – Мне пришла в голову очень странная мысль. Увидимся за ужином, мальчик мой.

Она возвращается в сад, сворачивает за угол особняка. Я недоуменно смотрю в балльную залу, не понимаю, что Миллисент там увидела, но в зале царит суматоха, только музыканты сидят на сцене. Потом замечаю на подоконнике шахматную фигуру, кажется того же самого слона – обшарпанного, в остатках белой краски, – которого я обнаружил в сундуке Белла. Над ним на пыльном стекле пальцем выведено: «Оглянитесь».

Конечно же, на опушке леса Анна, в просторном сером пальто, приветственно машет мне рукой. Я кладу фигурку в карман, оглядываюсь по сторонам и, убедившись, что вокруг никого нет, следую за ней в чашу, подальше от Блэкхита. Похоже, она давно меня ждет, приплясывает на месте, старается согреться, но это не помогает, и щеки у нее посинели от холода. Впрочем, это неудивительно – одета она очень легко, в старенькое пальто и тонкую вязаную шапочку. Вещи заношенные, протертые до дыр, штопанные и чиненные столько раз, что от них остались одни заплатки.

– У вас яблока в кармане не найдется? – говорит она. – Умираю от голода.

– Нет, вот только фляжка, – предлагаю я.

– Что ж, и на этом спасибо. – Она берет фляжку, отвинчивает крышку.

– Нам же лучше не встречаться за пределами сторожки.

– Кто вам это сказал? – Она прихлебывает из фляги, морщится.

– Вы и сказали.

– Скажу.

– Что?

– Я вам потом скажу, что лучше не встречаться за пределами сторожки, но пока не сказала, – объясняет она. – Я только недавно очнулась и все это время отвлекала внимание лакея от ваших будущих ипостасей. Даже завтрак из-за этого пропустила.

Я моргаю, пытаюсь сложить события дня, происходящие в неправильном порядке. Уже не в первый раз жалею, что больше не обладаю острым умом Рейвенкорта. Интеллект Джонатана Дарби напоминает густой суп с мокнущими в нем сухариками.

Анна замечает мое недоумение, хмурится:

– Вам известно о лакее? А то трудно понять, что будет дальше.

Я быстро рассказываю ей о дохлом кролике Белла и о призрачных шагах, преследовавших Рейвенкорта в обеденном зале. Анна мрачнеет все больше.

– Вот сволочь, – шипит она, выслушав мой рассказ, мечется по опушке, заламывает руки, горбится. – Ну, попадись он только мне! – Она мстительно смотрит на особняк.

– Скоро попадется. Даниель считает, что лакей прячется в потайном ходе. Туда ведут несколько дверей, но мы будем караулить в библиотеке. Даниель просил нас прийти туда к часу дня.

– А еще можно самим перерезать себе горло, чтобы лакею было меньше работы, – хмуро замечает она, глядя на меня, как на сумасшедшего.

– В чем дело?

– Лакей не дурак. Если нам известно, где он будет, значит мы и должны это знать. Он с самого начала обгоняет нас на шаг. Наверняка подстроил нам западню и ждет, когда мы, умники, от большого ума в нее угодим.

– Но надо же что-то делать! – восклицаю я.

– Надо, – соглашается она. – Но зачем делать глупости, если можно поступить по-умному? Послушайте, Айден, я знаю, что вы отчаиваетесь, но мы же с вами уговорились: я помогаю вам остаться в живых, чтобы вы отыскиали убийцу Эвелины, а потом мы с вами отсюда уезжаем. Я честно свое отработываю. Пообещайте мне, что не будете гоняться за лакеем.

Ее доводы очень убедительны, но не разгоняют моих страхов. Если представится пусть даже рискованный случай разделаться с лакеем прежде, чем безумец меня отыщет, то я им воспользуюсь. Лучше умереть стоя, чем в страхе прятаться по углам.

– Обещаю, – лживо заверяю я.

К счастью, от холода Анна не замечает, как срывается мой голос. Содержимое фляжки ее не согревает, она дрожит, лицо побелело. Она пытается укрыться от ветра, прижимается ко мне. Ее кожа пахнет мылом. Я отвожу взгляд, изо всех сил сдерживаю похотливый порыв Дарби.

Чувствуя мою неловкость, Анна наклоняет голову, смотрит мне в опущенное лицо.

– Прочие обличья гораздо лучше, честное слово, – говорит она. – Только не теряйте контроля над этим. Не сдавайтесь.

– Легко сказать. А как это сделать, если я не понимаю, где кончаются они, а где начинаюсь я?

– Если бы вас не было, Дарби меня уже бы лапал, – вздыхает она. – А значит, вы знаете, кто вы. Не просто помните, а поступаете так, как поступили бы сами. Так и продолжайте.

Однако же она отступает на шаг, чтобы мне было легче сдерживаться.

– Не стойте на холоде. – Я снимаю шарф, повязываю его на шею Анне. – Замерзнете до смерти.

– А если вы будете себя так вести, то Джонатана Дарби начнут считать человеком, – улыбается она, заправляя концы шарфа под пальто.

– Скажите это Эвелине Хардкасл. Сегодня утром она меня едва не пристрелила.

– Ну и чего же вы ее сами не пристрелили? – невозмутимо спрашивает Анна. – Тогда мы сразу и раскрыли бы загадочное убийство.

– Не понимаю, вы шутите, что ли?

– По-моему, мы слишком долго занимаемся не тем, что нам велено.

– Мы не сможем защитить Эвелину, если не найдем злоумышленника, – возражаю я. – Одно приведет нас к другому.

– Надеюсь, вы правы, – недоверчиво произносит она.

Хочется как-то ее подбодрить, но мне передаются ее сомнения, начинают свербеть под кожей. Я убедил ее, что легче отыскать злоумышленника, если спасти Эвелину от смерти, но это ложь. Никакого плана у меня нет. Не знаю даже, сумею ли я спасти Эвелину. Я действую вслепую, на одних сантиментах, и своими безрассудными поступками подыгрываю лакею. Анна заслуживает большего, но помочь ей я могу, лишь оставив Эвелину без защиты. Почему-то сама мысль об этом мне претит.

На тропе слышен шум, ветер приносит из-за деревьев чьи-то голоса. Анна берет меня за руку и уводит в чащу.

– Послушайте, вообще-то, я хочу попросить вас об одолжении.

– Ради вас – все, что угодно.

– Который час? – спрашивает она, доставая из кармана альбом.

Этот альбом я видел у нее в сторожке: измятые страницы, дырявый переплет. Мне не видно, что внутри, но, судя по тому, как она бережно его перелистывает, там написано что-то важное.

Смотрю на часы.

– Восемь минут одиннадцатого, – отвечаю я и, раздираемый любопытством, спрашиваю: – А что в альбоме?

– Всякие сведения и записи. Все, что мне удалось узнать о ваших восьми обличьях и об их действиях, – рассеянно говорит она, ведя пальцем по странице. – Нет, я вам ничего не покажу, и не просите. А то узнаете что-нибудь и начнете действовать опрометчиво, обязательно все испортите.

– Я и не собирался, – отвечаю я, торопливо отводя взгляд.

– Так, восемь минут одиннадцатого. Отлично. Через минуту я положу на траву камень. Когда Эвелина застрелится, вы должны стоять рядом с ним. Ни на шаг с места не сходите, Айден, понятно?

– А почему?

– Считайте это запасным вариантом. – Холодными губами она целует мою замерзшую щеку, прячет альбом в карман.

Отступает на шаг, прищелкивает пальцами и, обернувшись, протягивает мне две белые таблетки.

– Они вам попозже пригодятся, – объясняет она. – Когда доктор Дикки приходил к дво-рецкому, я их стащила из докторского саквояжа.

– Что это?

– Таблетки от головной боли. В обмен на мою шахматную фигуру.

– Вот на эту рухлядь? – Я отдаю ей грубо сработанного слона. – Зачем она вам?

Она улыбается, глядя, как я заворачиваю таблетки в голубой носовой платок.

– Потому что вы мне ее подарили. – Она зажимает фигурку в кулаке. – Это ваше самое первое обещание. Из-за этой фигурки я перестала бояться и этого странного места, и вас тоже.

– Меня? А чего вам меня бояться? – Мне больно думать, что я мог ее чем-то обидеть.

– Ох, Айден, если у нас все получится, то все в Блэкхите будут вас бояться.

С этими словами она уносится с опушки на лужайку у пруда. Может быть, юный возраст Анны, ее характер или просто окружающее нас колдовское уныние странным образом лишают ее всяческих сомнений. Она совершенно уверена, что ее план сработает. Может быть, чересчур уверена.

Я стою на опушке, смотрю, как она берет с клумбы белый камень, делает шесть шагов и роняет его в траву, потом примеривается к дверям бальной залы, проверяет направление, удовлетворенно кивает, вытирает грязь с ладоней, сует руки в карманы и уходит.

Мне отчего-то становится не по себе.

Я оказался здесь по доброй воле, а вот Анна – нет. Чумной Лекарь привел ее в Блэкхит с какой-то неведомой целью.

Я не знаю, кто такая Анна, и слеую за ней вслепую.

25

Дверь в апартаменты заперта, внутри тихо. Я хотел поговорить с Хеленой Хардкасл до того, как она уйдет по делам, но, судя по всему, владелица особняка не любит прохладиться. Снова дергаю ручку двери, прижимаю ухо к створке. По коридору идет кто-то из гостей, с любопытством косится на меня. Увы, все мои старания напрасны. Хелены Хардкасл в апартаментах нет.

Уходя, я внезапно осознаю, что дверь в апартаменты еще не взломана. Рейвенкорт обнаружит взлом к обеду, так что это произойдет в следующие несколько часов.

Мне любопытно, кто взломщик и что он там искал. Поначалу я подозревал Эвелину, потому что у нее был один из револьверов Хелены. Однако же именно из него Эвелина стреляла в меня сегодня утром, а значит, она украла его раньше и взламывать дверь ей не нужно.

«А может, она искала там что-то еще».

Кроме револьвера, из апартаментов исчезла страница дневниковых записей. Миллисент считала, что ее выдрала сама Хелена, чтобы скрыть какую-то встречу, но дневник перемазан отпечатками пальцев Каннингема. Он наотрез отказался объяснить, что делал в апартаментах, и категорически заявил, что не взламывал дверь. Но если я подстерегу его за этим занятием, то ему придется во всем сознаться.

Приняв решение, я прячусь в дальнем конце сумрачного коридора и начинаю ждать.

Пять минут спустя Дарби становится скучно.

Нервно расхаживаю туда-сюда, никак не могу его успокоить.

В конце концов иду в гостиную, откуда доносятся ароматы завтрака, собираюсь принести в коридор кресло и тарелку с едой. Может быть, это хотя бы на полчаса утихомирит Дарби, после чего мне придется искать новых развлечений.

В гостиной идет ленивая беседа. От полусонных гостей еще веет вчерашним празднеством: перегаром и ввевшимися в кожу запахами застарелого пота и сигарного дыма. Они тихо переговариваются, а двигаются медленно и осторожно, как растрескавшиеся фарфоровые статуэтки.

Беру с буфета тарелку, накладываю на нее яичницу и почки, хватаю с блюда колбаску и отправляю в рот, утираю жир с губ рукавом. Я увлечен своим занятием и лишь немного погодя замечаю, что все в гостиной притихли.

В дверях стоит коренастый тип, цепким взглядом скользит по лицам гостей; те, на ком он не останавливается, облегченно вздыхают. С виду он настоящий громила, с рыжей бородой и вислыми щеками, а приплюснутый, не единожды сломанный нос напоминает яйцо, выпущенное на сковороду. Грузное тело с трудом втиснуто в потрепанный костюм, на широченных подносах плеч блестят капли дождя.

Взгляд громилы придавливает меня, как валун, скатившийся с горы.

– Вас ждет мистер Стэнуин, – заявляет тип грубым, резким голосом.

– Зачем?

– Он вам сам скажет.

– Передайте мистеру Стэнуину, что я сейчас занят.

– Сами не пойдете, я вас отнесу, – угрожающе ворчит он.

Дарби уже вне себя от возмущения, но скандалить нет смысла. В одиночку мне не справиться с этим типом, так что придется встретиться со Стэнуином, а потом вернуться к прерванному занятию. Вдобавок мне любопытно, что ему от меня нужно.

Оставляю тарелку с едой на буфете, следом за громилой выхожу из гостиной. Он пропускает меня вперед, подталкивает к лестнице, на лестничной площадке велит повернуть направо, в отгороженное восточное крыло особняка. Отвожу портьеру, влажный воздух ударяет в лицо;

передо мной тянется длинный коридор. За дверями, косо висящими на полуоторванных петлях, виднеются пыльные комнаты, в которых стоят продавленные кровати с ветхими балдахинами. От пыли першит в горле.

– Подождите тут, как все приличные люди, а я доложу о вас мистеру Стэнуину, – говорит мой проводник, дернув подбородком в сторону комнаты слева.

Вхожу в детскую. Веселенькие желтые обои отклеились от стен, по полу разбросаны деревянные игрушки, обшарпанная лошадка-качалка одиноко пасется у двери. На детской шахматной доске расставлены фигуры, черных много, белых мало.

Внезапно из соседней комнаты доносится крик Эвелины. Мы с Дарби единодушно срываемся с места. Выбегаю в коридор, но путь преграждает рыжий громила.

– Мистер Стэнуин занят, – говорит он, раскачиваясь из стороны в сторону, чтобы не замерзнуть.

– Где Эвелина Хардкасл? Я слышал ее голос, – запыхавшись, требую я.

– Мало ли что вы слышали. И вообще, это не ваше дело.

Заглядываю ему за спину, в приоткрытую дверь соседних апартаментов. Похоже, там приемная, но она пуста. На мебель накинута чехлы – пожелтевшие, с черной каймой плесени по краям. Окна заклеены старыми газетами, некрашенные дощатые стены прогнили. В дальнем конце комнаты виднеется еще одна дверь, но она закрыта. Наверное, Эвелина там.

Перевожу взгляд на громилу. Он улыбается, демонстрирует мне ряд кривых желтых зубов.

– Ну, чего еще? – спрашивает он.

– Я должен проверить, все ли с ней в порядке.

Попытки протиснуться мимо него бесполезны. Он в три раза здоровее меня и в полтора моих роста. Вдобавок он знает, как применять силу: упирает раскрытую ладонь мне в живот и невозмутимо отталкивает.

– И не думайте, – заявляет он. – Мне за то деньги и платят, чтобы всякие приличные господа, вот как вы, не лезли, куда не велено.

Его слова, как угли, подброшенные в огонь, раскаляют меня добела. Кровь вскипает в жилах. Я, как дурак, пытаюсь его обойти, но меня хватают за ворот и, как котенка, отбрасывают в коридор.

Я с рычанием вскакиваю на ноги.

Он не двигается с места. Даже дыхание не сбилось. Ему все безразлично.

– Да уж, родители вам ни в чем не отказывали, жаль только, что ума недодали, – невозмутимо говорит он. Это заявление действует на меня как ушат холодной воды. – Мистер Стэнуин ее пальцем не тронет, не волнуйтесь. Вот она сейчас выйдет, сами у нее спросите, если вам так хочется.

С минуту мы смотрим друг на друга, а потом я ухожу в детскую. Он прав, мимо него мне не пройти, но дожидаться Эвелины я тоже не могу. После нашей утренней встречи Эвелина не станет разговаривать с Джонатаном Дарби, а то, что происходит за закрытой дверью, может быть причиной ее самоубийства.

Я прижимаю ухо к стене. Судя по всему, Эвелина беседует со Стэнуином в соседней комнате, нас разделяет только прогнившая доска. Слышу приглушенные голоса, но слов не разобрать. Перочинным ножом отдираю обои, выковыриваю деревянные планки. Трухлявое отсыревшее дерево легко поддается ножу, рассыпается под пальцами.

– ...и нечего со мной играть в эти игры, так ей и передайте, иначе вам обоим несдобровать, – доносится сквозь стену голос Стэнуина.

– Сами ей передайте, я вам не девочка на побегушках, – холодно заявляет Эвелина.

– Кем велю, тем и будете, – произносит он. – Я вам за это плачу.

– Мне не нравится ваш тон, мистер Стэнуин, – говорит Эвелина.

– А мне не нравится, когда меня выставляют дураком, мисс Хардкасл. – Он с нажимом произносит ее имя. – Не забывайте, я почти пятнадцать лет здесь служил, и мне тут известен каждый закуток. И все обитатели имения. Не путайте меня с пустоголовыми болванами, которые ошиваются вокруг вас.

Его ненависть почти осязаема, ее можно сцедить из воздуха и закупорить в бутылку.

– А что с письмом? – негромко спрашивает Эвелина, сдерживая гнев.

– Я его придержу, чтобы вы не забывали о нашей договоренности.

– Вы гнусный подлец!

Стэнуин с утробным смехом смахивает оскорбление:

– Зато честный. Кто еще в этом доме может такое про себя сказать, а? Все, вы свободны.

И не забудьте передать мои слова.

Слышу, как открывается дверь. Чуть погодя Эвелина торопливо проходит мимо детской. Хочу броситься за ней, но понимаю, что ничего этим не добьюсь. К тому же Эвелина упомянула о каком-то письме, которое теперь у Стэнуина. Она хочет отобрать у него письмо, а значит, мне надо повидаться со Стэнуином. Кто знает, вдруг он и Дарби – закадычные приятели?

– Джонатан Дарби ждет в детской, – докладывает громила Стэнуину.

– Вот и славно. – Стэнуин задвигает скрипучий ящик стола. – Я сейчас переоденусь, подготовлюсь к охоте, а потом поговорю с этим гнусом.

«Нет, непохоже, что они приятели».

26

Сию, закинув ноги на стол, рядом с шахматной доской. Беру подбородок в кулак, разглядываю партию, по расположению фигур пытаюсь вычислить стратегию игроков. Ничего не получается. Дарби не способен сосредоточиться, он то и дело отвлекается, смотрит в окно, ловит пылинки, прислушивается к шуму в коридоре. Ни минуты не сидит спокойно.

Даниэль предупреждал, что каждая ипостась ведет себя и думает по-своему, но только сейчас я понимаю, что именно он имел в виду. Белл труслив, Рейвенкорт коварен, но оба вполне способны размышлять и оценивать ситуацию. Дарби совсем другой. Мысли выются у него в голове, жужжат как мухи, отвлекают, но не задерживаются.

Слышу какой-то звук, смотрю на дверь. В дверном проеме стоит Тед Стэнуин, подносит спичку к трубке в зубах. Он крупнее, чем мне помнится, огромный, расплзающийся вширь, как кусок мягкого масла.

– Вот уж не думал, что вы играете в шахматы, Джонатан, – говорит он, раскачивая лошадку-качалку, которая стучит об пол.

– Я учусь.

– Молодец, учиться никогда не поздно.

Он пристально смотрит на меня, переводит взгляд за окно. Он не говорит и не делает ничего угрожающего, но Дарби его боится. Мой пульс выбивает морзянку.

Гляжу в дверной проем, готовлюсь сбежать, но в коридоре, привалившись к стене, висится громила со скрещенными на груди руками. Он едва заметно кивает мне, как тюремщик узнику.

– Ваша матушка задерживает платежи, – говорит Стэнуин, прижавшись лбом к оконному стеклу. – Как ее здоровье?

– Великолепно.

– Надеюсь, оно не ухудшится.

Я меняю позу, смотрю ему в лицо:

– Вы мне угрожаете, мистер Стэнуин?

Он оборачивается, улыбается сначала типу в коридоре, потом мне.

– Нет, что вы, Джонатан. Я угрожаю вашей матушке. Ты же понимаешь, сопляк, что я не ради тебя сюда приехал.

Он выдувает клуб дыма из трубки, поднимает куклу с пола и небрежно швыряет ее на шахматную доску. Фигуры разлетаются по детской. Ярость сдергивает меня с места, как марионетку, швыряет на него, а он ловит мой кулак и поворачивает меня на лету. Громадные руки сдавливают мне горло, шею обдает гнилостное дыхание.

– Побеседуй с матушкой, Джонатан, – шипит он, сжимая мне глотку так, что перед глазами плывут черные пятна. – А не то я приду к ней с визитом.

Он дает мне время осмыслить сказанное, а потом выпускает меня.

Падаю на колени, хватаюсь за шею, жадно глотаю воздух.

– И не мешало бы укоротить твой дурацкий нрав. – Он тычет в мою сторону трубкой. – Не волнуйся, мой приятель тебе поможет, он в этом деле мастак.

Я злобно пялюсь на него снизу вверх, но он уже выходит в коридор и кивает своему спутнику. Громила переступает порог детской, равнодушно смотрит на меня, стаскивает пиджак.

– Вставай, сынок, – говорит он. – Чем раньше начнем, тем скорее закончим.

Теперь он кажется еще огромнее, чем в дверях. Грудь как щит, бицепсы вот-вот прорвут рукава. Он делает шаг вперед, и меня обуревают паника; пальцы лихорадочно ищут, чем бы его ударить, нащупывают тяжелую шахматную доску.

Не раздумывая, я швыряю ее в него.

Время останавливается. Шахматная доска повисает в воздухе, поворачивается в своем невероятном полете, за нее цепляется все мое будущее. Очевидно, на этот раз удача мне благоволит: доска с тошнотворным хрустом врезается ему в лицо. Он сдавленно вскрикивает, отшатывается к стене.

Кровь заливает ему пальцы, а я вскакиваю и бросаюсь в коридор. Стэнуин злобно вопит мне вслед. Оглядываясь на бегу: Стэнуин, багровый от гнева, выходит из своей приемной. Мчусь вниз по лестнице, устремляюсь к гостиной, где собрались на завтрак сонные обитатели особняка. Доктор Дикки перешучивается с Майклом Хардкаслем и Клиффордом Харрингтоном, флотским офицером, с которым я познакомился за ужином, а Каннингем накладывает гору еды на серебряный поднос, чтобы отнести завтрак в апартаменты Рейвенкорта.

Внезапно голоса смолкают, – похоже, в гостиную входит Стэнуин. Я выскальзываю в кабинет, прячусь за дверь. От потрясения весь дрожу, сердце колотится, едва не раскалывая ребра. Хочется рыдать и хохотать во весь голос, дико заорать, наброситься на Стэнуина, чем-нибудь его поколотить. Неимоверным усилием воли заставляю себя стоять неподвижно, иначе я потеряю и это обличье, и еще один драгоценный день.

Смотрю в щелку между створкой двери и дверной рамой: Стэнуин хватается за плечи, поворачивает их к себе, ищет меня. Люди перед ним расступаются, неразборчиво бормочут извинения. Все настолько в его власти, что ни один из них не противится грубому обращению. Похоже, он может прилюдно избить меня до смерти, никто и слова не скажет. Нет, от них помощи не дожидаться.

Пальцы касаются чего-то холодного. Опускаю глаза: рука сжимает тяжелую сигаретницу. Дарби вооружается.

Я шиплю от досады, потом снова смотрю в щелку и едва не вскрикиваю.

Стэнуин направляется прямо в кабинет.

Спрятаться негде, а в библиотеку не сбежать, потому что туда ведет та самая дверь, в которую он вот-вот войдет. Я в западне.

Беру с полки сигаретницу, вдыхаю полной грудью, готовлюсь наброситься на него.

В кабинет никто не заходит.

Снова смотрю в щелку. В гостиной Стэнуина уже нет.

Замираю в нерешительности, но Дарби не знает подобного чувства. Ему не хватает терпения, и вскоре, сам того не желая, я выглядываю за дверь.

И тут же вижу Стэнуина.

Он стоит ко мне спиной, разговаривает с доктором Дикки. Мне не слышно, о чем они беседуют, но добрый доктор выходит из комнаты – скорее всего, отправляется на помощь раненому телохранителю Стэнуина.

«У него есть снотворное».

Меня осеняет вполне сложившаяся мысль.

Только сначала надо незаметно выбраться из кабинета.

Из гостиной кто-то окликает Стэнуина. Как только он скрывается из виду, я выпускаю из рук сигаретницу и несусь к галерее кружным путем, огибая вестибюль.

Перехватываю доктора Дикки в дверях его спальни. Он держит в руках саквояж, улыбается мне, дурацкие усы подсакивают до самых глаз.

– А, юный Джонатан! – восклицает он. – Как самочувствие? Вы что-то запыхались.

– Все отлично. – Я прибавляю шагу, чтобы не отставать. – Точнее, не совсем. Хочу попросить вас об одолжении.

Он подозрительно щурится:

– И что вы на этот раз натворили?

– Мне нужно, чтобы вы дали снотворное вашему пациенту.

– Снотворное? Это еще зачем?

– Затем, что он угрожает моей матушке.

– Миллисент? – Доктор останавливается, с неожиданной силой хватая меня за руку. – Джонатан, в чем дело?

– Она задолжала Стэнуину.

Он огорченно разжимает пальцы и, лишенный своей всегдашней бодрости, превращается в усталого старика; морщины на лице проступают четче, следы давних горестей явственнее. На миг мне делается стыдно за свое поведение, но я тут же вспоминаю, с каким видом он вколол снотворное дворецкому, и никаких угрызений совести больше не испытываю.

– Ох, и Миллисент у него под пятой! – вздыхает доктор. – Что ж, неудивительно, у мерзавца на всех и каждого найдется управа. А я так надеялся...

Он замедляет шаг. Мы выходим на площадку лестницы, ведущей вниз, к вестибюлю, откуда веет холодом. Парадная дверь распахнута, какие-то старики выходят на прогулку, уносят с собой смех.

Стэнуина нигде не видно.

– Значит, негодяй угрожал вашей матушке, поэтому вы на него набросились? – Пораженный, Дикки улыбается и хлопает меня по плечу. – Молодец, весь в отца. А зачем вам понадобилось усыплять громилу?

– Мне надо поговорить с матушкой прежде, чем Стэнуин к ней заявится.

Вдобавок ко всем своим изъясам Дарби – великолепный обманщик; ложь легко слетает с языка. Доктор Дикки молчит, обдумывает услышанное, обминает и раскатывает его, как тесто. Мы входим в нежилое восточное крыло.

– У меня есть подходящий препарат, негодяй проспит весь день! – Добрый доктор прищелкивает пальцами. – Подождите здесь, я дам вам знать, когда все будет готово.

Он расправляет плечи, выкатывает грудь колесом и шагает в спальню Стэнуина, как старый солдат на поле боя.

В коридоре меня легко заметить, поэтому, как только Дикки скрывается из виду, я вхожу в ближайшую дверь. Из надтреснутого зеркала на меня смотрит мое отражение. Вчера я считал, что хуже облика Рейвенкорта ничего быть не может, но, оказывается, Дарби то еще мучение: неугомонный злобный коротышка, который постоянно создает себе проблемы. Мне очень хочется от него избавиться.

Спустя десять минут в коридоре скрипят половицы.

– Джонатан! – шепотом окликает доктор Дикки. – Джонатан, где вы?

– Здесь. – Я выглядываю из-за двери.

Он уже прошел чуть дальше комнаты и при звуке моего голоса вздрагивает, хватается за грудь:

– Аккуратнее, молодой человек, сердце у меня уже не то. Что ж, цербер уснул и проспит весь день. Я доложу о его состоянии мистеру Стэнуину, а вы тем временем спрячьтесь куда-нибудь, чтобы он вас не нашел. Например, в Аргентине. Удачи вам.

Он вытягивается в струнку, отдает мне честь. Я делаю то же самое. Он снова хлопает меня по плечу и шагает по коридору, фальшиво насвистывая.

По-моему, он чрезвычайно доволен собой, но я прятаться не собираюсь. Пока Стэнуин занят разговорами, надо отыскать среди его бумаг письмо Эвелины.

Пересекаю приемную, куда еще недавно меня не впустил телохранитель Стэнуина, распахиваю дверь в спальню шантажиста. Здесь царит запустение, половицы прикрыты ветхим ковром, железная кровать придвинута к стене. В камине слабо тлеют угли, припорошенные золой, на прикроватной тумбочке лежат две потрепанные книги. Спящий телохранитель раскинулся на кровати, как марионетка с оборванными веревочками. На лице у него повязка, он громко храпит, пальцы во сне дергаются. По-моему, ему снится моя шея.

Напряженно прислушиваясь, не возвращается ли Стэнуин, я быстро открываю платяной шкаф, роюсь в карманах пиджаков и брюк, но нахожу только шарики нафталина и хлопья пыли. В сундуке тоже нет никаких сугубо личных вещей, – судя по всему, его владелец несентиментален.

С досадой смотрю на часы.

Я провел здесь слишком много времени, но Дарби так просто не остановишь. Ему известно искусство обмана. Ему знакомы и люди, подобные Стэнуину, и секреты, которые они хранят. Шантажисту доступны самые роскошные апартаменты в особняке, но он предпочитает жить среди развалин. Он опаслив и очень умен. В окружении врагов он не станет держать при себе компрометирующие материалы.

Письмо где-то здесь. Оно надежно спрятано.

Смотрю на тлеющие угли в камине. Странно, ведь в спальне очень холодно. Опускаюсь на колени, засовываю руку в дымоход, нащупываю небольшой выступ, на котором что-то лежит. Блокнот. Вытаскиваю его из дымохода. Это черная записная книжка в потертом переплете. Стэнуин сознательно избегает жаркого огня, чтобы не спалить свое сокровище.

Перелистываю обтрепанные страницы, покрытые столбиками дат – самые ранние девятнадцатилетней давности – и какими-то непонятными закорючками вместо слов.

Похоже, это шифр.

Между двумя последними страницами заложено письмо Эвелины.

Дорогая Эвелина!

Мистер Стэнуин рассказал мне о Ваших затруднениях, и я вполне понимаю Вашу озабоченность. Поведение Вашей матери внушает опасения, так что Вы правы, принимая меры предосторожности против ее дальнейших действий. Я готова предложить Вам свою помощь, но одних заверений мистера Стэнуина недостаточно. Хотелось бы получить свидетельство Вашего непосредственного участия. На фотографиях светской хроники у Вас на руке фамильный перстень с выгравированной на нем крепостью. Пришлите мне этот перстень, дабы подтвердить серьезность Ваших намерений.

С уважением,

Фелисити Мэддокс.

Судя по всему, Эвелина решила действовать с умом и не покоряться судьбе. Она заручилась помощью некой особы по имени Фелисити Мэддокс. Описание перстня с крепостью напоминает мне об изображении на записке. Значит, предостережение «Держитесь подальше от Миллисент Дарби» сделано Фелисити.

Телохранитель продолжает храпеть.

Никаких других сведений в письме не содержится. Я возвращаю его в блокнот и засовываю в карман.

– Хитрость – божья милость, – шепчу я, выходя из комнаты.

– Золотые слова, – звучит у меня за спиной.

Внезапная боль раскалывает голову, и я без чувств валяюсь на пол.

27

День второй (продолжение)

Отхаркиваю кровь, алые капли окропляют подушку. Я снова в обличье дворецкого. Резко поднимаю голову, и боль пронзает все тело. В кресле Анны сидит Чумной Лекарь, закинув ногу на ногу; он тихонько постукивает пальцами по цилиндру у себя на коленях, останавливается, заметив, что я прихожу в себя.

– С возвращением, мистер Слоун, – произносит он; маска приглушает его слова.

Недоуменно кошусь на него и, с усилием подавив кашель, пытаюсь восстановить события этого дня. Когда я первый раз принял обличье дворецкого, было раннее утро. Я открыл дверь Беллу, а после этого столкнулся с Голдом, который меня избил. Второй раз я очутился в обличье дворецкого минут через пятнадцать после побоев, когда меня везли в сторожку. В повозке со мной была Анна. Потом я очнулся примерно в полдень, и тогда мы с ней познакомились по-настоящему. Сейчас, судя по свету за окном, день еще не клонится к вечеру. Теперь все понятно. Анна предупреждала, что в каждом воплощении мне предстоит провести ровно сутки, но я не ожидал, что это произойдет частями.

Все это похоже на злую шутку.

Для разгадки преступления мне, как обещано, предоставили восемь обличий, вот только Белл труслив, дворецкий избит до полусмерти, Дональд Дэвис сбежал, Рейвенкорт – малоподвижный толстяк, а Дарби бестолков.

Все равно что заставить меня рыть яму лопатой из воробьев.

Чумной Лекарь склоняется ко мне. От маскарадного костюма пахнет чем-то затхлым, как на непроветриваемом чердаке.

– Наша прошлая беседа была очень краткой, – говорит он. – Мне захотелось услышать от вас подробный отчет о проделанной работе. Удалось ли вам обнаружить...

– Почему я в этом обличье? – спрашиваю я, гримасничая от боли, которая молнией пронзает мне бок. – Зачем все эти воплощения? Рейвенкорт не способен пройти двух шагов, дворецкий обездвижен, а Дарби – просто чудовище. К чему такие сложности, если вы действительно хотите выпустить меня из Блэкхита? Неужели нет других вариантов – получше?

– Дело не в способностях, а в том, что все ваши воплощения так или иначе связаны с убийством Эвелины, – отвечает он. – И таким образом помогут вам его раскрыть.

– Они – подозреваемые?

– Скорее, свидетели.

Я зеваю, силы быстро улетучиваются. Наверное, доктор Дикки вколол мне очередную дозу снотворного. Такое ощущение, что меня выдавливают из этого тела.

– А кто установил порядок смены обличий? Почему я сначала очнулся в обличье Белла, а сегодня – в обличье Дарби? Можно ли предсказать, кем я проснусь в следующий раз?

Чумной Лекарь откидывается на спинку кресла, складывает пальцы домиком, наклоняет голову. Долго молчит, раздумывает, оценивает. Непонятно, доволен ли он своими рассуждениями или нет.

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Из чистого любопытства, – язвлю я. Он словно бы не замечает дерзости, и я продолжаю: – Надеюсь извлечь из ответов что-нибудь полезное.

Он удовлетворенно хмыкает:

– Рад, что вы уяснили серьезность ситуации. Что ж, по правилам смена обличья происходит в порядке пробуждения гостей в этот день. Однако вам повезло, я смог кое-что подправить.

– Как это?

– Мы с вами уже много раз совершаем этот виток: я поручаю вам расследовать убийство Эвелины Хардкасл и всякий раз вы не добиваетесь успеха. Сначала я думал, что это исключительно ваша вина, но потом сообразил, что последовательность смены обличей имеет немаловажное значение. К примеру, Дональд Дэвис просыпается под утро, в девятнадцать минут четвертого, а значит, должен стать вашим первым воплощением. Но от него мало толку, в его жизни все хорошо, он гостит в Блэкхите с друзьями и родственниками. В его обличье вы не пытаетесь сбежать из особняка, а, наоборот, стремитесь здесь задержаться. Поэтому я решил, что первым вашим обличьем должен стать Себастьян Белл, у которого здесь нет ни знакомых, ни родных. – Он задирает штанину, почесывает лодыжку. – А вот лорд Рейвенкорт просыпается не раньше половины одиннадцатого, то есть его облик вы бы приняли гораздо позже, когда развитие событий требует не их осмысления, а решительных действий. – В его голосе сквозит гордость часовщика, рассматривающего созданный им замысловатый механизм. – С каждым новым повторением витка я менял последовательность ваших обличей, пока не добился такого порядка, который, по моему мнению, предоставляет вам самую лучшую возможность разгадать тайну смерти Эвелины Хардкасл, – заявляет он, торжественно взмахивая рукой.

– А почему же я тогда возвращаюсь не в обличье Дональда Дэвиса, а в обличье дворецкого?

– Потому что в облике Дональда Дэвиса вы почти восемь часов шли пешком по бесконечной дороге в деревню, – с укоризной объясняет Чумной Лекарь. – Он сейчас спит крепким сном и проснется только вечером, в тридцать восемь минут десятого. До тех пор вы так и будете метаться между ипостасями дворецкого и других.

В коридоре скрипят половицы. Хочу окликнуть Анну, но Чумной Лекарь замечает мой порыв и предостерегающе цокает языком.

– Вы меня недооцениваете, – вздыхает он. – Анна ушла на встречу с лордом Рейвенкортом. Поверьте, все, что происходит в особняке, я знаю наизусть, как режиссер – текст пьесы. Мне точно известно, что нам с вами сейчас никто не помешает, иначе меня бы здесь не было.

У меня создается впечатление, что он меня терпеливо отчитывает, как набедокурившего школяра.

Я длинно, со стоном, зеваю. Сознание мутится.

– Через несколько минут вы уснете, – говорит Чумной Лекарь, сжимая руки в кожаных перчатках; кожа чуть слышно скрипит. – Задавайте скорее свои вопросы.

– Почему Анна в Блэкхите? – торопливо спрашиваю я. – Вы упомянули, что я, в отличие от соперников, приехал сюда по своей воле. Значит, Анну привезли сюда силой. Чем она заслужила такое обращение?

– На этот вопрос я не отвечаю. А вот добровольное прибытие в Блэкхит предоставляет вам некоторые преимущества. Впрочем, есть у него и недостатки. Например, вашим соперникам инстинктивно известно то, чего вы не понимаете. Я здесь лишь для того, чтобы заполнить эти досадные пробелы. Но скажите же мне, как продвигается расследование убийства Эвелины Хардкасл?

– Она обычная девушка, – устало говорю я; глаза слипаются, меня обнимают теплые ладони снотворного. – Зачем все это подстроено? Что в ее смерти такого особенного?

– Я мог бы и вас об этом спросить, – отвечает он. – Вы отчаянно стараетесь спасти мисс Хардкасл, хотя все говорит о том, что это невозможно. Почему вы так поступаете?

– Мне претит быть безучастным свидетелем ее смерти. Я должен хотя бы попытаться предотвратить ее гибель.

– Очень благородно с вашей стороны, – склонив голову, замечает он. – Позвольте и мне ответить тем же. Убийство мисс Хардкасл остается нераскрытым, а я считаю, что такого быть не должно. Вас это удовлетворяет?

– Убийства совершаются каждый день, – говорю я. – Зачем подстраивать все это ради того, чтобы раскрыть одно-единственное?

– Великолепный довод! – Он восхищенно хлопает в ладоши. – А вам не приходило в голову, что могут быть еще сотни таких, как вы, которые жаждут справедливости для невинно убиенных душ?

– Правда?

– Сомневаюсь, но было бы неплохо.

У меня нет сил слушать, веки тяжелеют, все вокруг расплывается.

– Боюсь, у нас не осталось времени, – говорит Чумной Лекарь. – Я должен...

– Погодите... я хочу... почему... – Тягучие слова застывают у меня на губах. – Вы спрашивали... мои воспоминания...

Громко шелестят складки маскарадного костюма. Чумной Лекарь встает, берет с буфета стакан, выплескивает воду мне в лицо. Вода ледяная, я содрогаюсь, как хлыст, всем телом и прихожу в себя.

– Прошу прощения. – Он удивленно глядит на пустой стакан. – Обычно в этот момент вы засыпаете, но... Вы меня заинтриговали. – Он медленно ставит стакан на столешницу. – Что вы хотели спросить? Сосредоточьтесь, это очень важно.

Вода заливает глаза, скатывается с губ, хлопчатобумажная рубашка промокает насквозь.

– При нашей первой встрече вы спросили, что я помнил, очнувшись в обличье Белла, – говорю я. – Почему?

– После каждой безуспешной попытки ваши воспоминания удаляют, и начинается новый виток, но всякий раз в вашей памяти сохраняется одна-единственная зацепка, своего рода подсказка, – объясняет он, утирая мне лоб платком. – В этот раз вы запомнили имя Анны.

– И вы сказали, что вам жаль.

– Да.

– Почему?

– На развитие событий в каждом витке влияет не только последовательность ваших обличей, но и то, что вы удерживаете в памяти. Если бы вы запомнили лакея, то первым делом начали бы его выслеживать. Это пошло бы на пользу делу. А вместо этого вы связались с Анной, хотя она в числе ваших соперников.

– Она мне друг.

– В Блэкхите ни у кого нет друзей, мистер Слоун. Если вы еще этого не поняли, то, боюсь, все безнадежно.

– А можно... – Снотворное продолжает действовать. – Можно освободиться двоим?

– Нет. – Он аккуратно складывает влажный платок, засовывает его в карман. – Выберется отсюда только тот, кто даст правильный ответ. Таковы правила. В одиннадцать часов вечера один из вас должен прийти на берег озера и назвать мне имя убийцы. Тому, кто это сделает, позволят покинуть Блэкхит. Так что выбор за вами.

Он вынимает из нагрудного кармана золотые часы, смотрит на циферблат:

– Время бежит, а я действую по расписанию. – Он берет трость. – Обычно я ни во что не вмешиваюсь, однако ваше благородство сослужит вам дурную службу. Поверьте, события прошлого витка Анна помнит гораздо лучше, чем вы предполагаете.

Рука в перчатке приподнимает мне подбородок, лицо в маске приближается к моему. Я слышу гулкое дыхание. У Чумного Лекаря голубые глаза. Голубые, печальные и старые.

– Она вас предаст.

Хочу возразить, но тяжелый язык не повинуется. Веки опускаются, и перед тем, как упасть в забытие, я вижу только, как Чумной Лекарь скрывается за дверью; его согбенная тень увлекает за собой все окружающее.

28

День пятый (продолжение)

О веки настойчиво бьется жизнь.

Я промаргиваюсь, но глаза открывать больно. Голова как разбитое яйцо. Из горла рвется стон – то ли вопль, то ли писк, отчаянный рев зверя, попавшего в западню. Пытаюсь привстать, но в голове беснуется океан боли. Сил не осталось.

Проходит время. Не знаю, как долго я здесь лежу. Думать об этом некогда. Смотрю, как мерно поднимается и опускается грудная клетка, убеждаюсь, что моя помощь ей не нужна, медленно опираюсь на хлипкую стену. Я снова в обличье Джонатана Дарби, лежу на полу в детской. Осколки вазы не только усыпают все вокруг, но и впиваются мне в голову. На выходе из спальни Стэнуина я получил удар в затылок, а потом меня оттащили в детскую.

«Письмо, болван!»

Лезу в карман, ищу письмо Фелисити и тайный блокнот Стэнуина, но их нет. Нет и ключа от сундука Белла. В кармане только полученные от Анны таблетки от головной боли, завернутые в голубой носовой платок.

«Она вас предаст».

Неужели она это подстроила? Предупреждение Чумного Лекаря яснее ясного, но вряд ли враг способен вызвать в душе такие теплые, родственные чувства. Может быть, Анна и помнит больше событий из прежнего витка, но если эти сведения призваны сделать нас противниками, то почему я запомнил из прошлой жизни только ее имя, зная, что буду гоняться за ней, как щенок за палкой. Нет, предательство заключается лишь в том, что я дал ей лживое обещание, но это можно исправить. Надо только придумать, как рассказать Анне всю правду.

Глотаю таблетки всухую и, цепляясь за стену, перехожу в спальню Стэнуина.

На кровати все еще спит телохранитель, за окнами смеркается. Смотрю на часы – шесть вечера, а значит, гости уже возвращаются с охоты, а вместе с ними и Стэнуин. Может быть, они уже на лужайке перед особняком или даже поднимаются по лестнице.

Надо уходить, пока не вернулся шантажист.

Таблетки почти не помогают, голова кружится, пол выскальзывает из-под ног. Я бреду по коридору восточного крыла, откидываю портьеру, выхожу на лестничную площадку над вестибюлем. Каждый шаг дается с трудом. Наконец я вваливаюсь в спальню доктора Дикки. Меня тошнит. В спальне, как и в других комнатах этого крыла, у одной стены стоит кровать под балдахин, а в углу напротив, за ширмой, – ванна и умывальник. В отличие от Белла, добрый доктор украсил свое временное жилье фотографиями внуков, повесил на стену распятие, у кровати постелил коврик, чтобы по утрам не морозить ноги на холодном полу.

Подобные вольности в чужом доме я воспринимаю как чудо и, разинув рот и забыв о своих ранах, рассматриваю вещицы Дикки. Гляжу на фотографию внуков и впервые задумываюсь, есть ли у меня семья и родственники за пределами Блэкхита, родители или дети, друзья, которые ждут моего возвращения.

Заслышав шаги в коридоре, я роняю фотографию на тумбочку. Стекло в рамке разбивается. Шаги стихают вдали, но я вспоминаю о том, что нужно торопиться, ведь мне грозит опасность.

Вытаскиваю из-под кровати саквояж доброго доктора, вытряхиваю на застланную постель содержимое: пузырьки, ножницы, шприцы и бинты. Последней из саквояжа вываливается Библия короля Иакова, падает на пол, раскрывается. Слова и абзацы на ее страницах подчеркнуты красным, так же как в Библии Себастьяна Белла.

«Это шифр».

По лицу Дарби расплывается волчья ухмылка – он распознает мошенника. Похоже, Дикки приторговывает наркотиками вместе с Беллом. Теперь понятно, почему он так заботится о самочувствии Белла, – боится, что его секрет раскроется.

Я фыркаю. В особняке и без того полно тайн, но мне нужна не эта.

Беру бинты и пузырек йода, подхожу к раковине и начинаю операцию.

Без наркоза.

Выдергиваю осколок за осколком, по пальцам течет кровь, заливают мне лицо, капает с подбородка в раковину. От боли глаза слезятся, все вокруг плывет, но за полчаса я наконец-то избавляюсь от своего фарфорового венца. Меня утешает лишь то, что Джонатану Дарби больно не меньше моего.

Тщательно удалив все осколки, перебинтовываю голову, закрепляю повязку английской булавкой и смотрю в зеркало.

Повязка прекрасна. Мой вид ужасен.

Бледное лицо, впалые глаза. Сорочка заляпана кровью, я срываю ее, остаюсь в майке. Я разбит, растерзан, трещу по швам. Чувствую, как распадаюсь на лоскуты.

– Какого черта! – восклицает доктор Дикки в дверях.

Он только что вернулся с охоты, промок насквозь, продрог до костей, от холода посерел, как зола на каминной решетке; даже усы уныло обвисли.

Он обводит спальню взволнованным взглядом, и я внезапно осознаю всю степень разрушений. Разбитая рамка с фотографией любимых внуков заляпана кровью, Библия валяется на полу, содержимое саквояжа рассыпано по кровати, умывальный таз полон кровавой воды, окровавленная сорочка небрежно брошена в ванну. Наверное, в операционной после сложной ампутации порядка больше.

Доктор Дикки замечает меня – в майке, с наскоро забинтованной головой, – и его недоуменное возмущение сменяется яростью.

– Джонатан, что вы наделали? – гневно вопрошает он.

– Простите, я не знал, к кому еще обратиться, – испуганно говорю я. – Вы ушли на охоту, а я хотел отыскать в спальне Стэнуина хоть что-нибудь, чтобы помочь матушке, и нашел его блокнот.

– Блокнот? – сдавленно переспрашивает он. – Вы забрали блокнот из апартаментов Стэнуина? Джонатан, немедленно верните его на место. Ну, скорее же! – кричит он, чувствуя мое замешательство.

– Не могу. На меня напали. Кто-то ударил меня вазой по затылку и украл блокнот. Я истекал кровью, боялся, что телохранитель проснется, поэтому и пришел к вам.

Последние слова падают в зловещую тишину. Доктор Дикки бережно возвращает фотографию внуков на место, медленно складывает медицинские принадлежности в саквояж и засовывает его под кровать. Движения его натужны, будто мой секрет сковал его по рукам и ногам.

– Ох, я сам виноват, – бормочет он. – Знал же, что вам нельзя верить, но я так беспокоюсь за вашу матушку, что...

Он качает головой, отстраняет меня, подбирает сорочку из ванны. В его действиях сквозит пугающая отрешенность.

– Я не хотел...

– С моей помощью вы обокрали Теда Стэнуина, – тихо произносит он, опираясь ладонями на край буфета. – А Стэнуин меня одним пальцем в порошок сотрет.

– Извините... – лепечу я.

Он резко оборачивается, пышет гневом:

– Ваши извинения ничего не значат, Джонатан. Точно так же вы извинялись за случай в Эндерли-хаусе, а потом в Литтл-Хэмптоне. Не забыли еще? Значит, теперь вы меня решили

накормить своими лживыми извинениями?! – Он сует мне скомканную сорочку. На щеках горят пятна румянца, в глазах стоят слезы. – Вы хоть помните, скольких женщин опозорили? А потом, рыдая, бежали искать защиты у матушки, умоляли ее помочь, обещали, что ничего подобного не повторится, – и лгали, лгали! И вот сейчас лжете мне, глупому доктору Дикки. Нет уж, с меня хватит. Вы одним своим присутствием все вокруг портите, с тех самых пор, как я помог вам появиться на свет. Боже мой!

Я умоляюще подступаю к нему, а он выхватывает из кармана серебристый пистолет и тут же бессильно опускает руку, даже не смотрит на меня.

– Уходите, Джонатан. Убирайтесь отсюда, или я вас пристрелю!

Не спуская глаз с пистолета, я пячусь к выходу, переступаю порог, закрываю за собой дверь.

Сердце бешено колотится.

Это тот самый пистолет, из которого сегодня вечером застрелится Эвелина. В руках у доктора Дикки – орудие убийства.

29

Трудно сказать, как долго я стою, разглядывая в зеркале Джонатана Дарби. Пытаюсь отыскать след того, кто внутри, малейший намек на мое настоящее лицо.

Хочу, чтобы Дарби увидел своего палача.

Виски согревает глотку; бутылка, сташенная из гостиной, уже наполовину пуста. Доктор Дикки подтвердил то, что мне и без того известно: Дарби – чудовище, его преступления отмыты материнскими деньгами. Его не настигнет ни кара, ни суд, ни возмездие. Чтобы он сполна расплатился за свои злодеяния, я должен лично отправить его на эшафот. Именно это я и сделаю.

Но сначала нужно спасти Эвелину Хардкасл.

Я невольно обращаю взгляд к серебристому пистолету, который валяется на кресле, будто сбитая на лету муха. Украсть его было легче легкого. Всего-то и надо было, выдумав подходящий предлог, отправить служанку за доктором, а как только он уйдет, прокрасться в спальню и забрать пистолет с прикроватной тумбочки. Я больше не следую заведенному распорядку дня, а устанавливаю свой распорядок. Если кому-то вздумается застрелить Эвелину из этого пистолета, то только через мой труп. И к черту дурацкие загадки Чумного Лекаря! Я ему больше не верю. И не стану равнодушно наблюдать за жутким злодейством. Джонатан Дарби отныне будет вершить только добрые дела.

Засовываю пистолет в карман пиджака, делаю последний глоток виски, выхожу в коридор и вместе с остальными гостями спускаюсь по лестнице к ужину. Поведение гостей небезупречно, но во вкусе им не откажешь. Глубоко декольтированные вечерние платья, открытые спины, бледная кожа, сверкающие украшения. Унылая рассеянность сменяется экстравагантным очарованием. С наступлением вечера все оживает.

Как обычно, я внимательно разглядываю лица, пытаюсь отыскать лакея. Он обязательно появится; чем ближе к ночи, тем больше я уверен в том, что случится нечто ужасное. Зато схватка будет честной. Привлекательных черт характера у Дарби почти нет, но в гневе он страшен. Даже мне трудно с ним справиться. Если его хорошенько разозлить, я не завидую тому, на кого Дарби накинется.

У входа в гостиную стоит Майкл Хардкасл, с натянутой улыбкой приветствует гостей, будто на самом деле рад каждому. Я хотел расспросить его о загадочной Фелисити Мэддокс и о ее письме, но придется сделать это позже. Сейчас нас разделяет несокрушимая стена тафты и галстуков-бабочек.

Сквозь толпу следую за фортепианной музыкой в галерею; там гостям предлагают коктейли, пока за закрытыми дверями слуги накрывают столы в обеденном зале. Беру с подноса бокал виски, ищу взглядом Миллисент. Хочу дать Дарби возможность попрощаться с матерью, но ее нигде нет. Из всех знакомых вижу только Себастьяна Белла, идущего через вестибюль к своей спальне.

Останавливаю горничную, спрашиваю, где Хелена Хардкасл, но хозяйка особняка еще не появилась. Значит, ее не было весь день. Отсутствие превращается в исчезновение. Леди Хардкасл пропадает в день смерти своей дочери. Вряд ли это можно назвать случайным совпадением, но неизвестно, кто она – подозреваемая или жертва. Впрочем, я твердо намерен это выяснить.

Мой бокал пуст, в голове туман. Меня окружают смех и разговоры, друзья и любовники. Дарби раздражает веселье присутствующих. Я чувствую его отвращение, его неприязнь. Он ненавидит и этот мир, и это общество. Он ненавидит себя.

Слуги проносят мимо серебряные подносы для предсмертной трапезы Эвелины Хардкасл.

«Почему она не выказывает страха?»

До меня доносится ее смех. Она беззаботно развлекает гостей, будто у нее вся жизнь впереди, однако же, когда утром Рейвенкорт упомянул об опасности, было заметно, что Эвелина об этом подозревает.

Оставляю бокал, прохожу через вестибюль и направляюсь к спальне Эвелины. Может быть, там отыщется какой-нибудь ответ.

Светильники притушены. Здесь, в этом забытом краю, царит тишина и уныние. Дохожу до середины коридора, и в сумраке передо мной возникает красное пятно.

Ливрея.

Лакей преграждает мне путь.

Я замираю. Оглядываюсь, лихорадочно соображаю, успею ли добежать к выходу, прежде чем он на меня набросится. Нет, маловероятно. Вдобавок ноги не слушаются.

– Прошу прощения, сэр, – раздается звонкий голос.

Лакей выступает вперед – невысокий худощавый мальчишка лет тринадцати, весь в прыщях.

– Прошу прощения, сэр, – повторяет он с робкой улыбкой, и я наконец-то соображаю, что он пытается меня обойти.

Бормочу какие-то извинения, уступаю ему дорогу и перевожу дух.

Лакей запугал меня, и намек на его присутствие лишает сил даже отчаянного Дарби, который поколотил бы солнце за то, что оно слишком ярко светит. Что замышляет лакей? Почему он не убил Белла и Рейвенкорта, а только измывался над ними? Если так пойдет дальше, то он с легкостью избавится от всех моих ипостасей.

Что ж, не зря он прозвал меня кроликом.

Я с опаской пробираюсь к спальне Эвелины, но дверь закрыта. Стучу, никто не отзывается. Не хочу уходить с пустыми руками, отступаю на шаг, собираюсь высадить плечом дверь, но тут замечаю, что дверь в спальню Хелены расположена точно так же, как дверь в апартаменты Рейвенкорта. Заглядываю в обе комнаты, убеждаюсь, что они одинакового размера. Значит, спальня Эвелины раньше была приемной. В таком случае в спальне Хелены должна быть дверь в соседнюю комнату. А замок на двери спальни Хелены сломали еще утром.

Моя догадка оправдывается: внутренняя дверь прикрыта роскошным гобеленом на стене. К счастью, дверь не закрыта, и я проскальзываю в комнату Эвелины.

Эвелина занимает не каморку, как можно было предположить, зная о ее натянутых отношениях с родителями, а скромную, но вполне приличную спальню. Посреди комнаты стоит кровать под балдахином, в углу за шторкой – ванна и умывальник. Горничная здесь еще не убирала, поэтому ванна полна холодной грязной воды, на полу валяются влажные полотенца, на туалетном столике – небрежно брошенное ожерелье и кучка смятых салфеток со следами косметики. Шторы задернуты, в камине жарко горят дрова. Огонь и четыре керосиновые лампы по углам комнаты разгоняют полумрак.

Я дрожу от восторга, меня окатывает горячая волна возбуждения Дарби. Моя душа пытается отгородиться от него, и я с трудом сдерживаюсь, перебирая вещи Эвелины в поисках хоть какого-нибудь намека на то, что заставит ее сегодня вечером выйти к пруду. Судя по всему, она весьма неряшливая особа, вещи распаханы по шкафам как попало, груды украшений перемешаны со скомканными шарфами и шальями. По беспорядку понятно, что Эвелина не подпускает горничную к своим вещам. И свои секреты прячет не только от меня.

Недоуменно смотрю, как моя рука жадно поглаживает шелковую блузку, и внезапно осознаю, что делаю это не по своей воле.

Это Дарби.

С криком отдергиваю руку, захлопываю шкаф.

Чувствую его вожделение. Еще чуть-чуть – и он заставит меня упасть на колени, зарыться в ее вещи, вдохнуть ее запах. Этот зверь на секунду овладевает мной.

Утираю испарину со лба, перевожу дух, приходя в себя, и продолжаю поиски.

Сосредотачиваюсь на своих мыслях, не оставляю ни шелки, куда мог бы просочиться Дарби. Поиски безуспешны. Обнаруживаю только старый альбом с памятками о прошлом Эвелины: письма от Майкла, детские фотографии, стихи и юношеские заметки. Все это создает образ одинокой девушки, которая любит брата и очень по нему скучает.

Закрываю альбом, запихиваю его на прежнее место, под кровать, и тихонько выхожу из комнаты, увлакивая с собой сопротивляющегося Дарби.

30

Сию в кресле в темном углу вестибюля, откуда хорошо видна дверь в спальню Эвелины. Ужин уже начался, но через три часа Эвелина погибнет, и я намерен следить за каждым ее шагом, до самого пруда.

Такое терпение Дарби несвойственно. Однако же я замечаю, что он любит курить, и, как ни странно, мне это помогает, потому что табачный дым туманит сознание и заглушает гаденькие мысли Дарби. Такое вот неожиданное, но приятное преимущество унаследованной привычки.

– Все готовы, назначайте время. – Каннингем возникает из тумана, приседает на корточки у моего кресла. На лице камердинера играет довольная улыбка, которую я объяснить не могу.

– Кто готов? – спрашиваю я.

Улыбка сменяется смущением. Он поспешно встает:

– Простите, мистер Дарби, я думал, что это кто-то другой.

– А я и есть кто-то другой, Каннингем. Это я, Айден. Но все равно не понимаю, о чем вы.

– Вы велели собрать всех вместе.

– Ничего подобного.

Судя по всему, мы недоумеваем с одинаковой силой, потому что лицо Каннингема морщится так же, как мой мозг.

– Прошу прощения, но он сказал, что вы все поймете, – говорит Каннингем.

– Кто сказал?

В вестибюле раздается какой-то шум; я поворачиваюсь и вижу, как по мраморному полу бежит рыдающая Эвелина, закрывая лицо руками.

– Вот, возьмите, мне пора. – Каннингем вручает мне листок бумаги, на котором написано «Все они».

– Погодите! Что все это значит? – запоздало кричу я ему.

Он скрывается из виду.

Я бы бросился за ним, но следом за Эвелиной в вестибюль вбегает Майкл. Вот ради этого я сюда и пришел. Сейчас происходит то, что превратит Эвелину из доброй и храброй женщины, которую встретил Белл, в надменную наследницу, одержимую манией самоубийства, которая застрелится у пруда.

– Эвелина, куда ты?! Не уходи! Лучше скажи, что я должен сделать. – Майкл хватается за локоть.

Она мотает головой, слезы сверкают в пламени свечей, как бриллианты в ее диадеме.

– Я... – всхлипывает она. – Мне надо...

Она снова мотает головой, вырывается, пробегает мимо меня в спальню. Лихорадочно вставляет ключ в замок, проскальзывает внутрь, захлопывает дверь. Майкл расстроено смотрит ей вслед, берет бокал портвейна с подноса, который Мадлен несет в обеденный зал.

Майкл одним глотком опустошает бокал. На щеках вспыхивает румянец.

Он забирает поднос у камеристки.

– Я сам с этим разберусь. – Он указывает на спальню Эвелины и велит: – А вы ступайте к своей госпоже.

Секунду спустя он уже сожалеет о своем благородном поступке, потому что не знает, что делать с тридцатью бокалами хереса, портвейна и бренди.

Мадлен стучит в дверь спальни, умоляет Эвелину впустить ее, расстраивается все больше и больше. Наконец она возвращается в вестибюль, где Майкл все еще не знает, куда бы пристроить поднос.

– Увы, мадемуазель очень... – Мадлен огорченно разводит руками.

– Ничего страшного, – устало вздыхает Майкл. – Сегодня очень трудный день. Сейчас лучше оставить ее в покое, она сама вас позовет.

Мадлен мешкает, неуверенно глядит на дверь Эвелины, но потом все-таки уходит по черной лестнице на кухню.

Майкл, все еще держа поднос, озирается и замечает меня.

– Я похож на полного дурака, – говорит он, краснея.

– Нет, на неумелого официанта. Что, ужин не удался?

– Это все из-за Рейвенкорта, – объясняет он, опуская поднос на подлокотники кресла. – У вас сигареты не найдется?

Выныриваю из тумана, вручаю ему сигарету, даю прикурить.

– А обязательно отдавать ее замуж за Рейвенкорта?

– Мы на грани полного разорения, дружище. – Он делает глубокую затяжку. – Отец скупил все истощенные месторождения и все неплодородные плантации в империи. Через пару лет у нас не останется ни пенса.

– Но ведь Эвелина не в ладах с родителями. Почему же она согласилась на этот брак?

– Из-за меня, – признается он. – Родители пригрозили лишить меня наследства, если она откажется. Мне, конечно, льстит ее самоотверженность, но совесть все-таки мучает.

– Неужели другого выхода нет?

– Отец выжал все, что мог, из тех банкиров, которые готовы ссужать деньги титулованным особам. А без финансовой поддержки Рейвенкорта мы... если честно, не знаю, что именно произойдет, но мы обнищаем, и нам придется худо.

– Как и большинству людей в стесненных обстоятельствах.

– Ну, у них есть опыт... – Он стряхивает пепел на пол. – А почему у вас голова забинтована?

Я смущенно притрагиваюсь к повязке, о которой совсем забыл:

– Да так, это я неудачно пообщался с Тедом Стэнуином. Услышал, как он отчитывает Эвелину из-за какой-то особы по имени Фелисити Мэддокс, и решил вмешаться.

– Фелисити? – переспрашивает он.

– Вы с ней знакомы?

Он глубоко затягивается сигаретой, медленно выдыхает струйку дыма.

– Это давняя подруга моей сестры. С чего бы это они ее вспомнили? Эвелина с ней уже много лет не виделась.

– Она здесь, в Блэкхите. Оставила для Эвелины записку у колодца.

– Вы уверены, что это она? Ее сюда никто не приглашал, и Эвелина мне ничего не говорила.

Из-за дверей появляется доктор Дикки, подходит ко мне, кладет руку на плечо и шепчет мне на ухо:

– Пойдемте со мной. С вашей матушкой беда...

Очевидно, случилось нечто ужасное, что заставило доктора забыть и о нашей недавней размолвке, и о неприязни ко мне.

Извиняюсь перед Майклом, спешу вслед за доктором Дикки. С каждым шагом меня охватывает ужас. Наконец доктор вталкивает меня в ее спальню.

Окно распахнуто, холодный ветер колышет пламя свечей. Несколько секунд я всматриваюсь в полумрак, наконец вижу Миллисент. Она лежит в кровати, на боку, бездыханная, закрыв глаза, будто решила отдохнуть. Она почти одета к ужину, седые волосы, обычно встрепанные, сейчас гладко зачесаны назад.

– Мои соболезнования, Джонатан, – говорит доктор. – Я знаю, вы были очень близки.

Горе сдавливает горло. Не могу успокоиться, хоть и уговариваю себя, что эта женщина мне не мать.

Неожиданно подкатывают слезы. Я дрожу, сажусь на стул у кровати, беру в ладони еще теплую руку.

– Сердечный приступ, – расстроено поясняет доктор Дикки. – Все произошло внезапно.

Он стоит по другую сторону кровати. На его лице, как и на моем, глубокая скорбь. Он смахивает слезу, закрывает окно, преграждая путь ветру. Пламя свечей вытягивается во фронт, комнату заливают золотистое сияние.

– А если ее предупредить?

Он удивленно смотрит на меня и, сочтя мой вопрос проявлением расстроенных чувств, негромко отвечает:

– Нет. Предупредить об этом невозможно.

– А если...

– Джонатан, ее время истекло, – мягко напоминает он.

Я киваю. Ни на что другое сил нет. Доктор Дикки что-то еще говорит, слова обволакивают меня, но я их не слышу и не понимаю. Моя скорбь – бездонный колодец. Я бросаюсь в него, надеясь долететь до дна. Чем глубже я падаю, тем больше осознаю, что оплакиваю не только Миллисент Дарби. В глубине, под горем Джонатана Дарби, кроется нечто, принадлежащее только Айдену Слоуну. В самой сердцевине прячутся неутолимое отчаяние, печаль и гнев. Скорбь Джонатана Дарби проявила эти ощущения, но я не в состоянии полностью их раскрыть, извлечь на свет из темноты.

«Не смей их раскапывать».

– Что это?

«Часть твоего настоящего „я“. Оставь ее в покое».

Меня отвлекает стук в дверь. Смотрю на часы: оказывается, прошло больше часа. Я даже не заметил, как ушел доктор.

В комнату заглядывает Эвелина. Лицо бледное, щеки покраснелись от холода. Она по-прежнему одета в синее вечернее платье, уже изрядно измятое. Из кармана длинного бежевого пальто выглядывает диадема. Резиновые сапоги размазывают по полу грязь и палые листья. Очевидно, они с Беллом только что вернулись с кладбища.

– Эвелина... – начинаю я, но давлюсь горем.

Она собирает расколотое мгновение воедино, укоризненно цокает языком и решительно направляется к бутылке виски на буфете в дальнем конце комнаты. Потом подносит стакан мне ко рту и резко опрокидывает его, заставляя меня одним глотком выпить содержимое.

Я фыркаю, отталкиваю стакан. Виски течет по подбородку.

– Зачем вы...

– В своем теперешнем состоянии вы мне не помощник.

– Я – ваш помощник?

Она окидывает меня пристальным, оценивающим взглядом, потом протягивает мне носовой платок.

– Утрите и приведите себя в порядок, – говорит она. – На вашей наглой физиономии скорбь неуместна.

– Но как...

– Это долгая история, а у нас нет времени.

Я тупо сижу, пытаюсь сообразить, что случилось, и жалею, что не так умен, как Рейвенкорт. Мне никак не удастся разобраться в происходящем. Мне кажется, что я гляжу на все через туманное увеличительное стекло, а Эвелина, безмятежная, как летний полдень, накрывает тело Миллисент простыней. Мне за ней попросту не угнаться.

Очевидно, истерика из-за помолвки была разыграна исключительно для публики, потому что теперь Эвелина не выказывает ни малейшего огорчения. Взгляд ее ясен, голос задумчив.

– Значит, сегодня умру не только я. – Она легонько проводит рукой по седой голове старой дамы. – Какая жалость.

От изумления я роняю стакан:

– Вы знаете о...

– О пруде? Да, конечно. Странно все это, – произносит она мечтательно, как будто описывает нечто, когда-то услышанное и полузабытое.

Если бы не резкость, с которой звучат ее слова, я бы решил, что она теряет рассудок.

– Вы как-то очень спокойно к этому относитесь, – осторожно говорю я.

– Это вы меня утром не видели. Я от злости на стены лезла.

Эвелина касается края туалетного столика, открывает шкатулку с украшениями, разглядывает щетку с перламутровой ручкой – как будто завистливо, но на самом деле почтительно.

– Кто желает вам смерти? – спрашиваю я, взволнованный ее странным поведением.

– Не знаю. Я проснулась, а мне под дверь просунули записку. С подробными инструкциями.

– А вам известно, от кого записка?

– У констебля Раштона есть некоторые соображения на этот счет, но он ими не делится.

– У Раштона?

– Ну да, вы же с ним приятели. Он мне сказал, что вы помогаете ему расследовать дело, – презрительно говорит она.

Во мне разгорается любопытство, и я не обращаю внимания на пренебрежительный тон. Может быть, Раштон – еще одна моя ипостась? Может быть, это он велел Каннингему передать мне записку со словами «Все они» и собрать вместе каких-то людей? Как бы то ни было, он включил меня в свои планы. Правда, пока неясно, можно ли ему доверять.

– Когда Раштон с вами беседовал? – спрашиваю я.

– Мистер Дарби, – твердо говорит она, – я с удовольствием ответила бы на все ваши вопросы, но у нас нет времени. Через десять минут я должна быть у пруда. Поэтому я к вам и пришла. Мне нужен серебристый пистолет, который вы забрали у доктора.

– Неужели вы и впрямь намерены... – Я встревоженно вскакиваю с места.

– Насколько мне известно, ваши друзья вот-вот отыщут моего убийцу. Это вопрос времени. Если меня не будет у пруда, то убийца заподозрит неладное, а этого нельзя допустить.

Я бросаюсь к ней, сердце отчаянно колотится.

– По-вашему, им уже известно, кто за всем этим стоит? – восторженно восклицаю я. – Вам известно, кого именно подозревают?

Эвелина подносит к свету одно из украшений Миллисент Дарби – камею слоновой кости на голубом кружеве. Ее рука дрожит, хотя до этого Эвелина не проявляла никаких признаков страха.

– Пока нет, однако я надеюсь, что все скоро выяснится. И что ваши друзья спасут меня, прежде чем я вынуждена буду совершить... непоправимое.

– Непоправимое?

– В записке ясно говорилось, что я должна застрелиться на берегу пруда ровно в одиннадцать часов вечера, иначе вместо меня погибнет тот, кто мне очень дорог.

– Фелисити? Я знаю, что она оставила для вас записку у колодца, а прежде вы обратились к ней с просьбой о помощи в каком-то деле, которое касалось ваших отношений с матерью. Майкл сказал, что она – ваша давняя подруга. Ей грозит опасность? Ее похитили?

Это объяснило бы, почему мне до сих пор не удалось ее отыскать.

Эвелина захлопывает шкатулку, поворачивается ко мне, опирается о столешницу:

– Не считите меня невежливой, но, по-моему, вам пора. Меня просили напомнить вам о камне, за которым надо следить. Вам понятно, что значат эти загадочные слова?

Я киваю, вспомнив просьбу Анны. Я должен стоять у камня в тот момент, когда Эвелина застрелится. И не двигаться. Ни на шаг.

– В таком случае я выполнила свою задачу и тоже ухожу, – заявляет Эвелина. – Где серебристый пистолет?

Пистолет выглядит игрушкой даже в ее тонких пальцах; не оружие, а украшение, стрелять из такого неловко. Я задумываюсь, в чем смысл такого странного орудия смерти и не менее странного способа покончить с жизнью. Может быть, в этом есть какой-то подспудный намек? Эвелину хотят сначала подчинить и унижить, а уж потом погубить.

Ее лишают всякого выбора.

– Какая прелестная смертоносная вещица, – вздыхает Эвелина, разглядывая пистолет. – Не опаздывайте, мистер Дарби, от вашей пунктуальности зависит моя жизнь.

Бросив прощальный взгляд на шкатулку, она уходит.

31

Стою, дрожа от холода, рядом с камнем, который Анна положила на траву, боюсь даже сдвинуться чуть влево, к жаровне. Не знаю, зачем я здесь, но если это поможет спасти Эвелину, то буду стоять на этом месте, даже если промерзну насквозь.

Мельком гляжу на купу деревьев, где в сумраке прячется Чумной Лекарь. Он смотрит не на пруд, как мне казалось, когда я видел его глазами Рейвенкорта, а куда-то правее. По наклону его головы понятно, что он с кем-то беседует, но издали не разглядеть с кем. Как бы то ни было, это радует. Эвелина намекнула, что нашла союзников среди остальных моих ипостасей, так что, может быть, там, в кустах, прячется какой-то неизвестный мне помощник.

Ровно в одиннадцать часов Эвелина направляется к пруду; в безвольно опущенной руке зажат серебристый пистолет. Она бредет по дорожке вдоль жаровен, переходя от пламени к тени; подол синего вечернего платья волочится по траве. Мне хочется выхватить у нее пистолет, но чья-то невидимая рука неумолимо орудует загадочными рычагами. Я уверен, что вот сейчас раздастся крик, кто-то выбежит из темноты и скажет Эвелине, что все кончено, что убийца пойман. Она выронит пистолет, разрыдается, а Даниель объяснит, как мы с Анной сможем отсюда выбраться.

Впервые за все время я ощущаю себя частью чего-то большего.

Ободренный этой мыслью, замираю у камня.

Эвелина подходит к самой воде, смотрит на купу деревьев, наверняка вот-вот заметит Чумного Лекаря, но в последний момент отводит взгляд. Она нетвердо стоит на ногах, пошатывается, словно бы движется под музыку, слышную ей одной. Пламя жаровни отражается в гранях бриллиантового ожерелья, будто в горло вливают жидкий огонь. Она дрожит, на лице написано отчаяние.

«Что-то не так».

Оглядываюсь на особняк, где у окна бальной залы Рейвенкорт печально глядит на Эвелину. Какие-то слова срываются с его губ, но помочь ничем не могут.

– Господи, – шепчет Эвелина в ночь.

По ее щекам струятся слезы. Она направляет дуло пистолета в живот и нажимает на спусковой крючок.

Грохот выстрела раскалывает мир, заглушает мой испуганный крик.

Гости в бальной зале цепенеют.

Удивленные лица поворачиваются к пруду, все глаза устремляются к Эвелине. Она зажимает рану на животе, между пальцами сочится кровь. На лице застыло растерянное выражение, будто случилось что-то, чего быть не должно, но, прежде чем она осознает это, колени у нее подгибаются, и она падает ничком в воду.

В ночном небе вспыхивает фейерверк, гости высыпают из зала на лужайку, тычут пальцами, ахают. Кто-то бежит ко мне, тяжело топая по грязи. Поворачиваюсь, и меня толкают в грудь. Я валюсь на землю вместе с неизвестным противником.

Он пытается вскочить, но лишь царапает мне лицо, пинает коленом в живот. Вспыльчивый нрав Дарби вырывается из-под контроля. С громким воплем я колочу по темному силуэту неизвестного, хватаю его за одежду, он ускользает.

Слуги поднимают меня с земли, держат за руки, а я завываю в бессильной ярости, пока с моим противником проделывают то же самое. Кто-то приносит фонарь, и я вижу, как беснуется Майкл Хардкасл, который отчаянно рвется из сильных рук Каннингема к недвижному телу Эвелины.

Я изумленно гляжу на них.

«Все переменилось».

Мое бешенство испаряется, я обмякаю на руках слуг. Смотрю на пруд.

Когда я следил за происходящим глазами Рейвенкорта, Майкл пытался вытянуть сестру из пруда. А теперь какой-то высокий тип в плаще вытаскивает ее на берег и накрывает окровавленное тело пиджаком доктора Дикки.

Слуги выпускают меня, я падаю на колени и вижу, как Каннингем уводит рыдающего Майкла Хардкасла в особняк. Хочу запомнить все чудесные перемены, гляжу по сторонам. У пруда доктор Дикки стоит на коленях у тела Эвелины, о чем-то переговаривается с неизвестным, у которого весьма начальственный вид. В бальной зале на диване сидит Рейвенкорт, задумчиво опирается на трость. Подвыпившие гости, не подозревая о трагедии у пруда, требуют, чтобы музыканты продолжали играть, а слуги слоняются без дела, украдкой крестятся, поглядывая на тело, накрытое пиджаком.

Не знаю, как долго я сижу в темноте, наблюдая за происходящим. Тип в плаще заставляет всех вернуться в особняк. Обмякшее тело Эвелины уносят. Меня пробивает холод, суставы немеют.

А потом меня находит лакей.

Он появляется из-за дальнего угла особняка, на поясе болтается какой-то мешок, с рук капает кровь. Он вытаскивает нож, проводит клинком туда-сюда по краю жаровни. Трудно сказать, точит он клинок или греет его; подозреваю, что это не важно. Он хочет, чтобы я это видел, чтобы слышал жуткий скрежет металла по металлу.

Он смотрит на меня, ждет моей реакции. А я гляжу на него и удивляюсь, как его можно было принять за слугу. Да, он одет в традиционную красно-белую ливрею, но в нем нет и следа услужливости, а движения не суетливы, а ленивы. Он высок, сухощав, русоволос, на каплеобразном лице темнеют глаза, а улыбка очаровательна и насквозь фальшива. Но самое жуткое – его сломанный нос, багровый и распухший, искажающий все его черты.

В свете жаровни лакей похож на чудовище, которое пытается притвориться человеком, но маска сползает с его лица.

Он поднимает нож повыше, придирчиво осматривает клинок, потом срезает им мешок с пояса и швыряет его мне.

Мешок глухо ударяется о землю; мешковина, насквозь пропитанная кровью, перевязана бечевкой. Лакей надеется, что я загляну внутрь, но я не собираюсь ему повиноваться.

Встаю, стягиваю с плеч пиджак, разминаю затекшую шею.

В сознании звучит голос Анны, она велит мне бежать. Мне и впрямь должно быть страшно, в любом другом обличье я бы испугался, ведь это явная западня. Но я устал бояться злодея.

Настало время дать отпор. Я должен убедиться, что способен хотя бы на это.

Мы смотрим друг на друга. Завывает ветер, хлещет дождь. Разумеется, лакей подстегивает меня к действию. Он отворачивается и бежит в темный лес.

Взревев, я несусь за ним.

В лесу деревья толпой обступают меня, ветви царапают лицо, листва густеет.

Ноги устают, но я продолжаю бежать, пока не понимаю, что больше не слышу топота.

Я останавливаюсь, оборачиваюсь, перевожу дух.

Лакей тут же набрасывается на меня, зажимает мне рот, а клинок пропарывает мне бок и раздирает грудную клетку. В горле клокочет кровь. Ноги подкашиваются, но сильные руки удерживают меня стоймя. Лакей дышит прерывисто, возбужденно – не от усталости, а от восторга, от предвкушения.

Чиркает спичка, перед глазами вспыхивает крошечный огонек.

Лакей стоит на коленях передо мной, пронзает меня безжалостным взглядом черных глаз. – Храбрый кролик, – говорит он и перерезает мне горло.

32

День шестой

– Проснитесь! Да проснитесь же, Айден!

Кто-то барабанит в дверь.

– Айден, проснитесь!

Давлюсь усталостью, моргаю, озираюсь. Я сижу в кресле, обливаясь холодным потом, путаюсь в промокшей одежде. Ночь, на столе горит свеча. На коленях у меня плед, дряхлые руки лежат на обтрепанном томике. Набухшие вены змеятся под морщинистой кожей, покрытой старческими и чернильными пятнами. Разминаю затекшие пальцы, суставы ноют.

– Айден, откройте! – кричат из-за двери.

Встаю с кресла, бреду к двери, застарелая боль потревоженным роем ос расползается по телу. Скрипят петли, нижний край двери с визгом задевает пол. В проеме возникает сухопарый силуэт Грегори Голда, бессильно опирающегося о дверную раму. Голд выглядит почти так же, как при нападении на дворецкого, только сейчас он тяжело дышит, а его фрак разорван и заляпан грязью.

В кулаке он сжимает шахматную фигуру, которую мне дала Анна; как и мое имя, это лишний раз подтверждает, что он – одна из моих ипостасей. Однако встреча с ним не радует: он чем-то взбудоражен и напуган, словно за ним гонятся черти из преисподней.

Он хватает меня за плечи, озирается, воспаленные темные глаза бегают из стороны в сторону.

– Не выходите из кареты, – бормочет он, брызжа слюной. – Ни в коем случае не выходите из кареты.

Его страх заразителен.

– Что с вами? – дрожащим голосом спрашиваю я.

– Он... он не перестает...

– Не перестает что?

Голд мотает головой, хлопает себя по вискам, захлебывается слезами. Я не знаю, как его утешить.

– Не перестает что, Голд? – снова спрашиваю я.

– Резать. – Он задирает рукав сорочки, показывает глубокие ножевые порезы на руке – такие же, как у Белла в самое первое утро.

– Как ни упирайся, а ее предашь, расскажешь обо всем обо всем, даже если не хочешь, все равно скажешь, – торопливо бормочет он. – Их двое. Двое. Выглядят одинаково, но их двое.

Ясно, что он лишился рассудка. В нем не осталось ни капли здравомыслия. Протягиваю руку, приглашаю его пройти в спальню. Он отшатывается, пятится к дальней стене.

– Не выходите из кареты, – шипит он и уходит в сумрак.

Я выглядываю из спальни, но в особняке слишком темно. Пока я хожу за свечой, коридор пустеет.

33

День второй (продолжение)

Тело дворецкого, боль дворецкого, тяжесть снотворного. Похоже на возвращение домой.

Лежу в полудреме, вот-вот скачусь в сон.

Смеркается. По крохотной комнате расхаживает какой-то человек с ружьем в руках.

Это не Чумной Лекарь. Это не Голд.

Он слышит, как я шевельнулся, и оборачивается. Он в сумраке, я не вижу его лица.

Раскрываю рот, но не могу произнести ни звука.

Закрываю глаза и снова погружаюсь в забытие.

34

День шестой (продолжение)

– Отец.

Вздрагиваю, заведя у самого лица веснушчатую юношескую физиономию. Молодой человек рыжеволос и голубоглаз. Я опять старик, сижу в кресле, с пледом на коленях. Юноша наклоняется ко мне, сцепив руки за спиной, будто стыдится их вида.

Я морщусь, и он поспешно отступает на шаг.

– Вы просили разбудить вас в четверть десятого, – извиняющимся тоном произносит он.

От него пахнет виски, табаком и страхом. Страх переполняет его, окрашивает желтизной белки глаз, боязливых и затравленных, как у загнанного зверя.

За окном светло, свеча давно погасла, угли в камине подернулись золой. Смутное воспоминание о дворцеком говорит о том, что после визита Голда я задремал, но сам я этого не помню. Ужас того, что испытал Голд, – того, что вскоре предстоит испытать мне, – до самого рассвета не давал мне заснуть.

«Не выходите из кареты».

Это и предостережение, и просьба. Он хочет, чтобы я изменил день, что одновременно восхищает и пугает. Я знаю, что это возможно, я своими глазами видел перемены, но если я измыслию, как что-то изменить, то и лакей на это способен. Кто знает, может быть, все мы ходим кругами, разрушая замыслы друг друга. Теперь все дело не только в том, чтобы найти правильный ответ, а в том, чтобы успеть сообщить его Чумному Лекарю.

Надо при первой же возможности побеседовать с художником.

Поерзав в кресле, я откидываю плед и замечаю, как вздрагивает юноша. Он замирает, искоса поглядывает на меня. Бедный мальчик. Из него выбили всю храбрость, а теперь пинают за трусость. Мое сочувствие не находит отклика у подлинного хозяина этого обличья, который презирает своего сына и считает его кротость невыносимой, а молчание – оскорбительным. Сын – унижительная неудача, полный провал.

Единственный.

Мотаю головой, стараюсь отделаться от стариковских сожалений. Личные воспоминания Белла, Рейвенкорта и Дарби ощущались смутно, как в дымке, а перипетии этой жизни рассыпаны вокруг меня и постоянно напоминают о себе.

Плед создает впечатление дряхлости, однако же я встаю с кресла без особых затруднений, разминаю затекшие суставы, распрямляюсь во весь свой немалый рост. Мой сын отходит в угол комнаты, скрывается в сумраке. Расстояние между нами невелико, но в новом воплощении я подслеповат. Ищу очки, осознаю, что это бесполезно. Старик полагает возраст слабостью, проявлением бессилия. Он не признает ни очков, ни трости, ни какой-либо помощи. Все тяготы жизни он сносит сам. В одиночестве.

Сын пытается угадать мое настроение, следит за выражением моего лица, как за тучами, предвещающими грозу.

– Ну, что там у тебя? – ворчу я, раздосадованный его уклончивостью.

– Позвольте мне сегодня не пойти на охоту. – Он преподносит мне слова, будто кроликов голодному волку.

Просьба меня раздражает. Молодежь любит охоту. Кто из юнцов предпочтет пресмыкаться в темных закутках, вместо того чтобы торжествующе шествовать по миру? Я жажду ему отказать, покарать его за предосудительную слабость характера, но подавляю свое желание. Нам будет лучше друг без друга.

– Так и быть, – отмахиваюсь я.

– Спасибо, отец. – Он торопливо выскальзывает из комнаты, пока я не передумал.

Мое дыхание тут же расслабляется, кулаки разжимаются. Гнев выпускает меня из крепких объятий, дает возможность присмотреться к обстановке, отыскать в ней следы ее нынешнего обитателя.

На прикроватной тумбочке лежат стопки книг о туманных аспектах юриспруденции. В одной из них торчит закладка – приглашение на бал-маскарад, адресованное Эдварду и Ребекке Дэнс. При виде этого имени я сокрушенно вздыхаю. Вспоминаю лицо Ребекки, ее запах. Ее присутствие. Рука тянется к шее, пальцы касаются медальона, где спрятан ее портрет. Горе Дэнса – глухая скорбь, одинокая слезинка. Он не позволяет себе большей роскоши.

Сейчас не время горевать. Постукиваю по приглашению, шепчу:

– Дэнс.

Неподходящее имя для такого угрюмого человека².

Тишину пронзает стук, дверная ручка поворачивается, дверь распаивается. В спальню входит неопрятный дородный мужчина, почесывая копну седых волос, с которых дождем сыплется перхоть. Встрепанные седые бакенбарды, покрасневшие глаза и мятый синий костюм внушали бы отвращение, если бы не легкость, с которой он себя держит.

Увидев меня, незнакомец перестает чесаться и удивленно моргает:

– Это ваша спальня, Эдвард?

– Скажем так, проснулся я здесь, – с опаской отвечаю я.

– Черт возьми, я забыл, куда меня поселили.

– А где же вы спали?

– В оранжерее, – заявляет он, почесывая подмышку. – Мы с Харрингтоном поспорили, что я за четверть часа выпью бутылку портвейна. Ну, что было потом, я не помню, а утром меня разбудил этот проходимец Голд своими безумными воплями.

Имя Голда напоминает мне о его вчерашних предупреждениях и о глубоких порезах на руке. «Не выходите из кареты», – сказал он. Значит ли это, что мне предстоит уехать отсюда? Но куда? Как известно, даже в деревню добраться невозможно, так что о путешествиях лучше забыть.

– Голд не говорил, что он собирается делать? – спрашиваю я.

– У меня с ним разговор короткий, Дэнс, – пренебрежительно фыркает он. – Я сразу понял, что он за тип, и пригрозил, что глаз с него не спущу. – Он оглядывает спальню. – Я тут, случайно, бутылки не оставлял? Голова раскалывается, надо чем-нибудь подлечиться.

Я не успеваю ответить, а он уже начинает выдвигать ящики комода, потом распаивает дверцы платяного шкафа, ощупывает карманы моих костюмов, после чего поворачивается и подозрительно озирается, будто услышал львиный рев среди саванны.

В дверь снова стучат. Новый посетитель – капитан Клиффорд Харрингтон, занудный флотский офицер, сосед Рейвенкорта за ужином.

– Пойдемте уже, – говорит он, глядя на часы. – Старина Хардкасл нас заждался.

Освобожденный от ига крепких напитков, он щеголяет военной выправкой и держится с властной уверенностью.

– Что ему от нас нужно?

– Понятия не имею, – отвечает Харрингтон. – Вот он сам нам все и расскажет.

– Мне нужен виски на дорожку, – заявляет первый гость.

– В сторожке найдется выпивка, Сатклифф, – говорит бравый капитан, не скрывая нетерпения. – Вдобавок вы же помните, Хардкасл в последнее время стал таким серьезным, что к нему лучше не появляться навеселе.

Моя связь с новым обликом так глубока, что при одном упоминании имени лорда Хардкасла я невольно фыркаю. Дэнс приехал в Блэкхит ненадолго, чтобы завершить свои дела с

² Dance (англ.) – танец.

семейством. Мне же, напротив, хочется расспросить владельца имения о его пропавшей жене, и мое желание встретиться с Хардкаслем досаждают Дэнсу, как прикосновение наждачной бумаги к коже.

Как ни странно, я раздражаю сам себя.

Капитан Харрингтон торопит увальня Сатклиффа, но тот просит подождать минуточку, роется у меня на полках, потом принюхивается, подходит к кровати и торжествующе достает из-под матраса припрятанную бутылку виски.

– Вперед, друзья! – Он откупоривает бутылку и делает большой глоток.

Харрингтон укоризненно качает головой и выводит нас в коридор. Сатклифф начинает громко рассказывать какой-то скабрёзный анекдот, утихомирить его не удастся. Завязывается шутовская перебранка, от которой у меня сводит скулы. Дэнс не выносит никаких излишеств и давно бы ушел вперед, но мне не хочется бродить по темным коридорам в одиночку. Не остается ничего другого, как идти на два шага позади этих клоунов, что спасает меня как от необходимости поддерживать разговор, так и от возможных поползновений лакея.

В вестибюле нас встречает некий Кристофер Петтигрю, тот самый скользкий тип, с которым Даниель беседовал за ужином, – тощий, язвительный, с темными сальными волосами, прилизанными на пробор. Те же сутулые плечи, те же хитрые глаза; сначала он взглядом обшаривает мне карманы и лишь потом смотрит в лицо. Два дня назад я подумывал, не станет ли он одним из моих обличий, но если это так, то я, по-видимому, поддался его слабостям: он навеселе и с радостью хватается бутылку, протянутую приятелями. Кстати, мне виски не предлагают, так что даже отказываться не нужно. Впрочем, меня вполне устраивает, что Эдвард Дэнс не входит в эту веселую компанию: они явно приятели, но какие-то натужные, как люди, случайно оказавшиеся на необитаемом острове. К счастью, чем дальше мы уходим от особняка, тем сдержаннее становятся шутки, ветер и дождь сдувают смех, замерзшая рука с бутылкой прячется в теплом кармане.

– Эй, а сегодня к вам приставал Рейвенкортов прихвостень? – спрашивает скользкий Петтигрю; холод ужимает его до пары лживых глаз над шарфом. – Как там его зовут? – Он прищелкивает пальцами, стараясь вспомнить имя.

– Чарльз Каннингем, – рассеянно говорю я, почти не слушая, и замечаю, что поодаль, среди деревьев, за нами кто-то крадется.

Силуэт нечеткий, но там мелькают ливрейные цвета. Я невольно касаюсь горла, на миг ощущаю прикосновение ножа. Передергиваюсь, щурю подслеповатые глаза, пытаюсь выжать из них хоть толику зрения, но злодея больше не вижу.

– А, точно, проклятый Чарльз Каннингем, – радуется Петтигрю.

– Он что, расспрашивал об убийстве Томаса Хардкасла? – спрашивает Харрингтон, решительно глядя навстречу ветру – очевидно, по давней флотской привычке. – Говорят, он сегодня утром поцапался со Стэнуином.

– Вот нахал, – ухмыляется Петтигрю. – Дэнс, а у вас он ничего не вынюхивал?

– Насколько мне известно, нет, – отвечаю я, глядя в лес.

Мы приближаемся к месту, где я заметил промельк ливреи, но это оказывается красный флажок, прибитый к стволу. Разыгравшееся воображение повсюду видит чудовищ.

– А зачем это Каннингему? – спрашиваю я своих спутников.

– Ему Рейвенкорт велел, – объясняет Петтигрю. – Старый обжора интересуется убийством Томаса Хардкасла.

Я цепенею. Будучи Рейвенкортом, я дал Каннингему немало поручений, но не просил его расспрашивать об убийстве Томаса Хардкасла. Вполне возможно, что Каннингем пользуется именем Рейвенкорта для пущей важности. Может быть, это часть его постыдного секрета, упомянутого в письме, спрятанном под подушками кресла в библиотеке; но письмо еще надо написать.

– И что за вопросы он задает? – с неподдельным интересом осведомляюсь я.

– Все больше о сообщнике убийцы, которого Стэнуин якобы ранил. – Харрингтон подносит к губам фляжку. – Хочет узнать, кто это был и как выглядел.

– И что говорят?

– Да ничего, – отвечает Харрингтон. – Хотя, даже если бы я что-то слышал, все равно не рассказал бы. В общем, я его отчитал построже и отправил восвояси.

– Понятно, почему Сесил велел Каннингему этим заняться, – добавляет Сатклифф, почесывая бакенбарды. – Этот проходимец дружен со всей прислугой в Блэкхите, ему наверняка лучше всех известно, что творится в имении.

– Почему?

– Он здесь в то время жил. – Сатклифф оборачивается ко мне. – Помнится, совсем еще мальчишка, но постарше Эвелины. Ходили слухи, что он внебрачный сын Питера и что Хелена поручила поварихе заняться его воспитанием. Ну, что-то в этом роде. Я так и не понял, кого она этим наказала, – задумчиво произносит он; голос звучит странно, будто способность размышлять несвойственна этому бесформенному, неопрятному созданию. – Хардкаслы заплатили за его обучение, а когда он подрос, отдали в услужение Рейвенкорту.

– А с чего вдруг Рейвенкорт заинтересовался убийством девятнадцатилетней давности? – спрашивает Петтигрю.

– Он же покупает себе жену из Хардкаслов, вот и должен все досконально проверить, – заявляет Харрингтон, обходя горку лошадиного навоза. – Чтобы точно знать, что у нее за приданое.

Разговор приятелей тут же скатывается в скабрёзности, а я продолжаю размышлять о Каннингеме. Вчера вечером он вложил в руку Дарби записку со словами «Все они» и сказал, что собирает гостей для встречи с одним из моих будущих обличий. Предположительно это означает, что ему можно доверять, однако он явно преследует и какие-то свои цели. Мне известно, что он внебрачный сын Питера Хардкасла и что он интересуется убийством своего кровного брата. В этих двух фактах кроется секрет, который Каннингем отчаянно пытается утаить и ради которого позволил себя шантажировать.

Я скриплю зубами. Неужели среди обитателей Блэкхита не найдется ни одного такого, который никем не притворяется и которому нечего скрывать?

Проходим по мощеной тропе к конюшне, сворачиваем на юг и по бесконечной дороге в деревню наконец добираемся до сторожки у ворот. Гуськом протискиваемся в узкий коридор, стряхиваем капли дождя с верхней одежды, оставляем ее на вешалке, жалуемся на непогоду.

– Заходите! – слышится из-за двери справа.

Мы попадаем в сумрачную комнату, освещенную только огнем камина. В кресле у окна сидит лорд Питер Хардкасл с книгой на коленях. Он выглядит старше, чем на портрете, хотя все еще крепок и пышет здоровьем. Темные брови сходятся на переносице, стрелкой указывая на длинный нос и губы, уголки которых опущены. Видно, что в молодости он обладал грубоватой привлекательностью, но ее запасы уже подходят к концу.

– Какого черта мы сюда тащились? – сварливо спрашивает Петтигрю, плюхаясь в кресло. – У вас тут вполне... – Он машет рукой в сторону Блэкхита. – В общем, нечто, похожее на дом.

– Для меня этот особняк на всю жизнь проклят, – вздыхает Питер Хардкасл, наполняя пять бокалов. – Без необходимости я в него ни ногой.

– А что ж вы об этом не подумали, прежде чем устраивать это дурацкое сборище? – не унимается Петтигрю. – Вы действительно хотите объявить о помолвке Эвелины в годовщину убийства вашего сына?

– По-вашему, это я все придумал? – Хардкасл грохает бутылкой по столу, гневно смотрит на Петтигрю. – Или по своей воле сюда приехал?

– Успокойтесь, Питер! – Сатклифф неуклюже хлопает друга по плечу. – Кристофер – он такой, вечно всем недоволен.

– Ну да, – ворчит Хардкасл, багровея. – Просто... Хелена ведет себя странно, а тут еще и это. Никакого терпения не хватит.

Он продолжает наполнять бокалы; неловкое молчание нарушает только дождь, стучащий в окна.

Я рад тишине. И креслу.

Мои спутники шли быстрым шагом, я с трудом поспевал за ними. Мне нужно отдышаться, но гордость не допускает, чтобы остальные это заметили. Вместо разговоров я рассматриваю обстановку, хотя глядеть особо не на что. К стенам узкой и длинной комнаты сдвинута мебель, будто обломки кораблекрушения, вынесенные на речной берег. Протертый до дыр ковер, аляповатые обои в цветочек. Все дышит старостью, словно предыдущие хозяева имения так и сидели здесь, пока не рассыпались в прах. Удобств тут чуть больше, чем в восточном крыле, где поселился Стэнуин, но все равно странно, что владелец огромного особняка предпочитает жить в скромной сторожке.

Мне неловко спрашивать, какова роль лорда Хардкасла в убийстве дочери, но его выбор жилища свидетельствует о том, что он не желает оставаться на виду. А собственно говоря, почему такая скрытность?

Хардкасл вручает нам бокалы, садится в кресло, греет бокал в ладонях, собираясь с мыслями. В его манерах сквозит милая неловкость, такая же как у Майкла.

Слева от меня Сатклифф, который уже наполовину опустошил свой виски с содовой, вытаскивает из пиджака документ и передает его мне, жестом показывая, чтобы я отдал его Хардкаслу. Это брачный контракт, составленный адвокатской фирмой «Дэнс, Петтигрю и Сатклифф». Значит, мы с неряшливым Филипом Сатклиффом и скользким Кристофером Петтигрю – деловые партнеры. Как бы то ни было, я уверен, что Хардкасл пригласил нас не для того, чтобы обсуждать бракосочетание дочери. Он чересчур нервничает, не может сосредоточиться. Да и потом, если все дело в обсуждении юридических документов, то зачем потребовалось присутствие Харрингтона?

Словно бы подтверждая мои подозрения, Хардкасл берет у меня контракт, мельком глядит на него и швыряет на стол.

– Мы с Дэнсом его лично составляли. – Сатклифф поднимается с кресла, наливает себе еще виски. – Как только Рейвенкорт и Эвелина его подпишут, вы снова разбогатеете. После подписания Рейвенкорт выплатит задаток, а остальные деньги – по завершении свадебной церемонии. А через пару лет он выкупит у вас и Блэкхит. Без лишней скромности заявляю, что в контракте ни к чему не придерешься.

– А где Рейвенкорт? – Петтигрю косится на дверь. – Без него это обсуждать не следует.

– С ним побеседует Хелена. – Хардкасл снимает с каминной полки деревянную шкатулку, поднимает крышку и показывает всем толстые сигары.

Мои партнеры по-детски радуются. Я благодарю и отказываюсь, смотрю, как Хардкасл предлагает сигары всем остальным. В его улыбке таится желание угодить, его показное радушие закладывает фундамент для чего-то другого.

«Ему что-то нужно».

– А как Хелена? – Я подношу бокал к губам, отпиваю глоток. Вода. Дэнс отказывает себе даже в спиртном. – Все это ей, наверное, очень тяжело.

– Сама виновата. Это ей вздумалось сюда вернуться, – фыркает Хардкасл, берет себе сигару и закрывает шкатулку. – Сами понимаете, хочется ее поддержать и все такое, но, черт побери, мы теперь с ней почти не видимся. И не разговариваем. Если бы я верил в сверхъестественное, то решил бы, что в нее вселился злой дух.

Коробок спичек передают из рук в руки, каждый из присутствующих вершит свой личный ритуал по раскуриванию сигары. Петтигрю водит зажженной спичкой туда-сюда, Харрингтон бережно подносит ее к кончику, Сатклифф театрально выписывает ею круги в воздухе. Хардкасл без особых церемоний просто прикуривает, заговорщицки косится на меня.

Во мне пробуждается эхо дружеской привязанности, словно воспоминание о некогда горячем, а ныне угасшем чувстве.

Хардкасл выдувает длинную струю желтого дыма и усаживается в кресло.

– Господа, я пригласил вас, поскольку у нас с вами есть нечто общее, – заученно начинает он. – Всех нас шантажирует Тед Стэнуин, но, если вы не против меня выслушать, я объясню, как с ним справиться.

Он выжидающе смотрит на нас, следя за реакцией каждого.

Петтигрю и Харрингтон молчат, а Сатклифф фыркает от неожиданности, едва не подавившись глотком виски.

– Продолжайте, Питер, – говорит Петтигрю.

– То, что я узнал о Стэнуине, даст нам возможность от него избавиться.

Все молчат. Петтигрю, забыв о сигаре, напряженно сдвигается на самый край кресла.

– А почему вы этого до сих пор не сделали? – спрашивает он.

– Потому что это опасно, черт побери! – вмешивается побагровевший Сатклифф. – Вы же знаете, что будет, если против Стэнуина действовать в одиночку. Он сразу же разгласит сведения, порочащие нас всех. Вот как случилось с Майерсоном.

– Он нас досуха выжимает, – горячо возражает Хардкасл.

– Это он вас досуха выжимает, Питер. – Сатклифф тычет в стол толстым пальцем. – Вы вот-вот получите от Рейвенкорта кучу денег и не хотите, чтобы Стэнуин прибрал их к рукам.

– Мерзавец уже почти двадцать лет живет за мой счет, – краснея, восклицает Хардкасл. – Сколько мне еще это терпеть? – Он переводит взгляд на Петтигрю. – Послушайте, Кристофер, вы же понимаете. Из-за Стэнуина... – По серому лицу проносятся темные тучи стыда. – Короче говоря, Эслпет не ушла бы, если бы не...

Петтигрю отпивает виски – без укора, но и без одобрения, однако я замечаю, как жар подступает к его щекам, а пальцы белеют, крепко сжимая бокал.

Хардкасл поспешно переводит взгляд на меня:

– Стэнуин держит нас за горло, но мы сможем высвободиться, если выступим против него совместно. – Он ударяет кулаком по раскрытой ладони. – Как только он убедится, что мы способны ему противостоять, он к нам прислушается.

Сатклифф набирает полную грудь воздуха:

– Это...

– Погодите, Филип, – обрывает его Харрингтон, не сводя глаз с Хардкасла. – Что именно вы узнали о Стэнуине?

Хардкасл озабоченно косится на дверь, понижает голос:

– У него есть дочь. Он ее от всех скрывает, но Даниэль Кольридж сказал, что ему удалось узнать ее имя.

– Кольридж? Игрок? – уточняет Петтигрю. – А как он в этом замешан?

– Об этом неловко расспрашивать, – говорит Хардкасл, покачивая бокал. – Есть темные уголки, куда приличным людям путь заказан.

– По слухам, половина лондонской прислуги снабжает его сведениями о хозяевах. – Харрингтон задумчиво оттягивает губу. – Не удивлюсь, если то же самое происходит в Блэкхите. Стэнуин здесь долго служил, мог случайно кому-нибудь проговориться. А знаете, в этом что-то есть.

Слушая, как они обсуждают Даниеля, я испытываю странное восхищение. Мне уже известно, что он – мое последнее обличье, но, поскольку для меня это все еще в будущем,

я никогда не испытывал связи с ним. Наблюдать за тем, как наши расследования сплетаются воедино, все равно что видеть долгожданную землю на горизонте. Наконец-то между нами пролегает тропа.

Хардкасл стоит у камина, греет руки над огнем. В свете пламени заметно, что годы отобрали у него больше, чем дали. Неуверенность подточила его сердцевину, лишила его силы и крепости. Он расколот надвое и небрежно склеен. По-моему, в нем зияет дыра размером с ребенка.

– А чего от нас хочет Кольридж? – спрашиваю я.

Хардкасл смотрит на меня пустым, невидящим взглядом:

– Простите?

– Вы сказали, что у Даниеля Кольриджа есть какие-то сведения о Стэнуине, а значит, в обмен на них он чего-то от нас потребует. Полагаю, ради этого вы нас и пригласили.

– Совершенно верно. – Хардкасл нервно крутит пиджачную пуговицу. – Он просит нас об одолжении.

– Только об одном? – уточняет Петтигрю.

– От каждого из нас с обещанием, что мы исполним его просьбу – не важно какую – при первой же необходимости.

Все переглядываются, на лицах отражаются сомнения. Я чувствую себя лазутчиком во вражеском стане. Не знаю, что именно задумал Даниель, но, судя по всему, я должен обратить этот разговор ему на пользу. Мне на пользу. Чем бы ни было это одолжение, надеюсь, оно поможет нам и Анне выбраться из этого жуткого места.

– Я согласен, – важно заявляю я. – Стэнуина давно пора приструнить.

– И я тоже, – кивает Петтигрю, отгоняя от лица сигарный дым. – Он уже давно держит меня за горло. А как вы, Клиффорд?

– Согласен, – говорит старый моряк.

Все оборачиваются к Сатклиффу, который шарит взглядом по углам.

– По-моему, мы меняем одного черта на другого, – в конце концов заявляет он.

– Возможно, – замечает Хардкасл. – Но я еще помню Данте, Филип. Не все круги ада одинаковы. Так что же вы скажете?

Сатклифф неохотно кивает, смотрит на дно бокала.

– Отлично, – говорит Хардкасл. – Я встречу с Кольриджем, и перед ужином мы разберемся со Стэнуином. Если все пройдет удачно, то с этим будет покончено до того, как станет известно о помолвке.

– И мы без всяких проблем попадем из одного кармана в другой, – ворчит Петтигрю, допивая виски. – Как хорошо быть джентльменом.

35

Деловой разговор окончен. Сатклифф, Петтигрю и Харрингтон в клубах сигарного дыма покидают комнату, а Питер Хардкасл подходит к граммофону на комод. Он вытирает пыль с пластинок носовым платком, опускает иглу и щелкает выключателем. Из бронзового раструба звучит Брамс.

Я делаю знак остальным не ждать меня и закрываю дверь в коридор. Питер сидит у камина, распахнув окно мыслям. Он не замечает моего присутствия, нас словно бы разделяет глубокая пропасть, хотя на самом деле я в паре шагов от него.

Щепетильность Дэнса заставляет его медлить. Он не любит, когда его прерывают, и предпочитает не прерывать других; дело усугубляет еще и то, что мне предстоит задать вопросы личного характера. Манеры Дэнса меня сдерживают. Два дня назад я бы с ним справился, но те, кому на самом деле принадлежат мои новые обличья, с каждым разом все сильнее. Управлять Дэнсом так же трудно, как идти против сильного ветра.

Соблюдая правила приличия, я вежливо откашливаюсь. Хардкасл оборачивается, замечает меня у двери:

– О Дэнс, старина! Вы что-то забыли?

– Я хотел поговорить с вами наедине.

– Что-то не так с брачным контрактом? – испуганно спрашивает он. – Честно говоря, меня смущает пристрастие Сатклиффа к спиртному...

– Дело не в Сатклиффе, а в Эвелине.

– Ах, в Эвелине... – Испуг сменяется усталостью. – Да-да, конечно. Да вы садитесь, вот сюда, к огню, в этой проклятой сторожке такие сквозняки, я все время мерзну.

Пока я усаживаюсь, он задирает штанину, протягивает ногу к огню. Изъяны изъянами, а ведет он себя безупречно. Немного погодя, решив, что исполнил все, чего требует этикет в подобных случаях, он осведомляется:

– Так что там с Эвелиной? Полагаю, она отказывается выходить замуж?

Не зная, как облечь свое заявление в деликатные фразы, я просто говорю:

– Нет, все гораздо серьезнее. Вашу дочь хотят убить.

– Убить? – Он недоуменно морщит лоб, чуть улыбается, будто ожидая продолжения шуток, а потом, убедившись в моей искренности, озабоченно склоняется ко мне. – Вы не шутите?

– Нет, не шучу.

– А вы знаете кто и почему?

– Нет, мне известен только способ. Ее вынуждают наложить на себя руки, в противном случае умрет кто-то из ее близких. Так было написано в письме.

– В письме? – фыркает он. – Чепуха! Наверное, какая-то глупая игра. Вы же знаете, девушки любят преувеличивать.

– Это не игра, Питер, – хмуро возражаю я, развеивая его сомнения.

– А позвольте узнать, откуда вам это известно?

– Я привык внимательно слушать окружающих.

Он вздыхает, дергает себя за нос, оценивает и услышанное, и человека, который сообщил ему информацию.

– По-вашему, кто-то хочет расстроить наш договор с Рейвенкортом? – спрашивает он.

– Гм, этого я не предполагал, – удивленно говорю я.

Он нисколько не тревожится о судьбе дочери и не думает, как ее спасти. Участь Эвелины его не волнует, он боится за свое состояние.

– Как вы думаете, кому выгодна смерть Эвелины? – осведомляюсь я, пытаюсь не выказать внезапного отвращения к этому человеку.

– Разумеется, у нас есть враги, тоже из древних родов, которые будут счастливы нас опозорить. А вот на убийство не пойдет никто. Они предпочитают распускать сплетни, печатать язвительные заметки в «Таймс» и прочее, ну, вы понимаете. – Он раздраженно ударяет подлокотник. – Черт возьми, Дэнс, вы ничего не путаете? Все это как-то уж слишком.

– Я совершенно уверен. Если честно, то мои подозрения касаются обитателей Блэкхита.

– Кто-то из слуг? – Он понижает голос, косится на дверь.

– Хелена.

Услышав имя жены, он вздрагивает, как от удара:

– Хелена? Да как вы смеете... то есть... не может быть.

Он багровеет, слова неразборчивым потоком срываются с губ. Мои щеки обдаёт жаром. Для Дэнса эти расспросы мучительны.

– Эвелина упоминала о разладе с матерью, – быстро говорю я, укладывая слова, как камни через болотистое поле.

Хардкасл подходит к окну, стоит спиной ко мне. Правила приличия не позволяют открытой ссоры, но я вижу, как он дрожит, как нервно сжимает руки за спиной.

– Не стану отрицать, Хелена не питает особой любви к Эвелине, но без дочери мы через несколько лет разоримся. – Он медленно выговаривает слова, сдерживая гнев. – Хелена не поставит наше будущее под угрозу.

«Он не говорит, что она на это не способна».

– Но...

– Черт возьми, Дэнс, вам-то какое до этого дело? – выкрикивает он моему отражению в стекле, чтобы не кричать на меня.

Дэнс понимает, что у Питера Хардкасла лопнуло терпение. От моего ответа зависит, выслушает ли меня Хардкасл или укажет мне на дверь. Я должен тщательно подобрать выражения, то есть говорить о том, что для него дороже всего. Либо объяснить, что я пытаюсь спасти его дочь от смерти, либо...

– Прошу прощения, – извиняюсь я и примирительно объясняю: – Если кто-то пытается расстроить ваш договор с Рейвенкортом, то я, как ваш друг и как судейский поверенный, обязан выяснить имя недоброжелателя и остановить его.

Он обмякает и со вздохом оборачивается ко мне:

– Да-да, конечно. Простите, дружище, меня смутили все эти разговоры об убийстве... напомнили о давнем... Безусловно, если Эвелине угрожает опасность, я сделаю все, чтобы предотвратить угрозу, но вы ошибаетесь, полагая, что Хелена желает зла Эвелине. Да, они в натянутых отношениях, но любят друг друга. Я в этом нисколько не сомневаюсь.

Я с облегчением вздыхаю. Противостоять Дэнсу очень утомительно, но наконец-то я смогу получить хоть какие-то ответы.

– Ваша дочь в письме к некой Фелисити Мэддокс жаловалась на странное поведение Хелены, – продолжаю я, поскольку Дэнс привык сообщать все факты по порядку. – В списке приглашенных она не значится, но, по-моему, Фелисити все-таки приехала в Блэкхит, и, возможно, сейчас ее держат заложницей на случай, если Эвелина не совершит самоубийства. По словам Майкла, Фелисити – давняя подруга вашей дочери, но больше о ней ничего не известно. Вы, случайно, ее не помните? Может быть, она у вас гостила? По моим сведениям, еще сегодня утром она была на свободе.

Хардкасл изумленно глядит на меня:

– Нет, не помню. Хотя, если честно, мы с Эвелиной почти не виделись с самого ее приезда. Видите ли, обстоятельства ее возвращения домой, предстоящая свадьба... все это воздвигло между нами своего рода барьер. Странно, что Майкл не смог вам больше рассказать.

Они с Эвелиной сейчас неразлучны, а раньше переписывались, и он часто навещал ее в Париже. Он наверняка знаком или слышал о Фелисити.

– Я с ним еще поговорю, но Эвелина не преувеличивала, жалуюсь в письме на странное поведение Хелены.

Граммофонная пластинка заедает, взмывающие к небесам звуки скрипки снова и снова ныряют к земле, как воздушный змей в неловких детских руках.

Питер смотрит на граммофон, хмурится, надеясь, что видимое неудовольствие каким-то образом воздействует на пластинку. Так и не добившись результата, он подходит к граммофону, поднимает иглу, сдувает пыль с пластинки и подносит ее к свету:

– Царапина... – Он сокрушенно качает головой и меняет пластинку.

Звучит новая мелодия.

– Расскажите мне о Хелене, – прошу я. – Это она предложила объявить о помолвке в годовщину гибели Томаса? И устроить бал в Блэкхите?

– Она так и не простила дочь за то, что та оставила Томаса без присмотра. – Он придирчиво смотрит на пластинку, разводит руками. – Я надеялся, что время приглушит боль, но... Все это так... – Он вздыхает, успокаивается. – Да, Хелена хотела сыграть злую шутку. Она называет брак Эвелины наказанием, но если откровенно, то это прекрасная партия. Рейвенкорт Эвелину и пальцем не тронет, он мне сам так и сказал, мол, слишком стар. Она станет хозяйкой его имений, получит деньги на любые расходы, сможет удовлетворять все свои прихоти, разумеется без скандальной известности. А он... Ну, вам наверняка известны слухи о его камердинерах... Все молодые красавчики, как на подбор, вхожи к нему в любое время дня и ночи. В общем, свадьба положит конец всем этим сплетням. – Он с вызовом смотрит на меня. – Понимаете, Дэнс? Если бы Хелена действительно намеревалась убить Эвелину, зачем устраивать этот брак? Нет-нет, этого не может быть. В глубине души она любит дочь. Может быть, не так сильно, как хотелось бы, но любит. Просто ей нужно почувствовать, что Эвелина примерно наказана, а после этого они помирятся. Вот увидите. Хелена одумается, а Эвелина поймет, что этот брак только с виду омерзителен. Уверю вас, вы ошибаетесь.

– Все равно мне нужно поговорить с вашей женой, Питер.

– Здесь, в столе, мой дневник. В нем расписание ее встреч. – Он горько усмехается. – Наша супружеская жизнь теперь сводится исключительно к совместным обязанностям. Посмотрите, где сейчас Хелена.

Не в силах сдержать возбуждения, я бросаюсь к столу.

Кто-то – возможно, сама Хелена – выдрал страницу из ее дневника с расписанием на сегодня. Злоумышленник либо не знал, либо забыл о том, что копия расписания есть у мужа. Вот сейчас все и раскроется.

Ящик стола разбух от сырости. Он неохотно открывается. Внутри – записная книжка в замшевом переплете, обвязанная бечевкой. Я перелистываю страницы, нахожу расписание Хелены, и мое волнение исчезает. Все это мне уже известно: в половине восьмого Хелена встречается с Каннингемом, хотя причина не указана. В четверть девятого запланирована встреча с Эвелиной, а в девять – с Миллисент Дарби, но на эти встречи Хелена не явилась. В половине двенадцатого, то есть через час, она должна быть на конюшне, а потом ей предстоит визит к Рейвенкورتу.

На который она тоже не явится.

Вожу пальцем по расписанию, пытаюсь отыскать что-нибудь подозрительное. Причина встреч с Эвелиной и с Рейвенкортom понятна, как и причина встречи с Миллисент, старой приятельницей. А вот зачем Хелене понадобилось ранним утром встречаться с внебрачным сыном ее мужа?

Каннингем отказался об этом говорить, но, кроме него, Хелену Хардкасл сегодня никто не видел. Я больше не намерен терпеть его уклончивость.

Я добьюсь от него признания.

Но сначала надо заглянуть в конюшню.

Наконец-то мне известно, где будет неуловимая владелица особняка.

– А вы знаете, зачем Хелена утром встречалась с Чарльзом Каннингемом? – спрашиваю я, возвращая дневник на место.

– Наверное, просто поздороваться. – Хардкасл наливает себе виски. – Они очень близки.

– Стэнуин шантажирует вас из-за Каннингема? – спрашиваю я. – Ему известно, что Чарльз – ваш сын?

– Да будет вам, Дэнс! – Он негодуяше смотрит на меня.

Мы с Дэнсом встречаем его взгляд. Дэнсу хочется принести извинения и сбежать. С ним очень трудно справиться. Всякий раз, открывая рот, приходится преодолевать чужое смущение.

– Мы с вами давно знакомы, Питер, так что вы понимаете, чего мне стоят эти слова, – говорю я. – Чтобы разобраться в этом деле, мне необходимо знать все досконально.

Он обдумывает мое замечание, с бокалом в руке отходит к окну. Правда, смотреть ему некуда: деревья и кусты так разрослись, что ветви прижимаются к стеклам. Судя по выражению лица Питера, он готов пригласить их в дом.

– Нет, он шантажирует меня не происхождением Чарльза Каннингема, – наконец отвечает Хардкасл. – В свое время Хелена позаботилась, чтобы это скандальное происшествие попало на страницы светской хроники. Нет, на этом не заработаешь.

– А что же тогда известно Стэнуину?

– Дайте мне слово, что сохраните это в секрете.

– Конечно, – киваю я, чувствуя, как учащается пульс.

– Так вот... – Он делает глоток живительной влаги. – Еще когда был жив Томас, Хелена мне изменяла с Чарли Карвером.

– С убийцей Томаса? – восклицаю я, выпрямляясь в кресле.

– В общем, я рогоносец, или как там это называют... – Он напряженно смотрит в окно. – Карвер лишил меня родного сына, а взамен подбросил кукушонка.

– Как? Своего ребенка?

– Каннингем – внебрачный сын, но не мой, а моей жены. Его отец – Чарли Карвер.

– Подлец! – восклицаю я, временно утратив контроль над Дэнсом, чье возмущение пересиливает мою растерянность. – Но как это произошло?

– Карвер и Хелена любили друг друга, – с горечью произносит Хардкасл. – Наш брак... У меня был титул, у Хелены – семейное состояние. Наш союз всех устраивал. Это был холодный расчет, без сердечной привязанности. Карвер и Хелена выросли вместе, его отец был лесничим в имении родителей Хелены. Она утаила от меня свою связь с Карвером, а после свадьбы привезла его в Блэкхит. К сожалению, ей стало известно и о моих интрижках, так что наша супружеская жизнь разладилась, и годом позже Хелена возобновила отношения с Карвером, а потом забеременела.

– Но вы ведь не воспитали Каннингема как своего сына?

– Во время беременности Хелена уверяла, что это мой ребенок, хотя сама в этом сомневалась. Видите ли, мы с ней продолжали... ну, вы же понимаете, мужчине нужна женщина...

– Да-да, конечно, – холодно говорю я, вспоминая любовь и взаимное уважение супругов Дэнс.

– В день, когда родился Каннингем, я уезжал охотиться, поэтому повитуха незаметно вынесла ребенка из особняка и отдала деревенской кормилице. Когда я вернулся с охоты, мне сказали, что младенец умер при родах. Полгода спустя, убедившись, что он не похож на Карвера, Хелена подкупила девицу, с которой у меня была интрижка в Лондоне, и та явилась в Блэкхит с ребенком на руках, уверяя, что он – мой. Хелена, изображая из себя обманутую

жену, настояла на том, чтобы его оставить, и, к своему стыду, я согласился. Мы доверили младенца поварихе миссис Драдж, и она растила его как своего сына. Как ни странно, после этого наша жизнь наладилась. Вскоре родились Эвелина, Томас и Майкл, и несколько лет мы были счастливой семьей.

Все это Хардкасл излагает бесстрастно, не выказывая никаких эмоций. Его равнодушие поразительно. Еще час назад я полагал, что в этом виновата смерть Томаса, опустошившая душу отца, но теперь понимаю, что он всегда был бесчувственным. Его душой владеет одно лишь корыстолюбие.

– Как вы узнали правду? – спрашиваю я.

– По чистой случайности, – отвечает он, опираясь ладонями о подоконник. – Вышел прогуляться по лесу, наткнулся на Хелену с Карвером. Они обсуждали будущее ребенка. Она во всем призналась.

– Почему же вы не развелись?

– А зачем? Чтобы всем сообщить о моем позоре? – восклицает он. – Внебрачным ребенком сегодня никого не удивишь, а вот если бы узнали, что лорда Питера Хардкасла наградили рогами простой садовник, то случился бы скандал. А этого никак нельзя допустить.

– И что потом, после того, как вы узнали об измене?

– Я отказал Карверу от места, велел ему убраться из имения.

– И он в отместку убил Томаса?

– Совершенно верно. Он на меня обозлился и... и... – Глаза его подернуты пьяной дымкой – все утро он опустошает стакан за стаканом. – Спустя несколько месяцев к Хелене явился Стэнуин и потребовал денег за молчание. Понимаете, Дэнс, он не шантажирует меня напрямую. Он угрожает Хелене, а вместе с ней – и моей репутации. Естественно, я ему плачу.

– А как же Майкл, Эвелина и Каннингем? Им это известно?

– Насколько я знаю, нет. Такой секрет детям не расскажешь, они его тут же выболтают.

– Откуда Стэнуин об этом узнал?

– Вот уже девятнадцать лет я задаю себе этот вопрос, но по-прежнему не нахожу ответа. Может быть, он дружил с Карвером или слуги что-то пронюхали – они же всегда собирают сплетни. Так что я в безвыходном положении. Если об этом станет известно, то моя репутация будет уничтожена. Рейвенкорт не любит скандалов, он не возьмет в жены девушку из семейства, о котором пишут во всех газетах. – В пьяном голосе звучит злоба. Хардкасл наставляет на меня палец. – Сделайте так, чтобы Эвелина осталась жива, и я исполню любую вашу просьбу. Я не желаю лишаться состояния из-за этой сучки, Дэнс. Не желаю!

36

Питер Хардкасл пьяно мрачнеет, крепко сжимает бокал, словно боится, что его отберут. Я понимаю, что дальше разговаривать с ним бесполезно, беру яблоко из вазы на столе, невнятно бормочу какие-то извинения и выхожу из комнаты, закрыв за собой дверь, чтобы он не заметил, как я поднимаюсь по лестнице. Мне надо поговорить с Голдом, и хочется избежать лишних расспросов.

На верхней лестничной площадке меня встречает сквозняк, кружит в воздухе, пробирается сквозь трещины в стеклах и в щели под дверями, шуршит листьями на полу. Вспоминаю, как этим же коридором Эвелина вела меня, в обличье Себастьяна Белла, навещать дворецкого. Странно представлять их здесь, странно сознавать, что Белл и я – один и тот же человек. Его трусость мне претит, но сейчас, по прошествии некоторого времени, я от него отдаляюсь. Он кажется чем-то вроде нелепой истории, подслушанной на вечеринке. Чужой конфуз.

Дэнс презирает таких, как Белл, но я не сужу его строго. Я понятия не имею, кто я за пределами Блэкхита, как я мыслю сам по себе, а не в чем-нибудь уме. Кто знает, может быть, я ничем не лучше Белла. Да и потом, чем он плох? Я завидую его способности сочувствовать и сопереживать точно так же, как завидую острому уму Рейвенкорта или мудрой проницательности Дэнса. Если я сохраню в себе эти качества за пределами Блэкхита, то смогу гордиться собой.

Убедившись, что в коридоре больше никого нет, я вхожу в комнату, где к потолку вздернут, как на дыбу, Грегори Голд. Он что-то бормочет, содрогается от боли, пытается сбежать от какого-то неведомого кошмара. Мне хочется освободить его от пут, но Анна по какой-то причине оставила его в таком состоянии.

Тем не менее мне нужно с ним поговорить. Я трясу его – сначала осторожно, потом сильнее.

Ничего не происходит.

Даю ему пощечину, обливаю водой из кувшина, но Голд не шевелится. Это ужасно. Ему не дает очнуться сильнодействующее снотворное доктора Дикки. Меня мутит, кровь застывает в жилах. До сих пор ужасы, ждущие меня в будущем, представлялись смутными, расплывчатыми тенями во мраке. А сейчас я вижу себя, свою дальнейшую участь. Встаю на цыпочки, отворачиваю рукава сорочки, разглядываю порезы на руках, которые он показывал мне ночью.

– Не выходите из кареты, – шепчу я, вспомнив его предостережение.

– Отойдите от него, – произносит Анна у меня за спиной. – И повернитесь. Медленно. Я не стану просить дважды.

Я исполняю приказ.

Она стоит в дверном проеме, нацелив на меня ружье. Из-под чепца торчат светлые пряди, лицо гневное. Дуло не дрогнет, палец лежит на спусковом крючке. Одно неверное движение – и она выстрелит в меня, чтобы защитить Голда. Я осознаю грозящую мне опасность, но такая преданность трогает даже холодное сердце Дэнса.

– Анна, это я, Айден.

– Айден?

Дуло ружья опускается, она подступает ближе, обдает мне лицо теплым дыханием, всматриваясь в мои новые, морщинистые черты:

– В альбоме написано, что вы постареете, только не говорится, что ваше новое лицо будет угрюмым, как могильная плита. – Она перехватывает ружье одной рукой, кивает на Голда. – Любуетесь ранами? Доктор сказал, что это он сам себя порезал. Прямо в лоскуты.

– Почему? – с ужасом спрашиваю я, не представляя, что может заставить меня решиться на такое.

– Ну, вы лучше меня знаете, – хмыкает она. – Давайте поговорим там, где теплее.

Мы идем в соседнюю комнату. Под белой простыней мирно спит дворецкий. Через высокое окно льется свет, в камине горит огонь. Идиллическая картина, если не считать пятен крови на подушке.

Я гляжу на дворецкого:

– Он еще не приходил в себя?

– Ненадолго, в повозке. Мы недавно приехали. Бедняга еле дышал. А что Дэнс? Он какой? – Анна прячет ружье под кровать.

– Хмурый, ненавидит сына, а в общем ничего. Лучше Джонатана Дарби. – Я наливаю себе воды из кувшина на столе.

– Я с ним утром виделась, – рассеянно говорит она. – Вот уж у кого в голове приятного мало.

– Ваша правда. – Я бросаю ей яблоко, которое забрал из комнаты Хардкасла. – Вы сказали ему, что проголодались, поэтому я принес вам поесть. Не знаю, удалось ли вам перекусить.

– Еще нет. – Она вытирает яблоко о передник. – Спасибо.

Подхожу к окну, протираю грязное стекло рукавом. Окно выходит на дорогу, где, к моему изумлению, Чумной Лекарь ведет разговор с Даниелем, указывая на сторожку.

Я начинаю волноваться. До сих пор загадочный незнакомец старательно отгораживался от меня. А сейчас в собеседниках видна некая близость, намек на сотрудничество, словно бы я в чем-то подчинился Блэкхиту, принял как данность и смерть Эвелины, и утверждение Чумного Лекаря, что покинуть имение может только один человек. Но ведь это же неправда! Осознание того, что я могу изменить ход событий, придает мне уверенность в своих силах. Что же они там обсуждают?

– Что вы увидели? – спрашивает Анна.

– Чумной Лекарь беседует с Даниелем.

– С ним я еще не виделась. – Она надкусывает яблоко. – А кто такой Чумной Лекарь?

Я удивленно моргаю:

– Последовательность наших встреч нарушена, и это создает определенные сложности.

– Зато меня ни с кем не спутаешь, я единственная. Лучше объясните, что это за лекарь.

Я торопливо пересказываю историю своего знакомства с Чумным Лекарем, начиная со встречи в кабинете, когда я был в обличье Себастьяна Белла, потом описываю, как он остановил автомобиль, когда я пытался сбежать из имения, а недавно отругал меня за то, что я в обличье Джонатана Дарби гонялся по лесу за Мадлен Обэр. Кажется, все это было в какой-то прошлой жизни.

– Значит, вы обзавелись приятелем, – говорит Анна, громко хрустя яблоком.

– Он меня как-то использует, только я пока не знаю для чего.

– А вот Даниель знает. Поглядите, они там разговаривают, как закадычные друзья, – говорит она, подходя к окну. – Интересно, о чем это? Может быть, вы отыскиали убийцу Эвелины и забыли мне сказать?

– Если наш замысел сработает, то никакого убийства не произойдет. – Я не свожу глаз с беседующих.

– Значит, вы все еще надеетесь ее спасти, хотя Чумной Лекарь и утверждает, что это невозможно?

– Как правило, я верю его словам только наполовину, – рассеянно отвечаю я. – Я склонен скептически относиться к мудрым советам, изрекаемым человеком в маске. Более того, я знаю, что ход событий можно изменить. Я своими глазами это видел.

– Ой, да ради бога, Айден! – досадливо вздыхает она.

– В чем дело? – испуганно спрашиваю я.

– Да все это! – Она в отчаянии всплескивает руками. – У нас с вами был уговор. Я сижу здесь, в сторожке, охраняю этих двоих, а вы с помощью ваших восьми жизней расследуете убийство.

– Я этим и занимаюсь, – возражаю я, не понимая, отчего она сердится.

– Ничего подобного, – настаивает она. – Вы пытаетесь спасти ту, чья смерть поможет нам выбраться отсюда.

– Анна, она мне друг.

– Она друг Беллу, – напоминает Анна. – Она оскорбила Рейвенкорта и едва не убила Дарби. Как по мне, так зима в сто раз теплее сердца этой женщины.

– У нее есть на то причины.

Уклончивое замечание не отвечает на вопрос, а отмечает его. Анна права, Эвелина давно уже мне не друг, и, хотя я помню ее доброту, движет мною вовсе не благодарность, а какое-то иное, потаенное чувство, которое пытается выбраться на свободу. Мысль о гибели Эвелины мне претит. Именно мне – не Дэнсу, не кому-либо из моих прочих воплощений. Мне, Айдену Слоуну.

К сожалению, Анна продолжает кипятиться, что не позволяет мне разобраться в своих новых ощущениях.

– Меня волнуют не ее причины, а ваши! – Она тычет в меня пальцем. – Может быть, вы пока этого не чувствуете, а вот я в глубине души знаю, что провела здесь уже не один десяток лет. Айден, я знаю это наверняка. Мне необходимо отсюда выбраться, и сделать это я смогу только с вашей помощью. У вас восемь жизней, когда-нибудь вы окажетесь на свободе. А я прохожу через все это только один раз, а потом все забываю. Без вас я пропаду. Что будет, если вы обо мне не вспомните, когда снова воплотитесь в Белла?

– Анна, я вас здесь не оставлю, – обещаю я, потрясенный отчаянием в ее голосе.

– Тогда расследуйте убийство, как велел Чумной Лекарь, и верьте его словам: спасти Эвелину невозможно.

– Я ему не доверяю. – Я сердито отворачиваюсь от нее.

– Но почему? Ведь все происходит так, как он и говорит. Он...

– Он сказал, что вы меня предадите, – выкрикиваю я.

– Что?

– Он сказал, что вы меня предадите, – повторяю я, потрясенный собственным признанием.

До сих пор я об этом не упоминал, хранил его в памяти. Но сейчас обвинение, произнесенное вслух, кажется вполне вероятным, и это меня беспокоит. Анна права, сбывается все, что предсказывает Чумной Лекарь. Моя привязанность к ней очень сильна, но у меня все-таки нет полной уверенности, что Анна меня не предаст.

Она отшатывается, как от удара, и качает головой:

– Что вы, Айден, я не... Нет, я этого не сделаю. Никогда. Честное слово.

– Он сказал, что вы скрываете многое из того, что помните по предыдущему витку. Это правда? Вы чего-то недоговариваете?

Она молчит.

– Анна, это правда? – настаиваю я.

– Нет, – твердо заявляет она. – Айден, он хочет нас рассорить. Не знаю почему, но лучше его не слушать.

– В том-то и дело. Если Чумной Лекарь говорит правду об Эвелине, то он говорит правду и о вас. А я ему не верю. По-моему, он чего-то добивается, только мы не знаем, чего именно, а он использует нас в своих целях.

– Ну, даже если и так, я все равно не понимаю, почему вы так стремитесь спасти Эвелину, – растерянно замечает Анна, все еще не оправившись от потрясения.

– Потому что кто-то желает ей смерти, – с запинкой отвечаю я. – И подстраивает все так, чтобы Эвелина наложила на себя руки, причем у всех на виду. Злоумышленник черпает наслаждение в немыслимой жестокости, а я не могу... В общем, не имеет значения ни то, как мы относимся к Эвелине, ни правдивость заявлений Чумного Лекаря. Убийство нельзя превращать в спектакль на потеху публике. Эвелина – невинная жертва, но мы можем ее спасти. Мы обязаны ее спасти.

Я умолкаю, перевожу дух и неожиданно осознаю, что вопросы Анны разбередили во мне какое-то смутное воспоминание, будто внезапно в просвете отдернутого занавеса мелькнул тот, кем я был раньше. Но самое главное – скорбь и угрызения совести. Именно эти чувства привели меня в Блэкхит. Именно они побуждают меня спасти Эвелину, но приехал я сюда не для этого.

– Я помню... – медленно начинаю я, хватаясь за нить воспоминаний, – еще кого-то. Кажется, женщину. Из-за нее я и приехал в Блэкхит, потому что не сумел ее спасти.

– Как ее звали? – Анна дотрагивается до моей морщинистой руки, смотрит мне в лицо.

– Не помню. – Я напрягаюсь до боли в висках.

– Может быть, это я?

– Не знаю.

Воспоминание ускользает. По щекам струятся слезы, боль сдавливает грудь. Меня пронзает горечь утраты, но я понятия не имею, кого потерял. Смотрю в широко раскрытые карие глаза Анны.

– Все забыл, – шепчу я.

– Я вам сочувствую, Айден.

– Не надо. – Я ощущаю внезапный прилив сил. – Даю вам слово, мы выберемся из Блэкхита, но сделаем это так, как я задумал. Поверьте, Анна, у нас все получится.

Жду возражений, но она улыбается и спрашивает:

– С чего начнем?

– Я отыщу Хелену Хардкасл, – заявляю я, утирая лицо платком. – У вас есть какие-то новости о лакее? Вчера он убил Дарби, и Дэнсу тоже не поздоровится.

– Я тут тоже кое-что придумала.

Она заглядывает под кровать, достает оттуда альбом, открывает и кладет мне на колени. С этим альбомом она сверяется целый день, но я не нахожу в нем никаких замысловатых объяснений, причин и следствий.

Страницы заполнены какой-то бессвязной чепухой.

– Вы же говорили, что мне нельзя это видеть, – напоминаю я, склонив голову, чтобы лучше рассмотреть неразборчивые строки. – Я польщен.

– Я показываю вам только то, что необходимо.

На странице какие-то предупреждения, обведенные кружком, торопливые наброски, зарисовки сегодняшних событий, обрывки разговоров без каких-либо объяснений. Кое-что я узнаю, включая изображение того, как Голд избивает дворецкого, но по большей части все это для меня бессмысленно.

Рассматриваю мешанину набросков и постепенно понимаю, что Анна пытается как-то упорядочить этот хаос. Рядом с рисунками сделаны аккуратные карандашные пометки: догадки и предположения, указания точного времени, запись наших разговоров с отсылками к предыдущим событиям. Все это позволяет извлечь из альбома ценную информацию.

– Вам в нем не разобраться, – говорит Анна. – Альбом я получила от одного из ваших воплощений. Для вас это просто абракадабра. Смысл понять трудно, но я добавляю сюда и свои наблюдения. Здесь все, что мне о вас известно, – все ваши обличья, все их действия. Без этого у меня ничего не выйдет. К сожалению, в этих сведениях многого не хватает. Поэтому вы должны мне сказать, когда лучше всего увидаться с Беллом.

– Почему с Беллом?

– Лакей меня отслеживает, поэтому мы ему скажем, где именно меня искать. – Она торопливо пишет что-то на листке бумаги. – Позовем еще несколько ваших воплощений и нападём на него, как только он вытащит нож.

– И чем же мы заманим его в западню? – спрашиваю я.

– А вот этим. – Она протягивает мне листок. – Расскажите, как Белл проводит сегодняшний день, и я оставлю ему записку там, где он ее точно найдет. А на кухне я упомяну о назначенной встрече, и спустя час о ней будет известно всему дому. Лакей о ней тоже узнает.

Не уезжайте из Блэкхита. От Вас зависит не только Ваша жизнь, но и жизни многих других. Сегодня вечером, в 10:20, приходите к склепу на фамильном кладбище, я Вам все объясню.

С любовью, Анна.

Я вспоминаю, как поздно вечером Белл и Эвелина, вооружившись револьвером, отправились на мрачное кладбище и нашли там только тени и разбитый компас, заляпанный кровью.

Добрым знамением это не назовешь, но оно и не однозначно. От ткани будущего отделяется еще одна нить, однако, пока будущее не стало для меня настоящим, я не знаю, что она означает.

Анна ждет моего ответа; моя смутная тревога – явно недостаточная причина для отказа.

– Вы знаете, чем все закончится? Наш план сработает? – спрашивает Анна, нервно теребя рукав.

– Нет, не знаю. Но план отличный.

– Нам нужны помощники, а ваших ипостасей остается все меньше.

– Не волнуйтесь, помощники найдутся.

Я вытаскиваю из кармана авторучку, добавляю к записке еще одну строку, спасаю бедолагу Белла от мелкой, но досадной неприятности.

Кстати, не забудьте про перчатки, они вот-вот сгорят.

37

Лошадей слышно издалека; подковы звонко стучат о брусчатку. Потом накатывает густая, тяжелая смесь запахов – конский пот и навоз, – которую не в силах развеять ветер. Лишь после этого я наконец-то вижу, как с конюшенного двора на дорогу к деревне выезжает вереница упряжек.

Лошадей ведут под уздцы конюхи, неотличимые друг от друга в своих форменных фуражках, белых рубахах и просторных серых штанах.

Я встревоженно смотрю на упряжки, вспоминаю, как в детстве упал с лошади, как копыто ударило меня в грудь, как хрустнули кости...

«Не подчиняйтесь Дэнсу».

Отделяюсь от воспоминаний, принадлежащих тому, в чьем облике нахожусь, опускаю руку, прижатую к шраму на груди.

Плохи мои дела.

Личность Белла практически не проявлялась, а вот Дарби, с его сластолюбием, и Дэнс, с его чопорностью и перенесенными в детстве увечьями, существенно усложняют мне жизнь.

В середине процессии норовистые кони кусают соседей, по гнедой реке мышц волной прокатывается нервная дрожь. Я невольно отступаю к обочине, прямо в навозную лепешку.

Пока я счищаю грязь с ботинок, один из конюхов подходит ко мне, уважительно дергает козырек фуражки:

– Мистер Дэнс, вам помочь?

– Вы меня знаете? – удивленно спрашиваю я.

– Простите, сэр. Меня зовут Освальд. Я вчера седлал вам жеребца. Славно, когда джентльмен умеет ездить верхом. Теперь такое редко увидишь.

Он улыбается, обнажая два ряда редких, до желтизны прокуренных зубов.

– Ну конечно! – говорю я.

Лошади толкают его в спину.

– Освальд, я ищу леди Хардкасл. Она хотела навестить Альфа Миллера, старшего конюха.

– Про леди Хардкасл не скажу, а вот с Альфом вы разминулись. Он минут десять с кем-то ушел. Видно, к озеру, потому что свернул на тропинку за выгулом. Вон там, справа, сразу как под арку пройдете, сэр. Может быть, вы их еще догоните.

– Спасибо, Освальд.

– Мое почтение, сэр.

Он снова дергает козырек фуражки, возвращается к лошадям.

По краю дороги я иду к конюшне – медленно, оскальзываясь на расшатанных булыжниках. В любом другом воплощении я бы просто перепрыгивал через них, но дряхлые ноги Дэнса утратили былую гибкость. Всякий раз, когда я наступаю на шаткий камень, колени и щиколотки подгибаются, я едва не падаю.

Я раздраженно вхожу под арку, во двор, усыпанный овсом, сеном и растоптанными фруктами. Крошечный грум огромной метлой старательно, но без особого успеха, сметает мусор в угол. Мальчишка застенчиво косится на меня, хочет почтительно приподнять фуражку, но ее срывает ветер. Грум стремглав бросается за ней, словно за улетающими мечтами.

Тропинка за выгулом раскисла от дождя, залита лужами. Грязь заляпывает мне брюки. Шелестят ветви, с листьев стекает вода. Я нервничаю, мне кажется, что за мной следят, что кто-то прячется за деревьями, не спускает с меня глаз. Надеюсь, что мои страхи бесплодны, ведь, если лакей выскочит на тропинку, я с ним не справлюсь и убежать не смогу. А значит, жить мне осталось ровно столько, сколько он будет выбирать, как со мной разделаться.

Ни конюха, ни леди Хардкасл по-прежнему не видно. Я забываю о приличиях и бегу опасливой трусцой, разбрызгивая грязь во все стороны.

Тропинка огибает выгул и скрывается в лесу. Чем дальше я отхожу от конюшни, тем больше мне кажется, что за мной следят. Колючие плети ежевики цепляются за одежду. Я продаюсь сквозь заросли и наконец слышу негромкие голоса и плеск воды о берег. С облегчением вздыхаю полной грудью и только сейчас понимаю, что от волнения почти не дышу. Делаю еще два шага – и оказываюсь лицом к лицу с конюхом. Правда, с ним не леди Хардкасл, а Каннингем, камердинер Рейвенкорта. Каннингем одет в теплое пальто и фиолетовое кашне – то самое, которое он будет торопливо стягивать с шеи, когда прервет беседу Рейвенкорта с Даниелем.

Судя по всему, банкир спит в библиотеке. Конюх и камердинер встревоженно переглядываются, – очевидно, мое появление прерывает какой-то важный разговор.

Каннингем, первым справившись с волнением, дружелюбно улыбается:

– Мистер Дэнс, какая приятная неожиданность! Что заставило вас выйти на прогулку в такой ненастный день?

– Я ищу Хелену Хардкасл. – Я перевожу взгляд на конюха. – Мне сказали, что она с мистером Миллером ушла к озеру.

– Нет, что вы, сэр. – Конюх мнет в руках фуражку. – Она обещалась заглянуть ко мне домой. Я как раз туда иду.

– Что ж, я тоже хотел с ней увидеться, – говорит Каннингем. – А давайте пойдем все вместе. Мое дело не отнимет много времени, я могу и подождать своей очереди.

– А что у вас за дело? – спрашиваю я по пути к дому конюха. – Насколько мне известно, вы уже виделись с леди Хеленой Хардкасл перед завтраком.

На лице Каннингема, обескураженного моей откровенной прямоотой, мелькает досада.

– Лорд Хардкасл велел кое-что уладить, – объясняет он. – Ничего особенного, ну, вы же знаете.

– Но с леди Хардкасл вы уже беседовали?

– Да, еще утром.

– И как она себя вела?

Он пожимает плечами, недоуменно глядит на меня:

– Как обычно. Мы недолго разговаривали. Простите, мистер Дэнс, это что, допрос? У меня такое ощущение, что я на скамье подсудимых.

– Леди Хардкасл сегодня никто не видел. Это очень странно, вы не находите?

– Может быть, ей не хочется, чтобы ее допрашивали, – язвительно замечает он.

Мы оба с трудом сдерживаем раздражение. Мистер Миллер, сгорая от смущения, приглашает нас войти. В доме все так же чисто, но втроем здесь тесновато.

Я присаживаюсь к столу, Каннингем изучает книжный шкаф, а конюх не находит себе места и пытается навести еще больший порядок в аккуратно прибранной комнате.

Проходит десять минут, но леди Хардкасл так и не появляется.

Взглянув на часы, Каннингем нарушает молчание:

– Похоже, планы миледи изменились. Ну, мне пора, меня ждут в библиотеке. Всего хорошего, мистер Дэнс, мистер Миллер. – Он коротко кивает, распахивает дверь и уходит.

Миллер испуганно смотрит на меня:

– Мистер Дэнс, а вы остаетесь? Хотите подождать подольше?

Я подхожу к камину и спрашиваю:

– О чем вы разговаривали с Каннингемом?

Он смотрит в окно, будто ждет посыльного с ответом. Я прищелкиваю пальцами у него под носом. Конюх обращает ко мне водянистые глаза.

– Мистер Миллер, сейчас мне просто интересно, – негромко говорю я тоном, намекающим на возможные неприятности. – А через пару минут я рассержусь. Признавайтесь, о чем вы беседовали.

– Он хотел, чтобы его проводили к озеру. – Под оттопыренной нижней губой Миллера влажно мелькают розовые десны. – Что-то высматривал на берегу.

Лгать он не умеет. Морщинистое старческое лицо с отвислыми щеками будто сцена, на которой чувства разыгрывают спектакль. Каждая гримаса – трагедия, каждая улыбка – фарс. Ложь занимает место как раз между ними и проваливает представление.

Я кладу руку на плечо конюха, вглядываюсь в его глаза. Он их смущенно отводит.

– Чарльз Каннингем вырос в этом имении. Ему провожатые не нужны. Итак, о чем вы разговаривали?

Он мотает головой:

– Я обещал, что...

Я сжимаю его плечо, он морщится от боли и неохотно произносит:

– Он выспрашивал про убитого мальчика.

– Про Томаса Хардкасла?

– Нет, про другого.

– Про кого?

– Про грума, Кита Паркера.

– Про какого еще грума? Вы о чем?

– Да про него все забыли, сэр. Он же из прислуги, – через силу выдавливает конюх. – Хороший был паренек, лет четырнадцати. Пропал за неделю до смерти мистера Томаса. Полицейские обыскали весь лес, так ничего и не нашли, объявили, что мальчишка сбежал. А я вам вот что скажу, сэр, никуда он не сбежал. Он и свою мать любил, и работу тоже. Я тогда всем говорил, только меня не стали слушать.

– Так и пропал?

– Ага, ни слуху ни духу.

– И это все, что вы рассказали Каннингему?

– Да, сэр.

– А больше вы ему ничего не рассказали?

У него бегают глаза.

– Что еще? – требую я.

– Ничего, сэр.

– Миллер, не отпирайтесь, – холодно, сурово требую я.

Дэнс не выносит тех, кто пытается его обмануть, поскольку ложь предполагает глупость и легковерие собеседника. Лжецы считают себя умнее тех, кому лгут, и Дэнс воспринимает это как личное оскорбление.

– Я правду говорю, сэр, – настаивает несчастный конюх; на виске у него дрожит жилка.

– Нет, вы лжете! Признавайтесь: что вам известно?

– Не могу.

– Вы мне все расскажете, или вам несдобровать, мистер Миллер, – ярится Дэнс, которого я выпустил из-под контроля. – Я вас оберу до нитки, пушу по миру. – Угрозы легко слетают с языка. Запугивая и унижая ответчиков, Дэнс выигрывает судебные тяжбы и по-своему так же мерзок, как и Дарби. – Я отыщу...

– Это все неправда, – побледнев, выпаливает Миллер и смотрит на меня туманным взглядом.

– Что неправда? Признавайтесь!

– Говорят, что Томаса убил Чарли Карвер, сэр.

– Ну и что?

– А он не убивал. Мы с Чарли вроде как дружили. Так вот, в то утро лорд Хардкасл на него рассердился и уволил, поэтому Чарли решил получить свое выходное пособие.

– Выходное пособие?

– Пару бутылок бренди, сэр. Пошел к милорду в кабинет и вынес оттуда бутылки.

– Значит, он украл бренди. И как это доказывает его невиновность?

– Я оседлал пони для мисс Эвелины, и она уехала кататься верхом, а Чарли пришел ко мне, хотел выпить с другом в последний раз. Ну, я не отказался. Мы с ним выпили обе бутылки, а за полчаса до убийства он попросил меня уйти.

– Почему?

– Сказал, что у него важная встреча.

– С кем?

– Не знаю, сэр, он имен не называл. Он просто...

Миллер умолкает, задумывается, пытается нащупать хоть какую-то щелку, в которую можно ускользнуть.

– Продолжайте! – требую я.

Бедняга заламывает руки, пинает коврик носком сапога.

– Он сказал, что все улажено, что его устроят на новое хорошее место. Вот я и решил...

– Что?

– Ну, он так все излагал, что...

– Да не тяните, Миллер!

– Что тут замешана миледи, – отвечает он, впервые глядя мне в глаза. – Я подумал, что он ждет леди Хелену Хардкасл. Она всегда к нему хорошо относилась.

Я выпускаю его плечо:

– Вы ее тогда видели?

– Я... – виновато бормочет он.

– Вы никуда не ушли, – уверенно заявляю я. – Вы хотели увидеть, с кем встречается Чарли, поэтому спрятались где-то неподалеку и следили за ним.

– Ваша правда, сэр. Только я недолго за ними следил, просто мне за него боязно было.

– И почему вы об этом никому не рассказали? – насупившись, спрашиваю я.

– Мне запретили, сэр.

– Кто?

Он смотрит на меня, шевелит губами, превращая молчание в отчаянную мольбу.

– Кто, черт побери?!

– Ну, леди Хардкасл, сэр. Поэтому я и... Ну, она же не позволила бы Чарли ее сына убить. А если б он и убил, так она не велела бы мне молчать. Непонятно все это. Чарли не виноват.

– И вы все эти годы хранили тайну?

– Так ведь страшно-то как, сэр.

– Из-за кого вам страшно? Из-за Хелены Хардкасл?

– Нет. Из-за ножа. Которым Томаса убили. Нож нашли в хижине Карвера, под половицей. Поэтому и объявили, что Чарли – убийца.

– И почему же вам страшно, Миллер?

– Потому что нож мой. Копытный. За пару дней до убийства он пропал из моего дома. А еще у меня украли одеяло, стащили прямо с кровати. Я думал, что меня соучастником назовут, мол, что мы с Чарли вдвоем задумали убийство.

Меня обуревают лихорадочные размышления. Я рассеянно обещаю Миллеру не раскрывать его секрета и под проливным дождем бреду к особняку.

Майкл Хардкасл сказал, что в день убийства Томаса с Чарли Карвером был кто-то еще – тот, кто сбежал, раненный выстрелом из ружья Стэнуина. А вдруг это леди Хардкасл? В таком случае ей пришлось бы обратиться к врачу, но тайком от всех.

«Доктор Дикки?»

В день убийства Томаса в имении Хардкаслов были гости – все они и в этот раз приглашены на бал. Если Дикки сегодня здесь, значит он был в особняке и девятнадцать лет назад.

«Он ничего не скажет, он предан, как пес».

– Они с Беллом приторговывают наркотиками... – Я вспоминаю Библию со странными пометками, которую Дарби видел в спальне доброго доктора. – Этим можно воспользоваться и выпытать из него правду.

Я волнуюсь все больше и больше. Если Дикки подтвердит, что леди Хардкасл ранили в плечо, то подозрение в убийстве Томаса падет и на нее. Но зачем ей убивать родного сына или сваливать вину на своего возлюбленного, если верить лорду Хардкаслу?

Меня, точнее, Дэнса охватывает чувство, напоминающее радостное возбуждение. Старик всю жизнь, как охотничья собака, вынюхивает неоспоримые факты – единственное, что доставляет ему удовольствие. Громада Блэкхита на горизонте приближается, и я прихожу в себя. Подслеповатые глаза Дэнса видят особняк расплывчато, будто в тумане, не в запустении, а в былом величии, как в те дни, когда здесь гостили молодые Миллисент Дарби, Рейвенкорт и Хардкаслы, когда дети без страха играли в лесу, а их родители развлекались на балах, устраивали вечеринки, смеялись и пели.

Должно быть, все это было великолепно.

Ясно, что Хелена Хардкасл устраивает сегодняшний бал, пытаясь вернуть безвозвратно ушедшие дни. Однако лишь глупец поверит в то, что этим и объясняется все происходящее.

Возродить Блэкхит невозможно. Убийство Томаса Хардкасла опорочило имение, но все же Хелена Хардкасл почему-то пригласила на сегодняшний бал тех же людей, которые гостили здесь ровно девятнадцать лет назад. Прошлые откопали и приукрасили, но ради чего?

Если Миллер говорит правду, если Чарли Карвер не виноват в смерти Томаса Хардкасла, то, возможно, убийца – Хелена Хардкасл, которая и заманила всех нас в свои жуткие сети.

Вполне возможно, что именно она замышляет убийство Эвелины, вот только мне до сих пор непонятно, где искать Хелену Хардкасл и как ее остановить.

38

Джентльмены курят на ступенях парадного крыльца, рассказывают друг другу о своих вчерашних похождениях. Вслед мне несутся веселые приветствия, но я молча прохожу мимо. Ноги болят, поясница ноет, требуя горячей ванны, только сейчас не время расслабляться. Через полчаса начнется охота, ее нельзя пропустить. У меня слишком много вопросов, а те, у кого есть ответы, будут вооружены.

Беру из гостиной бутылку виски, ухожу к себе в спальню, выпиваю пару бокалов, чтобы снять боль. Чувствую, что Дэнс недоволен не только тем, что я признаю его слабость, но и моим желанием заглушить болезненные ощущения. Он ненавидит старость, считает преклонный возраст злом, разъедающим и поглощающим человека. Снимаю промокшую, заляпанную грязью одежду, направляюсь к зеркалу, потому что до сих пор не представляю, как выглядит Дэнс. Я уже привык к ежедневным перемещениям в новое тело, но смотрюсь в зеркало только потому, что надеюсь обнаружить хоть какой-то след настоящего Айдена Слоуна.

Дэнсу около восьмидесяти, и обличье у него под стать характеру, такое же иссохшее и блеклое. Он плешив, верхнюю губу обрамляют тонкие седые усы, а с черепа водопадом струятся морщины, удерживаемые на лице крупным римским носом, по обе стороны от которого темнеют тусклые глаза, ничем не выдающие того, кто скрывается внутри. Если, конечно, там кто-то скрывается. Дэнс всеми силами старается ничем не выделяться, обезличиться. Даже его костюмы – надо признать, отменного качества – выдержаны в серых тонах; только платок в нагрудном кармане и галстук-бабочка выбиваются из этой однообразной цветовой гаммы, да и те либо бордовые, либо темно-синие. В целом он производит впечатление человека, прячущегося от жизни.

Твидовый охотничий костюм жмет в поясе, но это терпимо. Согреваю горло еще одним бокалом виски, выхожу в коридор и стучусь в спальню доктора Дикки.

В комнате слышны шаги, дверь распахивается. На пороге стоит добрый доктор в охотничьем костюме.

– У меня в больнице меньше пациентов, чем здесь, – ворчит он. – Предупреждаю, я сегодня уже имел дело с ножевыми ранениями, потерей памяти и жутким избиением, так что жалуйтесь на что-нибудь поинтереснее. И желательно выше пояса.

– Вы сбываете наркотики с помощью Себастьяна Белла, – заявляю я, глядя, как улыбка сползает с его лица. – Он их продает, вы их поставляете.

Доктор белеет, как полотно, и прислоняется к дверной раме.

Заметив слабинку, я продолжаю:

– Тед Стэнуин с удовольствием заплатит за эти сведения, но мне Стэнуин не нужен. Лучше скажите, был ли у вас пациент с огнестрельным ранением в день, когда убили Томаса Хардкасла, – может быть, Хелена Хардкасл или кто другой.

– Полицейские тогда тоже спрашивали меня об этом, и я ответил чистую правду, – хрипит он, расстегивая воротничок сорочки. – Нет, у меня не было таких пациентов.

Презрительно морщась, я отворачиваюсь:

– Я иду к Стэнуину.

Доктор Дикки хватается меня за руку:

– Черт возьми, я говорю вам правду!

Мы глядим друг на друга. У него глаза старческие, тусклые, в них горит страх. А то, что он видит в моих глазах, заставляет его разжать пальцы.

– Хелена Хардкасл обожает своих детей, а Томас был у нее любимчиком, – заявляет он. – Она не могла причинить ему зло. Даю вам слово джентльмена, ко мне в тот день никто не обращался и я понятия не имею, кого подстрелил Стэнуин.

Пристально всматриваюсь в его умоляющий взор, ищу признаки обмана или уклончивости, но вижу, что он действительно говорит правду.

Я расстроено бреду в вестибюль, где уже собрались остальные гости, курят, оживленно беседуют, ждут начала охоты. Я так надеялся, что Дикки подтвердит причастность Хелены к убийству сына, ведь это могло стать отправной точкой в расследовании смерти Эвелины.

Надо выяснить, как именно погиб Томас, и я знаю, кому это известно лучше всех.

В поисках Теда Стэнуина я захожу в гостиную, где Филип Сатклифф в зеленом твидовом костюме терзает фортепиано – с жаром, но без особого умения. Вымученная мелодия вызывает в памяти мое первое утро в особняке; вот и сейчас Себастьян Белл одиноко стоит в дальнем углу, нервно сжимая бокал с коктейлем, названия которого не знает. Моя жалость лишь оттеняет раздражение Дэнса, который презирает невежество любого рода. Дай ему волю – и он все расскажет Беллу, невзирая на последствия. Честно говоря, мне нравится эта мысль.

Почему бы не объяснить Беллу все, начиная с того, что утром в лесу он видел не Анну, а камеристку по имени Мадлен Обэр. И что обе они живы, а ему не в чем себя винить. И что все это – временная петля, а убийство Эвелины – ключ к освобождению. И что не нужно терять времени, пытаясь сбежать из Блэкхита в обличье Дональда Дэвиса. И что Каннингем, сын Чарли Карвера, ищет доказательства того, что Карвер не убивал Томаса Хардкасла. И что Каннингема следует шантажировать именно этим, потому что Рейвенкорт, которому претят скандалы, немедленно его уволит. И что надо отыскать загадочную Фелисити Мэддокс, а самое главное – Хелену Хардкасл, поскольку все улики указывают на пропавшую владелицу особняка.

«Ничего не выйдет».

– Знаю, – с горечью шепчу я.

Сначала Белл решит, что я сошел с ума, а когда сообразит, что все это – чистая правда, то его расследование совершенно изменит ход событий сегодняшнего дня. Мне очень хочется помочь Беллу, но я чувствую, что близок к разгадке, и не желаю рисковать.

Беллу придется действовать в одиночку.

Кто-то берет меня за локоть. Рядом возникает Кристофер Петтигрю с тарелкой в руках. Его присутствие меня корбит, но безупречные манеры Дэнса не позволяют выказать отвращение. Вблизи Петтигрю выглядит как покойник.

– Скоро от него избавимся. – Он кивает в сторону Теда Стэнуина, который, презрительно шурясь, накладывает себе на тарелку холодные закуски.

Раньше я считал Стэнуина неотесанным грубияном, но он совсем не так прост. Он шантажист, а значит, ему известны все скандальные происшествия, все постыдные тайны и дурные наклонности каждого из присутствующих, скрытые от посторонних глаз. Он презирает всех обитателей Блэкхита и гостей особняка, включая себя самого, хранителя этих секретов, поэтому каждый день ищет повода для размолвки, чтобы укрепить уважение к себе.

Из библиотеки приходит в гостиную недоумевающий Чарльз Каннингем с запиской Рейвенкорта. Горничная Люси Харпер убирает со столов грязную посуду, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. С болью в сердце я замечаю, что она чем-то похожа на мою покойную жену Ребекку. В молодости, разумеется. Доброта, сквозящая в каждом движении, словно бы...

«Ребекка – не ваша жена».

– Черт возьми, Дэнс! – бормочу я, отгоняя навязчивые мысли.

– Простите, что вы сказали? – спрашивает Петтигрю.

Я краснею от смущения, открываю рот для ответа, но вижу, как Люси Харпер пытается обойти Теда Стэнуина, чтобы взять со стола грязную тарелку. Люси очень хорошенькая, веснушчатая и голубоглазая; из-под чепца выбиваются рыжие кудряшки.

– Извините, Тед, – говорит она.

– Тед? – злобно восклицает он, хватая ее за руку и сжимает запястье так сильно, что горничная ойкает и морщится. – Ты что о себе возомнила, а, Люси? Я тебе не Тед, а мистер Стэнуин. С вами, крысами подвальных, я больше не якшаюсь.

Она ошеломленно отшатывается, умоляюще глядит на нас.

В отличие от Себастьяна Белла, Дэнс – великий знаток человеческой природы. Глядя на происходящее, я замечаю одну странность, ускользнувшую от меня прежде. В первый раз я решил, что Люси просто напугана грубым обращением, но сейчас понимаю, что она не боится, а ошарашена и чем-то огорчена. Да и Стэнуин отчего-то расстроен.

– Тед, оставьте ее в покое, – говорит Даниель Кольридж, появляясь в дверях.

Дальнейшее происходит без изменений. Стэнуин отступает, Даниель уводит Белла в кабинет к Майклу и коротко кивает мне на ходу.

– Ну что, пойдём? – спрашивает Петтигрю. – Похоже, представление окончено.

Мне хочется отыскать Стэнуина, но лень подниматься по лестнице и идти в восточное крыло. Вдобавок я знаю, что он будет на охоте. Нет, лучше дожидаться его здесь, решаю я.

Мы проталкиваемся сквозь толпу возмущенных гостей и выходим из вестибюля на подъездную аллею, где нас уже ждут Сатклифф, Харрингтон и еще несколько незнакомых мне людей. Над особняком нависают тяжелые черные тучи, готовые разразиться уже знакомой мне грозой. Охотники стоят бок о бок, придерживают кепки, запахи пиджаки, которые воровато дергает ветер. Гончие рвутся с поводков, облаивают темноту. Я знаю, что нам предстоит ненастный день, и мне заранее себя жаль.

– Как дела? – К нам подходит Сатклифф в обсыпанном перхотью пиджаке.

Харрингтон кивает, счищая грязь с сапог.

– Вы видели, как Даниель Кольридж приструнил Стэнуина? – спрашивает он. – Похоже, мы сделали верную ставку.

– Посмотрим, – мрачно отвечает Сатклифф. – Кстати, а где Даниель?

Я озираюсь, но Даниеля не видно. Вместо ответа я пожимаю плечами.

Егеря раздают ружья тем, кто не привез своих, включая меня. Ружье начищено и смазано, ствол переломлен, в патроннике два красных патрона. Остальные гости показывают свое знакомство с оружием, наводят дула на воображаемые мишени в небе, но Дэнс не разделяет их любовь к охоте, что оставляет меня в растерянности. Заметив, что я недоуменно рассматриваю ружье, нетерпеливый егерь показывает, как пристроить его на сгиб руки, вручает коробку патронов и переходит к следующему охотнику.

Честно говоря, с ружьем в руках я чувствую себя увереннее. Весь день мне кажется, что за мной следят, и в лесной чаще оружие не помешает. Лакей наверняка дожидается, когда я останусь один, но я не намерен легко сдаваться.

Откуда ни возьмись рядом с нами возникает Майкл Хардкасл, согревает ладони дыханием.

– Простите за опоздание, господа, – говорит он. – Отца задерживают срочные дела, он приносит свои извинения, так что на охоту мы отправляемся без него.

– И что делать, если мы найдем труп женщины, о которой говорил Белл? – кисло спрашивает Петтигрю.

Майкл укоризненно смотрит на него:

– Прошу вас, будьте милосердны. Доктор Белл перенес тяжелое потрясение.

– Да уж, бутылок пять, не меньше, – хмыкает Сатклифф.

Все хохочут, кроме Майкла, который гневно смотрит на судейского.

Сатклифф театрально воздевает руки:

– Майкл, да будет вам, вы же видели, в каком состоянии он был за ужином. Неужели вы и впрямь думаете, что в лесу труп? Из особняка никто не пропал, а Белл просто помешался.

– Белл не стал бы выдумывать такую жуткую историю, – настаивает Майкл. – Я сам видел раны у него на руке.

– О разбитую бутылку порезался, – фыркает Петтигрю, потирая замерзшие руки.

Егерь вручает Майклу черный револьвер: если не считать длинной царапины на дуле, револьвер как две капли воды похож на тот, с которым Эвелина сегодня вечером отправится на кладбище. Очевидно, оба револьвера из спальни Хелены Хардкасл.

– Я для вас его почистил и смазал, сэр, – говорит егерь, почтительно приподнимает фуражку и отходит.

Майкл опускает револьвер в кобуру у пояса и продолжает разговор, не замечая моего любопытства.

– Не понимаю, почему все так разволновались, – говорит он. – Об охоте условились давно, просто сейчас мы двинемся в другом направлении, только и всего. Если что-нибудь заметим, так тому и быть. А если нет, то успокоим доктора.

Вопросительные взгляды обращены на меня, потому что обычно в таких случаях все прислушиваются к мнению Дэнса. Собачий лай избавляет меня от необходимости отвечать; свора рвется с поводков, тянет псарей по лужайке к лесу.

Оглядываюсь на особняк, ищу взглядом Белла. Он стоит у окна в кабинете, полускрытый красными бархатными шторами. Издалека, в сумеречном свете дня, он выглядит призраком, хотя вернее было бы сказать, что призречен не он, а сам Блэкхит-хаус.

Охотники входят в лес, разбиваются на небольшие группы. Мне надо поговорить со Стэнуином о Хелене, но он шагает слишком быстро и держится особняком. Пытаюсь его догнать, не поспеваю за ним, почти теряю из виду. Наконец понимаю, что на ходу поговорить не удастся, поэтому решаю подождать до первого привала.

Боясь столкнуться с лакеем, присоединяюсь к Сатклиффу и Петтигрю. Они все еще обсуждают возможные последствия уговора между Даниелем и лордом Хардкаслем. Приподнятое настроение быстро улетучивается. Спустя час в гнетущем сумраке чащобы все восклицания превращаются в шепот, а еще через двадцать минут разговоры умолкают. Даже собаки притихли, принимают к земле, тянут нас во тьму. Радуюсь, что у меня есть ружье, я сжимаю его крепче и, несмотря на усталость, стараюсь не отставать от спутников.

Мои ленивые размышления прерывает голос Даниеля:

– Не унывайте, старина!

– Что-что?

– Дэнс – неплохое воплощение, – говорит Даниель, подходя ближе. – Цепкий ум, сдержанный нрав, еще крепкое здоровье.

– Несмотря на еще крепкое здоровье, я чувствую себя так, словно прошел тысячу миль, а не десять, – устало говорю я.

– Майкл решил, что лучше разделить на две группы, – продолжает Даниель. – Те, кто постарше, устроят привал, а молодежь пойдет дальше. Не волнуйтесь, скоро отдохнете.

Между нами густые заросли, разговаривать приходится вслепую, как влюбленным в лабиринте живой изгороди.

– Тяжело все время уставать, – вздыхаю я. – Вот Кольридж намного моложе.

– Не соблазняйтесь привлекательной внешностью, – советует он. – Душа Кольриджа чернее черного. И его очень трудно контролировать. Вот увидите, в его обличье вы не раз помянете Дэнса добрым словом, так что сейчас не жалуйтесь.

Лес редееет, и Даниель теперь идет рядом со мной, прихрамывая и морщась от боли. Под глазом у него синяк. Вспоминаю, что все это я уже видел за ужином, но в тусклом свете свечей следы побоев выглядели не так ужасно.

Заметив мое потрясение, Даниель усмехается:

– Не беспокойтесь, все в порядке.

– Что случилось?

– Вот, сцепился с лакеем в потайных ходах.

– В одиночку? – спрашиваю я, изумленный тем, что он пошел на такой риск.

Мы решили изловить лакея в потайных ходах особняка, но замысел требовал присутствия шестерых, по двое наблюдателей у каждого из трех выходов. Анна отказалась, Дарби потерял сознание от удара по голове, и я думал, что Даниель отказался от своего плана. Судя по всему, Дарби – не единственный упрямец среди моих воплощений.

– Мне ничего другого не оставалось, – говорит он. – Думал, что на этот раз точно его изловлю, но не рассчитал. К счастью, он не успел взяться за нож, а мне удалось отбиться.

В голосе Даниеля клокочет злоба. Очевидно, он так озабочен будущим, что совершенно не замечает настоящего.

– Вы еще не придумали, как освободить Анну?

Даниель со стоном вскидывает ружье на плечо. Он не просто хромает, а с трудом держится на ногах.

– Нет, не придумал. И не собираюсь, – говорит он. – Уж простите, но освободиться может только один из нас. К одиннадцати часам вечера Анна наверняка нас предаст. Нам с вами следует доверять только друг другу.

«Она вас предаст».

Может быть, вот об этом и предупреждал Чумной Лекарь? Дружба основывается на взаимном благополучии, но как поступит Анна, узнав, что Даниель отказывается ей помочь?

«А как бы вы поступили?»

Даниель подбадривает меня, кладет руку на плечо. Я с удивлением понимаю, что у Дэнса вызывает восхищение и целеустремленность Кольриджа, и его настойчивость – те качества, которые Дэнс ценит превыше всего. Возможно, поэтому Даниель и решил поделиться информацией со мной в обличье Дэнса, а не в другом воплощении. Кольридж и Дэнс – зеркальные отражения друг друга.

– Вы ей не признались? Ну, в пустом обещании?

– Меня отвлекли.

– Прошу вас, храните это в тайне, – вкрадчиво произносит Даниель, будто делясь секретом с ребенком. – Только Анна поможет нам перехитрить лакея, но если она узнает, что мы нарушили обещание, то помощи от нее не дождешься.

Слышу тяжелую поступь за спиной, оборачиваюсь. К нам приближается Майкл. Вместо привычной улыбки его лицо искажено злобной гримасой.

– Боже мой, что случилось? – спрашивает Даниель. – Можно подумать, кто-то пнул вашего любимого пса.

– Да всё эти проклятые поиски, – раздраженно объясняет Майкл. – Белл настаивает, что видел в лесу убийство, но никто из гостей не желает отнестись к этому серьезно. Хотя я у них ничего особенного и не прошу – поворошить листья, заглянуть под куст, и все такое.

Даниель, кашлянув, смущенно смотрит на Майкла.

– О господи! – накупившись, восклицает Майкл. – Что, плохие новости?

– Нет, хорошие, – торопливо заверяет его Даниель. – Никого не убивали. Случилось недоразумение.

– Недоразумение... – медленно повторяет Майкл. – Какое еще недоразумение?

– Дарби гулял по лесу, встретил камеристку, та испугалась и сбежала, а ваша сестра в него выстрелила. Белл решил, что стал свидетелем убийства.

– Проклятый Дарби! – Майкл оборачивается к особняку. – Нет, я этого больше не потерплю! В два счета выставлю его из дома, пусть где хочет, там и живет.

– Он не виноват, – вздыхает Даниель. – Во всяком случае, в этот раз. Как ни странно, Дарби хотел ей помочь, только его добрых намерений не поняли.

Майкл останавливается, недоверчиво смотрит на Даниеля:

– Это правда?

– Да. – Даниель обнимает приятеля за плечи. – Досадное недоразумение, в котором никто не виноват.

– Особенно Дарби. Это для него впервые.

Майкл облегченно вздыхает, злость испаряется. У него переменчивая натура, его легко рассердить и легко развеселить. А еще ему все быстро надоедает. Интересно было бы в него воплотиться. Скованность Дэнса доставляет определенные неудобства, но она гораздо предпочтительнее постоянной, непредсказуемой смены настроений.

– Все утро я убеждал гостей, что в лесу произошло убийство и что к этому следует отнестись со всей серьезностью, – смущенно признается Майкл. – Испортил им и без того испорченный отдых.

– Вы хотели помочь другу, – с отеческой улыбкой утешает его Даниель. – Ничего постыдного в этом нет.

Меня удивляет и радует такая отзывчивость. Настойчивое желание Даниеля покинуть Блэкхит не может не восхищать, но меня тревожит его безжалостность в достижении цели. Я не могу отделаться от подозрений, меня беспрестанно мучает страх. Легко относиться ко всем неприязненно, считать всех врагами, однако Даниель все еще способен быть выше этого.

Майкл продолжает идти рядом с нами. Я решаю воспользоваться представившейся возможностью и спрашиваю:

– А револьвер вы позаимствовали у матери?

– У матери? Я и не знал, что у нее есть оружие. Нет, мне его дала Эвелина, еще утром.

– Почему?

– Потому что я не люблю охоту, – краснея, признается он, пинает кучку палых листьев. – Не выношу вида крови. Я не собирался охотиться, но пришлось, потому что отец не смог, а тут еще и эти поиски... В общем, я сначала приуныл, но Эвелина – большая умница. Дала мне револьвер, сказала, что он выглядит внушительно, а выстрелом из него я никого не убью.

Майкл видит, что Даниелю хочется расхохотаться в голос, и добродушно улыбается.

– А где ваши родители? – спрашиваю я, не обращая внимания на их перешучивание. – Похоже, они пригласили всех на бал, но все заботы взвалили вам на плечи.

Он хмуро чешет в затылке:

– Отец заперся в сторожке. Вы же знаете, дядюшка Эдвард, у него очередной приступ меланхолии.

«Дядюшка?»

Из обрывочных воспоминаний Дэнса мне известно о его давней дружбе с Питером Хардкасллом. Значит, Дэнса считают почетным членом семьи. Узы дружбы давно ослабели, но я чувствую глубокую привязанность к Майклу и горжусь им больше, чем своим сыном.

– А матушка... – продолжает Майкл, не замечая моего мимолетного недоумения. – Честно говоря, я даже не знаю, что с ней происходит. В последнее время она очень странно себя ведет. Я даже хотел попросить вас, чтобы вы с ней поговорили. По-моему, она меня избегает.

– И меня тоже, – вздыхаю я. – Весь день не могу с ней увидеться.

Он умолкает, что-то обдумывает и, понизив голос, доверительно произносит:

– По-моему, она не в себе.

– Не в себе?

– Она как будто стала другим человеком, – обеспокоенно поясняет он. – То радуется, то сердится. За ней невозможно уследить. Вдобавок она обращается к нам как к чужим.

«Еще один противник?»

Чумной Лекарь предупредил, что нас трое: лакей, Анна и я. Если он и солгал, то я не понимаю зачем. Смотрю на Даниеля, пытаюсь понять, известно ли ему об этом, но он не сводит глаз с Майкла.

– И когда это началось? – спрашиваю я.

– Не помню. Кажется, что давным-давно.

– А когда вы впервые это заметили?

Он закусывает губу, роется в памяти.

– Одежда! – восклицает он. – Все началось именно с этого. Я вам не рассказывал? – спрашивает он у Даниеля. Тот мотает головой. – Да ладно, рассказывал! Еще год назад.

Даниель снова мотает головой.

– В прошлом году матушка поехала в Блэкхит, как обычно, на свое дурацкое паломничество. А как вернулась в Лондон, примчалась ко мне в Мэйфер, твердя о какой-то одежде, – говорит Майкл, словно ожидая, что Даниель вот-вот вспомнит. – Мол, нашла одежду, нашла одежду. Все допытывалась, знаю ли я об этих вещах.

– Чью одежду? – спрашиваю я, просто чтобы его подбодрить.

Сперва меня взволновало изменившееся поведение Хелены, но если это произошло год назад, то вряд ли она – еще один противник. И хотя она в самом деле ведет себя странно, вряд ли какая-то старая одежда поможет узнать почему.

– Понятия не имею. – Он недоуменно разводит руками. – Матушка ничего толком не объяснила. Я ее с трудом успокоил, а она сокрушалась, что теперь все обо всем узнают.

– О чем?

– Она так и не сказала. А потом уехала.

Охотники разбредаются, собаки бегут в разные стороны. Харрингтон, Сатклифф и Петтигрю ждут нас чуть поодаль, не зная, куда идти дальше. Майкл прощается с нами и бежит вперед, указывая путь.

– И что вы об этом думаете? – спрашиваю я Даниеля.

– Не знаю, – туманно отвечает он.

Он чем-то озабочен, провожает Майкла взглядом. Мы молча идем дальше, к заброшенной деревушке у подножья утеса. На перекрестке лесных троп стоят восемь каменных хижин, соломенные крыши сгнили, стропила обвалились. Повсюду еще заметны признаки былой жизни: корзина в грудe мусора, наковальня посреди дороги. Возможно, в этом запустении есть некое очарование, но я вижу только следы давних тягот и неустанного труда.

– Пора, – бормочет Даниель, глядя на деревушку.

На его лице появляется странное выражение, а голос звучит нетерпеливо, взволнованно и почему-то тревожно. Очевидно, здесь что-то произойдет, но я понятия не имею, что именно. Майкл показывает Петтигрю и Сатклиффу один из заброшенных домов, а Стэнуин задумчиво приваливается к дереву.

– Будьте готовы, – загадочно произносит Даниель и исчезает среди деревьев.

В другом обличье я бросился бы за ним, но у Дэнса не остается сил. Мне нужно отдохнуть.

Я усаживаюсь на полуобвалившуюся каменную ограду, прикрываю глаза. Вокруг меня сжимаются годы, запускают клыки в горло, вытягивают из меня все силы. Очень неприятное ощущение, хуже неподъемной тяжести Рейвенкорта. Во всяком случае, я смог привыкнуть к излишнему весу банкира и к его ограниченной подвижности. А вот Дэнс по-прежнему считает себя молодым и вспоминает о своем преклонном возрасте лишь изредка, глядя на свои морщинистые, иссохшие руки. Даже сейчас он недоволен тем, что я поддался усталости и присел отдохнуть.

Чтобы не уснуть, я щиплю себя за руку, досажую на недостаток сил.

Интересно, сколько мне лет на самом деле? Прежде я никогда об этом не задумывался, не было времени предаваться бесполезным размышлениям, но сейчас я молю Бога о молодости, силе, здоровье и живом уме. Невозможно представить, что, покинув Блэкхит, я окажусь...

39

День второй (продолжение)

Открываю глаза, вижу Чумного Лекаря, который смотрит на золотые карманные часы; свеча в его руке окрашивает маску болезненной желтизной. Я снова дворецкий, спеленатый простыней.

– Вовремя, – говорит Чумной Лекарь, закрывая крышку часов.

Смеркается. Крошечное пламя свечи дрожит в полутьме. На кровати, рядом со мной, лежит ружье Анны.

– Что происходит? – хрипло спрашиваю я.

– Дэнс задремал. – Чумной Лекарь хмыкает, опускает свечу на пол и садится в кресло у кровати, полностью окутывая его широким плащом.

– Я не об этом. Зачем мне ружье?

– Вы его здесь оставили, в одном из ваших воплощений. Не зовите Анну, ее нет в сторожке, – говорит он, заметив, что я гляжу на дверь. – А я должен вас предупредить, что ваш противник почти раскрыл убийство. Я надеюсь встретиться с ним у озера сегодня вечером. Вам больше нельзя мешкать.

Я хочу потянуться, но боль в ребрах не позволяет.

– Чем я вам так интересен? – спрашиваю я, преодолевая боль.

– Простите, не понимаю.

– Ну, зачем вы приходите со мной разговаривать? С Анной вы не встречаетесь и, как я понимаю, с лакеем тоже.

– Как вас зовут?

– А что...

– Ответьте мне, – велит он, стуча тростью об пол.

– Эдвард Дэ... нет, Дарби... Нет... – Я сконфуженно умолкаю. – Айден... Айден... не помню.

– Вы себя теряете, мистер Слоун. – Он скрещивает руки на груди, откидывается на спинку кресла. – Это началось уже давно. Именно поэтому вас ограничили восемью воплощениями, иначе ваша личность не сможет с ними совладать.

Он прав. Мои ипостаси становятся сильнее, а я слабею. Это происходит постепенно, но неотвратимо, будто я уснул на берегу, а проснулся в открытом море.

– Что же делать? – встревоженно спрашиваю я.

– Держитесь. – Он пожимает плечами. – Ничего другого вам не остается. Вы наверняка уже слышали внутренний голос. Сухой, отстраненный. Невозмутимый, даже если вы волнуетесь или напуганы.

– Да, слышал.

– Это все, что осталось от настоящего Айдена Слоуна, того, кто некогда приехал в Блэкхит. Крохотная частица, застрявшая между витками времени. Если вы почувствуете, что теряете себя, прислушайтесь к внутреннему голосу. Это ваш маяк. Ваше истинное «я».

Шелестя складками плаща, он встает. Пламя свечи колыхнется на сквозняке. Он наклоняется, берет свечу и идет к двери.

– Подождите, – прошу я.

Он останавливается, не оборачиваясь. Четкий силуэт озарен сияющим ореолом.

– Сколько раз это повторялось? – спрашиваю я.

– Несколько тысяч раз. Я давно сбился со счета.

– И почему у меня ничего не получается?

Он вздыхает, полуоборачивается ко мне, ссутулившись, будто каждый виток времени тяжким грузом ложится ему на плечи.

– Я и сам об этом не раз думал, – говорит он; растопленный воск капает ему на перчатку. – Возможно, это чистая случайность, что вы спотыкаетесь там, где следует твердо стоять на ногах. А может быть, этому виной ваша натура.

– Моя натура? То есть, по-вашему, я обречен на провал?

– Обречены? Отнюдь нет. Это расценивалось бы как попытка оправдаться, а Блэкхит не терпит оправданий. Все, что здесь происходит, не неизбежно, хотя на первый взгляд кажется, что это не так. Все повторяется лишь потому, что гости изо дня в день принимают одни и те же решения: пойти на охоту или предать друга. Кто-то слишком много пьет за ужином, пропускает завтрак и не попадает на встречу, которая могла бы изменить всю его жизнь. Они не в состоянии поступить иначе, поэтому никогда не изменяются. А вот вы совсем другой, мистер Слоун. Виток за витком я видел, как вы реагируете на добрые и злые деяния, на мелкие случайности. Вы принимаете разные решения, но в критический момент совершаете одни и те же ошибки. Вас словно бы влечет в бездну.

– Вы считаете, что для того, чтобы выбраться отсюда, я должен стать кем-то другим?

– Нет, я считаю, что каждый запирает себя в клетке, сделанной собственноручно. Айден Слоун, который впервые очутился в Блэкхите... – Чумной Лекарь вздыхает, будто воспоминание его тревожит. – То, чего он хотел, и то, как он этого добивался, было... неколебимо. Тот Айден Слоун никогда не смог бы выбраться из Блэкхита. А сейчас Айден Слоун стал совсем другим. По-моему, сейчас вы очень близко подошли к разгадке. Впрочем, я так считал и раньше, но всякий раз ошибался. По правде говоря, ваше главное испытание еще впереди, но если вы и впрямь изменились, то, кто знает, может быть, для вас еще есть надежда.

Пригнувшись, он выходит в коридор, унося с собой свечу.

– После Эдварда Дэнса у вас еще четыре перевоплощения, включая остаток дня дворецкого и Дональда Дэвиса. Будьте осторожны, мистер Слоун. Лакей не остановится, пока не убьет всех, а вам нельзя терять ни одного.

С этими словами он закрывает дверь.

40

День шестой (продолжение)

Годы, прожитые Дэнсом, наваливаются на меня тысячей гирь.

У меня за спиной Майкл беседует со Стэнуином, Сатклифф и Петтигрю раскатисто хохочут, сжимая в руках бокалы.

Надо мной склоняется Ребекка с серебряным подносом, на котором стоит последний бокал бренди.

– Ребекка, – ласково говорю я и хочу протянуть руку, коснуться щеки жены.

– Сэр, я Люси, Люси Харпер, – озабоченно говорит горничная. – Простите, я не хотела вас будить. Я испугалась, что вы упадете.

Я моргаю, отгоняю воспоминание о покойной супруге Дэнса, мысленно укоряю себя за глупую ошибку, раздраженный тем, что меня застали в момент постыдного проявления чувств. К счастью, я не забыл, с какой добротой Люси ухаживала за дворецким, поэтому сдерживаюсь.

– Бренди, сэр? – предлагает горничная. – Хоть согреетесь немного.

Неподалеку Мадлен Обэр, камеристка Эвелины, складывает в корзину для пикника грязную посуду и бутылки бренди, принесенные из Блэкхита. Я не заметил прихода служанок, а сейчас они уже собираются уходить, так что, судя по всему, спал я долго.

– Спасибо, я и без бренди нетвердо стою на ногах, – отказываюсь я.

Она косится на Теда Стэнуина, который хватает Майкла за плечо. Ее опасения вполне понятны, если вспомнить, как грубо Стэнуин обошелся с ней за обедом.

– Не волнуйтесь, Люси, я сам ему отнесу. – Я встаю, беру бокал с подноса. – Так или иначе я должен с ним поговорить.

– Спасибо, сэр, – улыбается она и уходит.

Я направляюсь к Стэнуину и Майклу. Они прекращают разговор, но напряженное молчание громче всяких слов.

– Майкл, прошу прощения, мне надо побеседовать с мистером Стэнуином наедине, – говорю я.

– Да-да, конечно. – Майкл коротко кланяется.

Протягиваю Стэнуину бренди, игнорирую подозрительный взгляд.

– Ради чего это вы вдруг соизволили до меня снизойти, Дэнс? – Стэнуин смотрит на меня, как боксер на ринге.

– Полагаю, мы можем быть полезны друг другу.

– Я всегда рад обзавестись новыми друзьями.

– Расскажите, пожалуйста, что вы видели в день убийства Томаса Хардкасла.

– Зачем вам эта древняя история?

– Ее интереснее услышать от непосредственного свидетеля событий.

Мадлен и Люси уносят корзину для пикника, Стэнуин смотрит им вслед. Я чувствую, что он пытается меня отвлечь, потому что Дэнс его чем-то задевает.

– Что ж, – ворчит он, переводя взгляд на меня. – Я был егерем в Блэкхите. Каждое утро делал обход, подошел к озеру, а там Карвер и еще какой-то тип убивают мальчика. Ножом. Лица сообщника я не видел, он был ко мне спиной. Я в него выстрелил, но он сбежал в лес, пока я дрался с Карвером.

– И за это лорд и леди Хардкасл подарили вам плантацию?

– Ну да. Хотя я у них ничего не просил.

– Альф Миллер, конюх, говорит, что в то утро, за несколько минут до нападения, Карвер встречался с Хеленой Хардкасл. А вы что скажете?

– Что Альф – пьяница и обманщик, – тут же отвечает Стэнуин.

Он сам непревзойденный лжец, и, как только ему становится известно, что именно я хочу узнать, он больше не выказывает ни смущения, ни замешательства. Теперь, когда все преимущества на его стороне, он держит себя с большей уверенностью.

Я его недооценил.

Думал, что смогу припугнуть его, как конюха и доктора Дикки, но Стэнуин нервничал не из страха, а оттого, что среди всех известных ему ответов обнаружил один-единственный вопрос.

– Мистер Дэнс, а скажите-ка, кто мать вашего сына? – шепчет он мне на ухо. – Я точно знаю, что это не ваша драгоценная покойная супруга. У меня есть кое-какие соображения на этот счет, но вы избавите меня от лишних расходов, если сами назовете ее имя. А за эту услугу я готов снизить размер ваших ежемесячных взносов.

У меня кровь стынет в жилах. Постыдная тайна скрыта в душе Дэнса, она – его позор и его слабость, и теперь она у Стэнуина в кулаке.

Ответить я не могу.

Стэнуин отступает на шаг, небрежно выплескивает бренди в кусты.

– Если желаете заключить со мной выгодный обмен, то в следующий раз найдите что-нибудь...

У меня за спиной гремит выстрел.

В лицо летят брызги. Стэнуин отшатывается всем телом и падает на землю. В ушах звенит. Я притрагиваюсь к щеке, кровь пятнает пальцы.

Кровь Стэнуина.

Раздаются крики и испуганные восклицания.

На миг все замирают, а потом поднимается суматоха.

Майкл и Клиффорд Харрингтон подбегают к Стэнуину, зовут доктора Дикки, но ясно, что шантажист убит. Грудь разворочена, злоба улетучилась. Раскрытый глаз укоризненно глядит на меня. Хочу объяснить, что я не виноват, что это не моих рук дело. Почему-то это становится очень важным.

«Это от потрясения».

Из кустов выходит Даниель. Над дулом его ружья вьется дымок. Даниель разглядывает труп невозмутимо, будто и не совершал никакого преступления.

– Кольридж, что вы наделали?! – восклицает Майкл, безуспешно пытаясь нащупать пульс у Стэнуина.

– Сдержал обещание, данное вашему отцу, – заявляет Даниель. – Тед Стэнуин больше никого не будет шантажировать.

– Вы его убили! – Майкл потрясенно смотрит на него.

– Да, – отвечает Даниель, не отводя глаз. – Убил. – Он достает из кармана шелковый носовой платок, протягивает мне. – Утрите кровь, старина.

Я рассеянно беру платок, благодарю. Все как в тумане, я ошеломлен, не могу поверить в происходящее. Вытерев с лица кровь Стэнуина, я недоуменно разглядываю алые пятна на платке, будто ожидаю объяснений. Я только что разговаривал со Стэнуином, а теперь он убит, и я не понимаю, как смерть может быть такой... мгновенной. Должно ведь быть нечто большее – погоня, страх, какое-то предупреждение. Нельзя же просто умереть. Это похоже на мошенничество: уже и так много заплачено, а требуют еще больше.

– Все пропало, – ноет Сатклифф, привалившись к дереву. – Стэнуин предупреждал, что в случае его смерти все наши секреты получат огласку.

– Вас сейчас больше всего это заботит? – набрасывается на него Харрингтон. – Мы же все только что стали свидетелями того, как Кольридж убил человека!

– Человека, которого все мы ненавидели, – напоминает Сатклифф. – Признайтесь, ведь вы о том же подумали! И не надо притворяться. При жизни Стэнуин нас обирал, а его смерть нас уничтожит.

– Ничего подобного, – говорит Даниель, вскидывая ружье на плечо.

Он единственный, кто совершенно спокоен. Его поведение ничуть не меняется. Все происходящее его как будто не волнует.

– Все наши тайны... – начинает Петтигрю.

– Записаны в блокнот, который сейчас у меня, – обрывает его Даниель, доставая сигарету из серебряного портсигара.

Рука Даниеля не дрожит. Моя рука. В кого превращает меня Блэкхит?

– Его похитили по моей просьбе, – продолжает он, прикуривая сигарету. – Ваши тайны – теперь мои тайны и никогда не будут оглашены. Помнится, мы с вами договаривались об одном одолжении. Оно заключается в следующем: о том, что случилось, никому не рассказывайте. Понятно? Если у вас спросят, где Стэнуин, отвечайте, что он почему-то не захотел возвращаться вместе со всеми и остался в лесу. И больше вы его не видели.

Все изумленно переглядываются и молчат, то ли потрясенные убийством, то ли ошалевшие от счастья.

Я постепенно прихожу в себя, в полной мере осознаю весь ужас поступка Даниеля. Полчаса назад я восхищался его заботой о Майкле, но не предполагал, что от отчаяния Даниель решится на убийство.

Я решусь на убийство. Я стал свидетелем своего будущего, и мне от этого тошно.

– Господа, дайте мне слово, – требует Даниель, выдыхая струйку дыма. – Надеюсь, теперь вы понимаете, что произошло.

Нестройный хор голосов звучит глухо, но искренне. Только Майкл по-прежнему взволнован.

Даниель смотрит на него и холодно произносит:

– Помните: все ваши тайны – в моих руках. – Помолчав, он добавляет: – Пожалуй, нам пора возвращаться, пока нас не начали искать.

Согласившись с его предложением, все уходят в лес. Даниель делает мне знак остаться и, дождавшись, когда все скроются из виду, закатывает рукава.

– Помогите мне проверить его карманы, – просит он. – Этой дорогой будет возвращаться еще одна группа охотников. Нельзя, чтобы нас застали рядом с трупом.

– Даниель, что вы наделали! – сокрушаюсь я.

– Завтра он будет цел и невредим, – небрежно отмахивается Даниель. – Я повалил чучело, только и всего.

– Нам надо раскрыть убийство, а не совершить его.

– Если дать детям игрушечную железную дорогу, то они первым делом устроят крушение поезда. Это игра, а не проявление испорченного нрава, и мы за это их не осуждаем.

– По-вашему, это игра? – спрашиваю я, указывая на труп Стэнуина.

– Да, это головоломка с взаимозаменяемыми фрагментами. Мы ее сложим и пойдем домой. – Он недоуменно смотрит на меня, словно я прохожий, спрашивающий, как пройти к несуществующему адресу. – Не понимаю, что вас так беспокоит.

– Если мы будем расследовать убийство Эвелины предлагаемым вами методом, то мы не заслуживаем освобождения. Да поймите же, наши маски нас предают. Они раскрывают нашу сущность.

– Это все чепуха, – возражает он, обыскивая карманы Стэнуина.

– Истинная сущность человека яснее всего проявляется тогда, когда он думает, что его никто не видит. Не важно, что завтра Стэнуин будет жив. Сегодня вы его убили. Вы хладнокровно убили человека, и это злодеяние на всю жизнь запятнает вам душу. Даниель, я не знаю

ни для чего мы здесь, ни почему с нами все это происходит, но мы должны доказать, что это несправедливо, а не подтверждать правильность такого обращения.

– Вы ошибаетесь, – презрительно замечает он. – О каком злодеянии идет речь, если эти люди – все равно что тени на стене? Нет, не понимаю, чего вы от меня хотите.

– Я хочу, чтобы вы были выше этого, – восклицаю я. – Мы должны быть лучше тех, в кого воплощаемся. Даниель Кольридж решил, что лучший выход из положения – убийство Стэнуина, но вам так думать нельзя. Не забывайте, что вы порядочный человек.

– Порядочный человек! – хмыкает он. – Порядочный человек – это не тот, кто избегает совершать дурные поступки. Вспомните, где мы находимся и что с нами вытворяют. Освободиться отсюда можно, лишь сделав то, к чему нас понуждает необходимость, даже если нашей натуре это претит. Да, вам это не под силу, вы слишком щепетильны. Я и сам был таким же, но у меня больше нет времени волноваться об этических аспектах. Я твердо намерен сегодня вечером со всем разобраться, поэтому не беспокойтесь о моей порядочности, лучше оцените, чем я готов поступиться, чтобы вы могли сохранить свою. А если у меня ничего не выйдет, то попробуйте сделать по-своему.

– И как вы собираетесь жить дальше, сознавая, что совершили? – спрашиваю я.

– В кругу семьи, зная, что возможность вернуться к родным и близким гораздо важнее того, что я здесь утратил.

– Вы действительно в это верите?

– Да, а через несколько дней в это поверите и вы, – заявляет он. – Прошу вас, помогите мне его обыскать, пока сюда не пришли охотники. Не хочется весь вечер отвечать на расспросы полицейского.

Спорить с ним бесполезно, он уже внутренне отгородился от меня.

Я со вздохом подхожу к трупу:

– И что мы ищем?

– Как обычно, ответы. – Он расстегивает окровавленную охотничью куртку шантажиста. – Стэнуин собрал все сплетни и слухи в Блэкхите, включая последний фрагмент нашей головоломки – причину убийства Эвелины. Все эти сведения внесены в его блокнот особым шифром, ключ к которому находится в отдельной записной книжке. Блокнот у меня, а с шифровальной книжкой Стэнуин не расстанется, она всегда при нем.

Именно этот блокнот Дарби украл из спальни Стэнуина.

– Так это вы отобрали блокнот у Дарби? – спрашиваю я. – Как только я нашел блокнот, меня кто-то ударил по голове, и я потерял сознание.

– Нет, конечно, – улыбается он. – Кольридж договорился с кем-то о краже блокнота еще до моего воплощения. Пока мне не принесли блокнот, я совершенно не подозревал, что Кольридж намерен покончить с шантажом Стэнуина. Между прочим, я даже хотел вас предупредить.

– И почему вы этого не сделали?

Он пожимает плечами:

– Дарби тот еще бешеный пес, без него всем спокойнее. Ну, приступаем, у нас очень мало времени.

Передернувшись, я опускаюсь на колени рядом с трупом. Ужасная смерть, даже для такого негодяя, как Стэнуин. Грудь разворочена в фарш, кровь пропитывает одежду, сочится между моими пальцами, когда я лезу к нему в карман брюк.

Я еле шевелюсь, а смотреть на тело вообще не могу.

Даниеля все это ни капли не смущает. Он ощупывает рубашку и куртку Стэнуина, не обращая внимания на жуткую рану. Осмотрев тело, мы находим портсигар, перочинный нож и зажигалку. Шифровальной книжки нет.

Мы переглядываемся.

– Надо его перевернуть, – говорит Даниель, будто читая мои мысли.

Стэнуин – грузный мужчина, мы переворачиваем его с большим трудом. Так гораздо лучше. Мне удобнее обыскивать труп, не видя лица убитого.

Даниель ощупывает штанину Стэнуина, а я приподнимаю куртку и замечаю, как топорщится подкладка, приметанная на живую нитку.

Со стыдом ощущаю, как по телу пробегает восторженная дрожь. Я не одобряю методов Даниеля, однако, обнаружив находку, не могу сдержаться.

Перочинным ножом Стэнуина разрезаю швы, и шифровальная книжка выскальзывает в подставленную ладонь. Нашупываю под подкладкой еще какой-то предмет, вытаскиваю и его. Это серебряный медальон. Внутри – потертая фотография рыжеволосой девочки лет семи или восьми.

Показываю медальон Даниелю, но он погружен в изучение шифровальной книжки.

– Вот теперь мы точно отсюда выберемся, – взволнованно произносит он.

– Надеюсь, – отвечаю я. – Нам это слишком дорого обошлось.

Даниель смотрит на меня. Теперь это совсем другой человек, не тот, кто только что взял в руки книжку. Не тот, кого знает Белл или Рейвенкорт. И даже не тот, кто несколько минут назад доказывал мне необходимость своих действий. У него взгляд победителя, человека на пути к свободе.

– Я не горжусь своим поступком, – говорит он. – Но поверьте, иначе было нельзя.

Возможно, он не испытывает гордости, но и стыда тоже. Это сразу заметно, и я вспоминаю предостережение Чумного Лекаря:

«Айден Слоун, который впервые очутился в Блэкхите... то, чего он хотел, и то, как он этого добивался, было... неколебимо. Тот Айден Слоун никогда не смог бы выбраться из Блэкхита».

От отчаяния Даниель делает те же ошибки, что и я, как и предупреждал Чумной Лекарь. Что бы ни случилось, мне нельзя становиться таким.

– Ну что, пойдём? – предлагает Даниель.

– Вы знаете, как вернуться в особняк? – спрашиваю я, внезапно осознав, что понятия не имею, как мы здесь оказались.

– Надо идти на восток.

– А где восток?

Даниель достает из кармана компас, кладет его на ладонь:

– Сегодня утром я позаимствовал его у Белла. Забавно, как все снова повторяется.

41

Деревья внезапно расступаются, мы выходим на топкую лужайку. В окнах особняка ярко горят свечи. Я рад возвращению. В лесу, несмотря на ружье, я все время опасался нападения лакея. Если шифровальная книжка действительно имеет такую ценность, как полагает Даниель, то наш враг тоже за ней охотится.

Он на нас вот-вот нападет.

В окнах второго этажа мелькают силуэты, по ступеням крыльца охотники поднимаются в золотистое сияние вестибюля, снимают кепки и куртки, оставляют на мраморном полу грязные лужи. Мимо проходит служанка с бокалами хереса на подносе. Даниель берет два бокала, протягивает один мне, чокается и одним глотком опустошает свой.

К нам подходит Майкл. Как и все мы, он выглядит уцелевшей жертвой Всемирного потопа; темные волосы, мокрые от дождя, липнут к бледному лицу. Смотрю на его часы: семь минут седьмого.

– Я послал слуг за трупом Стэнуина, – шепчет он, беря с подноса бокал. – Сказал, что наткнулся на него, возвращаясь с охоты. Они люди надежные, отнесут его в сарай. Сейчас его там не найдут, а завтра утром я вызову полицию. Простите, но нельзя, чтобы труп всю ночь оставался в лесу.

Он сжимает полупустой бокал; выпитый херес окрашивает бледные щеки слабым, еле заметным румянцем.

Люди понемногу расходятся из вестибюля. В углу уже стоят служанки с ведрами мыльной воды, недовольно морщатся, хотят побыстрее начать уборку.

Майкл трет глаза, смотрит на нас.

– Я сдержу данное отцом обещание, – говорит он. – Но мне все это не нравится.

– Майкл... – Даниель протягивает к нему руку, но Майкл отступает в сторону.

– Нет, не сейчас, – вздыхает он, даже не пытаясь скрыть разочарование. – Потом поговорим.

Он отворачивается и уходит к себе в спальню.

– Не обращайтесь на него внимания, – говорит Даниель. – Он считает, что я действовал из корыстных побуждений, и не понимает, как все это важно. Я уверен, что в этом блокноте – все нужные нам ответы. – Обрадованно, как мальчишка, получивший новую рогатку, он добавляет: – Мы почти у цели, Дэнс. Свобода близка!

– И как это произойдет? Вы просто уйдете отсюда? Или это я уйду? Нам обоим это не удастся, ведь мы – один и тот же человек.

– Не знаю. Наверное, Айден Слоун очнется, сохранив все свои воспоминания. Будем надеяться, что нас с вами он забудет, как дурной сон. – Даниель снова смотрит на часы. – Но сейчас лучше об этом не думать. Сегодня вечером Анна договорилась встретиться с Беллом на кладбище. Если верить ей, то лакею об этом известно и он тоже туда заявится. Мы должны его изловить. Значит, у нас есть часа четыре, чтобы разобраться с шифровальной книжкой. Переоденьтесь и приходите ко мне, подумаем вместе.

– Да, конечно, – киваю я.

Его хорошее настроение заразительно. Сегодня вечером мы разделаемся с лакеем и дадим ответ Чумному Лекарю. Мои остальные обличья готовят свои планы спасения Эвелины, а мне остается только придумать, как спасти Анну. Я отказываюсь верить, что она меня обманывает. Я не желаю оставлять ее здесь, ведь она мне так помогла.

Возвращаюсь к себе. Повсюду в доме жалобно скрипят половицы: гости готовятся к ужину.

Я им завидую. Мне предстоит опасное занятие.

«Очень опасное. С лакеем трудно справиться».

– А, вот и вы, – говорю я, оглядываясь, не подслушивает ли кто. – Правда, что вы – все, что осталось от настоящего Айдена Слоуна?

Мой вопрос остается без ответа. Внутри презрительно хмыкает Дэнс. Представляю, как суровый судейский охарактеризовал бы человека, который разговаривает сам с собой.

В полутемной спальне тускло горит огонь в камине. Слуги забыли зажечь свечи. Заподозрив неладное, я вскидываю ружье. В вестибюле егерь забирал у охотников оружие, но я свое не отдал.

Зажигаю фонарь у двери, замечаю в углу комнаты Анну. Она стоит неподвижно, невыразительно смотрит на меня.

– Анна! – удивленно восклицаю я, опустив ружье. – Что слу...

За спиной скрипят половицы. В боку вспыхивает боль. Меня тянут назад, заскорузлая ладонь грубо зажимает мне рот. Оборачиваюсь, оказываюсь лицом к лицу с лакеем. Губы его кривятся в ухмылке, колющий взгляд царапает лицо, будто хочет раскопать что-то внутри.

Жуткие глаза.

Из зажатого рта рвется крик.

Лакей поднимает нож, медленно проводит кончиком по моей груди и вонзает клинок мне в живот. Удары сыплются один за другим, боль нарастает, ширится, и потом не остается ничего, кроме боли.

Мне до ужаса холодно. И покойно.

Ноги подгибаются. Лакей подхватывает меня на руки и бережно укладывает на пол. Смотрит мне в глаза, впитывает сочащуюся из них жизнь.

Открываю рот, но не могу издать ни звука.

– Беги, кролик, – говорит лакей. – Беги.

42

День второй (продолжение)

С криком приподнимаюсь, но меня тут же прижимают к кровати.

– Это он? – спрашивает лакей, оглядываясь на Анну, стоящую у окна.

– Да, – дрожащим голосом отвечает она.

Лакей склоняется ко мне; дыхание, пахнущее пивом, согревает щеку.

– Недалеко ускакал, кролик, – хрипло говорит он.

Нож вонзается мне в бок, на простыню струится кровь, унося с собой мою жизнь.

43

День седьмой

Кричу в удушливой тьме, приваливаюсь к стене, подтягиваю колени к подбородку, невольно сжимаю бок, там, куда в дворецкого вонзился нож, проклиная свою глупость. Чумной Лекарь не солгал – Анна меня предала.

Мне дурно. Подыскиваю в уме какие-то объяснения, но я ее видел своими глазами. Все это время она мне лгала.

«И не она одна».

– Заткнись, – сердито говорю я.

Сердце колотится, дыхание перехватывает. Надо успокоиться, а то никакого толку не будет. Не могу отделаться от мыслей об Анне, ни о чем другом думать не в состоянии. Только сейчас понимаю, что именно в ней находил покой.

Она меня утешала.

Она была моим другом.

Ворочаюсь, пытаюсь сообразить, где нахожусь и грозит ли мне опасность. На первый взгляд – нет. Плечи с обеих сторон касаются стен, на уровне правого уха в щелку сочится свет, слева какие-то коробки, а у ног – бутылки.

Подношу к свету наручные часы, гляжу на циферблат. Тринадцать минут одиннадцатого. Утро. Белл еще не добрался до особняка.

– Еще утро, – говорю сам себе. – Время еще есть.

Губы сухие, язык как будто крошится, запах плесени так силен, словно в рот запихнули грязную тряпку. Хочется пить, чего-нибудь холодного, со льдом. В далекое прошлое отступает пробуждение в кровати, под простыней, когда тяготы дня покорно ждут своей очереди по другую сторону теплой ванны.

Я и забыл, что мне было так хорошо.

Тот, в кого я на этот раз воплотился, судя по всему, всю ночь провел скорчившись, и сейчас любое движение причиняет боль. К счастью, панель слева от меня легко сдвигается, глаза слезятся от дневного света.

Я в длинной галерее, которая тянется вдоль всего особняка. С потолка свисает паутина. Стены облицованы панелями темного дерева, повсюду громоздится старая мебель, покрытая толстым слоем пыли и изъеденная жучком-древоточцем. Отряхиваюсь, встаю и разминаю затекшие мышцы. Похоже, тот, в кого я воплотился, всю ночь сидел в чулане под лестницей, ведущей на сцену. Перед пыльной виолончелью лежат пожелтевшие ноты, я смотрю на них, и мне кажется, что в тесной камерке я проспал какое-то великое потрясение, что-то очень важное.

Какого черта я забрался в этот чулан?

Пошатываясь, бреду к окну, покрытому потеками грязи. Вытираю стекло рукавом, вижу внизу сад. Я на верхнем этаже особняка.

По привычке обыскиваю карманы, чтобы понять, кто я такой, но тут же соображаю, что мне этого не нужно. Я Джим Раштон, двадцатисемилетний констебль местного полицейского участка, о чем с гордостью всем рассказывают мои родители, Маргарет и Генри. У меня есть сестра и верный пес, а еще я влюблен в девушку по имени Грейс Дэвис, из-за которой и приехал в особняк.

Граница между мной и личностью того, в кого я воплощаюсь, почти исчезла; я не в состоянии отличить жизнь Раштона от своей. К сожалению, хмельной туман скрывает воспоминания о том, как я оказался в чулане. Вчера Раштон, выпив бутылку виски, рассказывал какие-то анекдоты, смеялся, танцевал – в общем, провел вечер в безудержном веселье.

А вдруг здесь был лакей? Может быть, это его рук дело?

Пытаюсь вспомнить хоть что-то, но от вчерашнего вечера в памяти остался лишь пьяный кураж. Взмолвленно тянусь к карману, где лежит кожаный портсигар. В нем обнаруживается единственная сигарета. Хочется закурить, успокоить нервы, но в данной ситуации лучше, если я буду на взводе, особенно если без драки не обойтись. Лакей выследил Дэнса и дворецкого, так что опасность мне грозит и в ипостаси Раштона.

Отныне мой лучший друг – осторожность.

Ищу, чем вооружиться, нахожу бронзовую статуэтку Атласа, заношу ее над головой и крадусь между шкапами и сваленными в кучи стульями. Наконец добираюсь до выцветшего черного занавеса, протянутого поперек галереи. К стенам прислонены фанерные деревья, на вешалках висят маскарадные наряды, в том числе шесть или семь костюмов чумного лекаря. В коробке на полу высится груда клювастых масок и цилиндров. Судя по всему, в семье Хардкасл любили устраивать театральные представления.

Скрипит половица, занавес колыхнется, за ним кто-то притаился.

Я замираю, поудобнее перехватываю статуэтку и...

Из-за занавеса появляется раскрасневшаяся Анна.

– Ох, слава богу! – восклицает она, увидев меня.

Она запыхалась, под воспаленными глазами черные круги, светлые волосы растрепаны, чепец зажат в кулаке. Из кармана передника выглядывает краешек альбома с записями о моих обличьях.

– Вы Раштон, верно? Быстрее, у нас всего полчаса! Надо спасти остальных! – Она бросается мне навстречу, хочет схватить за руку.

Я отступаю, все еще заносю статуэтку над головой, но меня сбивает с толку и настойчивость Анны, и отсутствие смущения в ее голосе.

– Никуда я с вами не пойду! – заявляю я, крепче сжимая статуэтку.

Она недоуменно глядит на меня, потом соображает, в чем дело.

– Это вы из-за Дэнса и дворецкого? – спрашивает она. – Я пока еще про это не знаю. Я вообще мало что сейчас знаю, очнулась совсем недавно. Знаю только, что у вас есть восемь разных воплощений, а лакей их убивает, так что надо спасать остальных.

– Я вам не верю! Вы отвлекли Дэнса, и лакей его убил. Вы были свидетелем убийства дворецкого. Вы помогаете лакею, я сам видел!

Она мотает головой:

– Ну что за глупости! Ничего такого я еще не делала, а если и сделаю, то не потому, что предаю вас. Если бы я хотела вашей смерти, то убила бы все ваши воплощения, не дожидаясь, пока они проснутся. Вы бы меня даже не увидели. Да и потом, я не стану помогать тому, кто желает мне дурного.

– Так что же вы здесь делаете?

– Не знаю. Я пока не выяснила. Проснулась и увидела вас – ну, вас, только в другом обличье. Вы мне дали альбом, велели отыскать в лесу Дарби, а потом прийти сюда и спасти вас. Вот и все, что со мной пока случилось. Больше мне ничего не известно.

– Этого недостаточно. Ничего этого я не делал и не знаю, правда это или нет. – Опускаю статуэтку на пол, прохожу мимо Анны к занавесу, говорю ей: – Я вам не доверяю.

– Но почему? – спрашивает она, хватая меня за руку. – Я же вам доверяю.

– Это не...

– Вы помните хоть что-нибудь из прошлых витков?

– Только ваше имя.

Я гляжу на ее пальцы, сплетенные с моими, и понимаю, что очень хочу ей поверить.

– Значит, вы не помните, чем все заканчивается?

– Нет, – нетерпеливо отвечаю я. – А почему вы спрашиваете?

– Потому что, – вздыхает она. – Ваше имя мне известно потому, что я помню, как звала вас в сторожке. Мы договорились там встретиться. Вы опоздали, я очень волновалась и, когда вас увидела, обрадовалась. А у вас было такое лицо...

Она устремляет на меня глаза с огромными темными зрачками. Смотрит вызывающе, но без всякого притворства. Не может быть, чтобы...

«Здесь все носят маски».

– И вы меня убили. – Она касается моей щеки, разглядывая лицо, которого я еще не представляю. – А сегодня утром, увидев вас, я так испугалась, что едва не убежала, но вы были так подавлены... так напуганы. На вас навалились все ваши жизни, вы их не различали, не знали даже, кто вы. Вы дали мне этот альбом, снова и снова просили прощения. Говорили, что теперь вы совсем другой и что нам отсюда не выбраться, если мы будем раз за разом совершать одни и те же ошибки. Вот и все.

Воспоминания пробуждаются, но неуверенно и откуда-то издалека. Я чувствую себя человеком, который пытается поймать бабочку на противоположном берегу реки.

Анна кладет в мою ладонь шахматную фигуру, сжимает мне пальцы в кулак:

– Это поможет вам вспомнить. В прошлом витке мы договорились, что узнаем друг друга по шахматным фигурам. Слон – это вы, Айден Слоун, а конь – это я. Защитник, вот как сейчас.

Вспоминаю чувство вины. Горе. Сожаление. В сознании нет никаких образов. Это даже не воспоминание, а мимолетное ощущение. Как бы то ни было, я чувствую, что Анна говорит правду, точно так же как при первой встрече ощутил силу нашей привязанности и глубину горя, которое привело меня в Блэкхит. Она права, я ее убил.

– Ну что, вспомнили? – спрашивает она.

Я киваю. Меня терзает стыд. Мне дурно. Я не желал ей зла. Мы, как и сегодня, помогали друг другу, но что-то изменилось. Я отчаялся. Испугался, когда понял, что у меня есть только одна возможность освободиться, пообещал себе, что вернусь за ней – потом, когда покину Блэкхит. Я прикрыл предательство благородными намерениями и совершил злодейство.

Я передергиваюсь от отвращения.

– Не знаю, в каком витке это произошло, – говорит Анна, – но я затвердила предостережение самой себе: ни в коем случае вам не доверять.

– Простите, Анна. Я забыл о содеянном. Я запомнил только ваше имя, обещая и вам, и себе, что в следующий раз поступлю лучше.

– И вы сдержите свое обещание, – успокаивающе произносит она.

Увы, я знаю, что это не так. Я видел себя будущего. Разговаривал с ним, помогал ему. Даниель совершает ошибки, допущенные мной в предыдущем витке. Отчаяние придает ему жестокости, и если я не остановлю Даниеля, то он снова убьет Анну.

– Почему вы не сказали мне правды при первой встрече? – смущенно спрашиваю я.

– Потому что вы уже знали, – отвечает она, морща лоб. – С моей точки зрения, мы с вами встретились два часа назад и вы обо мне все знали.

– В первый раз мы с вами встретились, когда я был Сесилом Рейвенкортом, – возражаю я.

– Значит, сейчас мы посередине между встречами, потому что я еще не знаю, кто это. Впрочем, это не важно. В прошлых витках мы были другими. Теми, кто совершил иной выбор. Теми, кто сделал иные ошибки. А сейчас я доверяю вам, Айден, а вы должны довериться мне, потому что здесь... Ну, вы знаете, как здесь все устроено. Что бы вы ни думали обо мне, когда лакей вас убил, это неправда.

Она говорит уверенно, но голос предательски срывается, носок туфли нервно постукивает по полу. Пальцы трепещут на моей щеке. Под напускной смелостью прячется испуг – Анна боится меня, того, кем я был, того, кто все еще может быть.

Не представляю, каких усилий ей стоила эта встреча.

– Анна, я понятия не имею, как нам обоим отсюда выбраться.

– Я знаю.

– Но без вас я отсюда не уйду. Честное слово.

– И это мне известно. – Неожиданно она дает мне пощечину. – За то, что вы меня убили. – Потом, приподнявшись на цыпочки, целует меня в щеку. – Пойдемте, пока лакей еще кого-нибудь из вас не убил.

44

Скрипят ступени; чем ниже мы спускаемся, тем темнее узкая витая лестница. Наконец мы погружаемся во мглу.

– А вы знаете, зачем я забрался в чулан? – спрашиваю я Анну, которая мчится впереди, словно над ней рушится небо.

– Нет, но это спасло вам жизнь, – говорит она, оглядываясь на бегу. – В альбоме написано, что примерно в это время лакей нападет на Раштона. Если бы Раштон провел ночь в своей спальне, лакей бы его убил.

– Вот мы и подстроим все так, чтобы лакей меня нашел, – взволнованно говорю я. – Я кое-что придумал.

Обгоняю Анну, сбегая вниз, перепрыгивая через две ступеньки разом.

Если лакей собирается напасть на Раштона с утра пораньше, то прячется где-то в коридоре и надеется застать свою жертву спящей. Значит, в кои-то веки мне повезло: представилась возможность покончить с этим раз и навсегда.

Внезапно ступени упираются в беленую стену. Анна еще на середине лестницы, просит меня не торопиться. Раштон – толковый сыщик, о чем он и сам любит заявлять при удобном случае, поэтому он легко обнаруживает потайную дверь в стене. Пальцы ловко находят скрытую защелку, открывают проход в сумрачный коридор, где тускло мерцают свечи. Слева от меня – пустая оранжерея. Я на первом этаже, а дверь, через которую я вышел, уже сливается со стеной.

В двадцати ярдах от меня лакей, стоя на коленях, пытается взломать замок двери – очевидно, в мою спальню.

– Эй, сволочь, ты меня ищешь? – Я бросаюсь на него, прежде чем он успевает выхватить нож.

Он с невероятной быстротой вскакивает, отпрыгивает назад и пинает меня в грудь. У меня перехватывает дух, я падаю, хватаюсь за ребра, но лакей не движется. Он стоит и смотрит на меня, утирая слюну в уголке рта.

– Храбрый кролик, – ухмыляется он. – Я тебя выпотрошу. Медленно.

Встаю, отряхиваюсь, принимаю боксерскую стойку и ощущаю ноющую тяжесть в руках – сказывается ночь в чулане. Пожалуй, я переоценил свои силы. Медленно подступаю к лакею, делаю ложные выпады вправо и влево, жду, когда он подставится. Вместо этого получаю резкий удар в челюсть, который запрокидывает мне голову. В глазах темнеет, так что я не вижу ни второго удара, в живот, ни третьего, который укладывает меня на пол.

Перед глазами все плывет, голова кружится, дышать нечем, а лакей нависает надо мной, приподнимает меня за волосы и тянется к ножу.

– Эй, вы! – кричит Анна.

Ее неожиданное появление отвлекает лакея лишь на миг, но мне этого достаточно. Я вырываюсь, пинаю лакея в коленку, разбиваю ему нос ударом плеча в лицо. Кровь брызжет мне на рубашку. Лакей отступает дальше в коридор, хватается с пьедестала какой-то бюст, швыряет его в меня. Я отскакиваю, а лакей скрывается за углом.

Хочу погнаться за ним, но сил нет. Сползаю по стене на пол, стискиваю ноющие ребра. Невероятные сила и быстрота лакея ошеломляют. Еще немного – и я бы расстался с жизнью.

– Вот придурок! – укоряет меня Анна. – Он же вас чуть не убил.

– Он вас заметил? – спрашиваю я, сплевывая кровь.

– По-моему, нет. – Она помогает мне подняться. – Я держалась в тени, а теперь, когда вы ему разбили нос, он не станет приглядываться к служанкам.

– Мне очень досадно, что все так вышло. Я думал, что смогу его поймать.

– Еще бы не досадно. – К моему удивлению, она крепко меня обнимает. – Айдэн, будьте осторожнее. Лакей уже убил несколько ваших ипостасей. Еще одна ошибка – и мы отсюда не выберемся.

Внезапно меня осеняет.

– Осталось только три воплощения, – обескураженно шепчу я.

Себастьян Белл теряет сознание, увидев дохлого кролика в коробке. Дворецкий, Дэнс и Дарби убиты, а Рейвенкорт спит в бальной зале после самоубийства Эвелины. Значит, остаются Раштон, Дэвис и Грегори Голд. Раздробленные дни и постоянная смена обличий привели к тому, что я сбился со счета.

И как я раньше не сообразил?!

Даниель утверждает, что он – мое последнее воплощение, но этого не может быть.

Меня обволакивает жаркое одеяло стыда. Даже не верится, что меня так просто обмануть. Что я сам так легко поддался обману.

«Не совсем по своей вине».

Чумной Лекарь предупреждал, что Анна меня предаст. Зачем он это сказал, если на самом деле меня обманывает Даниель? И почему Чумной Лекарь настаивал на том из Блэкхита пытаются выбраться всего трое, если их на самом деле четверо? По какой причине он скрывает двуличие Даниеля?

– Как же я сглупил, – сокрушаюсь я.

– В чем дело? – Анна встревоженно глядит на меня.

Я погружаюсь в размышления, стыд сменяется холодным расчетом. Хитроумный обман Даниеля преследует какую-то пока неясную цель. Даниель не пытается завоевать мое доверие, чтобы выведать как можно больше о ходе моего расследования. Нет, о расследовании он не спрашивал, наоборот, подсказал мне, что на балу убьют Эвелину, и предупредил о лакее.

Я больше не могу считать его другом, но и врагом его не назовешь. Надо разобраться в его намерениях, и легче всего сделать это, если притвориться, что я не подозреваю об обмане.

Значит, надо начать с Анны.

Главное, чтобы она ничего не сболтнула Дарби или Дэнсу: сталкиваясь с трудностями, оба предпочитают идти напролом, невзирая на шипы.

Анна смотрит на меня, ждет ответа.

– Мне кое-что известно, – говорю я, глядя ей в глаза. – Кое-что важное для нас обоих, но сказать вам об этом я пока не могу.

– Вы хотите изменить день, – понимающе кивает она. – Не волнуйтесь, в альбоме много такого, о чем мне не позволено вам рассказывать. – Она улыбается, волнение исчезает. – Я вам доверяю, Айдэн. Иначе я бы с вами не связывалась. – Она протягивает руку, помогает мне подняться. – Нужно побыстрее уйти из этого коридора. Я жива лишь потому, что лакей не знает, кто я. Если он застанет нас вдвоем, то наверняка убьет меня, и я ничего не смогу для вас сделать. – Она разглаживает передник, поправляет чепец, чуть склоняет голову, как почтительная служанка. – Мне пора. Встретимся через десять минут у двери в спальню Белла. Будьте осторожны. Как только лакей немного оправится, вам несдобровать.

Я согласно киваю, но не собираюсь оставаться в промозглom коридоре. На все, что сегодня происходит, как-то повлияла Хелена Хардкасл. Мне надо с ней поговорить, другого случая может не представиться.

Невзирая на уязвленную гордость и ноющие ребра, я иду в гостиную, где только и говорят о том, как громила Стэнуина уволок Дарби к своему хозяину. На столе стоит оставленная Дарби тарелка с яичницей и почками. Еда еще теплая. Похоже, Дарби ушел не так давно. Киваю гостям, направляюсь к спальне Хелены, стучу в дверь. Не дождавшись ответа, выбиваю дверь ногой, выламываю замок.

«Вот и выяснилось, кто сломал дверь».

Шторы задернуты, смятая простыня свисает с кровати на пол. Из комнаты еще не выветрилась гнетущая атмосфера беспокойных снов и ночных кошмаров. Дверцы гардероба распахнуты, по туалетному столику рассыпана пудра, стоят раскрытые баночки крема и румян, – судя по всему, леди Хардкасл очень торопилась. Трогаю простыни – постель уже остыла. Видно, Хелена Хардкасл ушла давно.

Как и в тот раз, когда я приходил сюда с Миллисент Дарби, на откинутой крышке секретера лежит дневник Хелены с выдранной страницей. На месте и лакированная шкатулка без револьверов. Наверное, Эвелина забрала их рано утром, получив записку с требованием совершить самоубийство. Очевидно, дождавшись ухода матери, Эвелина вошла в спальню через внутреннюю дверь из своей комнаты.

Однако если она намеревалась застрелиться из револьвера, то почему орудием убийства в конце концов стал серебристый пистолет, который Дарби стащил у доктора Дикки? И зачем Эвелине два револьвера? Мне известно, что один она даст Майклу перед уходом на охоту, но, вообще-то, странно, что она нашла время позаботиться об этом, зная, что ей и ее близкой подруге грозит опасность.

Разглядываю дневник с выдранной страницей. Кто это сделал – Эвелина или кто-то другой? Миллисент подозревала Хелену Хардкасл.

Касаюсь бумажных обрывков, лихорадочно размышляю.

В дневнике лорда Хардкасла я видел расписание встреч Хелены, так что на отсутствующей странице ее дневника должны быть упомянуты встречи с Каннингемом, Эвелиной, Миллисент Дарби, конюхом и Рейвенкортом. Мне точно известно, что она встречалась с Каннингемом, потому что он признался в этом Дэнсу; вдобавок камердинер ненароком смазал записи, оставив в дневнике Хелены отпечатки своих пальцев.

Взволнованно закрываю дневник. Непонятного все еще много, а времени почти не осталось.

Перебирая в уме всевозможные идеи, поднимаюсь на второй этаж, где Анна, нервно расхаживая по коридору у спальни Белла, разглядывает свой альбом. Из спальни доносятся голоса: Даниель беседует с Беллом. Значит, дворецкий сейчас на кухне, с миссис Драдж. Он скоро придет сюда.

– Вы видели Голда? Ему уже пора появиться. – Анна смотрит в темноту, будто старается вырезать взглядом из теней фигуру художника.

– Нет, – отвечаю я, озираясь. – Зачем мы здесь?

– Сегодня утром лакей убьет дворецкого и Голда, если мы не спрячем их где-нибудь, желательно там, где я смогу их защитить.

– Например, в сторожке.

– Совершенно верно. Только это надо сделать, не привлекая внимания. Иначе лакей сообщит, кто я такая, и убьет меня. Пока он считает меня обычной служанкой и пока Голд с дворецким физически не смогут ему противостоять, он на время оставит нас в покое, что нам и нужно. В альбоме говорится, что Голду и дворецкому предстоит сыграть важную роль, если, конечно, нам удастся их спасти.

– В таком случае зачем я вам сейчас понадобился?

– Не знаю. Я вообще не понимаю, что должна делать. В альбоме написано, что именно в это время я должна привести вас сюда, но... – Она со вздохом качает головой. – Все остальное – совершенная бессмыслица. Впрочем, когда вы дали мне альбом, то тоже несли какую-то чепуху. Вот уже час я пытаюсь разобраться в том, что здесь написано, и знаю, что если ошибусь или опоздаю к назначенному времени, то вы погибнете.

Я невольно вздрагиваю, услышав о своей возможной участи.

Грегори Голд, мое последнее воплощение, передал Анне альбом. А в спальне Дэнса Голд говорил что-то о карете – жалкий безумец с растерянным взглядом.

Я опасаюсь завтрашнего дня.

Скрещиваю руки на груди, прислоняюсь к стене рядом с Анной, касаюсь ее плечом. Осознание того, что в прошлой жизни ты кого-то убил, резко ограничивает возможные проявления приязни.

– У вас все получается гораздо лучше, чем у меня, – говорю я. – Когда я в первый раз услышал предсказание будущего, то погнался за камеристкой Мадлен Обэр через весь лес, думая, что спасаю ей жизнь. Перепугал бедняжку до полусмерти.

– Хорошо бы иметь инструкцию, как надо прожить этот день, – хмуро замечает Анна.

– Ведите себя естественно.

– По-моему, бежать и скрываться бесполезно, – говорит она, с трудом сдерживая раздражение.

На лестнице раздаются торопливые шаги.

Мы молча убегаем. Анна скрывается за углом, а я прячусь в ближайшей спальне. Из любопытства оставляю дверь чуть приоткрытой и вижу, как по коридору, прихрамывая, идет дворецкий. При ходьбе обожженный калека выглядит еще ужаснее, как ожившее пугало в ветхом буре шлафроке и пижаме.

Я пережил уже несколько повторений этого утра и вроде бы должен к ним привыкнуть, но до сих пор помню страх и волнение дворецкого, идущего к Беллу за объяснениями.

Из соседней спальни выходит Грегори Голд, но дворецкий его не замечает. Я вижу художника со спины, и отсюда, издали, его силуэт выглядит длинной бесформенной тенью на стене. В руке у Голда кочерга. Ни с того ни с сего он набрасывается на дворецкого и начинает его избивать.

Я хорошо помню весь ужас избиения.

Меня охватывает беспомощная жалость. Из-под кочерги разлетаются брызги крови, пятнают стены.

Дворецкий корчится на полу, молит о пощаде, зовет на помощь.

Я забываю о благоразумии.

Хватаю с комода вазу, выбегаю в коридор, яростно кидаюсь на Голда и ударяю его вазой по голове. Осколки фарфора разлетаются во все стороны, а художник падает на пол.

В застывшей тишине, не выпуская из рук горлышка вазы, я смотрю на два бесчувственных тела у моих ног.

Ко мне подходит Анна.

– Что случилось? – с напускным изумлением спрашивает она.

– Я...

В конце коридора собирается толпа; на шум из спален выскакивают полуодетые испуганные гости, разглядывают кровь на стенах, недвижные тела на полу, с любопытством смотрят на меня. Лакея среди них не видно, – наверное, он где-то прячется.

Ну и хорошо.

От злости я готов на все.

Доктор Дикки взбегает по лестнице. В отличие от остальных, он уже одет, громадные усы набриолинены, тускло поблескивает чем-то намазанная лысина.

– Что происходит? – восклицает он.

– Голд взбесился, – говорю я, подпуская дрожь в голос. – Начал избивать дворецкого кочергой, я бросился на помощь и... – Я взмахиваю обломком вазы.

– Принесите из спальни мой саквояж, – велит Дикки Анне, которая нарочно стоит так, чтобы он ее заметил. – Он у кровати.

Анна приносит ему саквояж и начинает ловко и незаметно устраивать все так, как требуется. Дворецкому нужен покой и тепло. Анна предлагает перевезти его в сторожку, вызывается за ним ухаживать. Поскольку обезумевшего Голда запереть некуда, то его тоже надо отвезти в

сторожку и накачивать снотворным до тех пор, пока из деревни не приедет полицейский. Анна предлагает послать за полицией кого-то из слуг.

На скорую руку сооружают носилки, кладут на них дворецкого, осторожно спускают по лестнице. Уходя, Анна с облегчением улыбается мне. Я отвечаю ей недоуменной гримасой. Столько усилий – и чего мы добились? Дворецкий прикован к постели и вечером станет жертвой лакея. Грегори Голда напичкают успокоительными и подвешат на крюк в сторожке. Голд выживет, но рассудок к нему не вернется.

В общем, если следовать инструкциям Голда, ничего хорошего у нас не выйдет. Голд отдал Анне альбом. И хотя Голд – мое последнее воплощение, я понятия не имею, что он задумал. Наверное, он и сам этого не знает. Особенно после всех перенесенных испытаний, которые свели его с ума.

Пытаюсь вспомнить хоть какие-то фрагменты будущего, которого я еще не прожил. Я пока не знаю, что означает загадочное послание «Все они», которое Каннингем передает Дарби, и зачем камердинер сообщает, что он собрал всех вместе. Не знаю, зачем Эвелина отбирает у Дарби серебристый пистолет, если у нее уже есть черный револьвер из материнской спальни. Не знаю, зачем Дарби стоять у булыжника в траве во время самоубийства Эвелины.

Все это очень раздражает. Рассыпанные крошки складываются в тропинку, но она, возможно, ведет к обрыву.

Увы, другого пути у меня нет.

45

Освободившись от груза преклонных лет Дэнса, я надеялся, что избавлюсь и от его немоги, однако ночь, проведенная в чулане, оплела мое тело колючей проволокой. Каждое движение вызывает острую боль, затекшие мышцы жалобно ноют. Возвращение в спальню отбирает у меня все силы. Судя по всему, вчера вечером Раштон был душой общества – все, кто встречает меня по дороге, крепко жмут мне руку или хлопают по плечу. Приветственные восклицания летят градом камней, непрошеное дружелюбие наставляет синяки.

Вхожу в спальню, стираю с лица натянутую улыбку. На полу лежит пухлый белый конверт, явно подсунутый под дверь. Вскрываю конверт, оглядываю коридор. Никого.

Это Ваше —

так начинается записка, обернутая вокруг шахматной фигуры, очень похожей на ту, которая есть у Анны.

Возьмите изоамилнитрит, нитрит натрия, тиосульфат натрия.

НЕ ЗАБУДЬТЕ.

Г. Г.

– Грегори Голд, – вздыхаю я, расшифровывая инициалы.

Наверное, он оставил конверт перед тем, как отправился избивать дворецкого.

Теперь я понимаю, как тяжело Анне. Разобрать почерк Голда очень сложно, а содержание записки и вовсе не понятно.

Швыряю шахматную фигуру и записку на комод, закрываю дверь на ключ, подпираю креслом. В каждом новом воплощении первым делом я обычно рассматриваю личные вещи своей ипостаси или изучаю лицо в зеркале, но сейчас мне уже известно, что где лежит и как выглядит Раштон. Стоит мне мысленно задать вопрос, как я уже знаю ответ. В ящике с нижним бельем спрятан кастет. Несколько лет назад Раштон конфисковал его у задержанного преступника, и с тех пор кастет ему не раз пригодился. Надеваю кастет, вспоминаю, как лакей склонился надо мной, как втянул в себя мой предсмертный вздох, как с довольной ухмылкой включил меня в список своих жертв.

Руки дрожат, но Раштон – не Белл. Страх придает ему сил. Раштон хочет отыскать лакея и расправиться с ним раз и навсегда, вернуть себе достоинство, утраченное в предыдущей стычке. Сейчас я уверен, что это гордость Раштона заставила меня вихрем пронестись по лестнице в коридор. Раштон мной управлял, а я этого даже не заметил.

Такого больше нельзя допускать.

Его опрометчивость нас всех погубит, а мне нельзя терять очередную ипостась. Для того чтобы мы с Анной освободились, надо упредить лакея, а не следовать за ним. Мне нужна помощь, и я знаю, к кому за ней обратиться. Правда, уговорить этого человека будет непросто.

Снимаю кастет и, наполнив таз водой, начинаю умываться перед зеркалом.

Раштон – человек молодой, хотя и чуть старше, чем ему представляется; высокий, сильный и внешне очень привлекательный. Россыпь веснушек на переносице, глаза цвета темного меда и светлые, коротко стриженные волосы создают впечатление, что его лицо соткано из солнечного света. Единственный изъян в его внешности – застарелый шрам от пулевого ранения на плече. Я могу вспомнить, как его получил, но не хочу ощущать чужие страдания.

Вытирая грудь, слышу, как дребезжит дверная ручка, и снова хватаю кастет.

– Джим, вы у себя? Дверь заперта!

Голос женский, низкий и хрипловатый.

Надеваю свежую сорочку, отодвигаю кресло и отпираю дверь. На пороге стоит растерянная девушка, готовая еще раз постучать. Из-под длинных ресниц на меня глядят синие глаза, алая помада – единственное пятно цвета на снежно-белом лице. Ей чуть больше двадцати. По плечам рассыпаются пряди густых черных волос, крахмальная белая рубашка заправлена в бриджи для верховой езды. При виде ее у Раштона играет кровь в жилах.

– Грейс, – срывается у меня с языка, и весь я превращаюсь в бурлящую смесь восхищения, восторга, вожделения и острого осознания собственной неадекватности.

– Вы слышали, что учудил мой ненаглядный брат? – спрашивает она, врываясь в спальню.

– Сейчас услышу.

Она усаживается на кровать.

– Вчера в два часа ночи он, одетый в клоунский наряд, разбудил конюха, потребовал у него автомобиль и уехал в деревню.

В ее рассказе все перепутано, но спасти доброе имя ее брата я не в состоянии. Это я решил сесть в машину и поехать в деревню. Сейчас Дональд Дэвис спит на грунтовой дороге, а тот, в кого я воплощен, требует, чтобы я помчался его выручать.

Его преданность Дэвису безгранична. Я пытаюсь понять, в чем дело, и память Раштона услужливо вываливает на меня новую порцию ужасов. Раштон и Дэвис подружились на фронте, в окопах, среди грязи и крови. Они ушли на войну молокососами, а после перенесенных испытаний вернулись братьями.

Тот, в кого я воплощен, злится на меня из-за дурного обращения с другом.

Хотя, возможно, я зол сам на себя.

Мы так тесно сплетены, что я больше не замечаю различий.

– Это я во всем виновата, – расстроено говорит Грейс. – Он хотел пойти к Беллу за очередной порцией чертова зелья, а я пригрозила рассказать обо всем папе. Дональд на меня рассердился, но я не догадывалась, что он сбежит. – Она беспомощно вздыхает. – Он же не сделает ничего дурного, как вы думаете?

– С ним все в порядке. – Я усаживаюсь рядом с ней. – Он просто завелся, вот и все.

– Глаза б мои не видели этого проклятого доктора... – Она разглаживает ладонью складки моей сорочки. – Как только появился Белл со своим чудесным сундучком, Дональд прямо сам не свой. Я с ним даже поговорить толком не могу. А все из-за чертова лауданума. Что бы такое сделать...

Она осекается, натолкнувшись на какую-то мысль. Я так и представляю, как Грейс отшатывается и, изумленно раскрыв глаза, следит за ходом мысли от начала до самого конца, будто за лошадью на скачках.

– Мне надо поговорить с Чарльзом, – заявляет она, целует меня в губы и выбегает из комнаты.

Не успев ответить, я молча гляжу на распахнутую дверь.

Встаю, хочу ее закрыть. Я весь распален, взволнован и сконфужен. Да, сидеть в чулане было гораздо проще.

46

Медленно крадусь по коридору, на ходу заглядываю в каждую спальню. Сжимаю кастет, вздрагиваю при каждом звуке, ежесекундно ожидаю нападения, потому что знаю: если лакей меня подстережет, то я с ним не справлюсь.

Отодвигаю бархатный занавес, захожу в заброшенное восточное крыло особняка. Складки занавеса гулко хлопают на сквозняке, как говяжьи туши о прилавков мясника.

Не останавливаясь, иду в детскую.

Из коридора не видно бесчувственного тела Дарби, его отволокли в дальний угол, за лошадку-качалку. Окровавленная голова утыкана осколками фарфора, но Дарби жив. На него напали, когда он выходил из комнаты Стэнуина, и у неизвестного хватило совести спрятать его от шантажиста, хотя не было времени перетащить в более безопасное место.

Я обшариваю карманы Дарби, но записную книжку Стэнуина уже кто-то забрал. Впрочем, я так и думал, однако лишний раз проверить не помешает – с ним связано слишком много загадочных происшествий в особняке.

Оставляю Дарби, пусть проспится, и иду в конец коридора, где находятся апартаменты Стэнуина. Скорее всего, страх вынудил его поселиться в этом заброшенном уголке особняка, вдали от скромных удобств Блэкхита. Стэнуин сделал очень мудрый выбор. Половицы – его осведомители – громким скрипом возвещают о моем приближении, а выход из длинного коридора только один. Шантажист считает, что его окружают враги, и я не премину этим воспользоваться.

Прохожу в приемную, стучусь в дверь спальни Стэнуина. Меня встречает странная тишина, кто-то очень старается не шуметь.

– Мистер Стэнуин, это констебль Джим Раштон, – говорю я, пряча кастет. – Мне надо с вами побеседовать.

Из-за двери доносится мешанина разнообразных звуков: кто-то проходит по комнате, скрипит задвигаемый ящик стола, что-то переставляют, а потом сквозь дверную раму слышен голос:

– Входите!

Тед Стэнуин сидит в кресле, держит в руках левый сапог, яростно, по-военному, драит его обувной щеткой. Я чуть заметно вздрагиваю, вспоминая, что совсем недавно, в лесу, обыскивал труп этого человека. Блэкхит-хаус вернул его к жизни, как заводную игрушку, чтобы повторить все с самого начала. Если это не ад, то дьяволу давно пора брать уроки в Блэкхите.

На кровати спит телохранитель Стэнуина, шумно сопит сквозь повязку на носу. Странно, что Стэнуин не только оставил его в своей спальне, но и заботливо повернул свое кресло к кровати. Судя по всему, Стэнуину громила чем-то дорог.

Интересно, как бы он себя повел, если бы знал, что Дарби спрятан в детской.

– А, вот и наш герой объявился! – Стэнуин поднимает глаза на меня.

– Простите, вы ставите меня в тупик, – недоумеваю я.

– Плохой был бы из меня шантажист, если бы не поставил, – усмехается он, предлагая мне шаткий деревянный стул у камина.

Я переставляю стул поближе к кровати, переступаю через грязные газеты и сапожную ваксу на полу.

Стэнуин одет как джентльмен, в отглаженную белую сорочку и черные брюки без единого пятнышка – скромный наряд, сродни ливрее конюха или лакея. Неужели все, что он заработал за девятнадцать лет шантажа, – это право самому чистить сапоги и жить в полуразвалившемся особняке? Багровая паутина сосудов покрывает его щеки и нос; впалые глаза, воспаленные от недосыпания, отслеживают чудовищ.

«Чудовищ, которых он сам сюда пригласил».

Кичливость скрывает душу, сгоревшую дотла; пламя давно угасло. Он покорился судьбе, и теперь его согревают только чужие секреты. Сейчас он боится своих жертв не меньше, чем они боятся его.

Жалкая участь Стэнуина чем-то мне знакома и вызывает невольное сочувствие; глубоко внутри, там, где обитает настоящий Айден Слоун, пробуждается какое-то неясное воспоминание. Я приехал в Блэкхит из-за женщины. Я хотел ее спасти, но не смог. Блэкхит должен был дать мне шанс... еще одну попытку?

Ради чего я сюда приехал?

«Не думайте об этом».

– Что ж, давайте перечислим факты. – Стэнуин пристально глядит на меня. – Вы сговорились с Сесилом Рейвенкортом, Чарльзом Каннингемом, Даниелем Кольриджем и еще несколькими лицами. Вас интересует убийство девятнадцатилетней давности.

От неожиданности у меня путаются мысли.

– А чему вы так удивляетесь? – спрашивает он, разглядывая тусклое пятно на блестящем сапоге. – Рано утром приходил Каннингем, якобы по поручению своего толстяка-хозяина, расспрашивал об этой давней истории. Потом явился Кольридж с теми же вопросами. Обоих интересовал один из убийц юного Хардкасла, тот, кого я ранил. А теперь вот вы. Любому, у кого в голове есть хоть какие-то мозги, сразу станет ясно, в чем дело.

Он смотрит на меня, прячет расчетливость под напускным безразличием. Под пристальным взглядом я молчу, подыскивая нужные слова, чтобы развеять подозрения. Молчание затягивается.

– Вот мне и стало любопытно, с чего бы это у вас такой интерес, – хмыкает Стэнуин, опускает сапог на газету, вытирает руки тряпкой и начинает перочинным ножиком вычищать грязь из-под ногтей, потом говорит негромко и ласково, будто сказку рассказывает: – Есть две причины, способные вызвать такой внезапный приступ праведного интереса. Либо Рейвенкорт прослышал о скандале и попросил вас, за определенную мзду, провести расследование. Либо вы решили прославиться, раскрыв громкое дело.

Я по-прежнему молчу.

– Послушайте, Раштон, – презрительно фыркает он. – Вы не знаете ни меня, ни моих дел, а мне хорошо знакомы такие, как вы. Вы – простой работяга, ухлестываете за девушкой из богатой семьи, только вам не хватает денег. Сделать карьеру, улучшить свое положение в обществе – похвальное стремление, но для этого нужны средства. И с этим я могу вам помочь. Информация – ценный товар, так что наше сотрудничество будет взаимовыгодным.

Он не сводит с меня глаз, но чувствуется, что ему не по себе. У горла бьется жилка, лоб покрывает испарина. Такой прямой подход чреват осложнениями, и Стэнуину об этом известно. Тем не менее его предложение соблазнительно. Чтобы красиво ухаживать за Грейс, Раштону нужны деньги; ему хочется лучше одеваться и приглашать ее на ужин чаще, чем раз в месяц.

Загвоздка в том, что ему нравится служить в полиции.

– Кому известно, что Люси Харпер – ваша дочь? – невозмутимо спрашиваю я.

Теперь моя очередь смотреть, как на его лице проступает изумление.

Первые подозрения у меня возникли, когда он нагрубил Люси за обедом из-за того, что она осмелилась обратиться к нему по имени. Глядя на это глазами Белла, я не придавал этому большого значения: Стэнуин – грубиян и шантажист, такое поведение для него естественно. А будучи Дэнсом, я услышал теплоту в голосе Люси. На лице Стэнуина мелькнул страх: не хватало еще, чтобы здесь, среди тех, кто рад всадить ему нож под ребро, девушка во всеуслышание объявила о своей привязанности. Неудивительно, что он так резко ее отчитал, ведь узнай кто

об их родстве, попытались бы использовать Люси в своих целях. Ее надо было срочно отослать из гостиной.

– Какая еще Люси? – Стэнуин изо всех сил стискивает тряпку.

– Отпираться бесполезно, – говорю я. – Она такая же рыжеволосая, как и вы, а у вас есть медальон с ее детской фотографией, который вы храните вместе с шифрованной книжкой. Странное соседство, но, как я понимаю, это самые дорогие для вас вещи. Слышали бы вы, как Люси вас выгораживала перед Рейвенкортом!

Мои слова, как удары молота, пригвождают его к месту.

– Вообще-то, все это нетрудно вычислить, – говорю я и повторяю его слова: – Любому, у кого в голове есть хоть какие-то мозги, сразу станет ясно, в чем дело.

– Чего вы хотите? – негромко спрашивает он.

– Узнать, что на самом деле произошло в день убийства Томаса Хардкасла.

Он облизывает губы, в напряженном уме лихорадочно крутятся шестеренки, смазанные ложью.

– Чарли Карвер вместе со своим дружкой увели Томаса к озеру и там закололи, – говорит он, снова берясь за сапог. – Карвера я остановил, а его дружок улизнул. Может, вас интересует еще какая-то давняя история?

– За лживыми рассказами я обратился бы к Хелене Хардкасл. – Я наклоняюсь вперед, сцепляю руки на коленях. – Она ведь там была. Альф Миллер это подтверждает. Все полагают, что Хардкаслы одарили вас плантацией за то, что вы пытались спасти их сына, но ведь все произошло не так. Вот уже девятнадцать лет, с тех самых пор, как мальчик погиб, вы шантажируете Хелену Хардкасл. В то утро вы что-то видели и грозите огласить ее секрет. Мужу она сказала, что вы берете деньги за тайну происхождения Каннингема, но дело совсем не в нем. Тут нечто большее.

– А если я не признаюсь вам, что именно видел у озера? – выкрикивает он, отбрасывая сапог. – Вы всем расскажете, что отец Люси Харпер – проклятый Тед Стэнуин? И будете ждать, пока ее убьют?

Открываю рот, но слов для ответа не нахожу. Да, именно это я и задумал, но теперь вспоминаю, как Люси успокаивала растерянного дворецкого, как отводила его на кухню... В отличие от отца, у девушки доброе и отзывчивое сердце, которое легко разбить таким, как я. Неудивительно, что Стэнуин оставил ее на воспитание матери. Скорее всего, он помогал им деньгами, дожидаясь подходящего момента, чтобы увезти подальше от могущественных врагов.

– Нет, – отвечаю я Стэнуину и себе самому. – Люси была ко мне добра, когда я больше всего нуждался в доброте. Я ни за что не поставлю ее жизнь под угрозу.

Как ни странно, Стэнуин сочувственно улыбается:

– На одних сантиментах здесь не выжить.

– А как насчет здравого смысла? – спрашиваю я. – Сегодня вечером будет убита Эвелина Хардкасл. По-моему, это связано с тем, что случилось девятнадцать лет назад. В ваших же интересах сохранить ей жизнь, чтобы она вышла замуж за Рейвенкорта, а вы сохранили свой источник дохода.

– Ха, если это действительно так, то можно заработать гораздо больше, узнав, кто в этом замешан, – присвистнув, заявляет он. – Только вы неправильно к этому подходите. Мне деньги не нужны. Вот сейчас я сорву последний куш, продам свое дело и уйду на покой. За этим я и приехал в Блэкхит. Завершу сделку и заберу отсюда Люси.

– И кому вы продаете дело?

– Даниелю Кольриджу.

– Кольридж собирается вас убить – сегодня, на охоте. Сколько вы заплатите за эту информацию?

Стэнуин удивленно таращит глаза:

– Убить? Меня? Мы же с ним уже обо всем договорились. И завершим все в лесу.

– Ваши записи содержатся в двух блокнотах, – говорю я. – В одном зашифрованы имена, тайные сведения и размер выплат, а в другом – ключ к шифру. Вы храните их отдельно, но в данном случае вам это не поможет, так что независимо от ваших договоренностей вы умрете через... – я сверяюсь с наручными часами, – через четыре часа, а Кольридж заполучит оба блокнота, не заплатив вам ни шиллинга.

Уверенность покидает Стэнуина.

Он тянется к прикроватной тумбочке, выдвигает ящик, достает оттуда трубку и кисет с табаком. Аккуратно набивает чашечку, смахивает табачные крошки, подносит к трубке зажженную спичку, раскуривает. Над его головой незаслуженным нимбом собирается дым.

– И как он меня убьет? – спрашивает Стэнуин, прикусив желтыми зубами черенок трубки.

– Что вы видели в день убийства Томаса Хардкасла? – повторяю я.

– Ах вот как! Убийство за убийство?

– Честная сделка.

Он плюет на ладонь:

– Заметано.

Мыжимаем руки, и я прикуриваю последнюю сигарету. Желание курить накатывало медленно, как прилив на речной берег. Глубоко затягиваюсь, глаза слезятся от удовольствия.

Стэнуин, почесав щетинистый подбородок, задумчиво произносит:

– Тот день не задался с самого утра. Приехали гости, но все было неладно: на кухне ругань, на конюшне драка, ссоры в спальнях, за закрытыми дверями. – Он говорит с опасливой осторожностью человека, открывающего сундук с острыми предметами. – В общем, никто не удивился, когда Чарли уволили. Они с леди Хардкасл давно были любовниками. Сначала их связь была тайной, а потом стала очевидной. Можно сказать, явной. По-моему, им хотелось, чтобы их застукали. Не знаю, как оно все вышло, но слух о том, что лорд Хардкасл уволил Чарли, разнесся по особняку, как моровое поветрие. Мы думали, Чарли придет с нами попрощаться, но он пропал. А пару часов спустя ко мне прибежала горничная и сказала, что Чарли, пьяный в дым, бродит по спальням детей.

– По спальням детей?

– Ну, так горничная сказала. Мол, заглядывает в каждую спальню, будто кого ищет.

– И кого он искал?

– Вроде бы хотел попрощаться с детьми, только они где-то гуляли. В общем, видели, как он ушел с большой кожаной сумкой на плече.

– А что было в сумке?

– Не знаю. Да у него никто и не спрашивал. Чарли все любили.

Стэнуин вздыхает, запрокидывает голову, смотрит в потолок.

– И что дальше? – спрашиваю я, чувствуя, что ему не хочется продолжать.

– Мы с Чарли дружили... – Он тяжело вздыхает. – Ну, я пошел его искать, думал проститься. Служанка сказала, что он ушел к озеру, я туда и направился. Только там никого не было. Я собрался уходить, но тут заметил кровь на земле.

– И вы пошли по следу?

– Да, и вышел к самому берегу. Там и увидел...

Он сглатывает, закрывает лицо рукой.

Воспоминание так долго гнездилось в самом темном уголке его ума, что не желает показываться на свет. Все дурное в Стэнуине выросло из этого ядовитого семени.

– Что вы увидели?

Он опускает руку, смотрит на меня, будто я священник на исповеди:

– Сначала я увидел леди Хардкасл. Она рыдала, упав на колени. И кровь повсюду. Она так крепко прижимала к себе сына, что я его не сразу заметил. А как услышала мои шаги, обернулась. Тут я и понял, что она его заколола ножом в горло, чуть голову не отрубила.

– Она созналась? – с трудом сдерживая волнение, спрашиваю я, сжимаю руки; тело невольно напрягается, дыхание перехватывает.

Мне становится стыдно за свое нетерпение.

– В общем, да, – говорит Стэнуин. – Все повторяла, что это случайность, трагическая случайность. Несчастный случай.

– А при чем здесь Карвер?

– Он позже пришел.

– Когда?

– Не знаю.

– Что, через пять минут? Через двадцать? – допытываюсь я. – Стэнуин, это очень важно.

– Ну, не через двадцать... может быть, минут через десять.

– А сумка у него была?

– Сумка?

– Коричневая кожаная сумка. Служанка видела, как он с ней уходил из особняка.

– Нет, сумки не было. – Он наставляет на меня трубку. – Вам что-то известно?

– По-моему, да. Прошу вас, продолжайте.

– Пришел Карвер, отвел меня в сторонку. Трезвый как стеклышко – после такого потрясения весь хмель мгновенно из головы выветрился. Умолял меня все забыть, сказать, что это он, Карвер, виноват. Я сначала отнекивался, мол, не стану ради Хардкаслов наговаривать на друга, а он сказал, что любит ее и что ради нее на все готов. Что мальчик погиб по недосмотру, а ему, Карверу, все равно больше ничего не светит, от места отказали, идти некуда, а без Хелены ему не жить. Вот он и взял с меня слово сохранить все в тайне.

– Что вы и сделали, только за деньги.

– А вы бы как поступили? – злобно говорит он. – Нарушили бы обещание, данное другу, заковали бы ее в кандалы, и дело с концом? Или отпустили бы безнаказанно?

Я качаю головой. Ответа у меня нет, но я не желаю слушать его жалкие оправдания. В этой истории две жертвы – Томас Хардкасл и Чарли Карвер, убитый мальчик и человек, который ради любимой женщины отправился на виселицу. Помочь я им не могу, но правда должна восторжествовать над разрушительной ложью.

47

Шуршат кусты, под ногами трещит хворост. Даниель уверенно шагает по лесу, ему нечем таиться. Все мои воплощения заняты своими делами, а остальные гости либо на охоте, либо в оранжерее.

Сердце колотится. Побеседовав в кабинете с Беллом и Майклом, Даниель незаметно ушел в лес, и я слежу за ним вот уже четверть часа, бесшумно пробираясь между деревьями. Я помню, что он опоздал к началу охоты и потом встретился с Дэнсом. Интересно, что его задержало? Может быть, мне удастся выяснить его планы.

Внезапно деревья расступаются, передо мной – уродливая поляна. Мы недалеко от озера, справа виднеется вода. По поляне мечется лакей, наябнивает круги, как загнанный зверь. Я прячусь за кустом.

– Давай быстрее, – говорит Даниель лакею.

Тот ударяет его в челюсть.

Пошатнувшись, Даниель выпрямляется и кивком требует второго удара, который летит ему в живот, а следующий удар сбивает его с ног.

– Еще? – спрашивает лакей, нависая над Даниелем.

– Все, хватит. – Даниель утирает разбитую губу. – Дэнс должен увидеть следы нашей драки, а не мое убийство.

«Они в сговоре».

– Вы за ними поспеете? – осведомляется лакей, помогая Даниелю подняться. – Охотники уже далеко.

– Ничего страшного, я запросто догоню стариков. Удалось поймать Анну?

– Нет пока, у меня слишком много дел.

– Поторопитесь, наш друг нервничает.

Вот в чем дело! Им нужна Анна.

Поэтому Даниель и убеждал Рейвенкорта, что ее надо отыскать, поэтому просил Дарби привести ее в библиотеку, когда объяснял свой план поимки лакея. Я должен был доставить ее, как агнца на заклание.

Преодолеваю головокружение, я смотрю, как они прощаются, и лакей возвращается в особняк. Даниель утирает кровь с лица, но не уходит. Через миг я понимаю почему: на поляну выходит Чумной Лекарь. Наверное, он и есть загадочный «друг», о котором говорил Даниель.

Этого я и боялся. Они все сговорились. Даниель действует на пару с лакеем, они ищут Анну для Чумного Лекаря. Не знаю, из-за чего Чумной Лекарь ее так ненавидит, но это объясняет, почему он целый день пытается настроить меня против нее.

Он кладет руку на плечо Даниеля и уводит его в лес. Этот жест меня очень расстраивает – незнакомец в маске отчужденно держится со мной и не допускает никаких проявлений дружеской близости.

Пригибаясь, я крадусь за ними, останавливаюсь на самом краю опушки, прислушиваюсь, но из леса не доносится ни звука. Бормоча проклятия, я углубляюсь в чащу, безуспешно пытаюсь выследить их. Они исчезли.

Как во сне, ухожу той же дорогой, что и пришел.

Что из увиденного было настоящим? Неужели притворяются все без исключения? Я считал Даниеля и Эвелину друзьями, Чумного Лекаря – безумцем, а себя – доктором по имени Себастьян Белл, страдающим потерей памяти. Я и не догадывался, что на самом деле это всего лишь стартовые позиции участников гонки, о которой меня никто не предупредил.

«Надо думать не о старте, а о финише».

– Кладбище, – вслух говорю я.

Даниель намеревается поймать там Анну, разумеется с помощью лакея. Мне надо подготовиться, чтобы покончить с этим раз и навсегда.

Подхожу к колодцу, где Фелисити оставила записку для Эвелины. Я готов привести свой план в действие, но вместо того, чтобы вернуться к особняку, сворачиваю налево, к озеру. Точнее, это делает Раштон, повинаясь чутью сыщика. Он хочет посетить место преступления, пока в памяти еще свеж рассказ Стэнуина.

Тропинка виляет в зарослях, полускрытая ветвями, корявые корни торчат из земли, плети ежевики цепляются за плащ, листва роняет капли дождя. Наконец я выхожу на топкий берег озера.

Прежде я видел его только издалека. Вода цвета замшелых камней, полусгнившие скелеты лодок покачиваются у разрушенного лодочного домика на правом берегу. На островке посреди озера виднеется покосившаяся деревянная эстрада под облупленным бирюзовым козырьком.

Неудивительно, что Хардкаслы покинули Блэкхит. Здесь произошло нечто зловещее, и призрак кошмара все еще витает над озером. Мне самому хочется поскорее уйти отсюда, но надо понять, что именно случилось здесь девятнадцать лет назад. Я дважды неторопливо обхожу озеро, разглядываю окрестности, как коронер – труп.

Проходит час. Моему взгляду по-прежнему не за что зацепиться.

Рассказ Стэнуина вполне однозначен, но не объясняет, почему прошлое требует принести в жертву еще одного отпрыска семейства Хардкасл. Непонятно также, кто за этим стоит и чего добивается. Я надеялся прояснить хоть что-то на месте преступления, но озеро не желает делиться своими секретами – с ним нельзя договориться, его нельзя запугать.

Продрогший до костей, я готов отказаться от своей затеи, но Раштон тянет меня к пруду. Взгляд сыщика пронизательнее взглядов моих прочих воплощений, он ищет очертания и их отсутствие. То, что я помню о пруде, Раштона не устраивает. Он хочет увидеть все сам. Засовываю руки в карманы, стою на берегу, вода лижет подошвы ботинок. Моросит дождь, поверхность пруда рябит, капли с плеском разбиваются о ряску.

В отличие от всего остального, дождь постоянен. Он струится по лицам Белла и Эвелины, по окнам сторожки, где спит дворецкий и где томится связанный Голд; Рейвенкорт сидит в спальне, слушая шум дождя, и ждет возвращения Каннинггема, а Дарби... Дарби, к счастью, все еще без сознания. Дэвис либо спит посреди дороги, либо бредет в особняк, но, так или иначе, дождь поливает и его. И Дэнса, который, сжимая ружье, неохотно пробирается сквозь лесную чащу.

А я стою на том самом месте, где сегодня вечером Эвелина прижмет дуло серебристого пистолета к животу и нажмет на спусковой крючок.

Я вижу то, что увидит она.

Пытаюсь понять.

Убийца заставил Эвелину совершить самоубийство, но зачем ему понадобилось, чтобы она сделала это на балу, а не у себя в спальне?

«Чтобы это случилось у всех на виду».

– Тогда уж лучше посреди бальной залы или на сцене, – бормочу я.

Нет, все это чересчур нарочито.

Раштон расследовал десятки убийств. Все они – результат опрометчивых, необдуманных действий. После тяжелых дневных трудов мужья топят свои горести в вине, ввязываются в драку или ссорятся с женами, а жены, не выдержав постоянных побоев, хватаются за кухонный нож. Смерть настигает свои жертвы и в темных закоулках, и в чисто убранных гостиных с кружевными салфеточками на мебели. Поваленное дерево, проломленная крыша, выскользнувший из рук молоток – все несет гибель. Люди погибают быстро либо по невезению, либо

по своей вине. А здесь убийство совершается у всех на виду, в присутствии чуть ли не сотни гостей в бальных платьях и фраках.

В чем порочном рассудке зародилась мысль превратить убийство в спектакль?

Направляюсь к особняку, вспоминаю, каким путем Эвелина шла к пруду, как она, пошатываясь, будто пьяная, скользила от света к тьме; представляю серебристый пистолет у нее в руках, выстрел, тишину и медленное падение в воду под грохот фейерверка.

Зачем нужен пистолет и револьвер, когда достаточно одного?

«Убийство, которое не выглядит убийством».

Так охарактеризовал его Чумной Лекарь. А что, если... Цепляюсь за обрывочную мысль, вытаскиваю ее из темноты на свет, рассматриваю странное, очень странное предположение.

Оно подходит больше всего.

Кто-то касается моего плеча, и я, вздрогнув, едва не падаю в пруд. К счастью, Грейс хватает меня за руку, обнимает. Должен признать, что это очень приятное ощущение, особенно когда я оборачиваюсь и встречаю любящий, чуть насмешливый взгляд синих глаз.

– Что вы здесь делаете? – взволнованно спрашивает Грейс. – Я вас повсюду искала. Вы не пришли на обед.

Она пристально глядит мне в глаза, и я не могу понять, что она там ищет.

– Я решил прогуляться, – говорю я, чтобы ее успокоить. – Пытался представить, как здесь все выглядело раньше.

Она недоверчиво смотрит на меня своими чудесными глазами, моргает, берет меня под руку, согревает теплом своего тела.

– Сейчас уже и не вспомнить, – задумчиво произносит она. – Гибель Томаса омрачила все приятные воспоминания о Блэкхите.

– Вы в тот день здесь гостили?

– Неужели я вам не рассказывала? – удивляется она, кладя голову мне на плечо. – Я была совсем маленькой. В тот день здесь были почти все нынешние гости.

– И вы стали свидетельницей убийства?

– Нет, что вы! – вздыхает она. – Эвелина отправила всех детей на поиски сокровищ. Мне было лет семь, я ровесница Томаса, а Эвелине было десять. Она вела себя как взрослая, и ей поручили за нами присматривать. – Она погружается в воспоминания. – Сейчас-то я понимаю, что ей больше всего хотелось кататься верхом, но тогда мы с радостью согласились на ее предложение и весело носились по лесу, разыскивая спрятанные клады. А потом Томас куда-то сбежал, и мы его больше не видели.

– Сбежал? И никому не сказал куда или почему?

– Эти же вопросы мне потом задавал полицейский. – Она теснее прижимается ко мне. – Нет, Томас ничего не сказал. Спросил, который час, и убежал.

– Спросил, который час?

– Да, как будто куда-то торопился.

– И не сказал куда?

– Нет.

– В его поведении не было ничего необычного? Может быть, он что-то говорил?

– Нет, он все больше отмалчивался, был на удивление неразговорчив. И вообще, в ту неделю он нас сторонился, ходил какой-то мрачный, подавленный, сам на себя не похож.

– А как он обычно себя вел?

– Чудовищно, как все мальчишки в этом возрасте. – Грейс пожимает плечами. – Дергал нас за косички, пугал, прятался в кустах, а потом выскакивал.

– Значит, в тот ваш приезд он целую неделю вел себя странно? – уточняю я. – Вы точно помните?

– Да, мы приехали в Блэкхит за неделю до бала. – Она вздрагивает, смотрит на меня. – О чем это вы задумались, мистер Раштон?

– Задумался?

– Да. Когда вы усиленно размышляете, у вас появляется очень милая морщинка, вот тут... – Она касается пальцем моего лба у переносицы. – Так о чем же вы задумались?

– Пока не знаю.

– Прошу вас, не делайте этого при встрече с моей бабушкой.

– Мне нельзя морщить лоб?

– Нет, вам нельзя думать.

– Это почему?

– Бабушка не любит мужчин, которые много думают. Она считает это признаком лени. Холодает. Опускаются сумерки, свет дня убегает от черных грозовых туч в небе.

– Пойдемте в дом, – просит Грейс, притоптывая окоченевшими ногами. – Хотя я и не питаю особой любви к Блэкхиту, но не собираюсь из-за этого замерзать до смерти.

Я задумчиво смотрю на пруд, но не могу подтвердить свою догадку, пока не поговорю с Эвелиной, а она сейчас с Беллом. Придется на пару часов отложить размышления. Вдобавок я с удовольствием проведу это время в обществе той, кто не имеет никакого отношения к сегодняшним трагедиям.

Бок о бок мы возвращаемся в особняк и входим как раз тогда, когда по лестнице сбегает Чарльз Каннингем, задумчиво морща лоб.

– Чарльз, что с вами? – окликает его Грейс. – Прямо какая-то беда сегодня с мужчинами, все думают и думают.

Каннингем обрадованно улыбается, хотя обычно беседует со мной очень серьезно.

– Как хорошо, что я вас встретил! – Он спрыгивает с третьей ступеньки и хлопает меня по плечу. – Простите, я замечтался.

Я отвечаю ему дружелюбной улыбкой.

До сих пор я считал камердинера простым слугой, который время от времени выполнял мои поручения, но в общем преследовал какие-то свои цели и особого доверия не внушал. А вот Раштон воспринимает его совсем иначе, будто черно-белый эскиз окрашивается в яркие цвета.

Грейс и Дональд Дэвис проводили в Блэкхите каждое лето, росли бок о бок с Майклом, Эвелиной, Томасом и Каннингемом. Чарльза воспитывала повариха миссис Драдж, но все знали, что он внебрачный сын Питера Хардкасла, и относились к нему на равных. Заметив это, Хелена Хардкасл велела гувернантке обучать Каннингема вместе с остальными детьми. Чарльза считали членом семьи, поэтому, вернувшись с фронта, Дональд Дэвис первым делом познакомил с ним Раштона, и все трое стали близкими друзьями.

– Что, Рейвенкорт опять раскапризничался? – спрашивает Грейс. – Неужели ему снова яичницы не досталось?

– Нет, не в этом дело. – Каннингем задумчиво качает головой. – Сегодня с утра день пошел наперекосяк. Рейвенкорт сказал мне удивительную вещь, я до сих пор не совсем понимаю, что это означает.

– А что он сказал? – интересуется Грейс.

– Что он не... – Он умолкает, морщит нос, вздыхает и, поразмыслив, меняет тему разговора: – Я вам вечером расскажу за бокалом бренди, когда сам во всем разберусь. А пока мне даже слов не подобрать.

– Вот вы всегда так, Чарльз. – Грейс шутливо топает ногой. – Начинаете что-то рассказывать и останавливаетесь на самом интересном месте.

– Не расстраивайтесь попусту, я сейчас подниму вам настроение. – Он достает из кармана серебряный ключик с привязанной к нему картонной биркой с именем Себастьяна Белла.

В последний раз я видел этот ключ у Дарби, незадолго до того, как бедняга получил по голове, выходя из спальни Стэнуина.

Фрагменты головоломки складываются в одно целое, я занимаю в ней свое место, будто крошечная шестеренка в загадочном механизме огромных часов.

– Спасибо, что вы его для меня раздобыли! – Грейс восторженно хлопает в ладоши.

Чарльз крутит ключ на пальце, с улыбкой объясняет мне:

– Грейс просила меня найти запасной ключ от спальни Белла. Мы собирались украсть у него наркотики. А я нашел ключ от его сундука, вот!

– Это глупо, но мне хочется, чтобы Белл на своей шкуре осознал, какие страдания он доставляет Дональду! – восклицает Грейс, гневно сверкая глазами.

– А где вы взяли ключ? – спрашиваю я Каннингема.

– Нашел при исполнении своих прямых обязанностей, – смущенно отвечает он. – А еще у меня есть ключ от спальни Белла. Ну что, утопим все его запасы в озере?

– Нет, не в озере, – морщится Грейс. – В Блэкхите и без того тошно, а к озеру я ни за что не пойду.

– Неподалеку от сторожки есть заброшенный колодец, – напоминаю я. – Он очень глубокий. Если выбросить наркотики туда, их никто не найдет.

– Отлично! – Каннингем обрадованно потирает руки. – Доктор Белл только что ушел на прогулку с мисс Хардкасл. Ну, кто пойдет со мной на дело?

48

Грейс караулит в коридоре, а мы с Каннингемом прокрадываемся в спальню Белла. Моя ностальгия окрашивает все в радужные цвета. Столкнувшись с напористыми личностями моих прочих воплощений, теперь я гораздо приятнее отношусь к Беллу. В отличие от Дарби, Рейвенкорта и Раштона, Себастьян Белл настолько не уверен в себе, что я всецело подчинил его, заполнил собой его внутреннюю пустоту, не сознавая чуждости и не встречая ни малейшего сопротивления.

Я думаю о нем как о старом приятеле.

– Интересно, где он хранит свои зелья? – спрашивает Каннингем, закрывая дверь в спальню.

Я притворяюсь, что не знаю, где сундук, и в отсутствие Белла получаю приятную возможность ненадолго вернуться к одной из своих прошлых жизней.

Каннингем без труда находит сундук. Мы выволакиваем его из платяного шкафа, с громким скрипом тащим по половицам. Хорошо, что все ушли на охоту, потому что звук поднял бы мертвого.

Ключ входит в замок, защелка легко открывается, крышка откидывается на хорошо смазанных петлях. Сундук битком набит аккуратно уложенными флаконами и бутылочками коричневого стекла.

Мы встаем на колени по обе стороны сундука и начинаем перекладывать содержимое в холщовый мешок, принесенный Каннингемом. В запасах Белла обнаруживаются всевозможные микстуры, настойки и прочие зелья, причем не только те, которые доставляют сомнительное удовольствие. Есть здесь и полупустая баночка стрихнина; белые кристаллики, похожие на крупную соль.

«А это ему зачем?»

– Похоже, Белл торгует всем подряд, без разбору, – укоризненно говорит Каннингем, отбирает у меня баночку и швыряет ее в мешок. – Но больше мы этого не допустим.

Я вспоминаю, что в записке Голда, подsunутой мне под дверь, упоминалось, что я должен раздобыть три лекарственных препарата. К счастью, Каннингем так увлечен своим занятием, что не замечает ни как я украдкой кладу флаконы в карман, ни как подбрасываю в сундук шахматную фигуру. Она не играет никакой роли в хитроумных планах, но я хорошо помню, что она странным образом меня успокоила и придала мне силы. Меня радует возможность совершить доброе деяние.

– Чарльз, скажите мне правду, пожалуйста, – начинаю я.

– Нет, я не хочу вмешиваться в ваши отношения с Грейс, – рассеянно говорит он, продолжая наполнять мешок. – Для вас самый лучший выход – признать, что вы были не правы, и попросить у нее прощения, – улыбается он.

Впрочем, улыбка улетучивается, как только он замечает хмурое выражение моего лица.

– В чем дело?

– Где вы взяли ключ от сундука?

– У кого-то из прислуги, – отвечает он, отводя глаза.

– Ничего подобного. – Я чешу в затылке. – Вы вытащили его из кармана Джонатана Дарби, после того как ударили его по голове. Даниель Кольридж нанял вас для кражи записных книжек Стэнуина.

– Неправда, – с запинкой произносит он.

– Чарльз, не отпирайтесь, – с нажимом говорю я. – Со Стэнуином я уже побеседовал.

Раштона и Каннингема связывает многолетняя дружба, поэтому мне очень тяжело допрашивать камердинера.

– Я не собирался его избивать, – смущенно признается Каннингем. – Я помог Рейвенкорту принять ванну и ушел завтракать, но услышал шум на лестнице и увидел, как Дарби вбежал в кабинет, а следом за ним – Стэнуин. Я хотел было забраться в спальню Стэнуина и отыскать записную книжку, но в спальне был телохранитель. Я спрятался в одной из пустующих комнат и решил посмотреть, что случится дальше.

– Значит, вы видели, как доктор Дикки вколол телохранителю снотворное и как Дарби обнаружил записную книжку. Вы прекрасно знали ее ценность и не могли позволить Дарби забрать ее себе.

Каннингем согласно кивает.

– Стэнуину известно, что произошло в тот злосчастный день и кто именно убил Томаса, – объясняет он. – Все это время он лгал. В его записной книжке есть подлинные сведения. Кольридж обещал расшифровать записи, и тогда все узнают, что мой настоящий отец не виновен в убийстве. – В глазах его плещется страх. – А Стэнуин знает о нашем договоре с Кольриджем? Вы из-за этого с ним встречались?

– Нет, он ничего не знает, – успокаиваю я его. – Я расспрашивал его об убийстве Томаса Хардкасла.

– И он вам все рассказал?

– Да, в обмен на то, что я спас его жизнь.

Каннингем, все еще стоя на коленях, хватая меня за плечи:

– Да вы волшебник, Раштон! Ну говорите же, не томите.

– Он застал окровавленную леди Хардкасл у трупы сына, – начинаю я, пристально глядя на него. – И сделал соответствующие выводы. Немного погодя появился Карвер, взял вину на себя и заручился обещанием Стэнуина, что тот ничего не скажет.

Каннингем смотрит сквозь меня, осмысливает услышанное, а потом с горечью заявляет:

– Ну вот, я много лет пытался отыскать доказательства того, что отец невиновен, а теперь выясняется, что убийца – моя мать.

– А вам давно известно, кто ваши настоящие родители? – сочувственно спрашиваю я.

– Когда мне исполнился двадцать один год, мать во всем призналась, – отвечает он. – Уверяла меня, что мой отец не делал того, в чем его обвиняют, но объяснять ничего не стала. С тех пор я и пытаюсь разобраться, что она имела в виду.

– Вы с ней сегодня утром встречались?

– Я принес ей чаю, – негромко говорит он. – А потом мы с ней разговаривали. В детстве я делал то же самое: приходил к ней по утрам, она расспрашивала меня о жизни, об уроках. Она всегда заботилась обо мне. Я больше всего на свете любил это время дня.

– А сегодня утром она ни о чем необычном не упоминала?

– К примеру, об убийстве Томаса? Нет, этого мы не обсуждали, – саркастически отвечает он.

– Ну, я имел в виду что-нибудь ей несвойственное. Странное.

– Несвойственное... – пренебрежительно фыркает он. – Она вот уже год ведет себя очень странно. Ее не поймешь: то веселится напропалую, то безутешно рыдает.

– Год? – задумчиво переспрашиваю я. – То есть после предыдущего визита в Блэкхит?

Именно после той поездки она пришла к Майклу с бессвязным рассказом о какой-то одежде.

– Да, наверное... – Он рассеянно дергает себя за ухо. – Может быть, это странное поведение объясняется тем, что ее замучила совесть? Может, она хочет во всем признаться, но ей не хватает смелости? Тогда понятно, отчего сегодня утром у нее было такое настроение.

– Какое? О чем вы разговаривали?

– Она была очень спокойная, даже несколько отчужденная. Говорила, что надо все исправить. Жалела, что имя моего отца покрыто позором. – Он расстроено смотрит на меня. – Вот

оно что! Сегодня на балу она хочет публично покаяться. Поэтому она и пригласила в Блэкхит всех тех, кто присутствовал здесь девятнадцать лет назад.

– Вполне возможно, – с сомнением говорю я. – А почему у нее в дневнике отпечатки ваших пальцев? Что вы там искали?

– Я начал ее расспрашивать, но она велела мне свериться с дневником, где записано время ее встречи с конюхом, и к назначенному часу прийти в конюшню. Обещала рассказать мне все подробно после разговора с Альфом. Я ждал ее на конюшне, только она не пришла, и больше никто ее не видел. Может быть, она уехала в деревню.

Я не принимаю в расчет это заявление и говорю:

– А что с пропавшим грумом? Вы спрашивали о нем у конюха.

– Рассказывать особо нечего. Пару лет назад я встретился с инспектором, который расследовал убийство Томаса. Он не верил, что мой отец, то есть Карвер, виновен в убийстве. За неделю до этого, когда Карвер был в Лондоне с лордом Хардкаслем, из имения пропал мальчик, Кит Паркер. Инспектор долго о нем расспрашивал, но толком ничего не узнал. Якобы Паркер ни с того ни с сего собрался и ушел из имения. И пропал. А поскольку трупа не нашли, то решили, что он просто сбежал.

– Вы его знали?

– Не очень хорошо. Мы иногда играли вместе. Как правило, дети слуг тоже помогают по хозяйству, так что Паркер большую часть времени проводил на конюшне. Мы редко виделись. – Заметив перемену в моем настроении, он вопросительно смотрит на меня. – Вы считаете, что моя мать – убийца?

– Чтобы узнать, так это или нет, мне нужна ваша помощь. Мать поручила ваше воспитание миссис Драдж. Вы не знаете, в каких они были отношениях?

– В очень близких. Только миссис Драдж знала, кто мой настоящий отец.

– Замечательно. Тогда я попрошу вас об одолжении.

– О каком одолжении?

– Точнее, о двух одолжениях. Мне нужно, чтобы миссис Драдж... А!

Я внезапно уловил связь с прошлым. Оказывается, мне уже известен ответ на вопрос, который я только собирался задать. Теперь надо сделать так, чтобы все повторилось.

Каннингем машет рукой у меня перед глазами:

– Раштон, что с вами? Вы какой-то странный.

– Простите, старина, я задумался. Так вот, мне нужно, чтобы миссис Драдж мне кое-что объяснила. А вас я попрошу собрать нужных мне людей. Когда закончите, найдите Джонатана Дарби и расскажите ему все, что вам удалось узнать.

– Дарби? При чем здесь этот проходимец?

Дверь открывается, Грейс просовывает голову в спальню:

– Ох, ради бога, что вы тут копаетесь! Еще чуть-чуть – и нам придется делать вид, что мы слуги, готовим ванну для мистера Белла.

– Через минуту закончим, – говорю я и кладу руку на плечо Каннингема. – Даю вам слово, мы во всем разберемся. А теперь слушайте внимательно, это очень важно.

49

Холщовый мешок позвякивает, его вес и колдобины на тропинке будто сговорились между собой, так и норовят меня повалить. Я то и дело спотыкаюсь, Грейс сочувственно морщится.

Каннингем ушел выполнять мою просьбу. Грейс провожает его недоуменным взглядом и молчит. Мне хочется ей все объяснить, но Раштон знает, что никаких объяснений не требуется. Через десять минут после того, как Дональд Дэвис представил родным человека, который спас ему жизнь на фронте, стало ясно, что Джим Раштон и Грейс Дэвис в один прекрасный день сыграют свадьбу. Принадлежность к разным слоям общества и светские условности ничуть не смущали молодых людей; дружеская пикировка за первым совместным ужином стала мостом над пропастью сословных различий, а среди столовых приборов, назначения которых Раштон определить не мог, пышным цветом расцвела любовь. С того самого дня их чувство ширилось и крепло, и теперь влюбленные жили в мире, создаваемом ими самими. Грейс знает, что как только я досконально разберусь в происходящем, то обо всем ей расскажу. А пока мы идем молча, наслаждаясь обществом друг друга.

У меня с собой кастет. Я уклончиво намекнул Грейс, что у Белла и доктора Дикки могут быть сообщники, и теперь она опасливо косится на каждый куст. Мы подходим к колодезю, Грейс заботливо отводит нависшую ветку, пропускает меня на поляну. Я швыряю мешок в колодец, и со дна доносится страшный грохот.

Разминаю затекшие руки, а Грейс заглядывает в колодец.

– Загадаете желание? – спрашивает она.

– Хочу, чтобы больше не надо было таскать дурацкий мешок.

– Ух ты, сработало! – улыбается она. – А можно загадать, чтобы все остальные желания тоже исполнились?

– Это уже жульничество.

– Ну, здесь уже давно никто желаний не загадывал, – наверное, их поднакопилось.

– А можно задать вам вопрос?

– Конечно. Я же знаю, вы без вопросов не можете. – Она заглядывает в колодец, перевешиваясь через сруб.

– Кто ходил искать сокровища в день убийства Томаса?

– Джим, это было девятнадцать лет назад! – гулко доносится из колодца.

– Чарльз был с вами?

– Чарльз? – Она распрямляется, смотрит на меня. – Наверное, да.

– Наверное или точно? Грейс, это очень важно.

– Да-да, я понимаю, – говорит она, отряхивая руки. – Он что-то натворил?

– Надеюсь, нет.

– Вот и я надеюсь, – озабоченно заявляет она. – Погодите, да, он был с нами. Он стащил на кухне пирог, поделился со мной и с Дональдом. Миссис Драддж потом очень сердилась.

– А Майкл Хардкасл с вами был?

– Майкл? Не помню...

Она задумывается, накручивает прядь волос на палец. Знакомый жест вызывает в Раштоне прилив восторженного обожания, которое захлестывает и меня.

– Нет, его не было. Он остался дома. Заболел или еще что. – Она берет меня за руку, устремляет на меня прелестный взор. – Джим, вы расследуете какое-то опасное дело?

– Да.

– Ради Чарльза?

– Отчасти.

– А вы мне потом расскажете?

– Да, когда пойму, что к чему.

Она поднимается на цыпочки, целует меня в нос.

– Что ж, удачи вам, – говорит она, стирая с моей кожи следы помады. – Я же знаю, вы не успокоитесь, пока во всем не разберетесь.

– Спасибо.

– Вот как все расскажете, тогда и поблагодарите. Только поскорее.

– Обязательно.

Теперь Раштон целует ее. Смущенный и покрасневшийся, я с трудом возвращаю себе контроль над его телом, а Грейс улыбается, лукаво блестя глазами. К сожалению, мне приходится с ней расстаться, потому что сейчас я впервые приближаюсь к правде и боюсь, что она от меня ускользнет. Мне надо поговорить с Анной.

По мощеной тропе огибаю сторожку, захожу с заднего крыльца, стряхиваю капли дождя с плаща, оставляю его на вешалке в кухне. Шаги звучат гулко, будто в половицах бьется сердце. Из комнаты справа, где Дэнс и его партнеры утром встречались с Питером Хардкаслем, доносится какой-то шум. Сначала я думаю, что туда кто-то вернулся. Открываю дверь: Анна склоняется над Питером Хардкаслем, обмякшим в кресле.

Он мертв.

– Анна, – негромко окликаю я.

Она потрясенно оборачивается.

– Я услышала шум, спустилась, а он тут... – лепечет она.

В отличие от меня, она сегодня не видела крови, и смерть ее ошеломляет.

– Ступайте, умойтесь. – Я легонько касаюсь ее руки. – Я здесь все осмотрю.

Она благодарно кивает и, окинув труп долгим взглядом, выбегает в коридор. Ее можно понять. Жуткая гримаса искажает черты лица Питера, правый глаз полуприкрыт, левый широко распахнут. Руки сжимают подлокотники кресла, спина выгнута от боли. Его лишили и жизни, и достоинства одновременно.

Моя первая мысль – сердечный приступ, но чутье Раштона подсказывает иную причину.

Я хочу закрыть глаза лорду Хардкаслу, но не могу заставить себя коснуться трупа. Однако же у меня осталось слишком мало обличий, поэтому лучше не смотреть в глаза смерти.

Из нагрудного кармана пиджака торчит записка. Вытаскиваю сложенный листок, читаю послание:

«Я не желаю выходить замуж за Рейвенкорта и не желаю прощать родителей, которые меня к этому принуждают. Они сами навлекли на себя свою участь.

Эвелина Хардкасл».

Из открытого окна дует. Оконная рама измазана грязью, – очевидно, злоумышленник выбрался через окно. Все вещи на своих местах, только открыт ящик стола – тот самый, в котором Дэнс искал дневник Питера. Разумеется, дневника там нет. Сначала кто-то выдрал страницу из дневника Хелены, а теперь украден и дневник Питера. Значит, убийца пытается скрыть то, чем сегодня занята Хелена. Это важная информация. Сама по себе ужасная, но важная.

Прячу записку в карман, выглядываю в окно, пытаюсь понять, кто из него выбрался. Никаких улик нет, кроме пары следов в грязи, уже размытых дождем. По их форме и размеру понятно, что из сторожки сбежала женщина в остроносых ботинках. Возможно, это подтвердило бы причастность той, чьим именем подписана записка, но я точно знаю, что Эвелина сейчас с Беллом.

Она не могла этого сделать.

Сажусь в кресло напротив Питера Хардкасла, совсем как Дэнс сегодня утром. Все в комнате еще носит отпечаток утренней встречи. Бокалы со стола не убраны, пахнет сигарами, сам

Хардкасл не одет для охоты, а значит, убили его несколько часов назад. Пальцем касаюсь остатков виски в бокалах, кончиком языка пробую. Во всех бокалах виски с обычным дымным привкусом, а вот у виски лорда Хардкасла характерный горьковатый вкус.

Раштону он хорошо знаком.

– Стрихнин, – говорю я, глядя на зловещий оскал мертвеца.

Кажется, что Питер Хардкасл радуется, узнав о причине своей смерти. Наверняка ему хочется знать и имя своего убийцы. У меня на этот счет есть кое-какие соображения, но пока их нечем подтвердить.

– Ну как, что-нибудь выяснилось? – спрашивает Анна, протягивая мне полотенце.

Она все еще бледна, но голос звучит тверже. Судя по всему, она немного оправилась от потрясения, однако не приближается к труп и обнимает себя за плечи.

– Его отравили стрихнином. Полученным от Белла.

– От Белла? Он же был вашим первым воплощением. Вы полагаете, что он как-то в этом замешан?

– Не по своей воле. – Я вытираю мокрые от дождя волосы. – Он трус и к убийству непричастен. Стрихнин употребляют для травли крыс. Если убийца – кто-то из обитателей Блэкхита, то это создает удобный предлог для обращения к Беллу за ядом: мол, надо избавиться от крыс перед приездом гостей. Это не вызовет у Белла подозрений – до тех пор, пока не появятся трупы. Наверное, поэтому его и пытались устранить.

– Откуда вы все это знаете? – изумленно спрашивает Анна.

– Это знает Раштон. – Я многозначительно постукиваю себя пальцем по лбу. – Несколько лет назад он расследовал дело об убийстве, где жертву отравили стрихнином. Из-за наследства. Ужасная история.

– И вы ее помните?

Я рассеянно киваю, продолжая обдумывать все последствия отравления.

– Для этого вчера ночью Белла выманили в лес, – вслух рассуждаю я. – Но в темноте доктор Белл ухитрился сбежать, отделавшись лишь порезами на руках. Ему очень повезло.

Анна странно смотрит на меня.

– В чем дело? – недоумеваю я.

– Вы так говорите... – Она запинается. – Я просто... Айден, я вас не узнаю. Что от вас осталось?

– Вполне достаточно, – отмахиваюсь я, вручая ей записку, найденную в кармане Хардкасла. – Вот, ознакомьтесь. Кто-то из всех сил пытается убедить нас, что отравление – дело рук Эвелины.

Прочитав записку, Анна спрашивает:

– А может, дело совсем не в этом? Может быть, кто-то хочет избавиться от всего семейства Хардкасл и Эвелина – просто первая жертва?

– Вы считаете, что Хелена прячется от убийц?

– Скорее всего.

Я пытаюсь всесторонне осмыслить это предположение, но у меня не получается. Оно слишком громоздко и неуклюже, непонятно, к чему все это приведет.

– И что мне делать дальше? – спрашивает Анна.

– Скажите Эвелине, что дворецкий пришел в себя и хочет с ней поговорить с глазу на глаз. – Я встаю.

– Но дворецкий еще спит, и с Эвелиной ему говорить не о чем.

– Верно, зато мне есть о чем, но не хочется лишний раз встречаться с лакеем.

– Хорошо, я пойду к Эвелине, а вы пока присмотрите за дворецким и Голдом.

– Обязательно.

– А что вы хотите сказать Эвелине?

– Я объясню ей, как она умрет.

50

На часах сорок две минуты шестого, но Анна все не возвращается.

Она ушла три часа назад. Три часа я нервничаю, сижу с ружьем на коленях, хватаюсь за него при малейшем шорохе. Не знаю, как Анна все это терпела.

В сторожке беспокойно. Ветер свистит в оконных рамах, завывает в коридорах. Потрескивают деревянные перегородки; половицы гнутся под собственным весом, побряхтывают, как старик, встающий с кресла. Мне то и дело слышатся шаги в коридоре; я осторожно выглядываю за дверь, но в доме пусто, только бьется о стену оконный ставень или ветка стучит в стекло.

Но теперь я уже не отвлекаюсь на эти звуки. Я больше не верю, что Анна вернется. Первый час ожидания я успокаивал себя тем, что она, наверное, ищет Эвелину. Потом я решил, что Анну отправили выполнять какие-то поручения по хозяйству, и пытался найти этому подтверждение, вспоминая наши прошлые встречи. Она упоминала, что сначала встретилась с Голдом, потом с Дарби в лесу, после этого – с Дэнсом и тогда уже пришла за мной на чердак. А затем она первый раз поговорила с дворецким в повозке, на пути в сторожку, оставила записку для Белла в доме конюха и заглянула в спальню Рейвенкорта. Потом она еще раз разговаривала с дворецким, но я увидел ее только вечером, после того как лакей напал на Дэнса.

Итак, шесть раз она исчезала на всю вторую половину дня, а я заметил это только сейчас.

Вот уже третий час я сижу в комнате. За окнами темнеет. Я уверен, что Анна попала в беду и что повинен в этом лакей. Я видел ее вместе с ним, поэтому знаю, что она жива, только это не приносит облегчения. Побывав в руках лакея, Голд сошел с ума, и мне невыносимо думать, что Анну ждут такие же мучения.

Сжимая ружье, я расхаживаю по комнате, обдумываю, что делать дальше. Самое простое – оставаться в сторожке, зная, что к дворецкому придет лакей. Но это означает, что вместо того, чтобы расследовать убийство Эвелины, я впустую растрачу драгоценное время, и даже если спасу Анну, то нам с ней не выбраться из Блэкхита. Очевидно, что сначала надо разобраться с Эвелиной и уповать на то, что Анна выпутается из беды самостоятельно.

Дворецкий стонет, открывает глаза.

Мы смотрим друг на друга: я – с отчаянием, он – недоумевая.

Если я оставлю его с Голдом без присмотра, то обреку их на смерть и безумие, но иного выбора у меня нет.

Дворецкий снова засыпает. Я кладу ружье рядом с ним, прямо на кровать. Да, я видел смерть дворецкого, но по крайней мере ружье даст ему возможность защититься.

Хватаю плащ со спинки кресла и, не оглядываясь, возвращаюсь в Блэкхит. Спальня Эвелины по-прежнему не убрана, дрова в камине почти прогорели, угли тускло сияют в темноте. Я добавляю в огонь поленья, начинаю обыскивать комнату.

У меня дрожат руки, но в этот раз не из-за похотливости Дарби, а из-за моего собственного волнения. Если я найду то, что ищу, то узнаю, кто виноват в смерти Эвелины. И тогда свобода будет близка.

Дарби уже обыскивал спальню, но неумело, в отличие от Раштона. Констебль ловко обнаруживает все укромные места за шкафами и в кроватиной раме, простукивает половицы в поисках скрытых тайников. Увы, поиски не приносят результатов.

Я ничего не нахожу.

Медленно поворачиваюсь, оглядываю мебель, ищу, не упустил ли чего. Я знаю, что мое предположение о самоубийстве имеет единственное разумное объяснение. Наконец я останавливаю взгляд на гобелене, которым занавешена дверь в спальню Хелены. Беру керосиновую лампу, открываю дверь и начинаю обыскивать соседнюю комнату.

Наконец, почти отчаявшись, приподнимаю матрас и вижу, что на перекладине кровати болтается полотняный мешочек. Развязываю его. В мешочке оружие: стартовый пистолет, без которого не обходится ни один деревенский праздник, и черный револьвер, похищенный Эвелиной из материнской спальни, – тот самый, из которого она целилась в меня утром в лесу и который вечером возьмет с собой на кладбище. Он заряжен. В барабане не хватает одного патрона. В мешочке обнаруживается также склянка крови и шприц, наполненный прозрачной жидкостью.

Сердце лихорадочно колотится.

– Я был прав, – шепчу я.

Шорох штор спасает мне жизнь.

Сквозняк из открываемой двери холодит затылок за миг до того, как за спиной раздаются шаги. Я бросаюсь на пол, а надо мной со свистом проносится лезвие ножа. Перекатываюсь на спину, наставляю на противника револьвер, но вижу только, как лакей выбегает в коридор.

Обессиленно опускаю голову на пол, кладу револьвер на живот и благодарю свою счастливую звезду. Если бы не сквозняк, все было бы кончено.

Перевожу дух, поднимаюсь с пола, возвращаю в мешочек оружие и шприц, а склянку крови кладу в карман. Осторожно выхожу из спальни, расспрашиваю слуг и гостей, где Эвелина. Наконец мне говорят, что она в бальной зале. Оттуда слышится громкий стук молотков – там возводят сцену. Двери в сад распахнуты, чтобы из залы выветрился запах краски и пыль. Служанки, прощаясь с молодостью, натирают полы.

У сцены Эвелина беседует с дирижером. На ней зеленое платье, она еще не переделалась в вечерний туалет. Мадлен Обэр, с полным ртом шпилек, стоит рядом и озабоченно втыкает их в волосы Эвелины, укладывая прическу.

– Мисс Хардкасл, – окликаю ее я, подходя поближе.

Она улыбается дирижеру, ласково похлопывает его по плечу и оборачивается ко мне.

– Зовите меня Эвелина, – говорит она, протягивая мне руку. – А вы кто?

– Джим Раштон.

– Ах, вы полицейский! – Улыбка слетает с губ. – Что случилось? Вы, кажется, взволнованы.

– Я не привык к жизни светского общества. – Осторожно пожимаю протянутую руку, на удивление холодную.

– Что вам угодно, мистер Раштон? – надменно, с плохо скрытым раздражением, спрашивает она.

Я мгновенно превращаюсь в раздавленную букашку, прилипшую к подошве бальной туфельки.

Эвелина облачается в презрение, будто в броню, и меня, как и Рейвенкорта, это очень задевает. Блэкхит безжалостно обнажает самые неприятные черты характера тех, кого еще недавно ты считал друзьями.

Это заставляет меня задуматься.

Эвелина сочувственно отнеслась к Беллу, и память об этом определяет все мои дальнейшие поступки, но Чумной Лекарь упомянул, что в предыдущих витках он произвольно менял очередность воплощений. Если бы моим первым обличем стал Рейвенкорт, то я бы воспринимал Эвелину лишь как исключительно надменную и неприятную особу. Дарби достался только ее гнев, и вряд ли бы она проявила участие к дворецкому или Голду. А значит, в некоторых витках я видел ее смерть, не ощущая ни малейшего сожаления, стараясь лишь отыскать убийцу, а не предотвратить убийство.

Я почти завидую себе в предыдущих витках.

– Простите, мне хотелось бы побеседовать с вами без посторонних, – говорю я, покосившись на Мадлен.

– Я очень занята, – отвечает Эвелина. – А в чем дело?

– Я предпочел бы обсудить его наедине.

– А я предпочла бы завершить убранство бальной залы, прежде чем сюда придут пятьдесят человек и выяснится, что им негде танцевать, – резко произносит она. – Надеюсь, вам понятно, какое из этих предпочтений важнее.

Мадлен с ехидной ухмылкой вкалывает очередную шпильку в прическу Эвелины.

– Что ж... – Я достаю из кармана склянку крови. – Давайте побеседуем вот об этом.

Она вздрагивает, будто получив пощечину, но лицо мгновенно принимает невозмутимое выражение, словно бы ничего не произошло.

– Мадлен, продолжим позже, – говорит она, холодно глядя на меня. – Сходи на кухню, поешь.

Мадлен с подозрением смотрит на меня, прячет шпильки в карман передника, делает книксен и уходит.

Эвелина берет меня под руку и уводит в угол бальной залы, подальше от слуг.

– И часто вы роетесь в чужих вещах, мистер Раштон? – спрашивает она, доставая сигарету из портсигара.

– В последнее время часто.

– А вы не хотите подыскать себе другое хобби?

– У меня уже есть хобби. Я пытаюсь спасти вам жизнь.

– Мою жизнь спасать не надо. Может быть, вам лучше заняться садоводством?

– А может быть, лучше подстроить фальшивое самоубийство, чтобы избавиться от брака с лордом Рейвенкортом? – Я выдерживаю паузу, любясь тем, как с Эвелины слетает надменность. – В последнее время вы только этим и занимаетесь. Очень хитроумно с вашей стороны, однако кто-то намерен этим воспользоваться, и вместо фальшивого самоубийства случится настоящее убийство. Это гораздо хитроумнее, вы не находите?

Она изумленно раскрывает рот, широко распахивает голубые глаза, потом отводит взгляд и пытается прикурить сигарету, но рука дрожит. Я отбираю у Эвелины зажженную спичку и, обжигая пальцы, подношу огонек к кончику сигареты.

– Кто вам об этом рассказал? – шепчет Эвелина.

– О чем?

– О моем плане! – Она выхватывает у меня склянку крови. – Кто вам рассказал?

– А кому еще об этом известно? Я знаю, что вы пригласили в Блэкхит свою подругу Фелисити, но я ее пока не обнаружил.

– Она... – Эвелина мотает головой. – Нет, мне нельзя с вами разговаривать.

Она отворачивается, собираясь уйти, но я ловлю ее запястье и резко тяну к себе. Она гневно смотрит на меня. Я немедленно разжимаю пальцы и примирительно вскидываю руки.

– Тед Стэнуин мне во всем признался, – выпаливаю я, лишь бы не дать ей уйти из залы.

Мне нужно как-то объяснить, откуда я обо всем знаю. Дарби слышал, как утром Эвелина горячо спорила со Стэнуином, а значит, шантажист как-то во всем этом замешан. Впрочем, он замешан во всем, что происходит в Блэкхите, так что мне должно повезти.

Эвелина напряженно замирает, как олень, услышавший хруст ветки в чаще.

– Он сказал, что сегодня вечером у пруда вы совершите самоубийство, – объявляю я, всецело полагаясь на то, что Стэнуин слывет всезнающим хранителем секретов. – Простите мою прямооту, мисс Хардкасл, но если бы вы действительно хотели наложить на себя руки, то сейчас лежали бы в гробу, а не изображали бы из себя радушную хозяйку перед людьми, которых вы презираете. Далее, если вы хотели сделать это у всех на виду, то почему бы не застрелиться посреди бальной залы? Причину этого я понял, лишь когда сам подошел к берегу пруда и увидел, как там темно. В темноте легко выбросить кое-что в озеро.

В ее глазах сверкает ледяное презрение.

– И чего же вы хотите, мистер Раштон? Денег?

– Нет, я хочу вам помочь. Мне известно, что вы собираетесь в одиннадцать часов выйти на берег пруда, прижать к животу черный револьвер и упасть в воду. Мне также известно, что на спусковой крючок револьвера вы не нажмете. Выстрелит стартовый пистолет, который вы потом уроните в пруд. Слянку с кровью вы привяжете к длинному шнуру и повесите на шею, а потом разобьете ее рукоятью револьвера, и кровавое пятно создаст убедительное подобие огнестрельного ранения. Жидкость в шприце – смесь снотворного и чего-то расслабляющего, которая поможет вам притвориться мертвой. Доктор Дикки – разумеется, за соответствующее вознаграждение – согласился выписать свидетельство о смерти, избежав таким образом нежелательного расследования. А через пару недель после вашей трагической кончины вы вернетесь во Францию.

Служанки несут к выходу ведра грязной воды, оживленно переговариваются, но, заметив нас, резко умолкают, делают книксен и поспешно удаляются. Эвелина отводит меня подальше.

Я вижу, что она напугана.

– Да, я не хотела выходить замуж за Рейвенкорта, но знала, что родители меня заставят, если я не придумаю, как исчезнуть. Но кому выгодна моя смерть? – спрашивает Эвелина, сжимая сигарету в дрожащей руке.

Пристально смотрю на нее, пытаюсь понять, правда это или ложь, но с таким же успехом можно рассматривать туман под микроскопом. Эвелина так долго всех обманывала, что, даже если она и скажет правду, я не отличу ее от лжи.

– У меня есть только подозрения. Мне нужны неоспоримые доказательства. Поэтому я прошу вас не отказываться от задуманного.

– Вы с ума сошли! – восклицает она и тут же понижает голос, потому что все оборачиваются к нам. – После всего, что вы мне рассказали?

– Ваша жизнь в опасности, пока ваши враги не удостоверятся, что добились своего.

– Я уеду за сотни миль отсюда, там они до меня не доберутся.

– А как вы туда попадете? Может быть, среди заговорщиков – ваш кучер или еще кто-то из слуг. Слухи мгновенно разлетаются по Блэкхиту, и, как только убийцам станет известно, что вы уезжаете, вас немедленно убьют. Сбежать вам не удастся. Поверьте, я могу раскрыть их преступные планы, но для этого мне нужно, чтобы вы мне подыграли. Наведите на себя револьвер и на полчаса притворитесь мертвой. Может быть, таким образом вы избавитесь от необходимости заключать ненавистный союз с Рейвенкортом.

Она прикладывает ладонь ко лбу, закрывает глаза, задумывается.

– Я в безвыходном положении, – наконец произносит она тихим, опустошенным голосом. – Что ж, я исполню вашу просьбу. Но сначала ответьте, почему вы решили мне помочь, мистер Раштон?

– Я полицейский.

– Да, но вы не святой. Никто другой добровольно в такое не ввяжется.

– Считайте, что я делаю это ради Себастьяна Белла.

Ее лицо смягчается.

– Ради Белла? А он как в этом замешан?

– Пока не знаю, но вчера вечером на него напали. Вряд ли это простое совпадение.

– Возможно. И почему вас это волнует?

– Он хочет измениться в лучшую сторону. Обитателям Блэкхита такое желание несвойственно. Я им восхищаюсь.

– И я тоже. – Она окидывает меня оценивающим взглядом. – Ладно, объясните, что я должна делать. Только дайте слово, что я буду в безопасности. Моя жизнь в ваших руках, но без гарантий я на это не согласна.

– Однако вы готовы положиться на мое слово?

– Вся моя жизнь прошла среди бесчестных людей. Вы не из таких. Ну что, дадите мне слово?

– Да.

– Тогда принесите мне что-нибудь выпить. Для храбрости.

– Без храбрости вам не обойтись. Вам придется подружиться с Джонатаном Дарби. У него есть серебристый пистолет, который нам очень нужен.

51

Всех приглашают на ужин, гости рассаживаются за столом, а я прячусь в кустах у пруда. Еще рано, но я должен первым успеть к Эвелине, когда она упадет в пруд. Нельзя допустить, чтобы прошлое меня подвело.

С листьев срываются капли дождя, холодят кожу.

Поднимается ветер. Ноги сводит судорога.

Я меняю позу и только сейчас вспоминаю, что целый день ничего не ел, а мне предстоит непростой вечер. Голова кружится, словно в ней собрались все мои предыдущие воплощения. Их воспоминания теснятся в мозгу, давят невыносимым грузом. Меня терзают их желания, мучают их боли, пугают их страхи. Я уже не человек, а нестройный хор чужих голосов.

Не замечая меня, из особняка выходят двое слуг, несут вязанки дров для жаровен и керосиновые лампы. В жаровнях вспыхивает огонь, прокладывает пылающую тропу сквозь темноту. Последняя жаровня стоит рядом с теплицей. Языки пламени отражаются в стеклянных стенах, и кажется, что в теплице полыхает пожар.

Завывает ветер, хлещет дождь, в окнах Блэкхита загораются огоньки по мере того, как гости следуют из обеденного зала в спальни, а потом направляются в бальную залу, где на сцену поднимаются музыканты. Слуги распахивают двери в сад, из залы выплескивается музыка, волной несется к лесу.

– Вот теперь вы видите их так же, как и я, – негромко произносит Чумной Лекарь. – Все они – актеры, день за днем играющие один и тот же спектакль.

Он стоит у меня за спиной, полускрытый деревьями и кустарником. В неверных отблесках жаровни маска словно бы парит во мгле, как душа, стремящаяся к небесам.

– Вы рассказали лакею об Анне? – шепотом спрашиваю я, с огромным трудом сдерживаясь, чтобы не вцепиться ему в горло.

– Они меня не интересуют, – равнодушно отвечает он.

– Я вас видел! Сначала у сторожки, с Даниелем, а потом у озера. А теперь Анна пропала. Вы сказали лакею, где она?

В голосе Чумного Лекаря впервые слышна растерянность:

– Уверяю вас, меня там не было, мистер Слоун.

– Я вас видел, – настаиваю я. – Вы с ним разговаривали.

– Это был не я... – Он умолкает, а потом задумчиво произносит: – Ах вот в чем дело... А я не мог понять, откуда ему так много известно...

– Даниель лгал мне с самого начала, а вы меня не предупредили.

– Я не имею права вмешиваться. Вдобавок я знал, что рано или поздно вы обнаружите обман.

– А почему тогда вы рассказали ему об Анне?

– Думал, вы ему не скажете.

Музыка резко обрывается. Я смотрю на часы: почти одиннадцать. Майкл Хардкасл спрашивает гостей, не видел ли кто его сестру. Под стеной особняка едва заметно шевелится мгла – это по просьбе Анны Дарби встает у камня.

– Честное слово, мистер Слоун, в лесу меня не было, – настаивает Чумной Лекарь. – Чуть позже я вам все объясню, а пока мне самому надо кое-что расследовать.

Он быстро уходит, оставив меня наедине с вопросами. В другом воплощении я наверняка бы помчался за ним, но Раштон не привык совершать необдуманные поступки. Сейчас меня беспокоит только Эвелина. Отбрасываю все мысли о Чумном Лекаре и подкрадываюсь поближе к пруду. К счастью, дождь так измучил ветви и листву, что они даже не вздыхают под ногами.

Эвелина, всхлипывая, бредет по тропинке, взглядом ищет меня среди деревьев. Заметно, что она испугана и дрожит всем телом. Очевидно, она уже приняла расслабляющий препарат, потому что слегка пошатывается при ходьбе, будто движется в такт призрачной музыке, слышной ей одной.

Я шуршу кустами, давая ей знак, но под действием лекарств у нее мутится в глазах, и она не замечает меня в темноте. Тем не менее она упрямо идет вперед. Серебристый пистолет поблескивает в правой руке, а стартовый пистолет в левой прижат к боку, чтобы его не было видно издали.

Да, храбрости ей не занимать.

Эвелина подходит к самому краю пруда и замирает. Я знаю, что произойдет дальше, и внезапно мне становится страшно. Может быть, серебристый пистолет теперь для нее слишком тяжел? Может быть, ей невыносим наш замысел?

– Господи, помоги, – шепчет она, направляет дуло серебристого пистолета в живот и нажимает на спусковой крючок стартового пистолета.

Грохот выстрела раскалывает тишину. Стартовый пистолет выскальзывает из руки Эвелины в чернильную мглу пруда, а серебристый пистолет падает на траву.

По платью расплывается кровавое пятно.

Эвелина изумленно глядит на него и ничком валится в воду.

Я цепенею, скованный непонятной тоской. Выстрел и выражение лица Эвелины, перед тем как она упала, всколыхнули во мне какое-то давнее воспоминание.

«Сейчас не время для этого».

Воспоминание так близко, но ухватить его я не могу. Перед глазами почти всплывает чье-то лицо, в ушах почти звучит чей-то голос. Женщина, которую я не сумел уберечь. Из-за которой я приехал в Блэкхит, чтобы... Чтобы что?

– Зачем я здесь? – выдыхаю я, пытаюсь высвободить воспоминание из цепких объятий мрака.

«Надо помочь Эвелине, она захлебнется!»

Моргаю, гляжу на пруд. Эвелина ничком распростерлась на поверхности. Боль сменяется паникой, я вскакиваю, перепрыгиваю через кусты, бросаюсь в ледяную воду. Намокшее платье Эвелины обволакивает ее тяжелой, неподъемной сетью, дно пруда покрыто скользкой тиной.

Мне не во что упереться.

В бальной зале поднимается суматоха. Дарби дерется с Майклом Хардкаслем, отвлекает внимание от умирающей Эвелины.

Над головой вспыхивает фейерверк, окрашивает все в красные, лиловые, желтые и оранжевые цвета.

Хватаю Эвелину за талию, выволакиваю из воды на траву.

Валюсь в грязь, перевожу дух, проверяю, выполняет ли Каннингем мою просьбу – вцепиться в Майкла и не выпускать.

Каннингем делает все, как полагается.

Наш план срабатывает. Почти без моего участия. Давнее воспоминание меня едва не парализовало. Другая женщина, другая смерть. А всему виной страх на лице Эвелины. Я узнал этот страх. Я уверен, что именно из-за него приехал в Блэкхит.

Ко мне подбегает доктор Дикки. Он запыхался, еле дышит, с ужасом смотрит, как испаряется его состояние. Эвелина сказала, что ему заплатили за подделку свидетельства о смерти. Старый вояка основал целую преступную империю.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Она застрелилась, – говорю я и вижу, как лицо доброго доктора озаряет надежда. – Я все видел, но помешать ей не успел.

– Не корите себя. – Он хлопает меня по плечу. – Ступайте, выпейте глоток бренди, а я тем временем ее осматрю. Не волнуйтесь.

Он опускается на колени рядом с телом. Я поднимаю серебристый пистолет и направляюсь к Майклу, которого все еще крепко держит Каннингем. Гляжу на них, и даже не верится, что Каннингеми это удалось. Невысокий и коренастый Майкл похож на быка; руки Каннингема оплетают его, будто лассо. Майкл пытается вырваться, но лассо затягивается все туже, тут не поможет ни лом, ни долото.

– Примите мои искренние соболезнования, мистер Хардкасл, – сочувственно произношу я, касаясь его руки. – Ваша сестра покончила с собой.

Он тут же обмякает, на глаза наворащаются слезы, взгляд устремлен на пруд.

– Не может быть! Она жива...

– Увы, доктор засвидетельствовал смерть. – Я достаю из кармана серебристый пистолет, вручаю его Майклу. – Она застрелилась из этого оружия. Вам оно знакомо?

– Нет.

– Ну, пусть пока будет у вас. Слуги отнесут тело в оранжерею, подальше от... – Я обвожу рукой толпу гостей. – Подальше от всех. Я предоставлю вам возможность проститься с сестрой наедине.

Он недоуменно глядит на пистолет, словно это какое-то загадочное изобретение из далекого будущего.

– Мистер Хардкасл?

Он мотает головой, пустые глаза смотрят на меня.

– Да-да, конечно. – Он сжимает пистолет. – Благодарю вас, инспектор.

– Я простой констебль, сэр, – напоминаю я и жестом подзываю Каннингема. – Чарльз, будьте добры, проводите мистера Хардкасла в оранжерею. Подальше от гостей.

Кивнув, Каннингем приобнимает Майкла за пояс и уводит его в особняк. В который раз я с облегчением думаю, что мне повезло: камердинер на моей стороне. Печально гляжу ему вслед, потому что мы больше не увидимся. Несмотря на его недоверие и уклончивость, за эту неделю я к нему очень привязался.

Дикки завершает осмотр и медленно встает. Под его наблюдением слуги укладывают тело на носилки. Доктор облачен в напускную скорбь, как в поношенный костюм. Не понимаю, почему я этого раньше не замечал. Это убийство похоже на пантомиму, даже слышно, как шелестят складки театрального занавеса.

Эвелину уносят. Под проливным дождем я бегу к оранжерее, в дальний конец особняка, проскальзываю в дверь, которую нарочно оставил открытой, и прячусь за китайской ширмой. С портрета над камином на меня глядит бабушка Эвелины. В дрожащем свете свечей кажется, что она улыбается. Может быть, ей известно то, что знаю я. Может быть, она всегда это знала и день за днем была вынуждена смотреть, как мы тычемся по углам, будто слепые котята, не подозревая об истинном положении дел.

Теперь понятно, отчего раньше у нее было такое презрительное выражение лица.

Дождь стучится в окна. Слуги бережно вносят носилки, стараясь не потревожить тело, накрытое пиджаком Дикки. Они перекладывают труп на стол, почтительно прижимают кепки к груди, а потом выходят в сад, закрыв за собой двери.

Я провожаю их взглядом, замечаю свое отражение в стекле: руки в карманах, на смышленном лице Раштона – неколебимая уверенность.

Мне лжет даже мое отражение.

Первое, что отобрал у меня Блэкхит, – это уверенность.

Дверь распахивается. Сквозняк из коридора колышет огоньки свечей. Сквозь щелки складной ширмы вижу бледного, дрожащего Майкла. Он в изнеможении приваливается к двер-

ной раме, в глазах блестят слезы. У него за спиной Каннингом, украдкой взглянув на ширму, закрывает дверь в оранжерею, а сам остается в коридоре.

Майкл оглядывается и, уверившись, что в оранжерее больше никого нет, сбрасывает притворное горе. Плечи его распрямляются, взгляд из скорбного становится жестким, хищным. Майкл подходит к телу Эвелины, осматривает окровавленный живот и, не обнаружив пулевого ранения, что-то бормочет.

Он проверяет, заряжен ли серебристый пистолет, который я дал ему у пруда, недоуменно хмурится: ведь у Эвелины должен быть черный револьвер. Наверное, Майкл не понимает, что заставило ее изменить план.

Убедившись, что она жива, он нервно тербит губу и взвешивает пистолет на ладони. Насупившись, смотрит на него, грызет ногти, будто обдумывает какие-то сложные вопросы, а потом отходит в угол комнаты. Я осторожно выглядываю из-за ширмы. Майкл берет с кресла вышитую подушку, кладет Эвелине на живот – видимо, чтобы заглушить звук выстрела, и вдавливая в нее дуло пистолета.

А после этого, без малейшего промедления, отворачивается и нажимает на спусковой крючок.

Пистолет щелкает. Майкл пытается выстрелить еще раз – безуспешно. Я выхожу из-за ширмы и говорю:

– Ничего не выйдет. Я спилил боек.

Майкл не оборачивается. Не выпускает пистолета из рук.

– Инспектор, не вмешивайтесь, – дрожащим голосом произносит он. – Я ее убью, и вы станете очень богатым человеком.

– Нет, я не позволю вам ее убить. И как я уже говорил, я – простой констебль.

– Пока еще констебль, – многозначительно говорит он.

Он дрожит, но все еще упирает дуло пистолета в живот Эвелины. Я обливаюсь потом, напряженная атмосфера сгущается, ее можно черпать горстями.

– Мистер Хардкасл, бросайте оружие и повернитесь ко мне. Медленно.

– Не бойтесь, инспектор. – Он швыряет пистолет в цветочный горшок и поворачивается, подняв руки вверх. – Я никому не желаю зла.

– Не желаете зла? – переспрашиваю я, удивленный его печальным тоном. – Вы только что пытались всадить в сестру пять пуль.

– Это было бы добрым деянием.

Не опуская рук, он указывает на кресло у шахматной доски, где я впервые познакомился с Эвелиной:

– Разрешите присесть? У меня кружится голова.

– Да-да, конечно, – говорю я, не спуская с него взгляда.

Он садится в кресло. Я немного опасаюсь, что он метнется к двери, но, похоже, на это у него не хватит сил. Бледное лицо искажено болезненной гримасой, руки безвольно опущены, ноги вытянуты. Судя по всему, все силы он потратил на то, чтобы нажать на спусковой крючок.

Ему было невыносимо трудно пойти на убийство.

Даю ему успокоиться, подтягиваю к окну еще одно кресло, усаживаюсь напротив Майкла.

– Как вы узнали, что я задумал? – спрашивает он.

– Из-за револьверов, – отвечаю я, поудобнее устраиваясь в кресле.

– Из-за револьверов?

– Рано утром из спальни вашей матери забрали пару черных револьверов. Один оказался у Эвелины, второй – у вас. Я не мог сообразить почему.

– Простите, я все равно не понимаю хода ваших рассуждений.

– Очевидно, что Эвелина решила украсть револьвер либо потому, что догадывалась о грозящей ей опасности – нелепое объяснение, если она действительно подумывала о само-

убийстве, – либо потому, что собиралась из него застрелиться. Поскольку это вполне резонная причина, непонятно, зачем ей потребовались два револьвера, ведь для самоубийства вполне достаточно одного.

– И что же из этого следует?

– В общем, ничего. Но потом Дэнс увидел револьвер у вас, на охоте. Это было поистине странным. Донельзя расстроенная женщина, замышляющая самоубийство, тем не менее помнит о том, что брат не любит охотиться, и крадет для него второй револьвер?

– Моя сестра меня очень любит.

– Возможно. Однако же вы сказали Дэнсу, что только к обеду приняли решение пойти на охоту. А револьверы пропали из спальни рано утром, когда об охоте вы не думали. То есть Эвелине второй револьвер был не нужен. Когда я узнал, что она намерена инсценировать самоубийство, то понял, что вы мне солгали. И все стало на свои места. Эвелина не похищала револьверы из спальни вашей матери. Их взяли вы. Один оставили себе, а второй дали сестре как реквизит для вечерней инсценировки.

– Эвелина призналась вам в своих намерениях? – с сомнением в голосе спрашивает он.

– Почти. Она объяснила, что вы согласились ей помочь и должны были вытащить ее из пруда на берег, как и подобает любящему брату. Тогда мне и стало ясно, что вы намерены совершить идеальное преступление, для чего вам и понадобились два револьвера. Прежде чем вытащить сестру из пруда, вы собирались выстрелить ей в живот, а грохот фейерверков замаскировал бы звук второго выстрела. Оружие убийства вы выбросили бы в пруд, а пуля подошла бы к парному револьверу, оброненному Эвелиной в траву. Убийство, замаскированное под самоубийство. Великолепный замысел!

– Вот почему вы заменили револьвер на серебристый пистолет, – размышляет он вслух. – Вы хотели, чтобы я изменил свой план.

– Мне надо было заманить вас в ловушку.

– Замечательная мысль! – говорит он, аплодируя.

– Не очень, – отвечаю я, удивленный его спокойствием. – Все равно не понимаю, как вы на это решились. Мне многие рассказывали о том, как вы с Эвелиной близки, какую привязанность питаете друг к другу. Неужели все это ложь?

Он гневно выпрямляется в кресле.

– Я обожаю сестру, – восклицает он, буравя меня взглядом. – Ради нее я готов на все. Поэтому она и обратилась ко мне за помощью. Поэтому я и согласился ей помочь.

Его реакция необъяснима. Мой замысел основывался на совершенно ином толковании событий. Я полагал, что Хелена Хардкасл заставила Майкла убить сестру, а сама подстроила что-то еще. В очередной раз я убеждаюсь, что неверно истолковал доступную мне информацию.

– Если вы любите сестру, то почему решились на предательство?

– Потому что ее план безнадежен. – Он раздраженно хлопает по подлокотнику. – У нас нет денег на оплату фальшивого свидетельства о смерти. Да, Дикки сначала согласился нам помочь, но вчера Кольридж узнал, что доктор собирается рассказать отцу обо всем. Понятно теперь? В конце концов Эвелина очнулась бы все в том же Блэкхите, откуда она так отчаянно стремилась сбежать.

– А вы ей об этом сказали?

– Нет, – сокрушенно признается он. – У нее был один-единственный шанс на освобождение, на счастливую жизнь. Я не хотел ее разочаровать.

– Но ведь проще было убить Дикки.

– Вот и Кольридж посоветовал то же самое. А когда бы я это сделал? Дикки намеревался выписать фальшивое свидетельство о смерти и сразу же пойти к отцу. – Майкл качает головой. – Мне ничего другого не оставалось.

На столике у кресла стоят два бокала виски, один выпит наполовину, со следами помады на стекле, а второй почти пуст. Майкл тянется к бокалу, испачканному помадой.

– Я выпью, с вашего позволения, – с запинкой произносит он. – Мы с Эвелиной пригубили перед балом. Вроде как на счастье и за удачу.

Раштон сразу понимает, что Майкл запинаясь не от сожаления, а от страха.

– Да, конечно, – кивает он.

Майкл берет бокал, делает большой глоток виски, унимает дрожь в руках.

– Я хорошо знаю сестру, – хрипло говорит он. – Она с детства не выносит, когда ее к чему-то принуждают. Она не вынесла бы унижительного брака с Рейвенкортом, зная, что ее выставят на посмешище. И готова была на все, лишь бы этого избежать. Выйдя замуж за Рейвенкорта, она бы страдала всю жизнь. Я хотел избавить ее от страданий.

На щеках Майкла вспыхивают алые пятна румянца, зеленые глаза стекленеют. Во взгляде сквозит такая искренняя печаль, что я ему почти верю.

– И разумеется, дело не в деньгах, – добавляю я.

Он недовольно морщится.

– Эвелина упомянула, что родители собирались лишить вас наследства, если она откажется выйти замуж за Рейвенкорта, – напоминаю я. – Они сыграли на ее привязанности к вам, и это сработало. Она приехала в Блэкхит ради вас. Интересно, пошла бы она на это, если бы знала, что ее план провалится? А смерть Эвелины всех устраивает.

– Инспектор, взгляните сами! – Майкл обводит рукой оранжерею. – Неужели вы и впрямь думаете, что я решил убить ее ради всего этого?

– А теперь, когда отец наконец-то прекратит транжирить фамильное состояние, ваше положение значительно улучшится.

– Отец ничего другого не умеет, – презрительно фыркает Майкл и одним глотком опустошает бокал.

– Поэтому вы его убили?

Гримаса не сходит с его лица. Он бледнеет еще больше, поджимает губы.

– Я обнаружил его труп, Майкл. Мне известно, что вы отравили отца, скорее всего, когда пришли объявить ему о начале охоты. Вы составили записку, якобы от Эвелины. А для верности оставили под окном отпечаток женского ботинка.

На лице Майкла появляется неуверенное выражение.

– Или это не ваших рук дело? – медленно говорю я. – Может быть, это Фелисити все устроила? Признаюсь, с ней я еще не разобрался. Или в этом замешана ваша мать? Кстати, где она, Майкл? Или вы ее тоже убили?

Он потрясенно распахивает глаза, роняет стакан на пол.

– Вы намерены все отрицать? – спрашиваю я, внезапно усомнившись в своих рассуждениях.

– Нет... я...

– Где ваша мать, Майкл? Это она толкнула вас на убийство?

– Она... я...

Я не сразу понимаю, что запинаящаяся речь и прерывистые вздохи – не свидетельство раскаяния, не попытка подобрать нужные слова. Только когда Майкл судорожно цепляется за подлокотник, а с губ течет белая пена, я соображаю, что его отравили.

Я встревоженно вскакиваю с кресла, но не знаю, что делать.

– Помогите! – кричу я.

Майкл неестественно выгибает спину, напрягается всем телом, глаза наливаются кровью. Он хрипит и ничком валится на пол. У меня за спиной раздается какой-то шум. Оборачиваюсь. На столе бьется в судорогах Эвелина, на губах пузырится белая пена слюны.

Дверь распахивается. Каннингем изумленно глядит на меня.

– Что происходит? – спрашивает он.

– Их отравили! – кричу я. – Позовите Дикки.

Каннингем исчезает, даже не дослушав. Я хватаюсь за голову, беспомощно гляжу на содрогающиеся тела. Эвелина дергается, как одержимая, сжатые зубы Майкла крошатся.

«У вас же есть противоядие!»

Достаю из кармана три флакона, украденные днем из сундука Белла. Перечитываю записку, хотя знаю, что это не поможет, – в ней нет указаний, что делать. Предположительно, надо смешать препараты, но мне неизвестна точная дозировка. Не знаю даже, хватит ли противоядия на двоих.

– Кого спасать? – Я перевожу взгляд с Майкла на Эвелину.

«Майкл что-то скрывает».

– Я обещал спасти Эвелину!

Эвелина резко выгибается, падает со стола. Судороги Майкла не прекращаются, глаза закатились, белки страшно блестят.

– Черт возьми!

Подбегаю к барной стойке, высыпаю в бокал содержимое трех флаконов, добавляю воды из кувшина, перемешиваю. Спина Эвелины выгнута дугой, пальцы цепляются за толстый ворс ковра. Запрокидываю голову Эвелины, вливаю ей в рот пенящуюся жидкость. За спиной звучат предсмертные хрипы Майкла.

Судороги Эвелины внезапно прекращаются. Из уголков глаз струится кровь. Эвелина нутно вытягивает воздух. Я с облегчением вздыхаю, касаюсь жилки на ее шее, проверяю пульс – лихорадочный, но сильный. Она выживет. А Майкл – нет.

Виновато гляжу на него. Труп Майкла выглядит точно так же, как труп его отца. Очевидно, обоих отравили стрихнином, полученным от Себастьяна Белла. Наверное, стрихнин подмешали в виски. В бокал Эвелины. Из которого она отпила несколько глотков, если судить по времени действия яда. Майкл выпил все сразу. Знал ли он, что в бокале яд? Скорее всего, нет, иначе не встревожился бы, почувствовав неладное.

Нет, в этом повинен неизвестный отравитель.

«В Блэкхите еще один убийца».

– Кто? – взволнованно спрашиваю я самого себя. – Фелисити? Хелена Хардкасл? С кем мог сговориться Майкл? Или он ничего об этом не знал?

Эвелина понемногу приходит в себя. Противоядие действует быстро, хотя она еще очень слаба. Ее пальцы бессильно касаются моей руки, с губ слетают невнятные звуки.

Я наклоняюсь к ней.

– Я не... – Она тяжело сглатывает. – Миллисент... убили.

Она тянется к горлу, вытаскивает из-под платья цепочку, на которую надет перстень с фамильным гербом Хардкаслов.

Я недоуменно моргаю.

– Надеюсь, теперь вам известно все, что нужно, – звучит у двери в сад. – Только вам это не поможет.

Оборачиваюсь и вижу, как из темноты выступает лакей. Он похлопывает ножом по ноге, обнаженный клинок поблескивает в свете свечей. Красно-белая ливрея усеяна пятнами жира и грязи, как будто из-под ткани сочится его гнусное естество. У пояса болтается пустой холщовый мешок. Я с ужасом вспоминаю, как он бросил окровавленный мешок к ногам Дарби и что-то влажно хлопнуло, ударившись о землю.

Смотрю на часы. Дарби сейчас греется у жаровни, дожидается, пока не разойдутся гости. Мешок лакея уготован Раштону.

Лакей ухмыляется, плотоядно сверкает глазами:

– Убивать мне еще не надоело, и не надейтесь.

Серебряный пистолет валяется в цветочном горшке. Для стрельбы пистолет не годится, но лакей этого не знает. Если дотянуться до пистолета, то лакей испугается и сбежит. Дело рискованное, но между нами стол. Может быть, мне повезет.

– Торопиться мне некуда... – Лакей осторожно ощупывает разбитый нос. – Я с вами за это посчитаюсь.

Раштон не из пугливых, но сейчас ему очень страшно, и мне тоже. У меня осталось всего два воплощения: Грегори Голд весь день проведет связанный, в сторожке, а Дональд Дэвис застрел где-то на дороге, за много миль отсюда. Если я сейчас умру, то вряд ли у меня останется шанс выбраться из Блэкхита.

– А пистолетик вам не понадобится, – говорит лакей.

Во мне вспыхивает искра надежды – и угасает, как только я замечаю его довольную ухмылку.

– Да-да, красавчик, я вас убью, – заявляет он, поигрывая ножом. – Вот только сопротивляться вы не станете. – Он подступает ближе. – Дело в том, что я поймал Анну. Если не хотите, чтобы я ее замучил до смерти, сдавайтесь немедленно. А потом приведете на кладбище всех, кто еще остался.

Он разжимает кулак, показывает мне окровавленную шахматную фигуру и небрежно швыряет ее в камин, где она тут же сгорает дотла.

Он делает еще шаг:

– Ну, что делать будем?

Я цепенею, во рту пересыхает. Раштон всегда знал, что умрет молодым. В темном переулке или на поле боя, в безвыходной ситуации, там, где нет ни света, ни тепла, ни дружбы, ни любви. Он понимал, что балансирует на грани, и смирился со своей участью, но надеялся умереть с честью, доблестно сражаясь до последней капли крови, пусть даже и в самой безнадежной ситуации.

А лакей лишает его даже этого. Придется умереть позорно, без борьбы.

– Отвечайте! – нетерпеливо требует лакей.

Я не могу произнести ни слова, не могу признать поражение. Я так близок к разгадке, что мне хочется кричать от бессильной злобы.

– Отвечайте! – настаивает лакей.

Я с трудом киваю. Он нависает надо мной, обволакивает меня зловонным дыханием и вонзает клинок мне под ребра. Кровь клокочет в горле, заполняет рот.

Он приподнимает мне голову, глядит в глаза.

– Осталось только двое, – говорит он и рывком поворачивает клинок.

52

День третий (продолжение)

Дождь барабанит по крыше, копыта цокают по брусчатке. Я в карете, на сиденье напротив – две дамы в бальных платьях. Они перешептываются, сталкиваясь плечами, когда карета раскачивается на рессорах.

«Не выходите из кареты».

Меня пробирает озноб. Вот об этом и предупреждал Голд. Вот от этого у него и помутился рассудок. Где-то там, в темноте, поджидает лакей с ножом.

– Одри, он проснулся, – говорит дама, заметив, что я открываю глаза.

Вторая дама наклоняется ко мне, кладет руку на колено, обращается громко, как к глухому:

– Мы нашли вас, спящего, на обочине. А ваш автомобиль в нескольких милях отсюда. Кучер попытался его завести, но ничего не вышло.

– Меня зовут Дональд Дэвис, – с невероятным облегчением говорю я.

В этой ипостаси я всю ночь гнал автомобиль к деревне, а когда кончился бензин, бросил машину и пошел пешком. До деревни я так и не добрался, в изнеможении упал посреди дороги. Судя по всему, Дэвис проспал весь день, что спасло его от лакея.

Чумной Лекарь предупредил меня, что я воплощусь в Дэвиса, когда тот проснется. Я не ожидал, что это произойдет в карете, в присутствии добросердечных дам, подобравших его на дороге.

Наконец-то мне повезло!

– Ах вы красавица! – Я беру ее лицо в ладони, целую прямо в губы. – Вы и не представляете, как вы мне помогли.

Не дожидаясь ответа, высовываю голову в окно. Смеркается. Фонари на карете раскачиваются, освещают темноту. По дороге к особняку едут три экипажа, десяток уже стоит на обочине, кучера подремывают на козлах или собираются небольшими группами, переговариваются, курят. Из особняка доносится музыка и звонкий смех. Бал в полном разгаре.

Меня переполняет надежда.

Эвелина еще не вышла к пруду – значит, у меня есть время вывести у Майкла, с кем он в сговоре. А если нет, то я подстерегу лакея, когда он придет в оранжерею к Раштону, и узнаю, где он прячет Анну.

«Не выходите из кареты».

– Через несколько минут прибудем в Блэкхит, миледи, – кричит кучер.

Снова выглядываю из окна. Особняк прямо перед нами, дорога вправо ведет к конюшне. Там хранятся охотничьи ружья. Без оружия с лакеем не справиться.

Распахиваю дверцу кареты, соскакиваю на землю, оскальзываясь на мокрой брусчатке, падаю. Дамы визжат, кучер орет, а я встаю и, пошатываясь, бреду к огонькам вдали. Чумной Лекарь предупреждал, что череда событий зависит от характера человека, в которого я воплощаюсь. Хочется верить, что он не соврал и что судьба мне благоволит, потому что если я не прав, то нам с Анной несдобровать.

При свете жаровен грумы распрягают лошадей, уводят их в стойла. Мальчишки работают проворно, сноровисто, но видно, что у них не остается сил даже на разговоры. Подхожу к пареньку в насквозь промокшей холщовой рубаше с закатанными рукавами.

– Где тут у вас ружья? – спрашиваю я.

Сцепив зубы от напряжения, он подтягивает сбрую, пытается защелкнуть застежку, щурит на меня глаза из-под козырька кепки.

– Так ведь поздновато уже на охоту, – заявляет он.

– А не рановато ли дерзишь? – надменно бросаю я, отпрыск благородного семейства. – Где ружья? Или ждешь, что за ними лорд Хардкасл сам придет?

Он оглядывает меня с головы до ног, кивает куда-то за плечо, на кирпичный сарайчик, в котором тускло светится окно. Там на козлах сложены ружья, в ящике лежат коробки патронов. Беру ружье, заряжаю, засовываю в карман пригоршню патронов.

От тяжелого ружья веет леденящей храбростью. Пересекаю двор, направляюсь к Блэкхиту. Мальчишки на конюшенном дворе переглядываются, уступают мне дорогу. Наверное, думают, вот, мол, еще один богатый чудак решил свести с кем-то счеты, лучше с ним не связываться. А завтра утром по особняку поползут слухи. Ну и хорошо. Если бы они подошли поближе, то увидели бы, что в моих глазах теснятся все прошлые воплощения. Лакей со всеми расправился, и теперь они жаждут мести. Голова гудит от их голосов, мешает думать.

Посреди дороги раскачивается одинокий огонек, приближается ко мне. Я крепче сжимаю ружье.

– Это я, – кричит Даниель, перекрывая шум дождя.

В руке у него керосиновая лампа, восковой свет озаряет лицо и плечи. Даниель похож на джинна, высунувшегося из бутылки.

– Пойдемте быстрее, лакей на кладбище, – говорит Даниель. – Он привел туда Анну.

«Он все еще думает, что мы не знаем о его обмане».

Незаметно поглаживая ружье, гляжу на особняк, пытаюсь сообразить, что делать дальше. Наверное, Майкл сейчас в оранжерее, но я уверен, что Даниелю известно, где лакей прячет Анну, так что, может быть, я смогу у него это выведать. Две дороги, два конца – но лишь одна ведет в будущее.

– У нас один-единственный шанс, – говорит Даниель, прикрывая глаза от дождя. – Мы такого и ждали. Лакей на кладбище, затаился и ждет. Он не знает, что мы встретились. Вдвоем мы с ним справимся.

Я так долго боролся за свое будущее, так упорно старался изменить день. А сейчас, когда мне это удалось, осознаю всю тщету своих метаний. Я спас Эвелину, остановил преступные замыслы Майкла, но это бессмысленно, если мы с Анной не доживем до одиннадцати вечера, чтобы назвать Чумному Лекарю имя убийцы. Сейчас мне приходится принимать решения вслепую, наобум, и теперь, когда у меня осталось только одно воплощение, кроме этого, от моего выбора зависит все.

– А если не справимся? – кричу я.

Струи дождя с оглушительным грохотом разбиваются о камни, ветер завывает в лесу, как дикий зверь, вырвавшийся из клетки.

– У нас нет другого выбора! – кричит Даниель, сжимая мне загривок. – Зато у нас есть план. Это дает нам преимущество. Им надо воспользоваться.

Вспоминаю, как при первой встрече Даниель произвел на меня впечатление спокойного, терпеливого и рассудительного человека. Все это исчезло, будто смытое непрерывным блэкхитским дождем. У Даниеля взгляд безумца или фанатика – умоляющий, отчаянный, бешеный. Для него, как и для меня, наступил решающий момент.

Даниель прав. Надо положить этому конец.

– Который час? – спрашиваю я.

– А какая разница? – недоумевает он.

– Потом разберемся. Скажите, который час.

Он нетерпеливо смотрит на часы:

– Сорок шесть минут десятого. Ну что, пойдем уже?

Я киваю и иду за ним по лужайке.

Когда мы подходим к кладбищу, звезды трусливо закрывают глаза; в тусклом свете керосиновой лампы Даниель распахивает калитку. Здесь деревья служат нам защитой от бури, но

колкие порывы студеного ветра пробиваются сквозь них, как кинжалы сквозь щели в доспехах леса.

– Давайте спрячемся, – шепчет Даниель, вешая фонарь на воздетую руку ангела. – Окликнем Анну из укрытия.

Я вскидываю ружье к плечу, упираю оба дула в затылок Даниелю.

– Не притворяйтесь. Я знаю, что вы не моя ипостась. – Я озираюсь, высматриваю лакея среди деревьев; свет фонаря не помогает, а, наоборот, мешает. – Руки вверх. А теперь поворачивайтесь. Медленно, – приказываю я.

Он повинует, смотрит на меня, изучает, разбирает по косточкам, ищет надлом. Не знаю, находит или нет, но после долгого молчания симпатичное лицо озаряет очаровательная улыбка.

– Что ж, вечно продолжаться так не могло, – говорит он, вопросительно указывая на свой нагрудный карман.

Я согласно киваю. Он вытаскивает портсигар, вытряхивает сигарету на ладонь.

Я пошел с Даниелем на кладбище, чтобы выложить все начистоту, потому что не хотел больше жить в страхе, постоянно оглядываясь, постоянно ожидая очередного подвоха. Но сейчас его спокойствие лишает меня уверенности в себе.

– Даниель, где она? Где Анна?

– Вот как раз об этом я и хотел вас спросить. – Он сжимает сигарету губами. – Где же Анна? Я весь день пытаюсь у вас это выяснить. Думал, что мне это удастся, когда уговорил Дарби помочь мне выманить лакея из потайного хода. Видели бы вы, как этот паршивец обрадовался. Он так хотел мне угодить!

Прикрывая ладонями зажженную спичку, он прикуривает с третьей попытки. Крошечный огонек освещает лицо с пустыми, как у статуи, глазами. Я держу Даниеля под прицелом, но он не обращает на это внимания.

– Где лакей? – спрашиваю я; ружье уже оттягивает руки. – Я знаю, вы с ним заодно.

– Ничего подобного. Вы заблуждаетесь. – Он небрежно взмахивает сигаретой. – Лакей совсем не такой, как вы, я или Анна. Он – подельник Кольриджа, в особняке их несколько. Как вам известно, Кольридж проворачивает сомнительные делишки, и приятели у него тоже сомнительные. Так называемый лакей – на самом деле самый сметливый из них. Я объяснил ему, что происходит в Блэкхите. Он мне наверняка не поверил, но убивать – его профессия, поэтому он и глазом не моргнул, когда я навел его на ваши ипостаси. По-моему, убийство доставляет ему удовольствие. Вдобавок с моей помощью он стал очень богатым человеком.

Даниель выдувает дым через нос, улыбается, будто мы с ним обменялись удачной шуткой. Он держится уверенно, как человек, привыкший жить среди знамений и предчувствий. А у меня трясутся руки и бешено колотится сердце. Он что-то задумал, и, пока я не разузнаю, что именно, мне остается только ждать.

– А вы такой же, как Анна? – спрашиваю я. – Живете один день, а потом все забываете и начинаете заново?

– Несправедливо, правда? А вот у вас восемь жизней и восемь дней. Вы осыпаны дарами. Интересно, почему?

– Неужели Чумной Лекарь вам обо мне не все рассказал?

Он снова улыбается. Меня пробирает озноб.

– Даниель, зачем вы так? – спрашиваю я и сам удивляюсь своему огорчению. – Мы же могли помочь друг другу.

– А вы мне и так помогли, дружище. С вашей помощью я заполучил обе записные книжки Стэнуина. Если бы Дарби не обыскал его спальню, то у меня была бы только одна и я не нашел бы ответа на вопрос. Так что через два часа я приду к озеру, расскажу все, что узнал, и выберусь из этого проклятого места. Вам есть чем гордиться, ведь это ваша заслуга.

По грязи хлюпают шаги. Щелкает взведенный курок, мне в спину упирается ружейный ствол. Мимо меня протискивается какой-то тип, встает рядом с Даниелем. В отличие от своего приятеля у меня за спиной, он не вооружен, да ему и не нужно оружие. У него лицо громилы, сломанный нос, уродливый шрам на щеке. Он потирает костяшки пальцев, жадно облизывает губы. Мне становится не по себе.

– Будьте так любезны, бросьте оружие, – говорит Даниель.

Я со вздохом роняю ружье, поднимаю руки вверх. Глупо, но больше всего мне хочется, чтобы руки перестали трястись.

– Выходите, – кричит Даниель.

Слева от меня шуршат кусты, и в свете фонаря появляется Чумной Лекарь. Я собираюсь сказать ему что-то обидное, но тут замечаю, что на левой стороне маски нарисована серебристая слезинка. Она сверкает на свету, и теперь мне видны и другие отличия. Плащ новее, темнее, не такой обтрепанный. На перчатках вышиты выющиеся розы. Человек в костюме чумного лекаря ниже ростом, держится ровнее.

Это не Чумной Лекарь.

– Это вы встречались с Даниелем у озера, – говорю я.

Присвистнув, Даниель косится на спутника и спрашивает:

– Как он нас выследил? Вы же сами выбирали такое место, где нас бы никто не заприметил.

– И у сторожки я вас видел, – добавляю я.

– Все страньше и страньше, – насмешливо говорит Даниель. – А кто утверждал, что ему известна каждая секунда этого дня? – И напыщенным тоном произносит: – «От моего взгляда здесь ничто не скроется, мистер Кольридж».

– Тогда я изловила бы Аннабеллу без вашей помощи, – величаво изрекает Серебристая Слезинка надменным тоном, несколько не похожим на усталый голос Чумного Лекаря. – Действия мистера Слоуна нарушили привычный ход событий. Он изменил участь Эвелины Хардкасл и стал причиной гибели ее брата, тем самым прервав установленную последовательность этого дня. Он дольше обычного сотрудничает с Аннабеллой, а из-за этого все идет наперекосяк, с нарушением очередности. Все смешалось, все не на своих местах.

Маска поворачивается ко мне.

– Вы превзошли самого себя, – произносит незнакомка. – Вот уже много лет в Блэкхите не было таких беспорядков.

– Кто вы? – спрашиваю я.

– С тем же успехом этот вопрос можно задать и вам, – небрежно отмахивается она. – Но я не стану, потому что вы сами себя не знаете. А мне нужны ответы на другие вопросы, которые гораздо важнее. Меня отправили сюда, скажем так, вышестоящие инстанции, чтобы я исправила ошибку своего коллеги. Итак, объясните мистеру Кольриджу, где прячется Аннабелла.

– Аннабелла?

– Он зовет ее Анной, – поясняет Даниель.

– Зачем вам Анна? – спрашиваю я.

– Вас это не касается, – отвечает Серебристая Слезинка.

– Ошибаетесь, – возражаю я. – Еще как касается, если ради того, чтобы ее заполучить, вы заключаете сделку с Даниелем.

– Я восстанавливаю нарушенное равновесие. Или вы считаете простым совпадением то, что воплощаетесь в тех людей, которые имеют непосредственное отношение к убийству Эвелины? Обличье Дональда Дэвиса вы приняли именно тогда, когда он вам понадобился. Судя по всему, мой коллега избрал себе любимчика, а это запрещено. Он должен наблюдать за развитием событий, ни во что не вмешиваться, а потом прийти на берег озера за ответом. И ничего

больше. Вдобавок он нашел лазейку для того, кого ни в коем случае нельзя выпускать отсюда. Так дальше продолжаться не может.

– Ах вот вы здесь зачем! – восклицает Чумной Лекарь, выступая из теней; по его маске стекают струйки дождя.

Даниель замирает, настороженно глядит на него.

– Прошу прощения, что не сразу дал знать о своем присутствии, Жозефина, – продолжает Чумной Лекарь, обращаясь к Серебристой Слезинке. – Я не ожидал от вас честного ответа на мой вопрос, поскольку вы старались не попадаться никому на глаза. Если бы не мистер Раштон, я бы так и не узнал о вашем визите в Блэкхит.

– Жозефина? – прерывает его Даниель. – Вы знакомы?

Серебристая Слезинка оставляет его вопрос без ответа и обращается к Чумному Лекарю:

– Я надеялась, что до этого не дойдет. – Голос ее смягчается, теплеет, в нем звучат нотки сожаления. – Я хотела выполнить свою задачу и незаметно удалиться.

– Я вообще не понимаю, зачем вы здесь. За происходящее в Блэкхите отвечаю я, и, смею вас заверить, все идет своим чередом.

– Да что вы такое говорите! – восклицает она. – Айден и Аннабелла сблизилась, они вот-вот отыщут выход отсюда. Ради нее он готов принести себя в жертву. Неужели вы этого не видите? Если их не остановить, она придет к вам с ответом, и что тогда?

– Я уверен, что этого не произойдет.

– А я уверена, что все именно так и будет, – презрительно заявляет она. – Скажите мне честно, вы позволите ей уйти?

Чумной Лекарь умолкает, нерешительно склоняет голову. Я смотрю на Даниеля, который изумленно наблюдает за собеседниками. Наверное, он чувствует то же, что и я; мы с ним как дети, которые слышат разговор родителей, но понимают его только наполовину.

Наконец Чумной Лекарь твердым голосом произносит давно заученную формулу:

– В правилах, которым мы с вами подчиняемся, четко установлено, что тот, кто назовет мне имя убийцы Эвелины Хардкасл, получит право на пересмотр дела.

– Правила правилами, но вы прекрасно знаете, что вас ожидает, если вы позволите Аннабелле покинуть Блэкхит.

– Вас прислали мне на смену?

– Нет. – Она разочарованно вздыхает. – Они бы не ограничились простой заменой, вы же знаете. Я прошу вас как друга, позвольте мне все исправить, пока никто не узнал о вашем промахе. Я незаметно устраню Аннабеллу и тем самым избавлю вас от нежелательного выбора.

Она дает знак Даниелю, тот кивает громиле, громила хватается за руки. Я пытаюсь вырваться, но он слишком силен.

– Жозефина, это запрещено! – потрясенно напоминает Чумной Лекарь. – Мы ни во что не вмешиваемся. Мы никому не приказываем. Мы не разглашаем информацию, которую они знать не должны. Вы нарушаете все заповеди, которым мы повинемся.

– Не смейте читать мне нотации, – укоризненно отвечает Серебристая Слезинка. – Вы сами все испортили.

Чумной Лекарь мотает головой:

– Я всего лишь объяснил мистеру Слоуну цель его пребывания в Блэкхите и подбадривал его, когда он отчаивался. В отличие от Даниеля и Анны, он не обязан действовать исключительно по правилам. Он волен испытывать сомнения и отклоняться от цели. Я не предоставлял ему сведений, которых он не заслуживал, а вот вы снабдили ими Даниеля. Я не наделял его преимуществами, а лишь поддерживал равновесие сил. Прошу вас, не делайте этого. Пусть события развиваются естественно. Он близок к разгадке.

– Да, и значит, к разгадке близка и Аннабелла, – жестко произносит она. – Простите, но я вынуждена выбирать между Айденем Слоуном и вами. Продолжайте, мистер Кольридж.

– Нет! – восклицает Чумной Лекарь, умоляюще воздевая руку.

Тип с ружьем берет его на мушку. Бандит нервничает, палец прижат к спусковому крючку. Не знаю, может ли оружие причинить вред Чумному Лекарю, но рисковать мне не хочется. Он нужен мне живым.

– Уходите, – говорю я. – Вы их не остановите.

– Но так нельзя! – возражает он.

– А вы сделайте то, что можно. Вы нужны не мне, а моим оставшимся ипостасям, – многозначительно произношу я.

То ли на него влияет мой тон, то ли он и прежде видел происходящее, но в конце концов, взглянув на Жозефину, Чумной Лекарь неохотно покидает кладбище.

– Ах, какой вы самоотверженный и бескорыстный! – восклицает Даниель, подходя ко мне. – Скажу вам честно, меня восхищают эти ваши качества, Айден. Вы пытались спасти женщину, чья смерть могла бы дать вам свободу. Вы питаете теплые чувства к Анне, а она предала бы вас, если бы я не сделал этого первым. Но, увы, все ваши усилия напрасны. Выбраться отсюда может только один из нас, и, смею заметить, это будете не вы.

В ветвях, будто по приглашению, собираются вороны. Они скользят на беззвучных крыльях, омытых недавним дождем. Десятки птиц теснятся стайками, как плакальщики на похоронах, с жутковатым любопытством глядят на меня.

– Еще час назад Анна была у нас в руках. Однако ей удалось сбежать, – продолжает Даниель. – Где она, Айден? Скажите мне, где она прячется, и я прикажу своим людям прикончить вас быстро и почти безболезненно. Из всех ваших обличий остались только вы и Голд. Два выстрела – и вы снова очнетесь Беллом, постучите в парадную дверь, и все начнется сначала, только уже без меня. Вы человек умный и без особого труда отыщете убийцу Эвелины.

В свете фонаря его призрачное лицо искажено жадной, безжалостной гримасой.

– Вам очень страшно, Даниель? – спрашиваю я. – Вы убили мои будущие воплощения, я вам больше не угрожаю, но вы не знаете, где Анна. Вас это тревожит весь день. Вы боитесь, что она найдет разгадку раньше вас.

Я улыбаюсь, и это пугает его больше всего. Он подозревает что-то неладное.

– Признавайтесь, иначе будет худо. – Он проводит ногтем по моей щеке. – Я раскрошу вас на мелкие кусочки.

– Знаю, я встречался со своим воплощением после того, как вы над ним потрудились. – Я гляжу на него в упор. – Вы доведете меня до безумия, и я передам его Грегори Голду. Он изрежет себя ножом и предупредит Эдварда Дэнса. Это ужасно. Но я все равно ничего вам не скажу.

– Где Анна? – выкрикивает он. – Кольридж подкупил половину слуг в доме, у меня хватит денег и на оставшихся. Мои люди не подпустят вас к озеру. Ясно вам? Я уже выиграл! К чему упрямиться?

– Чтобы не потерять форму. Я вам ничего не скажу, Даниель. Я тяну время, чтобы Анна успела дать ответ Чумному Лекарю. Вам понадобится сотня человек, чтобы в крошечной тьме перекрыть все пути к озеру, и вряд ли ваша Серебристая Слезинка сумеет вам помочь.

– Вы об этом пожалеете, – шипит он.

– До одиннадцати остался час, – напоминаю я. – Как вы думаете, кто из нас дольше продержится?

Даниель сильным ударом валит меня на колени, вышибает из меня дух. Нависает надо мной, потирая саднящие костяшки пальцев. На его лицо наползает злость, будто грозовые тучи на ясное небо. Теперь вместо вальяжного игрока передо мной стоит разъяренный мелкий проходимец.

– Вы будете молить меня о смерти, – зловеще обещает он.

– Это мы еще посмотрим, Даниель, – отвечаю я и звонко свищу.

Стаи ворон срываются с деревьев, кусты шуршат. В чаще леса вспыхивает огонек, потом другой, третий...

Даниель озирается по сторонам. Серебристая Слезинка потихоньку отступает в лес.

– Вы слишком многих обидели... – Я гляжу на приближающиеся огни. – И теперь за это поплатитесь.

– Как вам это удалось? – запинаясь, ошеломленно спрашивает он. – Я убил все ваши будущие воплощения.

– Но не их друзей, – напоминаю я. – Когда Анна сказала, что хочет заманить лакея на кладбище, я решил, что нам нужно собрать как можно больше людей, и обратился за помощью к Каннингему. Как только я понял, что вы с лакеем действуете заодно, то расширил круг приглашенных. Мне не составило особого труда отыскать ваших врагов.

Первой появляется Грейс Дэвис с поднятым ружьем. Раштон едва не откусил себе язык, чтобы я не просил ее о помощи, но у меня не было выбора. Остальные мои воплощения убиты или заняты чем-то другим, а Каннингем на балу с Рейвенкортом. Второй фонарь несет Люси Харпер, которую мне даже упрашивать не пришлось, – она согласилась, как только узнала, что Даниель убил ее отца. Третьим идет телохранитель Стэнуина: голова перевязана, сквозь повязку холодно, грозно сверкают глаза. Все вооружены, но держатся неуверенно, вряд ли хоть чей-то выстрел попадет в цель. Но это не важно. Сейчас главное – численное преимущество. Даниель ошарашен, маска Серебристой Слезинки поворачивается туда-сюда в поисках пути к отступлению.

– Все кончено, Даниель, – жестко заявляю я. – Сдавайтесь, и я позволю вам вернуться в Блэкхит.

Он растерянно смотрит на меня и на моих друзей.

– Я знаю, что делает с нами Блэкхит, – продолжаю я. – Но утром вы по-доброму обошлись с Беллом, а на охоте проявили свое теплое отношение к Майклу. Вспомните, что вы порядочный человек, и приструните лакея. Отпустите нас с Анной.

Его лицо принимает страдальческое выражение, но ненадолго. Блэкхит отравил его душу.

– Всех убить! – приказывает он.

У меня за спиной звучит выстрел, я невольно бросаюсь на землю. Мои помощники разбегаются, люди Даниеля теснят их, беспорядочно стреляют в темноту. Безоружный громила мчится налево, пригибается, готовится напасть исподтишка.

Охваченный яростью, я – или Дональд Дэвис, сейчас уже не разберешь, – бросаюсь на Даниеля. Впрочем, ярость Дэвиса вызвана не злодеяниями, а классовым превосходством. Он не терпит подобного отношения к себе.

А моя злость носит личный характер.

С самого утра Даниель старается мне помешать. Он жаждет выбраться из Блэкхита, попирает всех на своем пути и разрушает мои замыслы в угоду своим. Он притворялся моим другом, улыбался, обманывал и предавал, насмехаясь надо мной. Я, будто брошенное копье, с силой ударяю ему под дых. Он отклоняется, отвечает мне апперкотом в солнечное сплетение. Я сгибаюсь пополам, пинаю Даниеля в пах и, ухватив за шею, валяю на землю.

И запоздало замечаю компас.

Даниель разбивает его мне о скулу, осколки стекла впиваются в лицо, кровь стекает с подбородка. Глаза наполняются слезами, мокрая ладья скользит под ладонями. Даниель наступает. Мимо со свистом пролетает пуля, вонзается в плечо Серебристой Слезинке, та с криком падает.

Даниель, взглянув на ружье в дрожащих руках Люси Харпер, убегает к особняку. Я встаю и бросаюсь в погоню.

Как гончая с лисой, мы пересекаем лужайку перед домом, сворачиваем на подъездную аллею, проносимся мимо сторожки. Я почти уверен, что Даниель направляется в деревню, но он сворачивает влево, на тропку к колодцу и дальше, к озеру.

В крошечной тьме луна прячется в облаках, как пес за шаткой изгородью. Я теряю Даниеля из виду. Опасаясь засады, замедляю бег, прислушиваюсь. Ухают совы, в листве шелестит дождь, ветви цепляются за одежду. Виляя по узкой тропке, выбегаю на берег озера, где, согнувшись, стоит запыхавшийся Даниель. У его ног керосиновая лампа.

Бежать ему некуда.

У меня трясутся руки, в груди копошится страх. Злость придала мне храбрости, но лишила рассудка. Миниатюрный Дональд Дэвис мягче пуховой перины. Даниель силен и ловок, настоящий хищник. На кладбище у меня было численное преимущество, но сейчас мы с Даниелем один на один. И впервые никто из нас не знает, что будет дальше.

Даниель замечает меня, жестом просит передышки. Я соглашаюсь и торопливо подбираю с земли булыжник потяжелее. После компаса о правилах честного кулачного боя можно забыть.

– Что бы вы ни сделали, вашей подруге не позволят покинуть Блэкхит, – тяжело дыша, говорит Даниель. – В обмен на мое обещание убить Анну Серебристая Слезинка рассказала мне о вас все, назвала все ваши воплощения, объяснила, где и когда они просыпаются. Ясно вам, Айден? Освобождение будет даровано только мне.

– Могли бы мне и раньше об этом сказать. И все бы кончилось иначе.

– У меня есть жена и сын. Это мое единственное воспоминание. Представляете, каково мне сознавать, что они где-то там меня ждут? Или ждали...

Я подступаю к нему, сжимаю в руке булыжник:

– А вам не будет совестно перед ними, зная, как вы добились этого возвращения?

– Таким меня сделал Блэкхит. – Он сплевывает в грязь.

– Нет, Блэкхит делаем мы сами, – отвечаю я, приближаясь.

Даниель все еще не отдышался. Еще пару шагов – и все будет кончено.

– Сюда нас привели наши решения, – продолжаю я. – Если это ад, то мы – его создатели.

– И как, по-вашему, нам следует поступить? Торчать здесь и раскаиваться, пока кто-нибудь не соизволит выпустить нас отсюда?

– Помогите мне спасти Эвелину, и мы все вместе дадим ответ Чумному Лекарю. Все втроем – вы, я и Анна. У нас появится шанс стать лучше – и выбраться отсюда.

– Нет, я не желаю рисковать, – угасшим голосом говорит он. – Я ни за что не упущу своего случая. Ни за что – ни ради раскаяния, ни ради того, чтобы помочь тем, кому уже давно помочь невозможно.

Внезапным пинком он опрокидывает керосиновую лампу.

Наступает крошечная тьма.

Слышу быстрые шаги по воде, а потом мне в живот врезается плечо, вышибает из меня дух.

Мы валимся на землю, я роняю булыжник.

Прикрываюсь руками, тонкими и слабыми. Удары сыплются один за другим. Во рту у меня кровь. Я цепенею, а он продолжает меня избивать, кулаки скользят по моим окровавленным скулам.

Потом он поднимается.

Тяжело дышит, с него ручьями льется пот, капает на меня.

– Я этого не хотел, – говорит он.

Сильная рука хватается меня за лодыжку, волочет по грязи к воде. Я пытаюсь привстать, но сил не осталось.

Он останавливается, утирает пот со лба. Сквозь облака пробивается лунный свет, выблывает Даниеля: серебряные волосы, белоснежная кожа. Он смотрит на меня с жалостью, как на Белла утром.

– Мы не... – Я отхаркиваю сгусток крови.

– Я же просил, не стойте у меня на пути, – говорит он.

Входит в озеро, тянет меня следом. Леденящая вода заливает мне ноги, грудь и голову. Холод бодрит, я хочу выбраться на берег, но Даниель хватает меня за волосы и окунает под воду.

Я царапаюсь, брыкаюсь, но он слишком силен.

Я содрогаюсь всем телом, отчаянно пытаюсь вздохнуть.

Он меня не выпускает.

Из мутной глубины ко мне выплывает Томас Хардкасл, убитый девятнадцать лет назад. Светловолосый, ясноглазый, растерянный. Он берет меня за руку, сжимает пальцы, прибавляет мне храбрости.

Я невольно открываю рот, глотаю холодную грязную воду.

Тело сотрясают конвульсии.

Томас высвобождает мою душу из умирающей плоти, и мы бок о бок парим над водой, глядя, как тонет Дональд Дэвис.

Все очень спокойно. И тихо.

И вдруг раздается громкий плеск.

Руки опускаются под воду, хватают тело Дональда Дэвиса, вытаскивают на поверхность. Через миг я следую за ним.

Пальцы мертвого мальчика холодят мне ладонь, но я не могу поднять его из озера. Здесь он погиб, и здесь он навсегда останется, печально глядя, как меня тянут на берег.

Лежу в грязи, выкашливаю воду. Тело налито свинцом.

Тело Даниеля покачивается у берега.

Щеку обжигает пощечина.

Потом еще одна.

Смутно различаю силуэт Анны. Руки озера затыкают мне уши, влекут меня назад.

Меня зовет тьма.

Надо мной склоняется расплывчатая фигура.

– ...найдите меня, – кричит Анна, но я едва разбираю слова. – Двенадцать минут восьмого, в вестибюле...

Томас зовет меня из глубины. Я закрываю глаза и возвращаюсь к утопленнику.

53

День восьмой

Моя щека прижата к обнаженной женской спине. Мы лежим на грязном тюфяке, путаясь в смятых, мокрых от пота простынях. Сквозь прогнившие оконные рамы сочится дождь, струйки воды скользят по стенам, собираются в лужи на полу.

Заметив, что я просыпаюсь, Мадлен Обэр поворачивается ко мне. В зеленых глазах камеристки пылает нездоровая страсть, темные волосы липнут к потным щекам. Она похожа на Томаса Хардкасла, утопленника из моего кошмарного сновидения, и готова схватиться за что попало, лишь бы уцелеть.

Увидев меня, она с разочарованным вздохом опускает голову на подушку. Меня задело бы такое откровенное презрение, но я утешаюсь воспоминанием о нашей первой встрече: Мадлен отдалась мне с бесстыдной готовностью, едва лишь я достал из кармана флакон лауданума.

Обшариваю взглядом хижину, ищу, не осталось ли наркотиков. Моя работа в имении завершена, новые портреты висят в галерее. На бал меня не пригласили, в доме не ждут, поэтому у меня выдалось свободное утро, которое я провожу здесь, в хижине, а мир забыл обо мне, как забывают о краске, смытой в водосток.

На стуле валяются передник и чепец Мадлен.

Вздрагиваю, как от удара, прихожу в себя, вспоминаю лицо Анны, ее голос, ее прикосновение, грозящую нам опасность.

Воспоминание позволяет мне подавить личность Голда.

Я был так переполнен его надеждами и страхами, терзаниями и страстями, что Айден Слоун казался зыбким сном.

Я забыл, что все это – не я.

Сползаю с тюфяка, задеваю грудю флаконов из-под лауданума. Они разбегаются по полу, как стайка мышей. Отпихиваю их ногой, подхожу к очагу, где в углях дрожит одинокий лепесток пламени, подбрасываю в огонь растопку, кладу пару поленьев. На полке над очагом стоят полуготовые шахматные фигуры ручной работы. Некоторые покрашены, точнее, заляпаны краской. Рядом лежит нож, которым Голд их вырезает. Две из этих фигур окажутся в кармане Анны, а нож – тот самый, которым Голд искалечит себе руки.

Судьба опять подает мне знак.

Мадлен торопливо собирает разбросанную по полу одежду – свидетельство недавней бурной страсти. Впрочем, сейчас камеристкой движет только стыд. Она одевается, стоя спиной ко мне и глядя в стену. Голд пожирает ее сладострастным взглядом, восхищается бледной кожей, прядями темных волос.

– У вас есть зеркало? – спрашивает она с едва заметным французским акцентом.

– Нет, – отвечаю я, нежась в тепле очага.

– Я ужасно выгляжу, – рассеянно говорит она.

Джентльмен возразил бы из уважения, но Голд – не джентльмен, а Мадлен Обэр – не Грейс Дэвис. Я впервые вижу камеристку без пудры и румян. У нее болезненный вид, худое землистое лицо покрыто оспинами, веки воспаленные, припухшие от усталости.

Она обходит меня, стараясь держаться подальше, и открывает дверь. В комнату врывается холодный воздух. Светает, до утра еще далеко, по земле стелется туман. Блэкхит обрамлен деревьями, все еще облачен в ночь. Судя по всему, хижина стоит где-то у фамильного кладбища.

Кутаясь в шаль, Мадлен спешит к особняку. Если бы все происходило по установленному распорядку, это я брел бы в предрассветных сумерках, утратив рассудок под пытками лакея. Я расплосовал бы себе руки ножом, а потом пришел бы к Дэнсу, бормоча невнятные преду-

преждения. Однако, узнав о предательстве Даниеля и одержав над ним победу на кладбище, я изменил ход событий.

Теперь надо обеспечить счастливую развязку.

Закрываю за Мадлен дверь, зажигаю керосиновую лампу, обдумываю свои дальнейшие действия. По углам прячется мрак. В голове бьется мысль, последнее полуоформившееся чудовище еще не извлечено из темноты на свет. Подумать только: когда я был Беллом, то сокрушался об отсутствии воспоминаний! А теперь их слишком много. Воспоминания распирают ум, как битком набитый сундук, но для Голда все окружающее обретает смысл только на холсте, поэтому ответы надо искать на картинах. Раштон и Рейвенкорт научили меня ценить способности тех, в кого я воплощаюсь, а не сокрушаться об их недостатках.

Беру лампу и направляюсь в мастерскую на задах хижины, ищу краску. Вдоль стен расставлены картины – одни холсты недописаны, другие распороты в лоскуты. Повсюду валяются бутылки, винные лужицы заливают пол и смятые или разорванные карандашные эскизы. На стене потеки скипидара, который Голд в ярости выплеснул на какой-то пейзаж.

Посреди мастерской, будто поленница, приготовленная для костра, высится груда старых фамильных портретов, выданных из ветхих, источенных жучком рам. Скипидар разъел изображения, лишь там и сям виднеются бледные черты. Эвелина говорила, что Голда пригласили отреставрировать полотна в Блэкхите. Судя по всему, старинные шедевры ему не понравились.

Пока я разглядываю портреты, у меня зарождается мысль.

Нахожу на полке кусок угля, возвращаюсь в хижину, опускаю лампу на пол. Чистого холста нет, поэтому все свои замыслы я переношу на стену, в трепещущий круг света, отбрасываемый лампой. Идеи выплескиваются с такой скоростью, что уголек стирается за несколько минут, и мне приходится возвращаться в темноту за новым.

От листы имен, записанных под самым потолком, к полу опускается разветвленный куст сегодняшних событий; его корни уходят на девятнадцатилетнюю глубину, оплетают утонувшего мальчика на дне озера. Нечаянно задеваю недавний порез на руке, окрашиваю куст алым. Отрываю рукав сорочки, перевязываю рану, продолжаю работать. На горизонте загорается полоска рассвета. Отступаю от стены, роняю уголек, он разбивается на голых досках пола. Я без сил сижу перед стеной, сжимаю дрожащую руку.

«Недостаток информации заставляет действовать вслепую, избыток информации ослепляет».

Щурю глаза, вглядываюсь в рисунок. Два узловых пересечения обозначают два пробела в истории. Все прояснится, если найти ответы на два вопроса: что знала Миллисент Дарби и где Елена Хардкасл.

Дверь распаивается, в хижину врывается запах росы.

От усталости я не в силах даже оглянуться. Я таю, как свечной воск, растекаюсь лужей по полу, застываю, жду, пока меня отскребут. Меня неудержимо клонит ко сну. Сейчас бы закрыть глаза и уснуть, полностью отрешиться от мыслей, но это мое последнее воплощение. Если я не добьюсь успеха, то все начнется сначала.

– Вы здесь? – изумленно произносит Чумной Лекарь. – Обычно к этому времени вы теряете рассудок... Как вам... Что это?

Он проходит мимо меня, шурша плащом. При свете дня маскарадный костюм выглядит нелепо, вместо жуткой полуночной птицы – балаганный фигляр. Понятно, почему Чумной Лекарь предпочитает ночные визиты.

Он останавливается у стены, проводит рукой в перчатке по кусту, размазывает имена.

– Великолепно, – бормочет он, разглядывая изображение.

– Как там Серебристая Слезинка? – спрашиваю я. – Ее же подстрелили в лесу.

– Ее пришлось задержать в витке, – грустно произносит он. – Иначе ей не выжить. А так очнется через несколько часов, будто только что здесь очутилась, и повторит вчерашний день.

Через какое-то время ее отсутствие заметят и в конце концов освободят. А я буду вынужден объясниться.

Он стоит, рассматривая мой рисунок, а я открываю дверь. Солнечный свет заливает лицо, согревает шею и руки. Я шурюсь, вдыхаю золотистое сияние. Еще никогда я не просыпался в такую рань, не видел, как над Блэкхитом встает солнце.

Это чудесное зрелище.

– О чем говорит ваша работа? – напряженным голосом спрашивает Чумной Лекарь?

– А вы как думаете?

– О том, что Майкл Хардкасл пытался убить сестру.

– Совершенно верно.

Поют птицы, по огороду скачут три кролика, рыжие, как ржавчина в лучах восходящего солнца. Если бы я знал, что за рассветом – рай, то не спал бы ни одной ночи.

– Мистер Слоун, вы нашли разгадку. Вы первым нашли разгадку! – восторженно восклицает он. – Вы свободны! Наконец-то вы свободны.

Он вытаскивает из складок плаща серебряную фляжку и вручает мне.

Не знаю, что во фляжке, но один глоток пробирает меня до костей, сон как рукой снимает.

– Серебристая Слезинка права, – говорю я, глядя на кроликов. – Без Анны я отсюда не уйду.

– Это не зависит от вашего желания. – Он отступает на шаг, чтобы лучше видеть картину на стене.

– Вы что, силком потащите меня к озеру?

– В этом нет необходимости. Встреча у озера – формальность. Главное – найти ответ. Вы нашли убийцу Эвелины и убедили меня в правильности вашего ответа. Теперь Блэкхит вас не задержит. Вы уснете – и проснетесь свободным.

У меня нет сил сердиться. Меня гладят ласковые ладони сна, глаза невольно закрываются. Я возвращаюсь к распахнутой двери, усаживаюсь на пол, привалившись к дверной раме, наполовину в тени, наполовину на свету. Не могу лишиться себя тепла и птичьих трелей, наслаждаюсь благословенным миром, в котором мне так долго было отказано.

Отпиваю еще глоток из фляжки, отгоняю сон.

Мне предстоит много дел.

«И нельзя, чтобы вас за ними застали».

– Все это несправедливо, – говорю я. – У меня восемь воплощений, а у Анны и Даниеля – по одному. Я помню прожитую неделю, а они – нет.

Чумной Лекарь с любопытством смотрит на меня.

– Вам даровано преимущество, потому что вы пришли в Блэкхит по своей воле, – негромко говорит он, будто опасается, что его подслушают. – А они – нет. Увы, мне не позволено объяснить вам подробнее.

– Если я один раз явился сюда по своей воле, то приду еще раз. Я не оставлю здесь Анну.

Чумной Лекарь взволнованно расхаживает по комнате, глядя то на меня, то на изображение на стене.

– Вам страшно? – удивленно спрашиваю я.

– Да, – резко бросает он. – Те, кто всем этим заправляет, не терпят возражений. Даю вам слово, что после вашего ухода я всеми силами буду помогать Анне.

– Один день, одно воплощение... Вы же знаете, что на этих условиях ей никогда не покинуть Блэкхит. Мне ничего не удалось бы без острого ума Рейвенкорта, без проницательности и настойчивости Дэнса. И без смекалки Раштона, который научил меня, как вести настоящее расследование. Свою роль сыграли даже Дарби и Белл. Анне тоже потребуются все эти умения и способности.

– Те, в кого вы воплощались, останутся в Блэкхите.

– Но я не смогу ими управлять! – настаиваю я. – Они не захотят помогать простой горничной. Нет, я ее не брошу.

– Хватит! Забудьте о ней! – восклицает он, обращившись ко мне и повелительно взмахивая рукой.

– Чего хватит?

Чумной Лекарь удивленно смотрит на свою руку.

– Только вы доводите меня до иступления, – негромко говорит он. – Виток за витком, воплощение за воплощением – одно и то же. Вы предаете друзей, находите помощников, погибаете ради принципов. Я видел бесчисленное число Айденов Слоунов, вы бы сами себя не узнали. Не меняется лишь одно – ваше упрямство. Однажды выбрав путь, вы с него не сходите, сколько бы препятствий вам ни встречалось. Такое неколебимое постоянство очень раздражает.

– Как бы то ни было, объясните, почему Серебристая Слезинка жаждет смерти Анны.

Он пристально глядит на меня и со вздохом произносит:

– А вам известно, мистер Слоун, как определить, готов ли чудовищный преступник к освобождению? Действительно он исправился или просто говорит то, что от него хотят услышать? – Он отпивает из фляжки. – Дайте ему прожить день, в котором все его поступки совершаются безнаказанно, и посмотрите, что из этого выйдет.

Меня пробирает озноб, кровь стынет в жилах.

– Значит, это была проверка?

– Мы называем это перевоспитанием.

– Перевоспитанием... – повторяю я; понимание озаряет меня лучами восходящего солнца. – Это тюрьма?

– Да. Только вместо того, чтобы заключать узников в каземат, мы даем им возможность исправиться, доказать, что они заслуживают освобождения. Не правда ли, прекрасное решение? Убийство Эвелины Хардкасл в свое время осталось нераскрытым. Наверное, его никогда бы не раскрыли. Мы позволяем преступникам прожить день убийства, тем самым предоставляя им шанс раскаяться в своих злодеяниях, а заодно и отыскать убийцу. Это и наказание, и благо.

– Значит, Блэкхит – не единственный в своем роде? – спрашиваю я, пытаюсь понять, как такое возможно.

– Таких мест тысячи, – отвечает он. – Я видел деревню, обитатели которой находят три обезглавленных трупа на лужайке. А на океанском лайнере, где происходит ряд жестоких убийств, пятнадцать человек пытаются найти отгадку.

– Значит, вы надзиратель?

– Скорее, инспектор. Я решаю, заслуживаете вы освобождения или нет.

– Но, по вашему утверждению, я добровольно явился в Блэкхит. Зачем я пришел в тюрьму?

– Вы пришли за Анной, но застряли в витке, и Блэкхит, как полагается, заставил вас забыть самого себя, – хмуро объясняет Чумной Лекарь, сжимая кулаки. – Вас не следовало впускать. Это была ошибка. Поначалу я думал, что человек, неповинный в преступлении, станет жертвой этого места, но вы нашли дорогу назад. Поэтому я вам и помогал. Я дал вам возможность перевоплощаться в самых разных людей, подбирая тех, кто способен раскрыть убийство, пока не нашел вот этих восьмерых. Я даже упрятал мистера Раштона в чулан, чтобы его не устранили раньше времени. Не нарушая правил, я сделал все возможное для того, чтобы вы освободились. Понимаете? Вы должны уйти, пока вы все еще тот, кем хотите быть.

– А что Анна... – Я умолкаю на полуслове.

Я не хотел верить, что Анна оказалась здесь не случайно. Думал, что сюда попадают, как в кораблекрушение или под удар молнии. Представляя Анну жертвой, я отгонял мысли о том, что, возможно, она чем-то заслужила такое наказание. Теперь мне становится страшно.

– Какое злодеяние она совершила? – наконец спрашиваю я.

Чумной Лекарь качает головой, передает мне фляжку.

– Я не имею права об этом рассказывать. Поверьте, ее наказание соразмерно преступлению. Тех, кто попал в деревню или на борт океанского лайнера, покарали не так строго, как Анну и Даниеля. Там условия получше. Блэкхит создан для того, чтобы перевоспитывать отъявленных злодеев, а не мелких воришек.

– По-вашему, Анна – злодейка?

– Каждый день совершаются тысячи преступлений, но в Блэкхит отправили только двоих преступников, – взволнованно говорит он. – В том числе и Анну. А вы с риском для жизни пытаетесь ее освободить. Это безумие.

– Женщина, заслужившая преданность, чего-нибудь да стоит.

– Да поймите же вы наконец! – говорит он, сжав кулаки.

– Я вас прекрасно понимаю, но без нее не уйду. Даже если вы меня прогоните, я все равно вернусь, как в прошлый раз.

– Ох, какой же вы упрямый болван! – Он с такой силой ударяет кулаком по дверной раме, что из нее сыплется труха. – В Блэкхит вас привела не преданность, а жажда мести. Вы пришли не затем, чтобы спасти Анну, а чтобы мучить ее. Здесь, в заключении, ей ничего не угрожает. А вы хотели, чтобы она страдала. Тысячи людей мечтают обречь ее на вечные муки, но никто, кроме вас, не решился на самый отчаянный шаг. Вы ненавидели ее больше всех на свете. Вы отправились за ней в Блэкхит и тридцать лет истязали так же, как вас истязал лакей.

Воцаряется гнетущая тишина.

Хочу ответить, но не могу. Под ложечкой сосет, голова кружится. Мир перевернулся, и, хотя я сижу на полу, кажется, что я падаю в бездонную пропасть.

– В чем ее преступление? – шепчу я.

Чумной Лекарь качает головой:

– Те, кто приказывает мне...

– Впустили в Блэкхит честного человека, замыслившего убийство. Они виноваты не меньше всех остальных. Скажите, в чем вина Анны?

– Не могу, – из последних сил отпирается он.

– До сих пор вы мне помогали.

– Да, потому что с вами поступили несправедливо. – Он снова прикладывает к фляжке, делает большой глоток, дергает кадыком. – Мне не запрещали вам помогать, потому что вам здесь не место, но если я начну рассказывать вам то, чего вы знать не должны, то нам обоим несдобровать.

– Я не уйду, пока вы не объясните мне, почему я должен уйти. И не стану обещать, что не вернусь, пока не узнаю, зачем сюда явился на самом деле. Я должен во всем разобраться. Только так мы сможем все это завершить.

Клювастая маска медленно поворачивается ко мне. Чумной Лекарь с минуту стоит неподвижно, погруженный в размышления. Я чувствую, как меня оценивают, как взвешивают все мои качества, как извлекают все мои изъяны и придирчиво рассматривают их при свете дня.

«Он оценивает не вас».

И что все это значит?

«Он порядочный человек. И сейчас он осознает насколько».

Чумной Лекарь наклоняет голову и, к моему удивлению, снимает цилиндр. Клювастая маска держится на кожаных ремешках. Чумной Лекарь начинает их расстегивать неловкими пальцами. Наконец он стаскивает маску и откидывает капюшон плаща. Я впервые вижу Чумного Лекаря – плешивого пожилого человека лет шестидесяти, с честным изможденным лицом цвета старого пергамента и воспаленными глазами. Он – олицетворение усталости.

Он поднимает голову, подставляет лицо утреннему свету, льющемуся в окно.

– Ну, вот и все, – говорит он, швыряя маску на кровать Голда; без фарфоровой заглушки голос звучит знакомо, но странно.

– Значит, вам этого тоже не позволено? – спрашиваю я, кивая на маску.

– Список моих прегрешений и без того велик, – вздыхает он и садится на освещенную солнцем ступеньку крыльца. – Я прихожу сюда каждое утро. Это мое любимое время дня. Оно длится семнадцать минут, а потом набегают тучи, два лакея продолжают вчерашнюю ссору, которая завершается дракой на конюшне. – Он медленно снимает перчатки. – Жаль, что вы видите это впервые, мистер Слоун.

– Айден, – говорю я, протягивая ему руку.

– Оливер, – отвечает он.

Мы обмениваемся рукопожатием.

– Оливер... – задумчиво повторяю я. – Я и не подозревал, что у вас есть имя.

– Пожалуй, стоит представиться Дональду Дэвису, когда я остановлю его на дороге, – улыбается он. – Может быть, это его немного успокоит.

– Погодите, неужели все продолжается? Почему? Вы же получили ответ.

– Пока вы не выберетесь отсюда, я должен предоставить остальным возможность разгадать тайну смерти Эвелины Хардкасл.

– Но вам же известно имя убийцы. Разве это ничего не меняет?

– По-вашему, мне трудно потому, что я знаю больше других? – Он качает головой. – Я всегда знал больше других. Я знал больше вас. Проблема заключается не в знаниях, а в невежестве. – Шутливый тон сменяется суровым. – Поэтому я и снял маску, Айден. Я хочу, чтобы вы, видя и слыша меня, поняли, что я говорю вам чистую правду. У вас не должно оставаться ни малейших сомнений.

– Понятно... – Я умолкаю, чувствуя, что стою на краю пропасти.

– Ту, кого вы называете Анной, в действительности зовут Аннабелла Колкер. Это имя проклинают везде, где бы оно ни звучало... – Он буравит меня взглядом. – Она возглавляла организацию, которая сеяла разрушения и смерть по всему миру. Если бы тридцать лет назад ее не остановили, она бы занималась этим по сей день. Вот кого вы пытаетесь освободить.

Я не испытываю ни удивления, ни гнева, ни разочарования. Мне даже возражать не хочется. Все это я выслушиваю как подтверждение давно известных сведений. Я знаю, что Анну ничем не запугаешь, она действует решительно, а при необходимости – жестко. Когда она столкнулась в сторожке с Дэнсом, не зная, что это я, то без малейшего сожаления готова была нажать на спусковой крючок. Она убила Даниеля и даже выразила желание убить Эвелину, чтобы дать ответ Чумному Лекарю. Разумеется, тогда она сказала, что это шутка, но я до сих пор в этом сомневаюсь.

Однако же все эти преступления она совершила ради меня, чтобы защитить меня, чтобы дать мне время разгадать тайну убийства Эвелины. Она оставалась доброй, отзывчивой и преданной даже тогда, когда мое желание спасти Эвелину стало помехой в расследовании.

Она, единственная из всех обитателей особняка, не скрывала своей истинной сущности.

– Она изменилась, – говорю я. – Вы сами сказали, что Блэкхит перевоспитывает людей, стирает личность и заменяет ее новой, а потом проверяет ее на прочность. Я неделю провел бок о бок с Анной. Она помогала мне, не раз спасала мне жизнь. Она – мой друг.

– Она убила вашу сестру, – заявляет Чумной Лекарь.

Мой мир исчезает.

– Она унижала и пытала ее на глазах у всего мира, – продолжает он. – Айден, таких, как она, изменить невозможно.

Я падаю на колени, сжимаю виски, пытаюсь сдержать лавину воспоминаний.

Мою сестру звали Джульетта. Она была улыбчивой брюнеткой. Ей поручили задержать Аннабеллу Колкер, и я ею очень гордился.

Воспоминания впиваются в меня осколками стекла.

Джульетта, женщина умная и энергичная, считала, что надо не дожидаться справедливости, а активно ее добиваться. Это меня смешило, но сестра настаивала на своем.

По моим щекам текут слезы.

Среди ночи сподвижники Аннабеллы Колкер похитили Джульетту из дома. Мужу Джульетты повезло – его застрелили. А саму Джульетту семь дней пытали у всех на виду.

И назвали пытки справедливой расплатой за преследования.

И заявили, что подобной кары и следовало ожидать.

Ни о себе, ни о своих родных я больше ничего не помню. У меня не сохранилось счастливых воспоминаний. Мне остались только скорбь и ненависть.

В Блэкхит меня привело убийство Джульетты. Отсутствие еженедельных телефонных звонков. Невозможность поделиться рассказами о повседневных происшествиях. Навсегда опустевшее место, которое сестра занимала в моей жизни. И то, как задержали Аннабеллу.

Без крови. Без боли.

Без разрушений.

А потом Аннабеллу отправили в Блэкхит, где убийца моей сестры будет бесконечно расследовать убийство еще чьей-то сестры. Такое решение объявили справедливым возмездием, радовались своей изобретательности и полагали, что меня это удовлетворит. Что я сочту такое наказание достаточным.

Но ошиблись.

Несправедливость терзала меня ночами и не оставляла в покое при свете дня. Измученный ею, я больше ни о чем не мог думать.

Я последовал за Аннабеллой Колкер к воротам ада. Я запугивал и мучил ее до тех пор, пока сам не забыл, зачем я это делаю. Пока не забыл Джульетту. Пока Аннабелла не превратилась в Анну – в испуганную девушку во власти чудовищ.

Я стал тем, кого ненавидел, и превратил Аннабеллу в ту, кого полюбил.

И во всем винил Блэкхит.

Сквозь слезы гляжу на Чумного Лекаря. Он смотрит на меня оценивающим взглядом. Мне интересно, что он во мне увидел. Сам я не знаю, что и думать. Все это происходит со мной из-за той, кого я отчаянно хочу спасти.

Во всем виновата Анна.

«Аннабелла».

– Что? – вслух произношу я, удивленный настойчивостью внутреннего голоса.

«Во всем виновата Аннабелла Колкер. Мы ненавидели ее, а не Анну».

– Айден? – обеспокоенно спрашивает Чумной Лекарь.

«Аннабелла Колкер умерла».

– Аннабелла Колкер умерла, – медленно повторяю я, глядя на Чумного Лекаря.

Он качает головой:

– Нет.

– Она умирала тридцать лет. Не от ненависти и не от мук. Прощение даровало ей смерть. Аннабелла Колкер умерла.

– Вы ошибаетесь.

– Отнюдь нет, – твердо заявляю я. – Вы сами посоветовали мне прислушиваться к внутреннему голосу. Вы уверяли, что Блэкхит перевоспитывает людей. И я вам поверил. А теперь и вы поверьте мне: вы привыкли к тому, кем была Анна, и не видите, кем она стала. А если вы не желаете признать, что она изменилась, то к чему все эти ухищрения?

Он раздраженно пинает комок грязи, вздыхает:

– Зря я снял маску.

Он встает и направляется в огород, распуская кроликов. Упирает руки в боки, смотрит на особняк, и я внезапно осознаю, что Блэкхит властен не только надо мной, но и над Чумным Лекарем. Мне позволено поступать по своему усмотрению и менять ход событий, а Чумной Лекарь вынужден безмолвно взирать на убийства, насилие и самоубийства, на трясину лжи, в которой погряз особняк. Чумному Лекарю приходится ежедневно сталкиваться с ужасными происшествиями, но, в отличие от меня, он не может о них забыть. Это кого угодно сведет с ума. Для того чтобы сохранить рассудок в таких условиях, необходима вера. Стойкая вера в то, что справедливость восторжествует.

Чумной Лекарь, будто читая мои мысли, оборачивается ко мне:

– Чего вы хотите, Айден?

– В одиннадцать часов ждите у озера, – говорю я. – Туда придет чудовище. Вот увидите, это будет не Анна. Дайте ей шанс проявить себя. Вы поймете, кто она такая, и признаете мою правоту.

Он колеблется:

– Откуда вам это известно?

– Моя жизнь окажется под угрозой.

– Даже если вам удастся подтвердить, что Анна изменилась к лучшему, я не имею права нарушить заведенный порядок: освобождают того, кто назовет убийцу Эвелины. Вы, а не Анна назвали мне это имя. Освободить можно только вас. И что вы на это скажете?

Я встаю, подхожу к рисунку на стене, касаюсь точек, обозначающих пробелы в моих знаниях:

– Я еще не все разгадал. Если Майкл Хардкасл хотел застрелить сестру у пруда, то зачем ему понадобилось подсыпать ей яд? Нет, он этого не делал. Он не знал, что виски отравлен. По-моему, это сделал кто-то другой.

Чумной Лекарь входит в хижину:

– Это весьма зыбкие доводы, Айден.

– У нас слишком много вопросов, оставшихся без ответов, – говорю я, вспоминая, как Эвелина, едва оправившись от действия яда в оранжерее, пыталась мне что-то сказать. – Зачем Эвелина упомянула об убийстве Миллисент Дарби? Что это нам дает?

– Может быть, Миллисент тоже убил Майкл?

– Зачем? Нет, мы что-то упускаем.

– Что именно?

– По-моему, у Майкла Хардкасла был сообщник, о котором мы до сих пор не подозревали.

– Еще один убийца... – задумчиво произносит Чумной Лекарь. – За тридцать лет я не сообразил... И никому это не приходило в голову. Нет, Айден, это невозможно.

– Сегодня невозможный день. – Я указываю на свой рисунок. – Второй убийца существует. И я догадываюсь, кто это может быть. Если я прав, то Миллисент Дарби убили, чтобы замести следы. А если есть второй убийца, причастный к гибели Эвелины, то вам нужны два ответа. Если Анна назовет вам имя сообщника Майкла, вы ее освободите?

– Сомневаюсь, что Аннабеллу Колкер выпустят из Блэкхита, – отвечает Чумной Лекарь. – И вряд ли кто-нибудь поверит, что она изменилась к лучшему. Боюсь, ее оставят здесь под каким-нибудь предлогом.

– Вы знали, что мне здесь не место, поэтому старались мне помочь. Поверьте, Анне здесь тоже не место, – настаиваю я.

Он поглаживает лысину, ходит по хижине, смотрит то на меня, то на рисунок на стене.

– Что ж, я могу только пообещать вам, что сегодня в одиннадцать приду к озеру. И буду судить непредвзято.

- Спасибо! – Я хлопаю его по плечу. – Встретимся у лодочного домика. Я вам докажу свою правоту.
- А что вы сейчас собираетесь делать?
- Узнаю, кто убил Миллисент Дарби.

54

Прячась за деревьями, подхожу к Блэкхиту. Туман сочится сквозь рубашку, к ботинкам липнет грязь. Оранжерея в нескольких шагах от меня. Я крадусь сквозь мокрые кусты, высматриваю, нет ли кого. Еще очень рано, но я не знаю, в какое время просыпается Даниель и когда он встречается с Серебристой Слезинкой. Чтобы обезопасить себя, лучше предположить, что Даниель и его сообщники все еще представляют для меня угрозу, поэтому лучше не попадаться ему на глаза, пока он не утонет в озере, а вместе с ним и все его планы.

Солнце исчезло, оставив нас на милость сумрака. По небу расползается серая мешанина. Пытаюсь отыскать взглядом хоть какие-то цветы на клумбах, щедрые мазки алого, лилового, розового или белого. Представляю другой, яркий мир. Мир, где пламенный венец полыхает над Блэкхитом, облаченным в огненную мантию, где серое небо выгорает дотла, роняя черные хлопья пепла. Мир, преображенный хотя бы на мгновение.

Останавливаюсь в недоумении. Озираюсь, ничего не узнаю, не понимаю, почему вышел из хижины без этюдника, кистей и красок. Здесь мне не нравится работать на пленэре, особенно по утрам – слишком уныло, слишком тихо, ландшафт затянут сизой дымкой.

– Зачем я здесь? – говорю я вслух, разглядывая перепачканную углем рубашку.

«Анна. Вы здесь ради Анны».

Ее имя высвобождает меня из растерянности Голда, возвращает мне мои воспоминания. Остаться собой становится все труднее.

Полной грудью вдыхаю студеной воздух, сжимаю шахматную фигуру в руке, отгораживаюсь от Голда прочной стеной, возведенной из воспоминаний об Анне. Леплю кирпичи из ее смеха, из ее прикосновений, из ее отзывчивости и тепла. Удостоверившись, что стена высока и прочна, снова осматриваю оранжерею, убеждаюсь, что все еще спят, и вхожу в дом.

На диване, с головой накрывшись пиджаком, спит подвыпивший приятель Дэнса Филип Сатклифф. Он сонно чмокает губами, приоткрывает глаза, что-то бормочет и снова засыпает.

Я жду. Вслушиваюсь в тишину. Капли дождя. Сопение.

Больше ничего.

С портрета над камином за мной следит бабушка Эвелины, укоризненно поджав губы. Художник запечатлел ее в момент гневной отповеди.

По коже бегут мурашки.

Я неодобрительно рассматриваю портрет, написанный деликатными, легкими мазками. В уме возникает совершенно иной образ, резкий и рельефный, как шрам, скульптурные слои краски высятся горными вершинами. От него должно веять настроением. Предпочтительно скверным. Такая честность пришлась бы по нраву старухе.

Из-за приоткрытой двери доносится взрыв визгливого смеха, клинком пронзающего чье-то слова. Похоже, гости начинают спускаться к завтраку.

Надо торопиться.

Закрываю глаза, вспоминаю, о чем Миллисент говорила с сыном, что заставило ее так неожиданно уйти, но не могу разобраться в беспорядочных воспоминаниях. Слишком много дней, слишком много разговоров.

В коридоре заводят граммофон, обрывки мелодии разрывают тишину. Что-то с грохотом падает, музыка, взвизгнув, обрывается, приглушенные голоса переругиваются.

Мы стояли в саду, под окнами бальной залы. Миллисент погрузилась в печальные воспоминания. Мы говорили о прошлом: как она еще ребенком приезжала в Блэкхит, как потом привозила сюда своих отпрысков. Никто из них не оправдал ее ожиданий. А потом она рассердилась на меня. Увидела, что я смотрю в окно на Эвелину, и приняла мою тревогу за похотливый зуд.

«Тебя всегда тянет к самым беззащитным, – сказала она. – К самым кротким, к тем, кто не...»

А потом она что-то увидела и забыла, что хотела сказать.

Крепко зажмуриваюсь, стараюсь вспомнить, что бы это могло быть.

Кто еще был с Эвелиной?

А через миг я стремглав бегу по коридору в галерею.

Галерею освещает одинокая керосиновая лампа на стене, хлипкое пламя не разгоняет, а сгущает тени. Снимаю лампу с крюка, подношу к семейным портретам, внимательно разглядываю каждый.

Блэкхит обступает меня со всех сторон, скукоживается, как паук, обожженный пламенем свечи.

Через несколько часов Миллисент Дарби увидит в бальной зале то, из-за чего, оставив сына в саду, поднимется в галерею, где, укутанная в шали и подозрения, увидит среди старинных картин новые портреты кисти Голда. Обычно, в сотнях других витков, она не обращает на них внимания. Но не в этот раз. Сейчас прошлое пожмет ей руку.

А воспоминание ее убьет.

55

Утро, двенадцать минут восьмого. В вестибюле беспорядок. Пол усыпан осколками разбитых графинов, портреты на стенах перекошены, лица давно ушедших предков усыпаны напояемыми поцелуями. Галстуки-бабочки свисают с люстры, будто летучие мыши. Посреди вестибюля стоит Анна, босая, в белой ночной сорочке, задумчиво разглядывает руки, будто они скрывают какую-то тайну.

Анна замечает меня не сразу, и несколько секунд я смотрю на нее, пытаюсь сопоставить мою Анну с Аннабеллой Колкер из рассказов Чумного Лекаря. Интересно, слышит ли она сейчас голос Аннабеллы. Может быть, она воспринимает его так же, как я в первый раз воспринял голос Айдена Слоуна – как нечто далекое, чуждое, отстраненное, но в то же время являющееся неотъемлемой частью тебя.

Стыдно признать, но я больше не доверяю Анне. Хотя еще недавно я горячо убеждал Чумного Лекаря в ее невинности, теперь я смотрю на нее с подозрением, опасаясь, что в ней еще кроется чудовище, погубившее мою сестру.

«Аннабелла Колкер умерла. Помогите Анне».

– Анна, – тихонько окликаю я, внезапно смущенный своим видом.

Проведя все утро в лауданумовом угаре, Голд пару раз плеснул в лицо холодной водой и этим ограничился. Бог знает как я сейчас выгляжу. И чем от меня воняет.

Вздрыгнув, она смотрит на меня, спрашивает:

– Мы знакомы?

– В некотором роде. Вот, возьмите. Это поможет вам вспомнить.

Я швыряю ей шахматную фигуру. Анна ловит ее одной рукой, кладет на ладонь, разглядывает. Лицо озаряется узнаванием.

Неожиданно она подбегает ко мне, обнимает, орошает слезами рубашку.

– Айден, – глухо шепчет она, прижимая губы к моей груди, – я помню... помню.

От Анны пахнет молочным мылом и хлоркой, пряди волос щекочут мои небритые щеки.

Внезапно она размыкает руки, отшатывается.

Отталкивает меня, хватает с пола осколок стекла. Ее рука дрожит.

– Вы меня убили! – восклицает она, до крови сжимая битое стекло.

– Да, – говорю я, готовый обвинить ее в убийстве моей сестры.

«Аннабелла Колкер умерла».

– И раскаиваюсь в этом, – продолжаю я, сунув руки в карманы. – Честное слово, этого больше не случится.

Она недоуменно моргает.

– Я теперь другой. То, что вы помните, случилось в другой жизни. Я допустил ошибки, которые с тех пор стараюсь больше не допускать. По-моему, из-за вас.

Я делаю шаг к ней.

– Не подходите... – Она наставляет на меня осколок стекла. – Нет. Я помню. Я знаю.

– Есть правила. Эвелину Хардкасл хотят убить, но мы ее спасем. Я придумал, как нам отсюда выбраться. Вдвоем.

– Это невозможно. Это запрещено, – настаивает она. – Такое правило.

– Как бы то ни было, мы с вами освободимся. Поверьте мне.

– Не могу. – Она мотает головой, смахивает слезинку со щеки. – Вы меня убили. Я помню. Застрелили. Я так обрадовалась, когда вас увидела, Айден. Думала, что наконец-то мы отсюда выберемся. Вы и я, вместе.

– Так и будет.

– Но вы меня убили!

– И не в первый раз, – вздыхаю я. – Мы причинили друг другу много зла, и нам это дорого обошлось. Клянусь, я вас больше никогда не предаю. Доверьтесь мне, Анна! Вы мне уже доверялись, только вы этого не помните.

Я примирительно поднимаю руки, медленно подхожу к лестнице. Сгребаю остатки разбитых стаканов и россыпь конфетти, сажусь на красный ковер. На меня тяжелым грузом наваливаются все те, в кого я воплощался, их воспоминания теснятся в моем уме, мне с трудом удается их обуздать. Ясно, как в то самое утро, когда это случилось...

«Сейчас то самое утро, когда это случилось».

...Вспоминаю разговор испуганного Белла с не менее испуганным дворецким у парадного входа. Нюют пальцы, сжимающие набалдашник трости, когда Рейвенкорт, тяжело переваливаясь, бредет в библиотеку незадолго до того, как Джим Раштон выносит из особняка мешок похищенных наркотиков. Слышу легкие шаги Дональда Дэвиса, который выбегает из дома после первой встречи с Чумным Лекарем, смех приятелей молчаливого Эдварда Дэнса.

Столько воспоминаний, столько тайн, столько гнетущих забот. Невыносимая тяжесть каждой жизни. Как люди справляются?

– Что с вами? – спрашивает Анна, подходя поближе. – Вам дурно?

– У меня в голове восемь человек... – Я постукиваю себя по виску.

– Восемь?

– И восемь версий сегодняшнего дня, – добавляю я. – Всякий раз, просыпаясь, я воплощаюсь в одного из гостей. Вот это – мое последнее воплощение. Если сегодня я не найду убийцу, то завтра все начнется сначала.

– Не может быть... Правила не позволяют. Убийство нужно раскрыть за один день. И в одном обличье. А вы... Нет, здесь что-то не так.

– Правила меня не касаются.

– Почему?

– Потому что я здесь по своей воле. – Я тру усталые глаза. – Я пришел ради вас.

– Вы пытаетесь меня спасти? – изумленно спрашивает она, опустив руку с зажатым в ней осколком.

– Да.

– Но вы меня убили!

– У меня не очень хорошо получается.

Что-то в моем тоне или в моей позе убеждает Анну. Она роняет осколок на пол, садится рядом со мной. Я чувствую ее тепло, ее прикосновение. Единственное осязаемое присутствие в этом мире эха и отражений.

– А вы все еще пытаетесь? – Она глядит на меня огромными карими глазами, бледное лицо опухло от слез. – В смысле, меня спасти?

– Я хочу спасти нас обоих, но не могу сделать этого без вашей помощи. Поверьте мне, Анна. Я не желаю вам зла.

– Я... – Она осекается, качает головой. – Как я могу вам поверить?

Я пожимаю плечами:

– А вы попробуйте. У нас очень мало времени.

Она кивает, задумывается:

– А если я вам поверю, то что должна для вас сделать?

– Много мелких одолжений и два больших.

– Каких больших?

– Вы должны спасти мне жизнь. Дважды. Это нам поможет.

Достаю из кармана альбом; в потрепанный переплет вложены смятые листы, перевязаны обрывком бечевки. Я нашел альбом в кармане куртки Голда, выбросил оттуда хаотич-

ные эскизы и записал все, что помню из распорядка дня моих воплощений, дополнив записи пометками и объяснениями.

– Что это? – спрашивает Анна.

– Книга моей жизни. Наше единственное преимущество.

56

– Вы не видели Голда? Ему уже пора появиться.

Я сижу в пустой спальне Сатклиффа, чуть приоткрыв дверь. В комнате напротив Даниель беседует с Беллом, по коридору расхаживает Анна.

Мне не хочется, чтобы она нервничала попусту, но в спальню Сатклиффа я спрятался, прихватив из гостиной бутылку виски, после того как разбросал по всему дому записки, в том числе письмо с упоминанием о настоящих родителях Каннингема, оставленное в библиотеке. Вот уже час я пытаюсь напиться, чтобы приглушить муки совести за постыдное деяние, которое мне предстоит совершить. Я уже пьян, но этого недостаточно.

– Зачем мы здесь? – спрашивает Раштон Анну.

– Сегодня утром лакей убьет дворецкого и Голда, если мы не спрячем их где-нибудь, желательно там, где я смогу их защитить. Им еще предстоит сыграть важную роль, если, конечно, нам удастся их спасти.

Я отхлебываю виски, слушаю их разговор.

Голду противно насилие, в нем нет ни капли жестокости, он не в состоянии по своей воле причинить боль другому. У меня нет времени его уговаривать, поэтому я пытаюсь его напоить до беспамятства.

Только у меня не получается.

Голд без стеснения спит с чужими женами, жульничает, играя в карты или кости, и вообще ведет себя так, точно вот-вот наступит конец света, но ни за что не убьет даже мухи. Он слишком любит жизнь и не способен доставлять боль другим, в чем и заключается моя проблема. Боль – единственное, что поможет дворецкому дожить до встречи с Анной в сторожке.

Слышу шаркающие шаги дворецкого в коридоре, выхожу из спальни, преграждаю ему дорогу. Глаза художника находят в жутком обожженном лице ужасающую красоту, выгодно отличающую его среди невыразительных физиономий остальных гостей.

Дворецкий бормочет извинения, отступает, но я хватаю его за руку. Он смотрит на меня, не понимая, в чем дело. Думает, что я взбешен, хотя на самом деле мне мучительно стыдно. Я не хочу калечить дворецкого, но без этого не обойтись.

Он пытается обойти меня. Я встаю у него на пути.

Мне противно и совестно, я рад бы объяснить, зачем я так поступаю, но на это нет времени. И все равно я не в силах поднять кочергу и ударить ни в чем не повинного человека. Вспоминаю тщедушное тело, скрюченное под белой простыней, багровые разводы синяков, прерывистое дыхание.

«Если вы этого не сделаете, Даниель победит».

Ненавистное имя заставляет меня сжать кулаки. Коварство, двуличие, хитроумный обман раздувают костер моего гнева. Я вспоминаю, как тонул в озере вместе с мальчиком; как нож лакея вонзился под ребра Дарби и перерезал горло Дэнсу; как Раштон признал поражение.

С яростным воплем я набрасываюсь на дворецкого, колочу его кочергой по спине, отбрасываю к стене, ваю на пол.

– Умоляю... – шепчет он, стараясь отползти в сторону. – Я не...

Он хрипит, зовет на помощь, тянет ко мне руку, и это бесит еще больше. Такую уловку применил Даниель на берегу озера, вызывая к моей жалости. Перед глазами возникает лицо Даниеля, ярость вскипает в жилах.

Я пинаю его.

Снова и снова. Теряю рассудок, свирепею, изливаю свой гнев. Из меня выплескивается боль предательства, сожаления, унижения, разочарования, мучения, обиды и горести...

В глазах темно. Дыхание прерывается. Я всхлипываю, но продолжаю осыпать его пинками.

Мне его очень жаль.

Мне себя очень жаль.

Слышу шаги Раштона за спиной. Он бьет меня по голове вазой. Удар эхом отдается в черепе, и я падаю в жесткие объятия пола.

57

День второй (продолжение)

– Айден!

Далекий голос накатывает, как волна на берег.

– О господи, проснитесь!

Медленно, устало приоткрываю веки.

Передо мной растрескавшаяся стена, голова лежит на белой наволочке, запятнанной алой кровью. Усталость не отпускает, тянет за собой.

Как ни странно, я снова дворецкий, лежу на кровати в сторожке.

«Не засыпайте. Не двигайтесь. Нам грозит опасность».

Пытаюсь шевельнуться. Боль сдавливает горло, душит крик. Я просыпаюсь по-настоящему.

Простыня пропитана кровью из раны в боку, куда всадил нож лакей. Судя по всему, от боли я потерял сознание, но не умер. Очевидно, не случайно. Лакей многих отправил на тот свет, он умеет убивать и вряд ли на этот раз допустил ошибку. От этой мысли я холодею. Прежде я считал, что самое страшное – если тебя хотят убить. Оказывается, все зависит от того, кто убийца. Лакей оставил меня в живых, и это пугает.

– Айден, вы проснулись?

Медленно поворачиваю голову, в углу комнаты вижу Анну, спутанную по ногам и рукам веревкой, привязанной к старой батарее. Под глазом Анны багровеет синяк, будто цветок на снегу, на распухшей скуле ссадина.

За окном темно, но я не знаю точно, который час. Может быть, уже одиннадцать и Чумной Лекарь ждет нас у озера.

Видя, что я очнулся, Анна облегченно вздыхает.

– Я думала, он вас убил, – говорит она.

– Я тоже, – хриплю я.

– Он поймал меня у особняка, грозился убить, если я не пойду с ним. – Она отчаянно рвется из пут. – Я знала, что Дональд Дэвис спит на дороге, он там в безопасности, лакей до него не доберется, поэтому согласилась. Простите, Айден, мне ничего другого не оставалось.

«Она вас предаст».

Вот о чем предупреждал меня Чумной Лекарь, вот что принял Раштон за обман. Из-за недоверия наш план едва не провалился. Интересно, знал ли Чумной Лекарь, в чем заключается «предательство» Анны, или вправду считал, что она действует против меня?

– Вы ни в чем не виноваты, Анна.

– Все равно простите меня. – Она испуганно косится на дверь, понижает голос: – Вы можете дотянуться до ружья? Он положил его на буфет.

Я смотрю в ту сторону. Буфет всего в нескольких шагах от меня, но до него – как до луны. Я не могу даже повернуться, не то что встать.

– Ага, очухался! – В дверях возникает лакей, ножом отрезает кусочки яблока. – Жаль, я так надеялся сам привести тебя в чувство.

За ним стоит еще один тип – тот самый громила с кладбища, который держал меня за руки, когда Даниэль меня избивал, требуя, чтобы я сказал ему, где искать Анну.

Лакей подходит к кровати.

– В нашу прошлую встречу пришлось оставить тебя в живых. Через силу, но пришлось. – Он громко откашливается, комок слюны влажно падает мне на щеку.

Я брезгливо вздрагиваю, но у меня нет сил поднять руку и стереть слюны с лица.

– Больше такого не повторится, – продолжает лакей. – Не люблю, когда люди приходят в себя. Вроде как работа недоделана. Значит так: мне нужен Дональд Дэвис. Рассказывай, где его искать.

Мой ум лихорадочно складывает фрагменты гигантской головоломки, составляет из них мою жизнь.

После того как я выпрыгнул из кареты на дорогу, меня встретил Даниель и уговорил пойти с ним на кладбище. Прежде я не задумывался, откуда он знал, что я буду на дороге, но теперь это понятно. Через несколько минут я сам скажу об этом лакею.

Смешно, конечно. Если б не было так страшно.

Даниель полагает, что я обрекаю Дэвиса на смерть, но без похода на кладбище я не узнаю о том, что Серебристая Слезинка явилась в Блэкхит, а Даниель сбежит на берег озера, где попытается меня утопить, а Анна его прикончит.

Это западня. Ее придумал Раштон, ее захлопнет Дэвис, а приманкой служу я. Все очень ловко подстроено. К сожалению, как только я расскажу лакею, где искать Дэвиса, он зарежет и меня, и Анну.

Лакей кладет нож и яблоко на буфет, рядом с ружьем, берет в руки пузырек со снотворным, высыпает таблетки на ладонь, задумчиво морщит лоб. Я почти слышу, как тяжело ворочаются мысли у него в голове. Его спутник все еще стоит в дверях, скрестив руки на груди.

Лакей встряхивает пузырек – раз, другой и третий. Таблетки тихонько постукивают о стекло.

– И сколько их потребуется, чтобы прикончить обожженного калеку, а? – Он хватает меня за подбородок и поворачивает мою голову к себе.

Пытаюсь отвернуться, но он не выпускает, пристально глядит мне в глаза. От него веет жаркой злобой, от которой зудит все тело. А ведь я мог в него воплотиться, глядеть из этих глаз, попасть в крысиное гнездо его рассудка, обрести воспоминания и желания, от которых никогда бы не избавился.

Может быть, в каком-то витке так и случилось.

Внезапно даже гадкий Дарби выглядит привлекательно.

Железная хватка ослабевает, жесткие пальцы разжимаются, моя голова заваливается набок, на лбу выступает испарина.

Не знаю, долго ли мне осталось.

– Видно, жизнь у тебя тяжелая, – говорит лакей, чуть отстраняясь. – Вон какие ожоги. Ну, жизнь тяжелая, а смерть будет легкая. Если договоримся. Съешь горсть таблеточек – и уснешь вечным сном. А если не договоримся, пару часов я над тобой поизмываюсь, натешу свой нож.

– Не тронь его! – выкрикивает Анна, дергается в путах с такой силой, что трещат доски.

– А может, я вот с девчонкой позабавлюсь, – заявляет лакей, грозя ей ножом. – Она мне живая нужна, но от крика в ней жизни не убавится.

Он делает шаг к ней.

– Конюшня, – говорю я.

Он замирает, смотрит на меня через плечо:

– Что ты сказал?

Лакей снова подходит ко мне.

«Закройте глаза, не показывайте, что вам страшно. Он больше всего любит страх. Пока не откроете глаза, он вас не убьет».

Закрываю глаза, чувствую, как прогибается сетка кровати, – лакей усаживается рядом со мной. Через миг лезвие ножа скользит по моей щеке.

Страх настаивает, что я должен открыть глаза, увидеть, что меня ожидает.

«Погодите, не спешите».

– Дональд Дэвис придет на конюшню? – шипит лакей. – Ты это сказал?

Я киваю, сдерживая панику.

– Не тронь его! – снова кричит Анна, пинает половицы, изо всех сил пытается сорвать веревки.

– Заткнись! – вопит лакей и снова нависает надо мной. – Когда?

В глотке пересохло, я едва ворочаю языком, не могу вымолвить ни слова.

– Когда? – повторяет лакей.

Нож оставляет царапину на щеке.

– Без двадцати десять, – говорю я, вспомнив время, названное Даниелем на дороге.

– Ступай! Осталось десять минут, – говорит лакей своему спутнику.

В коридоре затихают тяжелые шаги.

Кончик ножа обводит мне губы, очерчивает ноздри, а потом легонько вжимается в закрытое веко.

– Открой глаза, – шепчет лакей.

Наверное, ему слышно, как у меня колотится сердце, грохочет, будто артиллерийский обстрел, отнимает у меня остатки храбрости.

Я трепещу.

– Открой глаза, – повторяет лакей, брызжа слюной. – Открой глаза, кролик, покажи мне свой страх.

Трепещит выломанная доска, резко вскрикивает Анна.

Я невольно смотрю в ее сторону.

Анна ухитрилась выломать из стены крепление батареи, освободила руки, но ноги по-прежнему связаны. Лакей вскакивает, сетка кровати клацает, освобожденная от веса.

«Ну, скорее!»

Я всем телом наваливаюсь на лакея – неуклюже, слабо, отчаянно. Сотни раз я промахивался, задевал его легонько, будто отброшенная тряпка, но сейчас мне везет. Я хватаю зажатый в его кулаке нож, выворачиваю лакею руку так, что под моим весом клинок вонзается ему в живот. Мы оба валимся на пол.

Он стонет от неожиданности – рана опасная, но не смертельная – и начинает подниматься.

Смотрю на рукоять ножа, торчащую в животе, понимаю, что силы неравные: он слишком силен, я слишком слаб.

– Анна! – Я выдергиваю нож и толчком направляю его к ней.

Скользнув по половицам, нож останавливается в нескольких дюймах от ее протянутой руки.

Лакей царапает мне щеки, пытается схватить за горло. Я придавливаю его правую руку к полу, ударяю плечом в лицо. Он извивается, хрипит, пытается меня сбросить.

– Я его не удержу! – ору я.

Он хватается меня за ухо, резко дергает. Боль ослепляет. Я отшатываюсь, задеваю буфет, с него падает ружье.

Лакей высвобождает руку, отталкивает меня. Падая, я вижу, как рука Анны с обрывком веревки на запястье дотягивается до ружья. Наши взгляды встречаются. На лице Анны – неистовая ярость.

Пальцы лакея смыкаются у меня на горле. Я ударяю его разбитый нос. Лакей воет от боли, но лишь сильнее сжимает руки. Душит.

Грохочет выстрел. Голова лакея разлетается на куски, обезглавленное тело валится на пол, из шеи хлещет кровь, собирается в лужу.

Смотрю на ружье в дрожащих руках Анны. Если бы оно не упало с буфета... если бы она не дотянулась до ножа... если бы она освободилась на несколько секунд позже...

Я вздрагиваю, представив узкую грань между жизнью и смертью.

Анна что-то говорит, волнуется, но у меня не осталось сил даже слушать. Меня накрывает тьма, и последнее, что я ощущаю, – прикосновение ее руки, мягкое касание губ ко лбу.

58

День восьмой (продолжение)

С усилием разгоняю густой туман сна, кашляю. Анна испуганно вздрагивает. Она стоит на цыпочках, прижавшись ко мне всем телом, перерезает веревки кухонным ножом. Теперь я – Голд, подвешенный на потолочный крюк.

– Сейчас я вас сниму, – говорит Анна.

Судя по всему, она только что прибежала из комнаты напротив. Ее передник забрызган кровью лакея. Сосредоточенно морща лоб, она торопливо пилит веревку, промахивается от нетерпения, чертыхается, начинает снова. Через несколько минут мне удастся высвободить руки.

Я камнем падаю на пол.

– Не волнуйтесь. – Анна опускается на колени рядом со мной. – Вы провисели весь день, у вас не осталось сил.

– Который... – Я захлебываюсь кашлем, не могу остановиться. Глотнуть бы воды, но кувшин пуст: Чумной Лекарь выплеснул все мне в лицо, пытаясь разбудить; моя рубашка еще не просохла.

Прокашлявшись, я снова пробую заговорить.

– Который час... – выдавливаю я из себя; горло будто засыпано щебнем.

– Без пятнадцати десять, – отвечает Анна.

«Если лакей убит, то Раштон и Дарби живы. Они помогут».

– Они не нужны, – хриплю я.

– Кто? – спрашивает Анна.

Мотаю головой, жестом прошу, чтобы она помогла мне встать.

– Надо...

Меня снова сотрясает кашель. Анна сочувственно глядит мне в лицо:

– Ради бога, посидите минуточку. – Она протягивает мне записку, выпавшую из нагрудного кармана рубашки.

Если бы Анна развернула записку, то прочла бы слова, накорябанные неразборчивым почерком Голда: «Все они». Это ключ ко всему происходящему. Я повторяю их с тех самых пор, как три дня назад Каннингем передал записку Дарби.

Прячу записку в карман, прошу Анну помочь мне подняться.

В темноте Чумной Лекарь идет к озеру, где Анна должна дать ответ, которого еще не знает. Мы восемь дней задавали вопросы, а теперь у нас осталось чуть больше часа, чтобы найти ответ.

Обнимаю Анну за плечи, она придерживает меня за пояс, и мы, пошатываясь, выходим в коридор, с трудом спускаемся по лестнице. Я очень слаб, руки и ноги онемели. Я похож на деревянную марионетку на спутанных веревочках.

Не оглядываясь, выходим из сторожки в студеную, зябкую ночь. Короткая дорога к озеру проходит мимо колодца, но там мы наткнемся на Даниеля и Дональда Дэвиса. Я не хочу нарушать хрупкое равновесие, достигнутое в результате того события, которое пошло мне на пользу.

Придется идти в обход.

Обливаясь едким потом, спотыкаясь и тяжело дыша, я ковыляю по подъездной аллее к Блэкхиту. Меня сопровождает хор: Дэнс, Дарби и Раштон впереди, Белл, Коллинз и Рейвенкорт позади. Я сознаю, что они всего лишь порождения моего помутившегося рассудка, но вижу их ясно, будто отражения в зеркале, – их характеры, их манеры, их готовность, их отвращение к предстоящему делу.

Сворачиваем с аллеи на мошеную тропинку к конюшне.

Бал в полном разгаре, а на конюшенном дворе тишина. Усталые грумы греются у жаровен, ждут прибытия последних гостей. Памятуя, что Даниель подкупил многих слуг, увожу Анну в тень, к выгулу, и по узкой тропе мы идем к озеру. Вдали, между деревьями, мерцает слабый огонек. Подкрадываюсь поближе, вижу, что это керосиновая лампа Даниеля, догорающая в грязи.

Всматриваюсь в темноту, замечаю Даниеля, который топит в озере Дональда Дэвиса, а тот сопротивляется, но безуспешно.

Анна хватается камень с земли, делает шаг к ним, но я ее останавливаю.

– Скажите ему... Утро, двенадцать минут восьмого, – хриплю я, буравя ее взглядом, надеясь, что она поймет важность невысказанного сообщения.

Она бросается к Даниелю, замахиваясь камнем на бегу.

Я отворачиваюсь, поднимаю с земли керосиновую лампу, осторожно раздуваю слабый огонек. Не хочу быть свидетелем очередной смерти, пусть даже и заслуженной. Чумной Лекарь утверждает, что Блэкхит существует, чтобы перевоспитать нас, но решетки не делают человека лучше, а невзгоды и страдания лишают его последних крупниц доброты. Блэкхит отнимает у нас надежду, а без надежды нет смысла ни в любви, ни в сочувствии, ни в участии. Возможно, Блэкхит создавали с лучшими намерениями, но он пробуждает в нас чудовищ, и я больше не хочу идти у него на поводу.

Поднимаю лампу повыше, направляясь к лодочному домику. Весь день я искал Хелену Хардкасл, полагая, что она замешана во всех сегодняшних происшествиях. Странно думать, что, в общем-то, я прав, хотя и не подозревал, в чем это выражается.

Как бы то ни было, все произошло именно из-за нее.

Лодочный домик, точнее, сарайчик на прогнивших сваях у пристани от старости завалился на правый бок. Дверь заперта, но трухлявое дерево крошится у меня под пальцами. Ее можно распахнуть одним толчком, однако я медлю. Рука дрожит, лампа раскачивается. Меня останавливает не страх. Сердце Голда цепенеет в ожидании. Сейчас я обнаружу то, что так долго искал, и тогда все будет кончено.

Мы обречем свободу.

С глубоким вздохом я толкаю дверь. Из лодочного домика вырывается стайка летучих мышей. Они возмущенно пищат. У пристани покачиваются две дырявые лодки, но только одна накрыта заплесневелым одеялом.

Я встаю на колени, откидываю одеяло. Под ним – бледное лицо Хелены Хардкасл. Глаза открыты, белесые радужки удивленно взирают на меня, будто смерть явилась с букетом в руках.

«Почему здесь?»

– Потому что история повторяется, – бормочу я.

– Айден? – кричит Анна. В ее голосе слышится страх.

Хочу ответить, но пересохшее горло не издает ни звука. Выхожу под дождь, запрокидываю голову, ловлю ртом холодные капли.

– Я здесь, в лодочном домике.

Возвращаюсь, при свете лампы разглядываю труп Хелены. Под расстегнутым длинным плащом коричневый шерстяной костюм – жакет и юбка – и белая блузка. На дне лодки валяется шляпа. Горло Хелены перерезано, кровь уже свернулась.

По-моему, Хелену Хардкасл убили еще утром.

У меня за спиной ахает Анна, увидев труп в лодке:

– Это...

– Хелена Хардкасл.

– Откуда вы знали, что она здесь?

– Именно здесь была назначена встреча.

Рана на горле не широкая, размером с лезвие копытного ножа. Того самого ножа, которым девятнадцать лет назад убили Томаса Хардкасла. В этом все и заключается. Каждая последующая смерть – отголосок самого первого убийства. Убийства, которого никто не слышал.

Я устал сидеть на корточках, мышцы ноют. Встаю, разминаю ноги.

– Это Майкл ее убил? – спрашивает Анна, хватая меня за куртку.

– Нет, – вздыхаю я. – Майклу было страшно. Он стал убийцей от отчаяния. А убийца Хелены действовал терпеливо и с наслаждением. Хелену заманили сюда и убили в дверях, чтобы она упала в лодку и труп обнаружили бы не сразу. Убийца намеренно выбрал место в двадцати шагах от места гибели Томаса Хардкасла, в годовщину его смерти. Вам это ни о чем не говорит?

Я представляю, как леди Хардкасл падает, как трещат под ней доски. Убийца, пока еще неразличимый, накрывает тело ветхим одеялом и забредает в озеро.

– Кровь забрызгала убийцу. – Я обвожу лампой помещение. – Он отмылся в озере, под прикрытием лодочного домика. А где-то рядом была спрятана чистая одежда...

В углу домика валяется дорожная сумка. Открываю защелку, вижу залитое кровью скомканное женское платье. Одежда убийцы.

Все это было задумано...

«...Давным-давно, для другой жертвы».

– Кто это сделал, Айден? – испуганно спрашивает Анна.

Выхожу из лодочного домика, вглядываюсь в темноту, замечаю искру света на противоположном берегу озера.

– Вы кого-то ждете? – Анна тоже смотрит на приближающийся огонек.

– Это убийца, – со странным спокойствием объявляю я. – Я попросил Каннингема распустить слух, что у нас свидание в лодочном домике.

– Зачем? – ужасается Анна. – Если вы знаете сообщника Майкла, назовите его имя Чумному Лекарю.

– Не могу, – отвечаю я. – Это ему должны сказать вы.

– Что? – шипит она, укоризненно смотрит на меня. – Мы же договаривались: я помогаю вам остаться в живых, а вы находите убийцу Эвелины.

– Чумной Лекарь должен услышать имя убийцы от вас, – объясняю я. – Иначе вам отсюда не выбраться. Честное слово, у вас есть все необходимые сведения, вам осталось их только собрать воедино. Вот, возьмите.

Я достаю из кармана сложенный листок. Она разворачивает записку, читает вслух:

– «Все они»... И что это значит?

– Это ответ на вопрос, который по моей просьбе Каннингем задал миссис Драддж.

– Какой вопрос?

– Кто еще из юных Хардкаслов на самом деле отпрыск Чарли Карвера? Я хотел узнать, ради кого он пошел на виселицу.

– Но они же все умерли!

Блуждающий огонек все приближается. Тот, кто несет лампу, не намерен скрываться. Прятаться больше незачем.

– Кто вы? – Анна прикрывает глаза рукой, щурится, вглядываясь во тьму.

– Вот именно, кто я? – произносит Мадлен Обэр, опуская лампу и целясь в нас из револьвера.

Она сменила платье горничной на брюки, свободную льняную рубашку и бежевый кардиган, брошенный на плечи. Мокрые темные волосы обрамляют густо припудренное лицо в оспинах. Сбросив маску услужливости, она становится похожа на мать: тот же разрез глаз, те же веснушки на бледной коже. Надеюсь, Анна это тоже замечает.

Анна переводит недоуменный взгляд с меня на Мадлен, испуганно просит:

– Айден, помогите мне!

– Нет, вы должны догадаться самостоятельно. – Я сжимаю ее холодные пальцы. – Все части головоломки перед вами. Кто мог убить леди Хардкасл тем же способом, каким девятнадцать лет назад был убит Томас Хардкасл? Почему, когда я спас Эвелину, она сказала «Я не...» и «Миллисент убили»? Как у нее оказался перстень, который она отдала Фелисити Мэддокс? Из-за чего убили Миллисент Дарби? Зачем Грегори Голду заказали новые фамильные портреты, когда весь особняк пришел в запустение? Кого Хелена Хардкасл и Чарли Карвер пытались выгородить своей ложью?

На Анну снисходит озарение. Она широко раскрывает глаза, перечитывает записку, смотрит на Мадлен и произносит сначала шепотом, а потом громче:

– Эвелина Хардкасл... Вы – Эвелина Хардкасл.

59

Не знаю, чего я ожидал от Эвелины, но, к моему изумлению, она радостно подпрыгивает и хлопает в ладоши, будто мы – дрессированные собачки, исполнившие новый трюк.

– Я так и знала, что от вас двоих будет толк! – Она опускает лампу на землю, и два круга света сливаются воедино. – Без света знаний можно долго блуждать в кромешной тьме. Однако же я не понимаю, зачем вам все это понадобилось.

От услужливой камеристки не остается и следа. Исчез французский акцент и подобострастный изгиб спины, подбородок надменно вздернут. Эвелина глядит на нас словно бы с высокого утеса.

Я не обращаю внимания на ее требовательный взгляд, не отвожу глаз от леса. Все наши усилия пропадут даром, если не появится Чумной Лекарь, но за кругом света от двух ламп – одна чернота. Может быть, он стоит в десяти шагах от нас, только я этого не знаю.

Эвелина решает, что я молчу из упрямства, и широко улыбается. Очевидно, все происходящее доставляет ей огромное удовольствие.

Что ж, до прихода Чумного Лекаря придется ее развлекать.

– Ту же самую участь вы готовили Томасу, – говорю я, указывая на труп Хелены в лодочном домике. – Я расспросил конюха. По его словам, в то утро вы уехали кататься верхом, но это просто алиби. Вы договорились встретиться с Томасом здесь, проскакали мимо сторожки, привязали лошадь к дереву и через лес вышли к озеру. Я замерил время. На дорогу у вас ушло полчаса, вас никто не заметил, вы убили бы Томаса в лодочном домике, искупались в озере, переоделись и вернулись бы к лошади. Орудие убийства и одеяло вы украли у конюха, подстроив все так, чтобы подозрение в убийстве пало на него. Только ваш план провалился, верно?

– Все пошло наперекосяк, – кивает она, огорченно прищелкивая языком. – Лодочный домик был запасным вариантом, если бы основной не сработал. Я хотела оглушить Томаса камнем и утопить его в озере – якобы он пошел плавать и утонул. Трагический несчастный случай и все такое. Жизнь продолжается. К сожалению, ни один план не удался. Я ударила Томаса, но не оглушила. Он заорал, я испугалась и пырнула его ножом прямо здесь, на берегу.

В ее голосе звучит досада. О планах убийства она рассказывает спокойно, как о пикнике, не состоявшемся из-за ненастной погоды. Я ошеломленно смотрю на нее. Все это я предугадал заранее, но мне жутко слышать, как Эвелина говорит об этом равнодушно, без сожаления. У нее нет ни стыда ни совести. Ее трудно назвать человеком.

Анна замечает, что я задумался, и вступает в разговор:

– И тут на вас наткнулись леди Хардкасл и Чарли Карвер. – Она осторожно подбирает слова, как будто рассуждает вслух. – А вы их убедили, что смерть Томаса – несчастный случай.

– Они сами себя убедили, – улыбается Эвелина. – Когда они вышли к озеру, я думала, все кончено, стала придумывать объяснения на ходу, а Карвер за меня все досказал: мол, дети заигрались, поссорились и так далее. Поднес мне все на блюдечке.

– Вы знали, что Карвер – ваш отец? – спрашиваю я.

– Нет, но тогда меня это не интересовало. Мне велели идти кататься верхом, и я очень обрадовалась. Мать мне во всем призналась перед тем, как меня отправили в Париж. Помоему, она хотела, чтобы я гордилась Карвером.

– Значит, Карвер нашел на берегу озера вас, свою родную дочь, с ног до головы забрызганную кровью, сообразил, что надо переодеть вас в чистое, вернулся в особняк за одеждой и оставил Хелену с телом Томаса, – медленно продолжает Анна, выстраивая события по порядку. – А когда Стэннуин выслеживал Карвера, то увидел Хелену и решил, что она убила сына. Поэтому он и позволил приятелю взять вину на себя.

– И вдобавок за немалую сумму денег, – добавляет Эвелина, презрительно вздернув губу; пустые зеленые глаза блестят, как стекляшки, – ни сочувствия, ни жалости. – Мать все эти годы ему платила.

– Чарли Карвер не знал, что, задумав убийство заранее, вы спрятали в лодочном домике смену одежды, – говорю я, стараясь не высматривать Чумного Лекаря среди деревьев. – Одежда пролежала там восемнадцать лет, и ваша мать случайно обнаружила ее только в прошлом году, когда приезжала в Блэкхит. Она сразу поняла, что это означает, и даже рассказала о находке Майклу – наверное, чтобы увидеть, как он отреагирует.

– Скорее всего, она думала, что он тоже знает об убийстве, – с сожалением говорит Анна. – Она больше не доверяла своим детям.

Поднимается ветер, струи дождя звонко стучат по стеклу ламп. Из леса доносится какой-то шум, Эвелина на мгновение настороженно прислушивается.

– Отвлеки ее, – шепчу я Анне на ухо, набрасывая ей на плечи свою куртку.

Она благодарно улыбается в ответ, поплотнее запахивает куртку и произносит:

– Представляю, как леди Хардкасл было тяжело, когда она поняла, что ее любовник пожертвовал собой из-за дочери, которая хладнокровно убила родного брата. Как вы могли так поступить, Эвелина?

– Не как, а почему, – вмешиваюсь я. – Томас вечно ходил за всеми по пятам, любил подглядывать, его за это ругали, поэтому он приноровился вести себя тихо и неприметно. Однажды он увязался следом за Эвелиной в лес, где она повстречалась с одним из грумов, не знаю, случайно или по уговору. На этой встрече что-то произошло – назовем это несчастным случаем. То есть я надеюсь, что это был несчастный случай. – Я искоса гляжу на Эвелину, которая рассматривает меня, как бабочку, севшую ей на платье.

В лучиках морщинок у глаз Эвелины таится наше будущее; ее бледное лицо – хрустальный шар, в котором клубится туман кошмаров.

– В общем, это не важно, – продолжаю я, не дождавшись ее ответа. – Как бы то ни было, Эвелина убила грума. Скорее всего, Томас не понял, что именно он увидел, потому что иначе рассказал бы об этом матери. Когда Эвелина узнала, что Томас ее выследил, то сообразила, что у нее есть выбор: убить брата, пока он никому не проболтался, или признаться в содеянном. Она выбрала первое и стала методично разрабатывать план действий.

– Потрясающе! – обрадованно восклицает Эвелина. – Если не считать пары мелких подробностей, то все так и было. Вы великолепны, мистер Голд. Подумать только, прошлой ночью я считала вас скучным типом.

– А что случилось с грумом? – спрашивает Анна. – Конюх сказал, что его так и не нашли.

Эвелина задумчиво смотрит на нее. Сначала мне кажется, что она решает, отвечать на вопрос или нет, но потом я понимаю, что она просто-напросто пытается вспомнить убийство, о котором не думала уже много лет.

– Все вышло так забавно, – рассеянно начинает она. – Мы с ним собирались залезть в пещеру. Я знала, что родители мне не позволят, поэтому мы встретились украдкой. С ним было очень скучно. Мы стали исследовать пещеру, и он провалился в какую-то расщелину. Ничего не сломал, просто там было очень глубоко, так что надо было идти за помощью. Я собралась уходить, а потом вдруг сообразила, что можно никого не звать. И вообще ничего не нужно делать. Вот я его там и оставила. Никто так и не узнал ни о том, куда он подевался, ни о том, что с ним была я.

– Вы бросили его на произвол судьбы? – ужасается Анна.

– Да. Мне это очень понравилось. У меня появился свой секрет. А потом Томас вдруг спросил, зачем я ходила к пещере. – Не сводя с нас дула револьвера, она поднимает лампу. – Ну, остальное вы знаете. Жаль, конечно.

Она взводит курок. Анна, выступив вперед, прикрывает меня своим телом.

– Погодите! – восклицает она, протягивая руку.

– Вот только не надо меня умолять, – раздраженно говорит Эвелина. – Я вас так уважаю, честное слово. Почти двадцать лет о смерти Томаса никто не вспоминал, кроме матушки, – и тут вдруг появляетесь вы двое и каким-то чудом все выясняете. Меня восхищает ваше упорство, но я презираю людей, у которых отсутствует гордость.

– Я не собираюсь вас умолять, – возражает Анна. – По-моему, мы заслуживаем того, чтобы узнать от вас все до конца.

Лицо Эвелины озаряет прелестная, хрупкая и совершенно безумная улыбка.

– По-вашему, я полная дура? – спрашивает она, смахивая с ресниц капли дождя.

– По-моему, вы нас убьете, – спокойно отвечает Анна, будто разговаривая с малым ребенком. – Но здесь, на берегу, все хорошо слышно. Вам надо отвести нас в укромное место, а свою историю вы доскажете по дороге.

Эвелина подступает к ней, подносит лампу к лицу Анны, чтобы лучше видеть, наклоняет голову набок, чуть приоткрывает рот.

– Умница, – восхищенно мурлычет Эвелина. – Ладно, поворачивайтесь – и марш вперед!

Я с нарастающим волнением слушаю этот разговор, отчаянно надеясь, что из темноты вот-вот появится Чумной Лекарь и все благополучно разрешится. У нас теперь больше чем достаточно сведений для того, чтобы Анну отпустили на свободу.

«Его могли задержать».

Эта мысль пугает. Анна тянет время, пытаясь сохранить нам жизнь, только все будет впустую, если Чумной Лекарь нас не найдет.

Тянусь за лампой, но Эвелина пинком отбрасывает ее и указывает дулом револьвера на лес.

Мы с Анной идем бок о бок, Эвелина в нескольких шагах позади, негромко что-то напевает. Я оглядываюсь, но понимаю, что отобрать у нее револьвер не получится. А даже если и получится, то все равно толку не будет. Надо не задержать Эвелину, а доказать, что Анна не злодейка; для этого лучше, если нам грозит опасность.

Тяжелые тучи закрывают звезды. В крошечной тьме путь нам освещает только тусклый свет лампы, приходится двигаться медленно и осторожно, чтобы не споткнуться. Чумного Лекаря все нет и нет.

– Если ваша мать еще в прошлом году узнала о вашем преступлении, почему она никому не сказала? – спрашивает Анна, оглядываясь на Эвелину. – Зачем она устроила бал, пригласила гостей?

В голосе Анны звучит искреннее любопытство. Если ей и страшно, то страх запрятан так глубоко, что я его не замечаю. Очевидно, не только Эвелина владеет актерским мастерством. Надеюсь, у меня тоже получается. Сердце колотится так сильно, что вот-вот проломит ребра.

– От жадности, – отвечает Эвелина. – Матушка и рада бы отправить меня на виселицу, только родителям деньги были нужны больше. Судя по всему, о моей свадьбе долго договаривались, а месяц назад я получила от матери письмо, где было сказано, что, если я не соглашусь выйти замуж за Рейвенкорта, меня сдадут властям. Сегодняшнее унижительное торжество устроили как возмездие за смерть Томаса.

– И в отместку вы убили родителей? – спрашивает Анна.

– Ну, отца я убила, потому что мы с Майклом так уговорились: он убивает Фелисити, а я – отца. Майклу надоело дожидаться наследства. А еще он вошел в долю с Кольриджом, хочет перекупить у Стэнуина все компрометирующие сведения.

– Значит, под окном сторожки остался отпечаток вашего ботинка, – вслух рассуждаю я. – И записку тоже написали вы.

– Иначе Майкла обвинили бы в убийстве отца, а нам это совсем ни к чему, – говорит Эвелина. – Вдобавок, как только я уеду отсюда, то сменю имя, и меня никто не найдет.

– А почему вы убили мать?

– Я прекрасно жила в Париже... – В голосе Эвелины впервые прорезается злость. – Если б она не продала меня Рейвенкорту, то мы бы с ней так никогда и не увиделись. Так что она сама виновата в своей смерти.

Деревья расступаются, мы выходим на задний двор сторожки, к входу на кухню, куда подставная Эвелина утром привела Белла.

– А кто все это время притворялся вами?

– Фелисити Мэддокс. Насколько я понимаю, она мошенница, – невнятно объясняет Эвелина. – Ее нанял Стэнуин. Майкл объяснил ему, что родители хотят под видом меня подсунуть Рейвенкорту кого-нибудь другого, и пообещал половину суммы, которую Рейвенкорт должен был выплатить семье невесты.

– А Стэнуин знал о ваших планах? – спрашивает Анна.

– Ему было все равно. – Эвелина пожимает плечами, жестом велит мне открыть дверь. – Фелисити – гнусная особа. Какой-то полицейский сегодня хотел ей помочь, а она, вместо того чтобы во всем признаться, прибежала к Майклу и потребовала у него денег за свое молчание. Таких надо уничтожать, как тараканов. Ее убийство я совершила на благо общества.

– А Миллисент Дарби вы тоже убили на благо общества?

– Ах, Миллисент! – мечтательно произносит Эвелина. – В свое время она вела себя похлеще, чем ее драгоценный сынок. А к старости подрастеряла пыл.

Мы входим на кухню, направляемся в коридор. В доме тихо, все обитатели мертвы. На стене ярко горит лампа – свидетельство того, что Эвелина с самого начала хотела сюда вернуться.

– Миллисент вас узнала. – Я трогаю лоскут обоев; все происходящее кажется сном, хочется коснуться чего-нибудь плотного, осязаемого. – Она заметила вас в бальной зале, рядом с Фелисити, – продолжаю я, вспомнив прогулку Миллисент и Дарби. – Она знала вас с детства, ее не обманул ни наряд камеристки, ни новые портреты Голда. Миллисент сразу поняла, кто вы такая.

– Ну да, она пришла на кухню, стала у меня выпытывать, что я задумала, – кивает Эвелина. – Я объяснила ей, что это такая шутка, специально для маскарада, и старуха мне поверила.

Я оглядываюсь по сторонам в поисках Чумного Лекаря, но его по-прежнему нет. Мои надежды тают. Он не догадывается, где мы, а значит, не узнает ни о храбрости Анны, ни о том, что она нашла ответ на его загадку. Нас ждет смерть от руки обезумевшей убийцы. Все пропало.

– А как вы ее убили? – спрашиваю я, тяну время, лихорадочно придумываю, как бы нам спастись.

– Я украла у доктора Дикки веронал, растолкла таблетки в порошок и подсыпала Миллисент в чай. Когда старуха уснула, я задушила ее подушкой, а потом позвала Дикки, – радостно сообщает Эвелина, будто вспоминает какой-то забавный эпизод из прошлого в компании добрых друзей. – Он увидел на прикроватном столике свой веронал и сразу понял, что его обвинят в соучастии. Вот поэтому я обожаю продажные натуры, они всегда остаются продажными.

– Значит, он спрятал веронал и объявил, что Миллисент умерла от сердечного приступа, – вздыхаю я.

– Ой, да не расстраивайтесь вы попусту! – Она тычет мне в спину дулом револьвера. – Миллисент Дарби умерла, как жила, – расчетливо и элегантно. Поверьте, я ей сделала подарок. Не каждому доведется умереть так красиво.

Я опасаясь, что она ведет нас в кабинет, где в кресле сидит мертвый лорд Хардкасл, но Эвелина вталкивает нас в дверь напротив. Это небольшая столовая. Посередине комнаты стоит

квадратный стол и четыре стула. Лампа освещает две дорожные сумки в углу, битком набитые драгоценностями, одеждой и безделушками, украденными из особняка.

Новая жизнь Эвелины начнется там, где окончится наша.

Голд, с его артистической натурой, восторгается симметричностью развязки.

Эвелина опускает лампу на стол, жестом велит нам встать на колени. Глаза у нее блестят, на щеках играет румянец.

Окно выходит на дорогу, но Чумного Лекаря все нет.

– Время истекло, – объявляет Эвелина и прицеливается.

«Остался последний ход».

– А зачем вы убили Майкла? – укоризненно спрашиваю я.

Улыбка Эвелины сменяется недоуменной гримасой.

– Вы о чем?

– Вы подсыпали ему яд, – продолжаю я. – Все только и говорили о том, как вы с Майклом близки, как вы его любите. Он даже не подозревал, что вы убили Томаса и мать. Вы не хотели, чтобы он о вас плохо подумал. А потом все равно убили, безжалостно, как всех остальных.

Она растерянно смотрит на нас, рука с револьвером подрагивает.

– Вы лжете! Майкла я никогда в жизни не трону, – испуганно говорит Эвелина.

– Я сам видел, как он умер.

Она ударяет меня револьвером, в кровь разбивает губу.

Я не успеваю выхватить у нее оружие.

Она торопливо отступает на шаг, прерывисто вздыхает, сверкая глазами:

– Не лгите!

– Это правда, – возражает Анна, обнимая меня за плечи.

По щекам Эвелины катятся слезы, губы дрожат. Она любит брата безумно, тлетворно, но искренне, что делает ее еще чудовищнее.

– Я не... – Она рвет на себе волосы, умоляюще глядит на нас. – Он знал, что я не хочу замуж за... Он пытался мне помочь. Он убил ее ради меня, чтобы сделать меня свободной... он меня любил...

– А вы его убили, – повторяю я. – Испугались, что он пожалеет Фелисити, поэтому напоили ее отравленным виски перед тем, как она вышла к пруду.

– И не предупредили об этом Майкла, – подхватывает Анна. – А он допил оставшийся виски, когда Раштон его допрашивал.

Эвелина опускает револьвер. Я хочу метнуться к ней, но Анна обнимает меня крепче и шепчет на ухо, едва заметно кивая на окно:

– Он здесь.

На дороге у сторожки пламя одинокой свечи освещает клювастую фарфоровую маску. Надежда вспыхивает во мне и тут же угасает. Чумной Лекарь не шевелится. Он не слышит нашего разговора.

«Чего он ждет?»

– Ох! – горестно вздыхает Анна, с ужасом смотрит на Чумного Лекаря, бледнеет, до боли сжимает мне руку. – Мы не нашли ответа. Мы так и не знаем, кто убил настоящую Эвелину Хардкасл. А подозреваемых двое.

Я холодею.

Я надеялся, что Анна заслужит свободу, раскрыв преступления Эвелины, но на самом деле этого недостаточно. Хотя Чумной Лекарь и говорит о раскаянии и перевоспитании, правила требуют, чтобы ему назвали имя настоящего убийцы.

Эвелина все еще рвет на себе волосы, нервно расхаживает по комнате, оплакивает Майкла, но мне до нее не дотянуться. Может быть, нам с Анной и удастся отобрать у нее револьвер, но при этом один из нас погибнет.

Нас обманули.

Чумной Лекарь задерживается нарочно. Он не желает ни выслушивать ответ Анны, ни убеждаться в ее перевоспитании. Он не знает, что, назвав имя Майкла, я дал неверный ответ.

«Или ему безразлично».

Он получил то, чего хотел. Если я умру, он меня освободит. Если умрет Анна, то останется здесь навсегда. Ее отсюда не выпустят.

Отчаявшись, я подбегаю к окну и барабаню по стеклу.

– Так нечестно! – кричу я.

Анна испуганно отшатывается. Эвелина подступает ко мне, наводит на меня револьвер.

Я вне себя от безысходности.

Я сказал Чумному Лекарю, что не брошу Анну, что вернусь в Блэкхит, если меня отсюда выпустят, но на самом деле я больше не в силах здесь оставаться. Не могу позволить, чтобы меня раз за разом убивали. Не могу больше глядеть на самоубийство Фелисити. Не могу выносить предательство Даниеля Кольриджа. Не могу переживать все это заново. К стыду своему, мне хочется поторопить Эвелину и покончить со всем этим, невзирая на то что ждет моего друга.

Ослепленный отчаянием, я не замечаю, что ко мне подходит Анна. Эвелина следит за ней, как сова за мышью. Анна берет меня за руки, поднимается на цыпочки и целует в щеку.

– Не смей за мной возвращаться, – говорит она, прижимаясь ко мне лбом.

Потом резко оборачивается и бросается на Эвелину.

Оглушительно грохочет выстрел, по комнате мечется эхо. Револьвер падает на пол, я подбегаю к Анне, а по рубашке Эвелины над бедром расползается кровавое пятно.

Она падает на колени, беззвучно открывает рот, в пустых глазах – немая мольба.

В дверном проеме ожившим кошмаром стоит Фелисити Мэддокс. Синее вечернее платье заляпано грязью и промокло насквозь, тушь и румяна растеклись по бледным исцарапанным щекам. Помада смазана, волосы растрепаны, в руке зажат черный револьвер.

Она скользит по нам взглядом, почти не замечает. Она обезумела от ярости. Уткнув револьвер в живот Эвелины, Фелисити нажимает на спусковой крючок. Раздается выстрел. Я затыкаю уши, а кровь забрызгивает обои. Фелисити стреляет еще раз. Эвелина валится на пол.

Фелисити подходит к ней и всаживает оставшиеся пули в недвижимое тело.

60

Анна приникает к моей груди, но я не могу оторвать взгляда от Фелисити. Не знаю, это справедливое возмездие или нет, однако я ей все равно благодарен. Самопожертвование Анны освободило бы меня, но я бы всю жизнь терзался чувством вины.

Смерть Анны навсегда изменила бы меня.

Фелисити меня спасла.

В револьвере больше нет пуль, а она все равно жмет на спусковой крючок, добывает Эвелину гулками щелчками. Останавливает ее только появление Чумного Лекаря. Он осторожно отбирает у нее револьвер. Как по волшебству, сознание Фелисити проясняется.

В полном изнеможении, усталая и опустошенная, она бросает последний долгий взгляд на труп Эвелины, кивает Чумному Лекарю и выходит из комнаты. Немного погодя слышно, как распахивается входная дверь. В дом врывается шум ливня.

Я без сил опускаюсь на ковер, закрываю лицо руками, глухо говорю:

– Вы сказали Фелисити, где мы.

В моих словах звучит упрек, хотя я всего лишь хотел выразить свою благодарность. Впрочем, после всего, что произошло, трудно разделить одно от другого.

– Я поставил ее перед выбором. – Чумной Лекарь опускается на колени, закрывает Эвелине невидящие глаза. – И она поступила по велению своей натуры.

С этими словами он смотрит на Анну, потом обводит взглядом окровавленные стены и труп у своих ног, как будто восхищается плодами своих трудов, своей причастностью к уничтожению и разрушению.

– А когда вы узнали, кто из них настоящая Эвелина? – с детской непосредственностью спрашивает Анна, глядя на Чумного Лекаря.

– Тогда же, когда и вы, – отвечает он. – Как и было условлено, я пришел на берег озера и услышал ваш разговор. Когда я понял, куда Эвелина вас повела, то вернулся в Блэкхит и сообщил об этом Фелисити.

– Но почему вы решили нам помочь? – удивляется Анна.

– Ради справедливости. – Он поворачивает к ней клювастую маску. – Эвелина заслуживала смерти, а Фелисити заслужила право на убийство. Вы доказали, что заслуживаете освобождения, и я не мог допустить, чтобы вам что-то помешало.

– Неужели все кончено? – спрашиваю я дрожащим голосом.

– Почти. Нужно только, чтобы Анна назвала мне имя убийцы Эвелины Хардкасл.

– А как же Айден? – встревоженно говорит Анна, кладя руку мне на плечо. – Он назвал имя Майкла.

– Мистер Слоун не только раскрыл тайну убийства Майкла, Питера и Хелены Хардкасл, но и предотвратил убийство Фелисити Мэддокс, о возможности которого мы даже не подозревали, – торжественно изрекает Чумной Лекарь. – Он ответил на вопросы, которые никому из нас не приходили в голову. Я не могу наказать человека, который рисковал своей жизнью ради спасения другого. Я принимаю его ответ. А теперь ответьте мне, Анна, кто убил Эвелину Хардкасл.

– А что будет с теми, в кого воплощался Айден? – упрямо продолжает она. – Вы их тоже отпустите? Ведь они еще живы. Наверное, можно спасти дворецкого. И Себастьяна Белла, который только что очнулся. Кто будет ему помогать, если я уйду?

– Айден и есть Себастьян Белл, очнувшийся сегодня утром, – терпеливо объясняет Чумной Лекарь. – Анна, все эти люди – лишь тени на стене. С вашим уходом свет погаснет, и все они исчезнут.

Она недоуменно моргает.

– Поверьте мне, Анна, – настаивает он. – Назовите мне имя убийцы Эвелины Хардкасл, и, так или иначе, все окажутся на свободе.

– Айден? – Она вопросительно смотрит на меня, ждет моего одобрения.

Я киваю. Меня переполняют чувства.

– Фелисити Мэддокс, – произносит Анна.

– Вы свободны, – объявляет Чумной Лекарь. – Блэкхит вас больше не удерживает.

У меня трясутся плечи. Не выдержав, я разражаюсь рыданиями, избавляюсь от восьми дней страха и мучений, выплескиваю отравленные миазмы Блэкхита. Анна обнимает меня, но я не могу остановиться. Мне страшно, что здесь кроется какой-то подвох.

Всё в Блэкхите – обман. Может быть, и сейчас нас обманывают?

Смотрю на труп Эвелины, вспоминаю конвульсии Майкла в оранжерее, удивленное лицо Стэнуина, когда Даниель застрелил его в лесу. Питер и Хелена, Джонатан и Миллисент, Дэнс, Дэвис, Раштон. Лакей и Кольридж. Столько смертей...

Как об этом забыть?

«Назови имя».

– Анна, – шепчу я.

– Я здесь! – Она сжимает меня в объятьях. – Мы возвращаемся домой, Айден. Вы сдержали обещание.

Она смотрит на меня ясными глазами, в которых нет и тени сомнения. Торжествуя улыбаются. Всего один день. Всего одна жизнь. Я думал, что этого недостаточно, чтобы отсюда выбраться, но оказалось, что это единственный верный способ.

Анна смотрит на Чумного Лекаря и спрашивает:

– И что теперь? Я по-прежнему помню только то, что случилось утром.

– Не волнуйтесь, – отвечает он. – Теперь вы свободны, и вам вернут все то, что вам принадлежало, в том числе и ваши воспоминания, если вы того пожелаете. Чаще всего их оставляют здесь и начинают жизнь сначала. Может быть, вы так и поступите.

Анна задумывается над его словами. Неожиданно я понимаю, что она все еще не знает, кто она такая на самом деле и какие преступления совершила. Сейчас у меня нет сил на этот нелегкий разговор. Мне самому надо упрятать Блэкхит в самый темный уголок своей памяти, туда, где обитают кошмары. Если Анну можно хотя бы ненадолго избавить от подобной участи, то так тому и быть.

– Ступайте, – торопит нас Чумной Лекарь. – Не стоит здесь задерживаться.

– Вы готовы? – спрашивает Анна.

– Да, – отвечаю я.

Она помогает мне подняться.

– Спасибо вам за все, – благодарит она Чумного Лекаря, делает книксен и выходит из дома.

Он смотрит ей вслед, дает мне керосиновую лампу.

– Айден, ее будут искать, – шепчет он. – Не доверяйте никому и забудьте обо всем. Не позволяйте себе ничего вспоминать. В лучшем случае воспоминания вас искалечат, а в худшем... – Он умолкает. – Как только вы окажетесь на свободе, бегите и не останавливайтесь. Другого шанса у вас не будет.

– А что станет с вами? Ваше начальство не обрадуется, узнав о вашем поступке.

– Да, мне не поздоровится, – с улыбкой отвечает он. – Но сегодня выдался отличный денек, в Блэкхите такого давно не было. Так что сейчас мы повеселимся, а расплачиваться будем позже. Как обычно. – Он протягивает мне руку. – Удачи, Айден.

– И вам того же. – Я пожимаю ему руку и выхожу под дождь.

Анна ждет меня на обочине, смотрит на особняк. Лицо у нее молодое, свежее, радостное, но это всего лишь маска. Под ней скрывается женщина, которую ненавидит весь мир. А я ее

освободил. Во мне пробуждаются сомнения. И все же, какие бы злодеяния она ни совершила в прошлом, я знаю, что мы все преодолеем. Вместе. Сейчас это главное.

– И куда мы теперь? – спрашивает Анна.

Я обвожу лампой темную громаду леса:

– Не знаю. Наверное, это не имеет значения.

Она берет меня за руку:

– Тогда пойдем куда глаза глядят.

И мы направляемся в чащу, шаг за шагом, освещая тьму тусклым светом.

Я пытаюсь представить, что меня ждет.

Покинутые мной родные? Внуки, которые знают обо мне только по рассказам? Или еще один лес, еще один таинственный особняк? Надеюсь, что нет. Надеюсь, что я окажусь в другом мире – в незнакомом, неведомом, невообразимом, существующем за пределами сознания Голда. Ведь я освобождаюсь не только от Блэкхита, но и от всех остальных. От Белла и от дворецкого, от Дэвиса, от Рейвенкорта, от Дэнса и от Дарби, от Раштона и Голда. Блэкхит – тюрьма, а они – оковы.

«И ключи».

Свободой я обязан каждому из них.

А как же Айдэн Слоун? Чем я обязан ему? Он привел меня сюда, чтобы измываться над Аннабеллой Колкер. Я не верну его воспоминания, в этом я совершенно уверен. Завтра я увижу в зеркале лицо, которое должно будет стать моим. Для этого нужно освободиться от прошлого, забыть о нем и обо всех прошлых ошибках.

«Освободиться от его голоса».

– Спасибо, – шепчу я, чувствуя, как он исчезает.

Все это похоже на сон. Завтра не нужно будет скрываться от лакея. Не нужно будет спасать Эвелину Хардкасл. Не нужно будет тягаться с Даниелем Кольриджем. Не будет часов, отсчитывающих мгновения в доме-головоломке. Место невероятного займет обыденное. Какая роскошь – просыпаться в одной и той же постели или приезжать в соседнюю деревню. Наслаждаться солнечным светом. Честностью. Жизнью без убийств и преступлений.

Завтра будет таким, каким я пожелаю. Впервые за долгие годы я жду его наступления. Мне больше не нужно его бояться. У меня будет шанс стать тем, кем я захочу. Храбрее. Добрее. Справедливее. Лучше, чем сегодня.

Каждое завтра – бесценный дар.

До него нужно только дойти.

Благодарности

Этой книги не было бы без моего агента Гарри Иллингворта. Он знал, чем может стать моя история, прежде чем я догадался об этом сам, и помог мне ее раскопать. Вы настоящий джентльмен, Иллингворт.

За мудрость и остроту литературного скальпеля я благодарен моему редактору Алисон Хеннеси, она же Королева Воронов, она же блистательная убийца (абзацев). Я записал историю, Алисон сделала ее книгой.

Я также благодарен Грейс Менари-Уайнфилд, моему редактору в США, за вопросы, до которых я сам не додумался, и за глубокое погружение в созданный мной мир.

Благодарности заслуживают и все сотрудники издательств «Raven Books» и «Sourcebooks»; я преклоняюсь перед их талантом, энтузиазмом и очарованием. Особенно я признателен Мариголд Этки за то, что она отнеслась к моим приступам панического ужаса – и лихорадочным поправкам – с присущим ей юмором и терпением. Может быть, кто-то и слышал ее возмущенные вопли, но не я. И за это ей огромное спасибо.

Не следует забывать и о моих первых читателях – Дэвиде Байоне, Тиме Дантоне и Николь Коби, – которые ознакомились с романом, когда я еще пытался подражать Дэвиду Линчу, и не постеснялись заметить, что включенные в текст подсказки, напоминания об основных событиях и соблюдение правил грамматики не являются признаками несовершенства.

Я бесконечно признателен моей жене Маресе. Когда берешься за какое-нибудь дурацкое дело (например, тратишь три года на то, чтобы написать роман о путешествиях во времени, перевоплощениях и загадочных убийствах), то хорошо, когда рядом есть верный друг. Моя жена. Без нее у меня бы ничего не вышло.